

2022 / 4(74)

альтернативы / alternatives

проект
байкал /
project
baikal

ЗВС-22 в Новосибирске
Конкурс в Рязани
Премия Марка
Мееровича-2022

12+

ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
в IV Международном Форуме
индустрии архитектурного
стекла **ARCHGLASS 2022**

МИНИСТРОЙ
РОССИИ

КОМИТЕТ ПО АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ
ГОРОДА МОСКВЫ

КОМПЛЕКС
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ И СТРОИТЕЛЬСТВА
ГОРОДА МОСКВЫ

90
ЛЕТ
СССР

ARCHGLASS
РОССИЯ

Arch Glass

6 – 8 декабря 2022

Москва, ЦДА, Гранатный пер., 7

archglass.ru

GLASS
2022

СОЮЗ
МОСКОВСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

РОССИЯ

Приглашаем принять участие в единственном в России конкурсе, демонстрирующем всё многообразие возможностей применения стекла в индустрии архитектуры. Напоминаем, что приём заявок на смотр-конкурс **«Стекло в архитектуре 2022»** продлится до 15 ноября. Зарегистрировать свои заявки можно до 15 ноября на сайте www.archglass.ru.

Если вы работаете архитектором, проектировщиком, реставратором или дизайнером, трудитесь в архитектурном бюро, студии, мастерской или проектно-институте, у вас есть все шансы побороться за Гран-при – Национальную премию за лучший реализованный проект с применением стекла.

В прошлом году награду завоевал коллектив АБ ASADOV, представивший проект аэропорта «Гагарин» в Саратове. Повторить успех коллег можете и вы – не забудьте зарегистрировать заявку на сайте www.archglass.ru. Приём конкурсных работ завершится 22 ноября.

Если вы студент профильного высшего учебного заведения, у вас тоже есть возможность заявить о себе и сразиться за главную награду в номинации «Лучший студенческий проект».

Заключительным этапом смотра-конкурса «Стекло в архитектуре 2022» станет выставка конкурсных работ. Экспозиция будет представлена в рамках IV Международного форума индустрии архитектурного стекла ArchGlass, который пройдёт в Центральном Доме архитектора с 6 по 8 декабря.

Организатор – Союз архитекторов России. Мероприятие пройдет при поддержке Министерства строительства и ЖКХ РФ, Правительства Москвы, Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы, НИЦ «Строительство», Союза Стекольных Предприятий. Будем признательны за вашу поддержку и ссылку на размещенную публикацию.

Начну-ка опять пить... или нет, еще попожу! – твердил себе Гришка, колеблясь между двумя альтернативами, – ин, лучше в Москву убегу!

М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни, 1887

Выражение «бремя выбора» хорошо понятно каждому, кто принимал проектное решение, да и любое другое важное решение. Выбор означает отказ от всех вариантов, от всех альтернатив, кроме одной, – и далеко не всегда есть уверенность, что выбрана единственная, самая лучшая.

Тем не менее альтернативы необходимы, без выбора нет движения и развития. Подводя итоги текущего года, уже можно сказать: он оказался богат на события, движения и альтернативы самого разного рода.

Осенний марафон архитектуры начался еще в августе XI Международным фестивалем «Эко-Берег» в Волгограде (8), продолжился в начале сентября XXII Межрегиональным архитектурным фестивалем «Зодчество в Сибири – 2022» в Новосибирске (13–38), а затем – Международным смотром-конкурсом дипломных проектов в Казани (162). Чуть позже Рязань подвела итоги открытого конкурса архитектурных проектов в своем историческом центре (6), а сразу после этого открылся XXX Международный архитектурный фестиваль «Зодчество» – событие национального масштаба, и очередной съезд Союза архитекторов России (12).

Таким образом, у российских архитекторов возникло множество альтернатив для участия. Проблема выбора, впрочем, решалась легко – участвовать во всем.

У слова «альтернатива» изначально два взаимоисключающих значения. В прямом переводе с латыни это «вторая возможность» – отсюда многочисленные альтернативные течения в культуре, в музыке, в политике и т. д. Чаще всего альтернативные течения – это задиристые, дерзкие и эпатажные явления. О соотношении альтернативы и оппозиции – небольшой материал Александра Раппапорта.

Но альтернатива – это также и необходимость выбора. Зачастую – необходимость тяжелой, трудная, а иногда и ложная. Константин Лидин – как раз о поисках безальтернативности, «битвах стилей» и тех заблуждениях, к которым архитектуру приводят поиски абсолютного идеала красоты.

Статья Андрея Бокова продолжает размышления об альтернативном пути познания реальности – визионерском, о разновидностях архитекторов-визионеров и об их роли в развитии зодчества.

Может ли вернакулярная архитектура составить альтернативу профессиональному архитектору? Андрей Иванов обсуждает этот простой вопрос на примере города Александрополя (Гюмри).

Традиционная культура Китая как раз не знала такой профессии – архитектор. Строительное искусство здесь опиралось на традиции и приемы, не меняющиеся тысячи лет. Соприкосновение с западной культурой создало непростые альтернативы. Об этом – статья Антона Косты и Сюй Шичуан.

Альтернативные представления об историческом городе, о соотношении правополушарного и левополушарного мышления в дизайне, о парадигмах управления развитием мест, о старых и новых столицах и т. д. – материалы наших новых и постоянных авторов.

EG

"I'll start drinking again... or no, I'll wait!" said Grishka to himself, hesitating between the two alternatives, "I'd better go to Moscow!"

М. Е. Салтыков-Щедрин. Little Things in Life, 1887.

The expression "burden of choice" is well understood by anyone who has ever made a design decision or any other important decision. To make a choice means to reject all variants, all alternatives, except for one. At the same time, you are not always sure that you have chosen the best one. Nevertheless, alternatives are necessary, without choices there is no movement and no development. Looking back on this year, we can already say that it has been rich in events, movements and alternatives of all kinds.

The autumn marathon of architecture began in August with the XI International Festival "EcoBereg" in Volgograd (8), continued in early September with the XXII Interregional Architectural Festival "Zodchestvo in Siberia 2022" in Novosibirsk (13-38), and then the International Review Competition of graduation projects in Kazan (162). A little later, Ryzan summed up the results of the open competition for architectural projects of the school in its historical centre (6), and immediately after that we had the XXX International Architectural Festival "Zodchestvo", an event of national scale, as well as the Congress of the Union of Architects of Russia (12).

Thus, Russian architects had many alternatives for participation. The problem of choice, however, could be solved easily: to participate in everything.

The word 'alternative' originally had two mutually exclusive meanings. In direct translation from Latin, it means 'second possibility', hence the numerous alternative movements in culture, music, politics and so on. Alternative movements are typically provocative, daring and outrageous. We present a short article by Alexander Rappaport about the relationship between the alternative and the opposition.

But the alternative is also necessary to make a choice. This necessity is often hard and sometimes even false. Konstantin Lidin speaks about the search for nonalternativeness, 'battles of styles' and the delusions which the search for an absolute ideal of beauty leads to in the field of architecture.

Andrei Bokov's article continues his reflections on an alternative way of reality cognition – the visionary way, on the types of visionary architects and their role in the development of architecture.

Can vernacular architecture be an alternative to the professional architect? Andrei Ivanov discusses this difficult question using the example of Alexandropol (Gyumri).

The traditional culture of China did not know the profession of an architect. Here, the construction art used to be based on traditions and techniques that remained unchanged for thousands of years. The contact with western culture has created uneasy alternatives. Anton Kostya and Xu Shichuang talk about this.

Alternative ideas about a historic city, relationship between right- and left-brain thinking in design, paradigms of place development management, old and new capitals, etc. are considered in the articles by our new and regular contributors.

EG

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректоры,
литературные
редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель
главного редактора
по международной
деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 3087
Подписано в печать 21.11.2022
Журнал №4(74) от 5.12.2022

Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
редакции. За содержание рекламной
информации редакция ответственности не несет.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
“Interarch-2009” in “Periodicals”
category

12+

74

альтернативы /
alternatives

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Марина Ткачева	Школа в Рязани. Конкурс	6
	Алексей Буйнов	Победитель ЭКОБЕРЕГА-2022	8
	Наталья Носова	Премия имени Марка Мееровича: бережно хранимая искра	10
	Яна Лисицина	12
коротко	Елена Григорьева	12
зодчество в сибире	Елена Григорьева	XXII фестиваль ЗВС-2022	13
	Николай Шумаков	Приветствие участникам фестиваля	14
	Михаил Посохин	Приветствие участникам фестиваля	15
		Состав жюри	14
	Елена Григорьева	Хроника ЗВС-22 в Новосибирске.....	16
		Постройки	18
		Проекты.....	24
		Пропаганда архитектуры	27
		Творчество архитектурных коллективов и мастерских	28
		Творчество молодых архитекторов	29
		Регионы Сибири	30
		Творчество студентов архитектурных ВУЗов и колледжей в Сибири	31
		Детское архитектурно-художественное творчество в Сибири	33
		Список участников фестиваля	37
		39
АЛЬТЕРНАТИВЫ	Константин Лидин	Альтернатива – это жизнь	40
	Андрей Боков	Видение 1960–1980: последствия на фоне перемен	44
	Александр Раппапорт	Позиции и оппозиции	50
	Владилен Красильников	Градостроительные размышления	52

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025, 1a Cheremkhovsky
Pereulok, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova
upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**
664025, 1a Cheremkhovsky
Pereulok, Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 100
passed for printing: 21.11.2022
issue 4(74) of 5.12.2022

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

12+

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов:
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

Антон Коста Сюй Шичуан	Китай: идентичность vs толерантность	54	
Андрей Иванов	Вернакуляр как антиимперия: культура 3	58	
Ирина Кукина Ирина Федченко	Альтернативы идеологием: социалистический и социальный город	72	
Ольга Железняк	Правополушарная альтернатива	78	
Елена Багина	Здесь прусский дух, но Русью пахнет...	86	
Злата Гаевская	Градостроительная кибернотопика	96	
Ольга Воличенко Марина Звягинцева	Антагонизм концепций «места» и «не-места» в архитектуре	103	
Антон Ходжиков Алексей Абилов Владимир Яскевич Дарья Абайдулова	Трансформация общественных пространств Алматы	110	
трещины, швы и границы	Елена Григорьева Константин Лидин	120	
	Леонид Салмин	Апология трещины	122
	Петр Капустин	Швы и шрамы архитектурной мысли	128
	Александр Колесников	Градостроительное проектирование Байкальской территории	138
	Надежда Грязнова	Швы границ и сети городов: Россия в конце XVIII века	143
наследие без альтернатив	Елена Григорьева	154	
	Дмитрий Целуйко	Архитектура зданий Русско-Китайского банка	156
	Павел Пуляевский Евгения Пуляевская	Ревитализация квартала меценатов Медведниковых в Иркутске	162
post scriptum	Элина Красильникова Владимир Стручков Салим Дабуль Влада Мельник	Кампус Университета Каламун: оазис в пустыне	166
авторы	174	

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Marina Tkacheva	School in Ryazan. Competition	6
	Alexei Buinov		
	Natalia Nosova	The winner of ECOBEREG 2022	8
	Yana Lisitsina	Mark Meerovich Award: A carefully cherished spark.....	10
in brief	Elena Grigoryeva	12
zodchestvo in siberia	Elena Grigoryeva	XXII Festival "Zodchestvo in Siberia 2022"	13
	Nikolay Shumakov	Greetings to festival participants	14
	Mikhail Posokhin	Greetings to festival participants	15
		Jury composition	14
	Elena Grigoryeva	Chronicle of Zodchestvo in Siberia 22 in Novosibirsk.....	16
		Constructions	18
		Projects.....	24
		Propaganda of architecture.....	27
		Creative works of architectural groups and studios	28
		Creative works of young architects	29
		Siberian regions.....	30
		Creative works of architecture students in Siberia	31
		Art and architecture creativity of children in Siberia.....	33
		List of festival participants	37
alternatives		39
	Konstantin Lidin	Alternative is life	40
	Andrey Bokov	Vision 1960-1980: Consequences against the backdrop of changes.....	44
	Alexander Rappaport	Positions and oppositions.....	50
	Vladilen Krasilnikov	Urban Reflections.....	52
	Anton Kosta		
	Xu Shichuang	China: Identity vs tolerance	54
	Andrey Ivanov	Vernacular as anti-empire: Culture 3	58
	Irina Kukina		
	Irina Fedchenko	Alternatives of ideologemes: Socialist and social city	72
	Olga Zheleznyak	The right-brain alternative.....	78
	Elena Bagina	There is a Prussian spirit here, but it smells of Russia.....	86
	Zlata Gaevskaya	Urban cybernotopics.....	96
	Olga Volichenko		
	Marina Zvyagintseva	Antagonism of the concepts of "place" and "non-space" in architecture	103
	Anton Khodzhikov		
	Alexey Abilov		
	Vladimir Yaskevich		
	Daria Abaidulova	Transformation of public spaces in Almaty	110
cracks, seams and borders	Elena Grigoryeva	120
	Konstantin Lidin		
	Leonid Salmin	The apology of crack	122
	Petr Kapustin	The seams and scars of architectural thought.....	128
	Alexander Kolesnikov	Urban planning for the territory of Baikal	138
	Nadezhda Gryaznova	Seams of borders and networks of cities: Russia in the late 18th century	143
heritage without alternatives	Elena Grigoryeva	154
	Dmitry Tceluiko	The architecture of the buildings of the Russian-Chinese Bank	156
	Pavel Pulyaevsky		
	Evgenia Pulyaevskaya	Revitalization of the quarter of the Medvednikov patrons in Irkutsk	162
post scriptum	Elina Krasilnikova		
	Vladimir Struchkov		
	Salim Daaboul		
	Vlada Melnik	The Kalamoon University Campus: An oasis in the desert	166
authors		174

Affordable Housing Activation – Removing Barriers: Global Housing Atlas

The UIA Spanish Member Section (CSCAE) and the Spanish Ministry of Transport, Mobility and Urban Agenda have launched the first global housing atlas.

The housing platform will integrate all the housing data that exists in the world, on the website www.affordablehousingactivation.org. It brings together data from sources such as the World Bank, the World Health Organization, the Organization for Economic Cooperation and Development and the International Monetary Fund, to offer an intersectoral perspective and the reality of housing in addition to opening up opportunities to promote public-private collaboration. Access and use is free.

The UIA Award for Innovation in Architectural Education

The International Union of Architects (UIA) is pleased to announce the second edition of the UIA Award for Innovation in Architectural Education, organised jointly by the UIA Architectural Education Commission and the UIA Sustainable Development Goals Commission. Colleges, schools, departments or programmes of architecture worldwide are invited to submit academic programmes and courses demonstrating:

- Excellence in Pedagogical Practice based on evidence of pedagogical innovation and enhanced learning outcomes
- Excellence in Addressing Sustainable Development Goals based on evidence of innovation in content, identifying challenges and developing of solutions.

Submission deadline: January 30, 2023.

International Innovative Health Design Awards

The UIA has launched the first International Innovative Health Design Awards, organised by the UIA Public Health Group and open to all architects around the world.

The International Innovative Health Design Awards aim to celebrate the essential role that architects play in social and environmental well-being and to address how architecture and architecture research focused on Design for Health, can help to mitigate the impact of future calamities.

Architects are invited to submit entries in one of two categories: Built Work and Theoretical Work. Deadline for submission of entries: February 8, 2023.

More information:
<https://www.uia-architectes.org/>

Architecture MasterPrize 2022: Winners announced

The Architecture MasterPrize (AMP) honors designs with the goal of advancing the appreciation of architecture worldwide.

The House of Music in Hungary designed by Liget Budapest Project received the Architectural Design of the Year Award. The Urban Design of the Year Award went to A Floating Forest: Fish Tail Park in Nanchang city (China) designed by Turenscape. The Interior Design of the Year Award went to Dyson's Global Headquarters in Singapore designed by M Moser Associates.

More information:
<https://architectureprize.com/>

Международные новости архитектуры / International Architecture News

The news announces the opening of the UIA Award for Innovation in Architectural Education and the first International Innovative Health Design Awards. It also presents the winners of the Architecture MasterPrize.

Keywords: International Union of Architects award; international competition. /

В новостях сообщается о приеме заявок на премию Международного союза архитекторов (МСА) за инновации в архитектурном образовании и о первой международной премии за инновационный дизайн в области здравоохранения. Здесь также представлены победители конкурса Architecture MasterPrize. Ключевые слова: Международный союз архитекторов; премия; международный конкурс.

Активизация доступного жилья – устранение барьеров: Глобальный атлас жилья

Испанская секция-член МСА (CSCAE) и Министерство транспорта, мобильности и градостроительства Испании запустили первый глобальный атлас жилья.

Жилищная платформа объединит данные о жилье со всего мира на сайте www.affordablehousingactivation.org. Будут собраны данные из таких источников, как Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения, Организация экономического сотрудничества и развития и Международный валютный фонд, чтобы осветить перспективу межотраслевого взаимодействия и реальное положение дел в жилищной сфере, а также открыть возможности для развития сотрудничества между государственным и частным секторами. Доступ к информации и ее использование бесплатны.

Премия МСА за инновации в архитектурном образовании

Международный союз архитекторов объявляет о втором выпуске премии МСА за инновации в архитектурном образовании, организо-

ванной совместно Комиссией МСА по архитектурному образованию и Комиссией МСА по целям устойчивого развития. Архитектурным колледжам, школам или факультетам по всему миру предлагается представить академические программы и курсы, демонстрирующие:

- Достижения в педагогической практике, основанные на педагогических инновациях и высоких результатах обучения

- Достижения, соответствующие Целям устойчивого развития и основанные на инновациях в содержании, определении проблем и разработке решений.

Крайний срок подачи заявок: 30 января 2023 года.

Международная премия за инновационный дизайн в области здравоохранения

МСА учредил первую Международную премию за инновационный дизайн в области здравоохранения, организованную Группой МСА по охране общественного здоровья и открытую для архитекторов со всего мира.

Международная премия за инновационный дизайн в области здравоохранения призвана отметить

важную роль, которую архитекторы играют в обеспечении социального и экологического благополучия, и рассмотреть, как архитектура и архитектурные исследования в области здравоохранения могут смягчить последствия возможных бедствий.

Архитекторам предлагается представить работы в одной из двух категорий: Реализованный проект и Теоретическая работа. Крайний срок подачи работ: 8 февраля 2023 года.

Дополнительная информация:
<https://www.uia-architectes.org/>
Победители конкурса Architecture MasterPrize-2022

Премия Architecture MasterPrize (AMP) присуждается проектам с целью повышения ценности архитектуры во всем мире.

Дом музыки в Венгрии по проекту компании Liget Budapest Project

^ ОТЕЛЬ Natura Extension по проекту ENOTA (Словения), лауреат премии AMP 2022 в категории «Концептуальная архитектура» / Hotel Natura Extension by ENOTA (Slovenia), winners of AMP 2022 Prize, Conceptual Architecture category

получил награду «Архитектурный проект года». Награду «Градостроительный проект года» получил проект «Плавучий лес: парк «Рыбий хвост»» в городе Наньчан (Китай), разработанный компанией Turenscape. Награду «Дизайн интерьера года» получила глобальная штаб-квартира компании Dyson в Сингапуре, спроектированная M Moser Associates.

Дополнительная информация:
<https://architectureprize.com/>

Характеризуется открытый конкурс архитектурных проектов школы на 600 мест, прошедший в Рязани. Называются финалисты и победители конкурса.

Ключевые слова: Рязань; архитектурный проект; школа на 600 мест; открытый конкурс; вручение наград. /

The text describes the open competition for architectural designs for a 600-seat school held in Ryazan. The finalists and winners of the competition are announced.

Keywords: Ryazan; architectural project; 600-seat school; open competition; awarding.

Школа в Рязани. Конкурс / School in Ryazan. Competition

текст

Марина Ткачева
Иркутский областной
художественный музей
им. В. П. Сукачёва /

text

Marina Tkacheva
V. P. Sukachev Irkutsk Regional
Museum of Fine Arts

20 сентября в Рязани завершился открытый конкурс архитектурных проектов школы на 600 мест, которую планируется построить на улице Свободы у стадиона «Спартак». Перед участниками конкурса стояла непростая задача – показать свое видение будущей школы, учитывая сложный рельеф местности, историческую среду и другие факторы, осложняющие соблюдение нормативных требований к зданиям учебных учреждений.

Во второй тур прошли 14 авторских коллективов

> Первое место. 356841. Светлана Васильева, Андрей Кисин (Рязань)

^ Третье место. 181200. Станислав Кулеш. ООО «Лабва Прогрессия» (Москва)

v Второе место. 260955. ООО ПТАМ СТУДИЯ 7 (Иркутск): Елена Григорьева, Алексей Буйнов, Мария Серегина, Надежда Батютова, Татьяна Котченко

из архитектурных бюро и творческих мастерских Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи, Нижнего Новгорода, Воронежа, Иркутска, Кирова и Рязани.

Для Рязани это был первый опыт проведения подобного открытого архитектурного конкурса. В результате голосования членов жюри третье место заняли участники из Москвы, второе – архитектурная мастерская из Иркутска. Победу одержал авторский коллектив из Рязани.

Церемонию вручения наград Конкурса с обзором проектов всех участников 30 сентября провел председатель правления Рязанской организации Союза архитекторов России Вячеслав Макаров на площадке ежегодного смотра-конкурса BUILD SCHOOL в московском Гостином Дворе.

ua62.ru/news/society/v_ryazani_podveli_itogi_arkhitekturnogo_konkursa_dlya_novogo_zdaniya_shkoly_6/

^ Проект, занявший 4-е место. АРЕНА (Москва)

Дается информация о конкурсе в рамках Международного фестиваля «ЭкоБерег-2022». Характеризуются особенности проекта-победителя Всероссийского открытого конкурса на разработку архитектурно-градостроительной концепции развития территории бывшего тракторного завода в г. Волгограде по основным позициям проекта: его границы; цели; формирование основы градостроительной решетки района с использованием экологического каркаса и включением в него Волги как главная идея; история места; базовые черты и стратегия. Названы имена победителей конкурса.

Ключевые слова: «ЭкоБерег-2022»; Всероссийский открытый конкурс на разработку архитектурно-градостроительной концепции развития территории бывшего тракторного завода в Волгограде; архитектура; экология; градостроительство. /

The article gives the information about the competition within the framework of the International Festival EcoBereg 2022. The main features of the winning project of the all-Russian open competition for the architectural and urban development concept for the former tractor plant in Volgograd are characterized, i.e. its boundaries, goals, formation of the basis for the urban grid of the area using the ecological framework and including the Volga as the main idea; history of the place; the basic features and strategy. The names of the winners of the competition are announced.

Keywords: "EcoBereg 2022"; all-Russian open competition for the architectural and urban development concept for the former tractor plant territory in Volgograd; architecture; ecology; urban planning.

Победитель ЭКОБЕРЕГА-2022 / The winner of ECOBEREG 2022

текст

Алексей Буйнов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Наталья Носова

архитектурное бюро BADR 5 /

text

Alexei Buiinov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Natalia Nosova

architectural bureau BADR 5

В августе 2022 года состоялся двенадцатый Международный фестиваль «ЭкоБерег», в рамках которого проведен Всероссийский открытый конкурс на разработку архитектурно-градостроительной концепции развития территории бывшего тракторного завода в Волгограде.

Победители конкурса – творческий коллектив BADR 5. Эта работа дала им возможность продемонстрировать неординарный подход в вопросах формирования ткани городского пространства, функциональное наполнение которого, в соответствии с конкурсным заданием, радикально изменялось.

Целью проекта является разнообразие. Предложено создавать застройку с большим потенциалом для комбинации различных функций на каждом небольшом фрагменте участка. Например, жилые дома имеют встроенные арт-галереи, а офисы

могут включать в себя зимние сады. Разнообразие типологий создаст множество индивидуальных образов зданий и пространств.

Одна из основ проекта – история места. За словосочетанием **Сталинградский тракторный завод** стоит многое, по крайней мере для тех, кто знаком с историей нашей страны.

Но, безусловно, главенствующей становится идея формирования основы градостроительной решетки района с использованием экологического каркаса, главным элементом которого является река Волга. И здесь абсолютно уместны три постулата этого решения:

- экологическая привлекательность;
- зеленые коридоры – бульвары, пересекающие застройку с запада на восток от проспекта Ленина до набережной Волги;
- общественный и индивидуальный огород;
- ботанический сад, который является продолжением центральной зеленой полосы и связывающей зоной между офисным кластером, студенческим кампусом и ландшафтным парком с каскадом прудов на склоне оврага. Это большое зеленое общественное пространство для отдыха и изучения возможного биоразнообразия.

Развитие территории вокруг природного каркаса имеет целью создание комфортной среды для жизни и работы за счет соседства с благоустроенной зоной рекреации, в которой будут предусмотрены

различные виды всепогодных активностей. Таким образом не только создаются новые рекреационные зоны, но и растет стоимость прилегающих земель. При этом речная долина и центральная аллея являются главными зелеными артериями поселения, связывающими большинство его районов. Зеленые клинья, устремляющиеся от речной долины в глубь застройки, выступают второстепенными зелеными артериями. Эти артерии насыщены экологически обогащенной средой от речной долины непосредственно к самому центру района и распределяют эту среду по зеленым капиллярам бульваров, пронизывающих жилую застройку. Природный каркас поселения имеет внутреннюю взаимосвязь между своими элементами, что позволяет создать единую велосипедно-прогулочную рекреационную инфраструктуру для досуга и отдыха населения. Характерной особенностью концепции является прохождение дороги внутри квартальной застройки во второй линии от леса таким образом, чтобы не создавать искусственный барьер между жилыми домами и рекреацией.

Работа имеет несколько базовых черт.

Первая – «конвейерная лента» как центр района, включающая в себя общественные функции, центры занятости, смесь из гибких коммерческих площадей для работы, объектов питания и ритейла, площадки для выставок и арт-га-

лерей. Этот центр окружает многоуровневая деревня – набор отдельных, но связанных между собой зданий с бесконечно сменяющимися функциями.

Вторая – каждый участок имеет свой стиль в организации пространства и компоновке зданий, создавая образ своеобразного лоскутного одеяла.

Третья – целостность и устойчивость как основа городских преобразований. Мобильность и инфраструктура обеспечивают быстрое сообщение с центром города с приоритетом пешеходов, велосипедистов и общественного транспорта. Широкая зеленая артерия, которая вплетается в план, обеспечивает доступ ко всем участкам застройки и общественным местам.

Четвертая – квартальная застройка, позволяющая вывести качество городской среды на современный уровень. Периметр квартала обеспечивает ясные границы между частным пространством, принадлежащим жителям квартала и улицей. Таким образом, в среде обитания человека возникает дополнительная зона комфорта: квартира – внутренний двор – улица.

Размер квартала основан на существующем традиционном масштабе прилегающих территорий, необходимой инсоляции и гармоничности восприятия общего вида с уровня человека. Качественно новый архитектурный облик города, разнообразие фасадов

ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ

Технико-экономические показатели

Население – 106200 чел.
Площадь жилого фонда (ГНС) – 4755224 м²
Рабочие места 48400
Площадь нежилых помещений – 1210000 м²

Авторский коллектив:

Сергей Мичурин
Наталья Носова
Иаков Иванов
Вениамин Иванов
Ирина Сивухина
Филипп Иванов

и разная высота секций внутри квартала позволяет избежать монотонности типовых жилых массивов. Разнообразное цветовое решение фасадов позволяет жителям проще ориентироваться внутри жилой застройки.

Высотность застройки колеблется от 2 до 16 этажей в зависимости от расположения объекта по отношению к функциональному центру. Этажность также варьируется в зависимости от близости квартала к береговой линии Волги. В акцентных местах застройки – пересечении основных улиц, их завершениях, на площадях и скверах могут возникать отдельно стоящие здания высотой до 16 этажей. При формировании этажности застройки необходимо также учитывать пространство видимости достопримечательных объектов. Соотношение высот и расстояние между домами сохраняет человеческий масштаб, создавая тем самым комфортную городскую среду.

Пятая – парковка вне жилых дворов.

Необходимое количество машиномест располагается вне участка квартала, по его периметру и в подземных паркингах. Это решение снижает уровень токсичных отходов внутри кварталов и дает возможность эффективного использования и социального контроля пространства. Многоэтажные паркинги на въездах на территорию застройки позволяют отсечь большое количество

машин от проникновения в жилую зону.

Если говорить о стратегических подходах, то они подразделяются следующим образом.

Стратегия вновь формируемых экономических центров

Для создания полноценной полицентрической модели территории и организации многофункциональных центров занятости концепцией подразумевается создание вновь формируемых точек экономического роста.

Стратегия смешанного использования

Участки, тяготеющие к центру, будут иметь выраженный многофункциональный характер за счет размещения офисов, ресторанов, объектов культуры.

Создание новых центров и общий принцип полицентричности нового городского образования позволит сократить количество необходимых передвижений по городу и их дальность, что позволит жителям чаще передвигаться пешком.

Стратегией предусмотрено в первых этажах жилых домов устройство нежилых помещений с разнообразным функциональным назначением; на территории разместятся также несколько зон спортивного отдыха, рассчитанных на всесезонное использование.

Стратегия коммуникаций

Транспортно-коммуникационная система связывает проектируе-

мые локальные центры в единую систему, тем самым повышает эффективность использования территории.

Акцент делается на пешеходную инфраструктуру и общественный транспорт.

За счет многослойного разветвленного улично-дорожного каркаса обеспечивается покрытие всей территории удобной сетью общественного транспорта, таким образом, что перемещение от жилого дома до остановки не должно превышать 5–10 минут.

Необходимо создать высококачественную пешеходную инфраструктуру со множеством зеленых насаждений, имеющую хорошее освещение в ночное время суток. При этом необходимо обеспечить безопасную пешеходную инфраструктуру для маломобильных групп населения.

Стратегия центров притяжения территории

В качестве существующих точек роста необходимо развивать центры притяжения, расположенные на данной территории; к ним можно отнести памятники архитектуры, городские архитектурные ансамбли, градообразующие объекты культуры, спорта, здравоохранения, создавая для их окружения качественную городскую среду, развивая улицы как общественные пространства с активным первым уровнем зданий. Все это способствует формированию бренда территории и, в конечном

итоге, позволит привлечь туристов и выразится в дополнительных доходах в бюджет.

Общегородские площади в функциональных центрах «слобод» создают зоны для общегородских мероприятий, ярмарок, повседневной жизни горожан с кафе и торговыми галереями, памятниками уличного и ландшафтного искусства.

Стратегия ландшафта и озеленения

Рекреационная связь между планировочными центрами новой застройки и набережной Волги осуществляется за счет зеленых коридоров. Таким образом, путем проникновения в самое сердце урбанизированных центров экологически обогащенной рекреации повышается качество городской среды в сильно урбанизированных участках.

Существующие зеленые массивы, занимающие около 20% проектируемой территории, предполагается превратить в благоустроенные парки. В северо-восточной части территории концепцией предусмотрено создание рекреационно-развлекательной зоны тематического парка «Живая история».

Основная идея застройки прибрежных территорий – принцип раскрытия фасадов на реку и понижение плотности застройки к реке.

В честь известного советского и российского архитектора и архитектора, доктора исторических наук и доктора архитектуры, профессора, заслуженного архитектора России, иркутянина, любившего и защищавшего свой родной город Марка Григорьевича Мееровича (1956–2018) учреждена премия. В статье описывается история и состав награды, перечислены заслуги номинантов: Е. Ладейщикова (номинация «Мастер») и П. Пуляевского (номинация «Студент»).

Ключевые слова: премия Марка Мееровича; Иркутск; архитектурное наследие; Елена Ладейщикова; Павел Пуляевский./

The prize was established in honour of Mark Grigorievich Meerovich (1956-2018), a famous Soviet and Russian architectural expert and architect, Doctor of Historical Sciences and Doctor of Architecture, Professor, Honoured Architect of Russia, an Irkutsk native who loved and defended his home town. The article describes the history and scope of the award and lists the merits of the nominees: E. Ladeishchikova (Master nomination) and P. Pulyaevsky (Student nomination).

Keywords: Mark Meerovich Award; Irkutsk; architectural heritage; Elena Ladeishchikova; Pavel Pulyaevsky.

Премия имени Марка Мееровича: бережно хранимая искра / Mark Meerovich Award: A carefully cherished spark

текст
Яна Лисицина
Иркутский государственный университет

фото
Василий Лисицин
ИРНТУ /

text
Yana Lisitsina
Irkutsk State University

photo
Vasily Lisitsin
INRTU

Этот год – 2022 – получился четным, совпал и по своим цифрам, и по порядковому числу ежегодной премии имени Марка Мееровича: она вручалась второй раз. Прошло не так уж много времени со дня ухода Марка Григорьевича, но традиции, связанные с именем и памятью такой выдающейся личности, укрепляются. Незримые знаки присутствуют и воспринимаются как подтверждение того, что его друзья, семья, ученики, соратники движутся в верном направлении.

Один из таких знаков – премия его имени. Она не имеет жесткой привязки ни к властным структурам, ни к управленческому аппарату и держится на добрых чувствах любви, памяти и понимания долга перед историей и архитектурой Иркутска. И второй раз премия вручается именно в локациях, однозначно связанных с Мееровичем. В прошлом году церемония происходила в Доме архитектора, любимом месте Марка Григорьевича. В 2022-м – в 130-м квартале, в создании которого он принимал самое непосредственное и деятельное участие. Можно сказать, гений места был вместе с теми, кто пришел 27 октября на вручение премии в арт-галерею «Диас», расположенную на территории 130-го квартала.

В номинации «Мастер» отмечена Елена Ладейщикова – одна из наиболее квалифицированных специалистов

в области изучения и сохранения архитектурного наследия региона, главный архитектор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», автор более тридцати научных публикаций и двух монографий (в соавторстве).

Елена Робертовна с 1982 года ведет работу по сохранению культурного наследия Восточной Сибири и Забайкалья. Она принимала непосредственное участие в разработке архитектурно-градостроительной документации по реконструкции Иркутска и его исторических кварталов. В составе авторского коллектива работала над проектом «Регенерация исторического квартала № 130 в г. Иркутске», отмеченном премией «Хрустальный Дедал» и фигурирующем в списке наиболее успешных проектов России последних 15 лет. Е. Р. Ладейщикова участвует в ряде разработок научно-проектной документации по реставрации на стадии «Комплексные научные исследования». В числе наиболее значимых объектов: Иркутский драматический театр им. Н. П. Охлопкова, резиденция иркутских генерал-губернаторов «Белый дом», здание Иркутского железнодорожного вокзала, Дом декабриста С. П. Трубецкого и др. Проекты отмечены наградами на различных конкурсах и в настоящее время реализованы. В составе авторского коллектива Елена Робертовна – лауреат премии губернатора Иркутской

области творческим работникам за достижения в области культуры и искусства за воссоздание архитектуры и интерьеров Приказной избы Илимского острога (XVII в.) в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы».

Отличие премии 2022 года им. Марка Мееровича от прошлогодней состояло в увеличении номинаций. В номинации «Студент» награжден студент Иркутского национального исследовательского технического университета Павел Пуляевский за дипломный проект «Реконструкция застройки исторического квартала с предложением по возрождению историко-культурной ценности и реставрации усадебного комплекса купцов-меценатов Медведниковых в г. Иркутске» (руководители В. Б. Стегайло, А. Н. Прокудин). В задачи проектирования входило создание нового общественного пространства, обеспечение пешеходной и визуальной связности между градостроительными доминантами исторической застройки, повышении инвестиционной привлекательности проектируемой территории, восстановление периметра застройки квартала. Эта работа отмечена дипломами МООСАО и СМА на Международном смотре-конкурсе выпускных квалификационных работ по архитектуре, дизайну и искусству в г. Казани

и Дипломом Союза архитекторов России на XXX Международном архитектурном фестивале «Зодчество» в Москве.

На церемонии вручения премии им. Марка Мееровича благодарственными письмами награждены авторы проектов, популяризирующие культурное наследие Иркутска.

Nota bene

Премия имени Марка Мееровича учреждена в день его рождения – 19 июня – друзьями и соратниками: вице-президентом Союза

архитекторов России Еленой Григорьевой и председателем ИРО ВООПИК Алексеем Чертиловым. Активное участие в возникновении и существовании премии принимает Фонд общественного контроля «Поле зрения», выступающий за сохранение исторического наследия Иркутска. Премия ежегодная и предназначена для награждения исследователей, архитекторов, авторов тематических изданий и публикаций за достижения в области приумножения и сохранения культурного

наследия Иркутской области. Идеологическая и интеллектуальные составляющие премии независимы, номинанты определяются экспертами. Финансовая часть обеспечивается за счет донаторов.

В прошлом году премию в номинации «Мастер» получила иркутский историк архитектуры Ирина Калинина.

Неофициально премию им. Марка Мееровича называют премией Хранителей Иркутска. И это очень точное название: сам

Марк очень трепетно и бережно относился к городу, был рыцарем и защитником его архитектурного наследия.

И теперь от Хранителя искра переходит к Хранителям...

в Лауреаты Премии Марка Мееровича 2022 года Елена Ладейщикова и Павел Пуляевский, Владимир Стегаило (руководитель дипломного проекта П. Пуляевского) и Алексей Чертилов

Делается обзор наиболее значимых для Союза архитекторов России и Иркутского регионального отделения событий 2022 года. Среди них выделяются: открытие мемориальной доски В. А. Павлову, фестивали международного, российского и межрегионального уровня, юбилейные даты. Называются имена победителей. **Ключевые слова:** Союз архитекторов; фестиваль; В. А. Павлов; конкурсы; В. В. Путин; съезд; М. Меерович; В. Ф. Бух./

The news reviews the most important events for the Union of Architects of Russia and the Irkutsk Regional Branch in 2022. Among them are the opening of a memorial plaque to V. A. Pavlov, anniversaries and international, all-Russian and interregional festivals. The names of the winners are announced.

Keywords: Union of Architects; festival; V. A. Pavlov; competitions; V. V. Putin; congress; M. Meerovich; V. F. Bukh.

Завершается 2022 год, и мы КОРОТКО отметим некоторые события архитектурного цеха, о которых стоит сказать.

29 июня

у Дома на набережной по адресу ул. Российская, 2, в Иркутске состоялась торжественная церемония **открытия информационной (мемориальной) доски**, посвященной выдающемуся архитектору **В. А. Павлову**. По окончании церемонии в рамках проекта **ПРОГУЛКИ ПО ИРКУТСКУ** прошла экскурсия по семи близлежащим объектам Владимира Павлова. Надо сказать, что за две недели до этого (13 июня 2022) состоялась автобусная экскурсия по объектам иркутского неорутализма по заказу участников программы **АРХИТЕКТОРЫ. РФ**. В последнее время тема стала очень востребованной и среди иркутян, и среди гостей города.

25–27 августа

XI Международный архитектурный фестиваль «ЭкоБерег» состоялся в городе-герое Волгограде. Трехдневная программа фестиваля была наполнена мероприятиями, которые отражают лучшие достижения в области экологического, архитектурного и градостроительного освоения берегового пространства. В рамках ЭкоБерега состоялся Всероссийский открытый конкурс на разработку архитектурно-градостроительной концепции развития территории бывшего Тракторного завода в городе. Проект-победитель опубликован в этом номере ПБ.

7–9 сентября

XXII Межрегиональный архитектурный фестиваль «ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ – 2022» прошел в Новосибирске совместно с **СИБИРСКИМ СТРОИТЕЛЬНЫМ ФОРУМОМ 2022**. Блок о ЗВС-22 с Каталогом – в этом номере ПБ.

28–30 сентября

Международный архитектурный фестиваль «Зодчество» – событие национального масштаба с зарубежным участием, смотр достижений в области архитектурной и градостроительной деятельности городов и регионов России – прошел в Москве в Гостином Дворе.

В связи с двойным юбилеем – XXX фестиваль и 90 лет Союзу архитекторов – Президент России Владимир Путин в поздравительном письме приветствовал участников открытия XXX Международного архитектурного фестиваля «Зодчество», приуроченного к 90-летию создания Союза архитекторов. В своем послании глава государства поздравил СА России с юбилеем и пожелал успеха всем участни-

кам фестивальной программы: «Ваш творческий форум всегда вызывает большой интерес профессионалов и любителей архитектуры, служит востребованной площадкой для обсуждения актуальных отраслевых проблем и перспективных планов, демонстрации передовых достижений в сфере современного градостроительства. И, конечно, фестиваль неизменно отличается насыщенной выставочной, конкурсной программой, является настоящим центром притяжения для архитекторов, дизайнеров, реставраторов, искусствоведов, строителей, студентов профильных учебных заведений».

В своем поздравлении президент выразил уверенность в том, что традиционные встречи в рамках фестиваля важны для россиян: они способствуют сохранению уникального исторического и культурного наследия страны, комплексному развитию территорий, повышению качества жизни людей.

Гран-при фестиваля «Зодчество-2022» завоевал коллектив архитектурного бюро «Остоженка» за проект «Жилой комплекс в Стрельне».

Одновременно с «Зодчеством» на площадке Гостиного двора были развернуты экспозиции V Всероссийского архитектурного фестиваля Best Interior Festival и VI Международной выставки Build School.

29 сентября

в СДА состоялся очередной **съезд Союза архитекторов России**. Помимо отчета президента, который зачитал первый вице-президент СА России Владимир Бакеев, была возобновлена практика отчетов региональных вице-президентов и глав межрегиональных советов: прозвучали отчеты о деятельности Дальневосточного (В. Васильев), Сибирского (Е. Григорьева), Центрального (К. Кузнецов),

Приволжского (А. Капитонов), Южного (О. Козинский) федеральных округов.

27 октября

в галерее «Диас», расположенной в 130-м квартале, состоялась вторая церемония награждения **Премией Марка Мееровича**. Материал о событии и лауреатах в этом номере ПБ.

19 октября – 2 ноября

бильярдный клуб имени Владимира Буха, возобновивший свою работу в июле, провел первый турнир, посвященный памяти своего основателя. Соревнования получились жизнерадостными и многочисленными. Победителями турнира Б1 стали: в дамском разряде – Арина Зеленцова (1-е место), Инесса Бражникова (2-е место), Елена Григорьева (3-е место); в мужском разряде – Никита Степанов (1-е место), Максим Ефимов (2-е место), Николай Жуковский (3-е место); в турнире смешанных пар – Арина Зеленцова – Никита Степанов (1-е место), Юлия Шевченко – Николай Жуковский (2-е место), Яна Непомнящих – Андрей Красильников (3-е место). Журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ выступил спонсором турнира Б1. 2 ноября призеры получили медали, а победители – Арина Зеленцова и Никита Степанов – еще и Гран-при – «Бильярдный Дедал». Планируется, что борьба за переходящий Гран-при продолжится в следующем турнире – Б2 – в феврале-марте 2023 года.

ЕГ/ ЕГ

The Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" was founded at the turn of the millennium. The first Festival was held in 2001 at Irkutsk Sibexpocenter and caused a massive outcry among the architectural community in Siberia and throughout the country. Later the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" became one of the most important annual architectural events in Russia. The first participants of the Festival were the architects from Eastern Siberia (such as Irkutsk, Angarsk, Bratsk, Chita and Krasnoyarsk, republics of Buryatia, Tyva, Khakassia, as well as Ust-Ordynsky and Aginsky national districts of Buryatia). Since 2007 architects from Western Siberia (Omsk and Barnaul) have also participated in the Festival. The Festival becomes open. The most topical issues are discussed at the Discussion Club of the Festival. Among the most prominent experts are A. Rappaport, O. Vendina, L. Kogan, A. Ysokovsky, A. Gimmelstein, A. Kaftanov, M. Rozhansky, V. Dyatlov, A. Ivanov, D. Fesenko, A. Sirina, A. Fionogenov. Prominent Russian architects give master classes, which enjoy great popularity. Thanks to the Festival, within twenty years, Siberian architects have met with masters from the capitals: Y. Gnedovsky, A. Asadov, S. Kiselev, A. Skokan, A. Bavykin, V. Plotkin, A. Savin, A. Cheltsov, A. Pavlova, S. Skuratov, N. Yavein, T. Kuzembaev, M. Mamoshin, Yu. Zemitsov, A. Bokov, T. Bashkaev, S. Gnedovsky, N. Shumakov, A. Chernikhov, V. Kuzmin, foreign architects M. Drahovskiy, D. Dendra, G. Stanishev, as well as Siberian experts I. Popovsky, A. Myakota, P. Anisiforov, A. Dering and many other colleagues. The organizers consider the Festival to be a preparation stage for the International Festival "Zodchestvo" in Moscow.

"Zodchestvo of Eastern Siberia" is traditionally held in Irkutsk. However, in 2014 it was first held in Krasnoyarsk, and in 2017 Krasnoyarsk housed the Festival for the second time. In the same year, Altai architects proposed to hold the next Festival in Barnaul. Thus, the Festival went beyond the borders of Eastern Siberia. We decided to maintain the name of the Festival, filling it with a new geographical meaning: "Zodchestvo in Siberia". In 2018 the Festival was held in Barnaul, the capital of Altai, and in 2019 it was held in Tomsk. The twentieth event took place on the native land, the city of Irkutsk. In 2021, the year of the 300th anniversary of Kuzbass, it was held in Kemerovo. This year, "Zodchestvo in Siberia 2022" is warmly hosted by Novosibirsk, the capital of the Siberian Federal District.

Elena Grigoryeva,
vice president of the Union of Architects
of Russia, founder of the Festival
"Zodchestvo in Siberia"

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ
2022
НОВОСИБИРСК

XXII фестиваль ЗВС-2022 / XXII Festival "Zodchestvo in Siberia 2022"

Фестиваль ЗВС был учрежден на стыке тысячелетий. Впервые он состоялся в 2001 году в Иркутске в Сибэкспоцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общности Сибири и России.

С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. Первыми участниками фестиваля были архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа). С 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири (Омск и Барнаул), и фестиваль начинает превращаться в ЗВС-ореп.

В дискуссионном клубе ЗВС обсуждаются самые актуальные темы; в Иркутский дом архитектора приглашаются авторитетные эксперты – А. Рappaport, О. Вендина, Л. Коган, А. Высоковский, А. Гимельштейн, А. Кафтанов, М. Рожанский, В. Дятлов, А. Иванов, Д. Фесенко, А. Сирина, А. Финогенов.

Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. За двадцать лет благодаря фестивалю архитекторы Сибири встретились со столичными мастерами Ю. Гнедовским, А. Асадовым, С. Киселевым, А. Скоканом, А. Бавыкиным, В. Плоткиным, А. Савиным, А. Чельцовым, А. Павловой, С. Скуратовым, Н. Явейном, Т. Кузембаевым, М. Мамошиным, Ю. Земцовым, А. Боковым, Т. Башкаевым, С. Гнедовским, Н. Шумаковым, А. Черниковым, А. Кузьминым, зарубежными архитекторами М. Драховски, Д. Дендра, Г. Станишевым, сибиряками И. Поповским, А. Мякотой, П. Анисифоровым, А. Дерингом и многими другими своими коллегами.

Фестиваль рассматривается организаторами как этап подготовки к Международному фестивалю «Зодчество» в Москве. Много лет фестиваль ЗВС проводился в Иркутске; впервые он поменял площадку на Красноярск в 2014-м, а в 2017 году Красноярск принял ЗВС во второй раз. В том же году от архитекторов Алтая мы получили предложение провести следующий фестиваль в Барнауле, таким образом фестиваль вышел за границы Восточной Сибири. Было решено сохранить привычную аббревиатуру, наполнив ее новым географическим смыслом. В 2018 году местом проведения ЗВС был Барнаул, столица Алтая; в 2019-м – Томск; юбилейный, двадцатый фестиваль – Иркутск, место рождения ЗВС, а в 2021-м, в год 300-летия Кузбасса, – Кемерово. И, наконец, в этом году фестиваль «Зодчество в Сибири – 2022» гостеприимно принимает столица Сибирского федерального округа – Новосибирск.

Елена Григорьева,
вицепрезидент СА России,
основатель фестиваля ЗВС

Н. И. Шумаков
президент Союза архитекторов России
и Союза московских архитекторов,
народный архитектор России

Дорогие друзья, коллеги!

Рад приветствовать вас на нашем ежегодном фестивале «Зодчество в Сибири». С годами из небольшой межрегиональной дискуссионной площадки он перерос в одно из важнейших архитектурных событий России, предшествующих международному фестивалю «Зодчество» в Москве.

Не так давно фестиваль поменял формат, расширил свою географию и стал еще более открытым для новых участников. В этом году мы встретились с вами в Новосибирске – в одном из самых населенных и динамично развивающихся городов

нашей страны. Здесь мы по традиции обсудим вопросы комплексного подхода к развитию территорий, ключевые тенденции современного градостроительства и проблемы, связанные с формированием по-настоящему комфортной городской среды.

Многочисленные смотры-конкурсы, конференции и круглые столы фестиваля – уверен, все это станет хорошим подспорьем для вдумчивой беседы настоящих профессионалов, которые уже сегодня смотрят в будущее и видят в нем потенциал для развития, свежие оригинальные идеи, которые сделают жизнь вокруг нас еще интереснее и лучше.

Всем участникам и гостям «Зодчества в Сибири» я желаю вдохновения, крепкого здоровья, творческих сил и неиссякаемой энергии. Пусть все, что происходит на площадках фестиваля, приносит вам только искреннюю радость и желание добиваться новых успехов!

В разделе «**Постройки**» – 20 работ из Барнаула, Омска, Иркутска, Новосибирска, Томска, Красноярска.

В разделе «**Проекты**» – 29 работ из Барнаула, Иркутска, Омска, Новосибирска, Новокузнецка, Томска, Красноярска.

В смотре-конкурсе «**Творчество архитектурных коллективов и мастерских**» приняли участие четыре творческих коллектива из Барнаула, Новосибирска и Томска.

В смотре-конкурсе «**Творчество молодых архитекторов**» было представлено три работы из Иркутска и Новосибирска.

СОСТАВ ЖЮРИ

РАЗДЕЛ «ЛУЧШИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДИЕНИЯ»

Председатель Шумаков Николай Иванович (Москва) – президент Союза архитекторов России, академик РААСН и РАХ, народный архитектор РФ

Заместитель председателя Бакеев Владимир Павлович – первый вице-президент Союза архитекторов России, заслуженный архитектор Московской обл., член Правления Ассоциации проектировщиков Московской обл., главный архитектор ЗАО «МГПМ»

Секретарь Бурило Надежда Александровна (Новосибирск) – член СА России

Члены жюри Григорьева Елена Ивановна (Иркутск) – вице-президент СА России, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор РФ

Филиппов Валерий Николаевич – кандидат архитектуры, профессор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусства, член правления Новосибирской организации СА России

Седиков Александр Павлович – член правления Томской региональной организации СА России, член Президиума Союза реставраторов Томской области

Журавков Алексей Юрьевич – член правления Новосибирской организации СА России

РАЗДЕЛ «ЛУЧШИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ»

Председатель Козак Игорь Владимирович – член правления Иркутской организации СА России, заслуженный архитектор РФ

Заместитель председателя Классен Петр Яковлевич (Томск) – член СА России

Секретарь Баранова Татьяна Андреевна (Новосибирск) – архитектор

Члены жюри Стахеев Олег Васильевич – член СА России, кандидат архитектуры, доцент, преподаватель Томского государственного архитектурно-строительного университета, почетный архитектор РФ

Чеботарев Анатолий Алексеевич (Новосибирск) – архитектор

РАЗДЕЛ «ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ, ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ, РЕГИОНЫ»

Председатель Зыков Сергей Николаевич – председатель правления Кемеровской региональной организации СА России, председатель правления СПО «Ассоциация проектировщиков Кузбасса»

Заместитель председателя Деринг Александр Федорович (Барнаул) – член правления Алтайской организации СА России, почетный архитектор России

Секретарь Николаенко Ирина Васильевна (Новосибирск) – архитектор

Члены жюри Поморов Сергей Борисович (Барнаул) – член СА России, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой «Архитектура и дизайн» Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Аксенов Вадим Вадимович – член СА России, председатель Союза дизайнеров г. Новосибирска

РАЗДЕЛ «ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ»

Председатель Кубенский Эдуард Александрович (Екатеринбург) – член СА России, директор и главный редактор издательства «TATLIN»

М. М. Посохин
Президент Национального объединения
изыскателей и проектировщиков,
народный архитектор России, академик

Уважаемые коллеги!

Приветствую участников и гостей XXII Международного архитектурного фестиваля «Зодчество в Сибири – 2022», который проходит в Новосибирске совместно с Сибирским строительным форумом и конкурсом «Золотая капитель».

Национальное объединение изыскателей и проектировщиков ежегодно поддерживает сибирские архитектурные форумы и фестивали, выступает соорганизатором и принимает активное участие в их деловых программах, мастер-классах и научно-практических конференциях.

«Зодчество в Сибири» и «Золотая капитель» с годами вошли в число

важнейших архитектурных событий как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Они являются не только площадкой для профессионального диалога архитекторов, но и возможностью для студентов архитектурных вузов и молодых специалистов продемонстрировать свои способности, концепции и проекты, начать формировать профессиональное портфолио.

Национальное объединение изыскателей и проектировщиков работает над реализацией ключевых национальных проектов и направлений качественного развития проектно-строительной отрасли, включая задачи по подготовке высококвали-

фицированных и востребованных специалистов. Поэтому мы придаем большое значение мероприятиям, проводимым для профессионалов в области архитектуры, проектирования и инженерных изысканий.

Уверен, что фестиваль «Зодчество в Сибири – 2022» задаст вектор дальнейшего качественного развития архитектурной мысли страны, будет способствовать профессиональному росту творческой молодежи и передачи накопленного опыта от поколения к поколению.

Желаю продуктивной работы и реализации намеченных планов!

В смотре-конкурсе «**Регионы Сибири**» было представлено пять работ из Новосибирска, Томска, Иркутска и Красноярска.

В смотре-конкурсе «**Творчество студентов архитектурных вузов и колледжей в Сибири**» было представлено 84 работы из Иркутска, Новокузнецка, Томска, Новосибирска, Красноярска, Барнаула.

В смотре-конкурсе студий и детских художественных школ из городов Иркутска, Новосибирска, р. п. Краснообск – 54 работы.

В смотре-конкурсе «**Пропаганда архитектуры**» – 7 работ из Иркутска, Новосибирска, Омска, Томска.

Итого: 206 работ

Заместитель председателя **Ложкин Александр Юрьевич** – главный архитектор г. Новосибирска, член СА России

Секретарь **Лесотова Юлия Олеговна** (Новосибирск) – архитектор

Члены жюри **Хусаинов Сакен Шайхислямovich** – председатель Омского регионального отделения СА России

Худяков Сергей Юрьевич – председатель Томского регионального отделения СА России

Гардер Алексей Сергеевич (Новосибирск) – архитектор

РАЗДЕЛ «ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ СИБИРИ (КУРСОВАЯ И ДИПЛОМНАЯ РАБОТЫ)»

Председатель **Токарев Никита** – директор Московской архитектурной школы (МАРШ), преподаватель модуля «Введение в профессию», член СА России

Заместитель председателя **Успенская Анастасия Михайловна** – член президиума СА России, руководитель Союза молодежи СА России, помощник проректора МАРХИ по работе с молодежью и внеучебным программам, старший преподаватель МАРХИ, ученый секретарь межрегиональной общественной организации содействия архитектурному образованию

Секретарь **Помогайбо Ирина Алексеевна** (Новосибирск) – архитектор

Члены жюри **Польская Елена Анатольевна** (Новосибирск) – директор студии «Контур»

Лотарев Артур Анатольевич (Новосибирск) – член СА России, директор ООО «КАНУРА»

Кабаков Антон Александрович (Новосибирск) – руководитель ООО «Архофис»

РАЗДЕЛ «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Председатель **Зайцева Дарья Владимировна** – архитектор, член СХ России, преподаватель Московской архитектурной школы «МАРШ»

Заместитель председателя **Фаткин Иван Юрьевич** (Новосибирск) – архитектор

Секретарь **Шабурова Анна Анатольевна** (Новосибирск) – архитектор

Члены жюри **Диндиенко Михаил Петрович** (Барнаул) – член СА России, член Союза дизайнеров России, зам. директора ИнАрДиз, зам. декана кафедры АрхДИ АлтГУ им. И. И. Ползунова, почетный работник ВО РФ

Гончаров Артем Юрьевич (Новосибирск) – член СА России, руководитель «S2architecture»

Максименко Максим Алексеевич (Барнаул) – член правления и куратор молодежной секции Алтайской организации СА России, руководитель Архбюро «MDVA»

Хроника ЗВС-22 в Новосибирске / Chronicle of Zodchestvo in Siberia 22 in Novosibirsk

текст
Елена Григорьева
РААСН /
text
Elena Grigoryeva
RAACS

XXII Межрегиональный архитектурный фестиваль «ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ – 2022» прошел с 7 по 9 сентября в Новосибирске совместно с СИБИРСКИМ СТРОИТЕЛЬНЫМ ФОРУМОМ. Два крупнейших события в сфере архитектуры и строительства Сибирского федерального округа состоялись в прекрасном здании Концертного зала им. А. М. Каца (Красный проспект, 18/1).

Несмотря на беспрецедентно трудный период подготовки, фестиваль прошел достойно, в том числе благодаря синергии со строительным форумом. На смотры-конкурсы фестиваля было представлено более 200 лучших архитектурных и градостроительных проектов со всей Сибири.

Впервые в рамках фестиваля ЗВС было заключено соглашение между Союзом архитекторов России и двумя зауральскими университетами, занимающимися подго-

товкой специалистов в области архитектуры и градостроительства – Новосибирским государственным университетом архитектуры, дизайна и искусств им. Крячкова и Иркутским национальным исследовательским техническим университетом. Подписание прошло в стенах НГУАДИ между представителями сторон: президентом СА России Николаем Ивановичем Шумаковым, ректором НГУАДИ Натальей Викторовной Багровой и ректором ИРНТУ Михаилом Викторовичем Корняковым.

Экскурсии познакомили сибиряков и гостей с Новосибирском, их было несколько, и две из них – автобусную по городу и пешеходную по центру – провел Алексей Журавков.

Мастер-классы тоже состоялись – в блестящем исполнении Николая Шумакова и Эдуарда Кубенского.

Совет организаций Союза архитекторов Сибирского федераль-

ного округа рассмотрел положение дел в Новосибирском союзе и других отделениях. Предстоит общее собрание (конференция) Новосибирской организации и приведение в порядок нескольких запущенных дел.

Круглый стол «Кадровое обеспечение сферы архитектуры и строительства» модерировал председатель Сибирского территориального отделения РААСН доктор технических наук, академик Леонид Семенович Ляхович. Обсуждались

^ Президент Союза архитекторов России народный архитектор России, академик Николай Иванович Шумаков; главный архитектор Новосибирска Александр Ложкин; президент НОПРИЗ народный архитектор России, академик Михаил Михайлович Посохин; вице-президент НОПРИЗ Анвар Шамухамедович Шамузафаров

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ
2022
НОВОСИБИРСК

задачи кадровой политики в сфере архитектуры и строительства и совершенствование кадрового потенциала сферы проектирования и строительной отрасли в системе непрерывного образования.

Круглый стол «Архитектура городов как основа для формирования комфортной городской среды» модерировали президент Союза архитекторов России народный архитектор России, академик Николай Иванович Шумаков и главный архитектор Новосибирска Александр Ложкин. Разговор строился вокруг трех групп вопросов: влияние качества архитектуры на успешность города и девелоперского проекта; мастер-планы территорий как инструмент повышения качества городской среды; архитектура общественных пространств.

Открытую дискуссию «Город женщин» организовала Анастасия Михайловна Успенская, член президиума и куратор молодежного направления СА России, пригласив к разговору **женщин-лидеров создания архитектурной и креативной среды Сибири**. Предметом разговора было равенство в профессии, актуальная ситуация и тенденция на современном рынке, возможности и условия для женщин в профессии, важность баланса между карьерой и семьей, влияние женщин на профессию архитектора и в целом на культурную и креативную среду.

На параллельной ЗВС и форуму площадке в выставочном зале НГУАДИ состоялся Национальный независимый архитектурный рейтинг «Золотая капитель – 2022».

На протяжении всех трех фестивальных дней на нижнем уровне продолжал работу молодежный воркшоп.

На полях фестиваля, как всегда, были встречи давних друзей, коллег, познакомившихся на предыдущих ЗВС за два с небольшим десятка лет его существования. Стали традиционными и встречи членов ЛКА – Лыжного клуба архитекторов, который был основан еще в советские годы. Антон Тэн, возродивший советский фестиваль архитекторов-горнолыжников, передал эстафету президентства Валерию Цюю, который и организовал презентацию АРХИГЕША на площадке ЗВС-22.

Участникам фестиваля надолго запомнится теплая атмосфера

вечерних неформальных встреч. Благодарим организаторов – команду новосибирских архитекторов во главе с Петром Долнаковым. Отдельная благодарность Юлии Гончаровой и секретарям жюри за четкую организацию работы жюри, а от редакции ПБ – еще и за своевременную комплектацию материалов для Каталога.

Что касается **ГРАН-ПРИ ЗВС-22**, то его увезла в Барнаул команда Александра Деринга, и это уже вторая высшая награда ЗВС, завоеванная алтайскими архитекторами.

Следующий, XXIII Межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество в Сибири – 2023» планируется провести на родине ЗВС – в Иркутске – в первой декаде июня.

1

2

1. ГРАН-ПРИ ЗВС

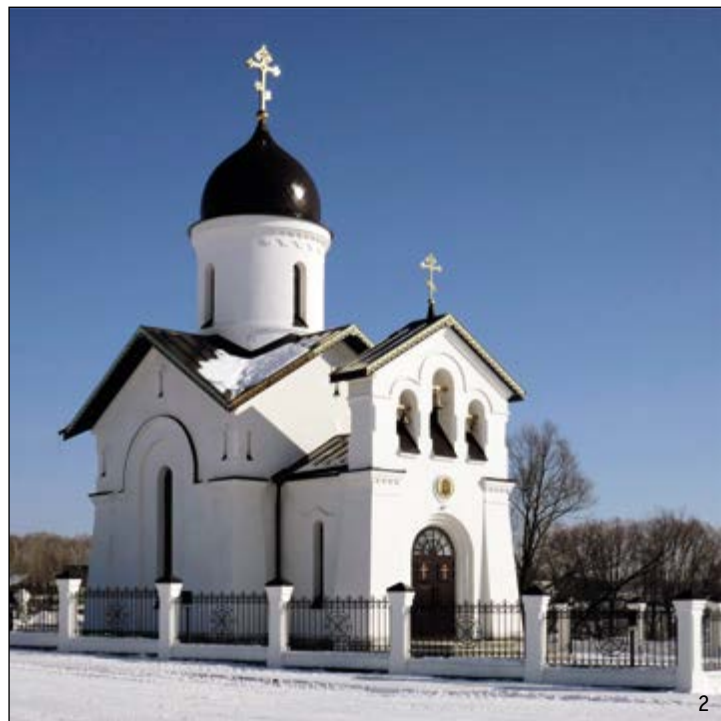
Учебный корпус Алтайского филиала
Российской академии народного
хозяйства и госслужбы (РАНХиГС)
в г. Барнауле по ул. Партизан-
ской, 187
Авторы: А. Ф. Деринг, С. И. Тисленко
А. В. Шпенглер, И. В. Трепольцев

Номинация «Многоквартирный жилой дом»

2. ЗОЛОТОЙ диплом
Многоквартирный жилой дом
со встроенными объектами
социального назначения по адресу:
г. Барнаул, ул. Молодежная, 138
Авторы: К. Б. Храбрых, А. С. Перунов

1

2

3

4

6

Номинация «Объекты социального и культурного назначения»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Учебный корпус Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС) в г. Барнауле по ул. Партизанской, 187
Авторы: А. Ф. Деринг, С. И. Тисленко, А. В. Шпенглер, И. В. Тремпольцев

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Храм на 50 человек с открытой звонницей в селе Малахово Косихинского района Алтайского края
Автор: А. В. Квасов

3. Торговый комплекс «Звезда» в Центральном административном округе города Омска по улице Куйбышева, дом №29, корпус №2
Авторы: А. В. Бегун, Т. А. Бегун, А. О. Музыко, А. В. Лиходумов

5. Объект культурного наследия регионального значения «Казённые винные склады», проект «Регенерация территории с воссозданием основного производственного здания»
Авторы: Е. Н. Шаповаленко, С. М. Федореев, А. Ю. Бартель

Номинация «Реконструкция здания»

6. ЗОЛОТОЙ диплом
Реконструкция фасадов общественного здания по пр. Красноармейскому, 29, в г. Барнауле
Авторы: А. Ф. Деринг, С. И. Тисленко, А. В. Шпенглер, И. В. Тремпольцев

1

2

3

4

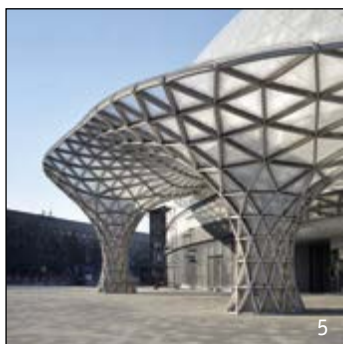
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Концептуальный жилой комплекс
«Эволюция» в Калининском районе
Новосибирска
Авторы: А. А. Лотарев, Е. А. Лапкина,
А. В. Паршукова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Жилой комплекс «Парково»,
г. Новосибирск
Авторы: А. А. Чеботарев,
Л. В. Бачаева, О. Д. Болтенгаген,
Г. В. Петрова

4. «Жилой комплекс «Sunsity»
в г. Иркутске
Авторы: С. Бобина, И. Козак,
А. Хороших, Ю. Шевченко
при участии: У. Ганжурова,
И. Кищенко, Е. Скуркович, Н. Довгань

Номинация «Жилой комплекс»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Концептуальный жилой комплекс
«ОНЕГА» в Калининском районе
Новосибирска
Авторы: А. А. Лотарев, Н. Н. Наводкин,
Е. А. Лапкина., А. С. Мозолевская,
А. Э. Денисова

5

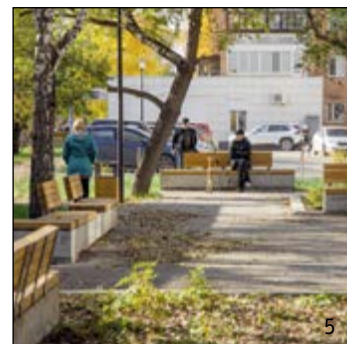

6

**Номинация
«Общественные здания»**

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Облако. Пространственная
конструкция декоративного
фасада, входной группы и куполов
ТК «Европейский» по адресу:
Новосибирск, ул. Танковая, 2
Авторы: Лотарев А. А.,
Колесников Д. А.

6. Административно-управленческое
здание в городе Иркутске
по ул. Кожова, 22
Авторы: А. Думитрашку, Н. Довгань,
И. Козак, Ю. Шевченко

Номинация «Благоустройство территории»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
АРХИТЕКТУРНЫЙ ВИНТАЖ – «ЗАБОР»
 Рекреационно-инфраструктурный объект на Правобережной набережной г. Красноярск в сквере Энтузиастов
 Авторы: А. Д. Мякота
 Соавторы: Л. В. Грибакина, Е. В. Елизарова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Загородный парк семейного отдыха

«Мира Парк». Новосибирская область, ул. Солнца, 2а. Жилой поселок «Мира Деревня», пос. Октябрьский, Мошковский район
 Авторы: И. Карнаухов, П. Носарев, И. Лулева, С. Гижицкая, А. Иванов, К. Каплунская, И. Карнаухов, П. Лугинина, И. Марченко, А. Михайловичева, П. Носарев, В. Подолякин, Т. Чурикова

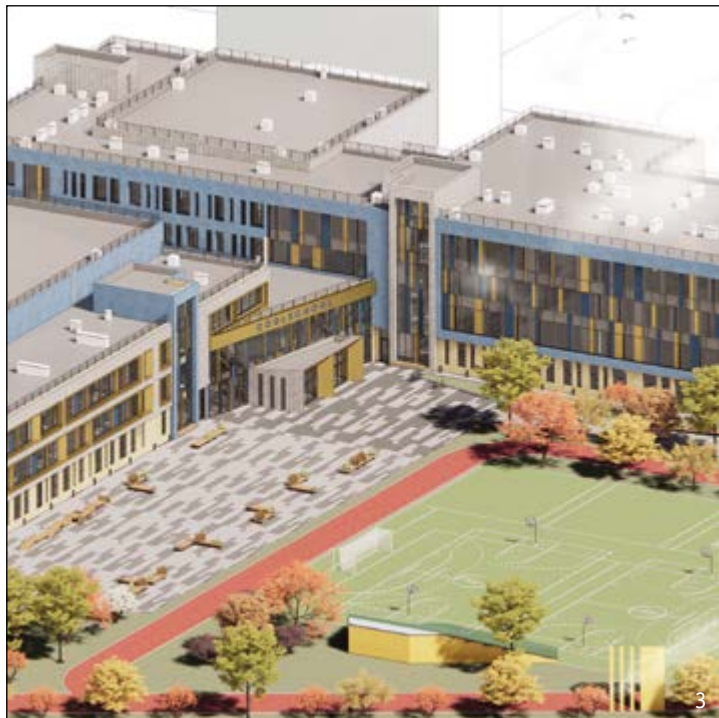
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Сквер им. А. В. Суворова в г. Томске
 Авторы: В. И. Коренев, О. В. Стахеев, А. Ю. Колесникова, А. П. Пилюсян

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Парк культуры и отдыха «Затулинский дисперсный парк». Новосибирск, ул. Зорге 47.
 Благоустройство общественной территории
 Авторы: И. Карнаухов, Л. Юрченко, С. Гижицкая, А. Архипова, А. Иванов, К. Каплунская, А. Карнаухов, И. Карнаухов, П. Кириенко, П. Лугинина, Д. Мезенцева, А. Михайловичева, Э. Мульгина, П. Носарев, В. Подолякин

5. Сквер по адресу: Фрунзе, 174, в г. Томске
 Авторы: Р. З. Пак, К. А. Казанцев, Е. А. Евлахов, А. К. Белевцова, М. Ю. Ильина, А. Ю. Березкин

6. Мастер-план территории «Чепош-парк». Республика Алтай, Чемальский тракт 10 км, 1/1. Благоустройство общественной территории. Глэмпинг
 Авторы: И. Карнаухов, П. Носарев, О. Павлова, А. Иванов, К. Каплунская, И. Карнаухов, Е. Кулецкая, П. Носарев

7. ИП М.Ю.Засухина, 000

Номинация «Объект социального и культового назначения»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Храм преподобного Гавриила Самтаврйского в г. Барнауле
Авторы: А. В. Атаджанов, А. С. Литвинова, К. В. Чухрай, И. А. Юдина

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Объект культурного наследия федерального значения «Дворец

металлургов». Проект «Реставрация с приспособлением для современного использования»
Авторы: Е. Н. Шаповаленко, С. М. Федореев, А. Ю. Бартель

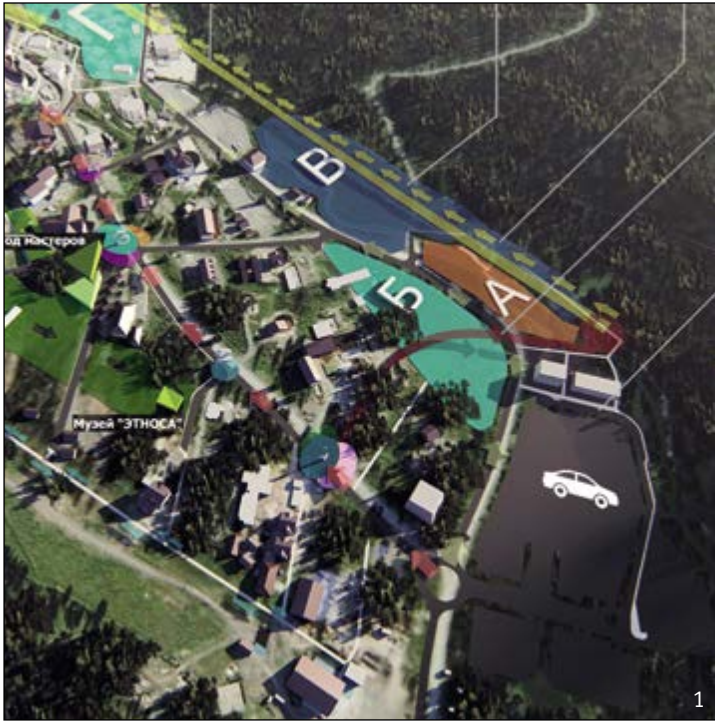
3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Общеобразовательная школа на 1122 места в микрорайоне «Прибрежный» в КАО г. Омска
Авторы: Л. С. Гусельников, А. В. Совалкин, Ю. Е. Руденко

4. Библиотека в национальном стиле-этнический центр бурятской культуры
Авторы: О. В. Бахошко, К. С. Булаков, Е. О. Погребняк, К. О. Илларионова

5. Объект культурного наследия регионального значения «Театр металлургов». Проект «Реставрация фасадов. Ремонт крыши»
Авторы: Е. Н. Шаповаленко, С. М. Федореев, А. Ю. Бартель

6. Апартаменты по ул. Победы в городе Омске
Авторы: Л. С. Гусельников, Д. А. Смирнов, Ю. Е. Руденко

7. Средняя общеобразовательная школа с детским садом в п. Каменск Чунского района Иркутской области
Авторы: М. В. Протасова, А. Ю. Туктаров, М. П. Горчакова, С. В. Ставцев

1

2

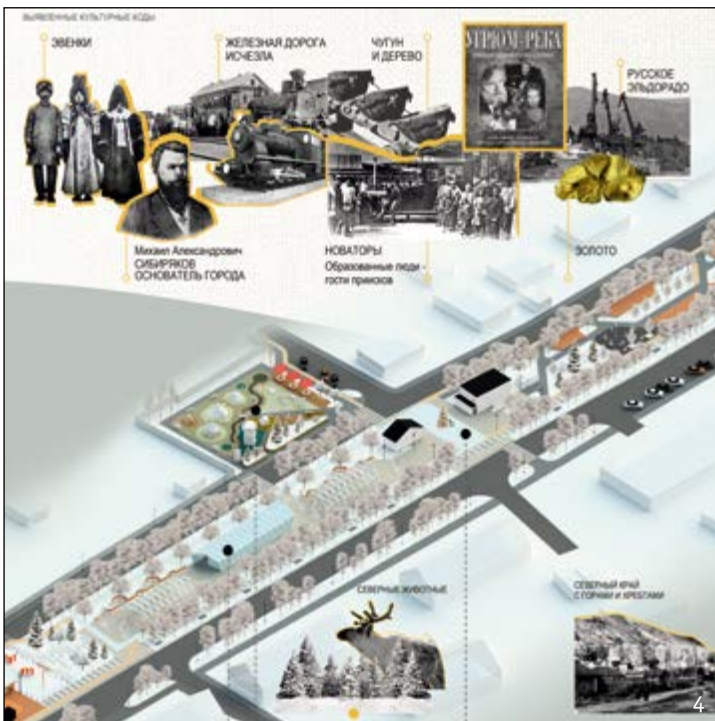
3

Номинация «Открытые общественные пространства»

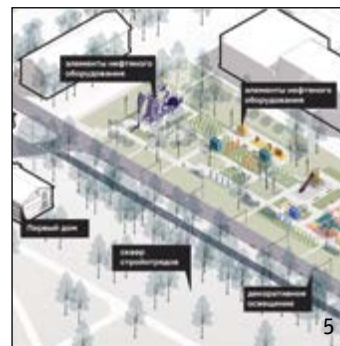
1. ЗОЛОТОЙ диплом
Концепция развития и благоустройства сектора А
Авторы: А. Н. Бричев, А. А. Тэн, С. П. Кравченко

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Омский телеграф». Городское общественное пространство по улице Гагарина, 36 в Центральном административном округе города Омска
Авторы: А. В. Бегун, Д. С. Горчуков, А. Г. Шалыгин, А. А. Бегун

3. Проект памятника венчания Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой
Авторы: А. Н. Бричев, Ю. М. Журавков

4

5

6

Номинация «Благоустройство территории»

4. БРОНЗОВЫЙ диплом
Концепция благоустройства ул. Урицкого в районе памятника «Паровоз» в городе Бодайбо Иркутской области
Авторы: М. В. Протасова, П. А. Заславская, С. О. Заславский, А. В. Сизых, М. В. Горячая, В. С. Ашихмина, Я. Н. Соболевский, Е. Ю. Кензина, Д. А. Аверченко, Ю. Н. Куликова, И. А. Бритоусова

5. Сердце нефтеграда.
Благоустройство центральной части г. Стрежевого
Авторы: Р. З. Пак, К. А. Казанцев, А. А. Кривошеина, К. А. Классен, А. К. Белевцова, Е. С. Мишина, Е. М. Фирсова, А. А. Данилкина, А. Ю. Березкин, Д. Р. Барашкова, Е. И. Анненкова

6. «Парк-театр». Концепция благоустройства Центрального парка культуры и отдыха в г. Черемхово
Авторы: А. Холякко, А. Козьмин, В. Казакова, Н. Подшивалова, В. Соловьева, А. Алешина, К. Гуляева, Е. Кензина, С. Четверухина, Н. Балашов, М. Помазкина при участии: С. Маяренков, В. Казимиренко

1

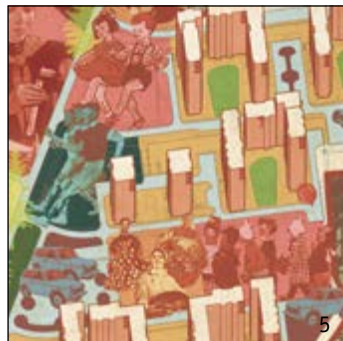
2

3

4

5

**Номинация
«Многофункциональные
градостроительные ансамбли
и комплексы»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Концепция реновации
индустриальной территории
в границах ул. Енисейская и
пр. Комсомольский, 62 (стр. 5, 12, 25),
в г. Томске
Авторы: С. Ю. Худяков, Е. А. Евлахов,
К. А. Классен, А. А. Кривошеина,
Д. Н. Кокорин, Н. Б. Седикова,
В. Н. Власов, В. Ю. Терешенков,
Д. С. Титов при участии:
Е. В. Перемитин, П. Ю. Рачковский

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
ООО ЗАБСИБНИПРОЕКТ, S2

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Жилой комплекс на улице Юнгов
в г. Хабаровске
Авторы: М. Подшивалов,
Д. Скоморохов, У. Скоморохова,
А. Янов

4. Комплексная застройка
микрорайона Восточный в городе
Салехарде
Авторы: Л. С. Гусельников,
А. В. Совалкин, Н. С. Апатин,
Д. А. Смирнов

5. Жилой микрорайон в городе Усть-
Куте Усть-Кутского муниципального
района Иркутской области
Авторы: М. В. Протасова,
В. А. Баранова, Н. В. Смирнов,
А. Ю. Туктаров, А. Н. Юшков,
С. В. Карбан, Г. М. Губина,
С. В. Ставцев, Н. А. Юшков,
Е. В. Кеслер, А. В. Андреева

6

7

8

9

6. 000 ЗАБСИБНИИПРОЕКТ, S2

7. Жилой комплекс в границах улиц 3 Июля и Красного Восстания города Иркутска

Авторы: Н. Власенко, В. Вайтович, М. Горбунов, М. Командовский, П. Макотин, Д. Скоморохов, У. Скоморохова, Я. Янов

8. Жилой комплекс в границах улиц 3 Июля и Красного Восстания города Иркутска

Авторы: Н. Власенко, В. Вайтович, М. Горбунов, М. Командовский, П. Макотин, Д. Скоморохов, У. Скоморохова, Я. Янов

9. Жилой комплекс на улице Юнгов в г. Хабаровске

Авторы: М. Подшивалов, Д. Скоморохов, У. Скоморохова, А. Янов

4

5

Номинация «Интерьеры»

4. БРОНЗОВЫЙ АРХИТЕКТУРА И ДИЗАЙН ИНТЕРЬЕРОВ АО «МИРАФ-БАНК» в Центральном административном округе г. Омска
Авторы: С. Ю. Гетте, А. П. Гетте, А. А. Самборская

5. Новосибирский еврейский общинный культурный центр «Бейт Менахем»
Авторы: А. Я. Крутухина, Е. В. Карпунина, В. В. Сударкина, В. П. Аквсентюк

**Номинация
«Общественные здания»**

1. Административное здание в условиях исторической застройки города Томска
Авторы: О. В. Лещинер, И. Ю. Воронков, Ю. М. Аблеева, С. П. Шкабаров, А. Д. Классен

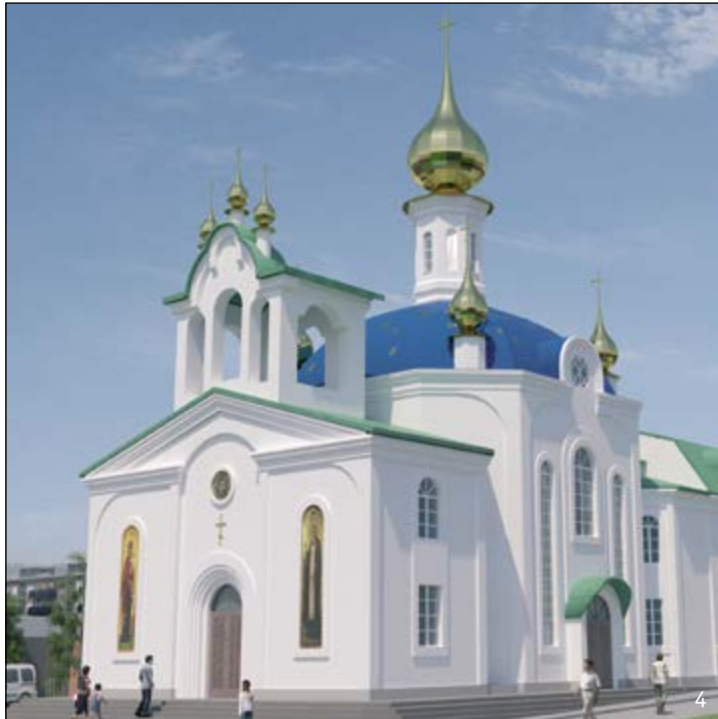
**Номинация
«Промышленные здания»**

2. Производство автомобильной электроники на территории особой экономической зоны «Технополис Москва»
Авторы: А. Н. Климочкин, Д. А. Климочкин, Р. В. Винокуров, А. С. Гардер, С. В. Зотова, Т. И. Горбунова, К. Ю. Глазков, М. А. Димитров, А. А. Ковгар, Д. А. Березко

**Номинация
«Многоквартирный жилой дом»**

3. Жилой дом клубного типа с подземной парковкой и элементами обслуживания в историческом центре города Томска, в условиях исторической застройки
Авторы: О. В. Лещинер, А. Е. Мартынова, А. А. Титов, А. А. Захарова, С. П. Шкабаров, А. Д. Классен

Номинация «Реставрация архитектурного наследия»

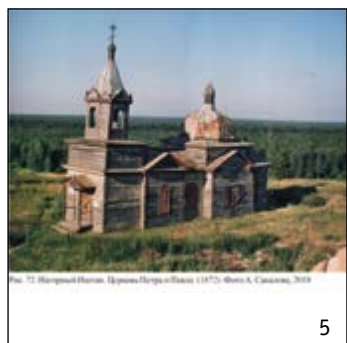
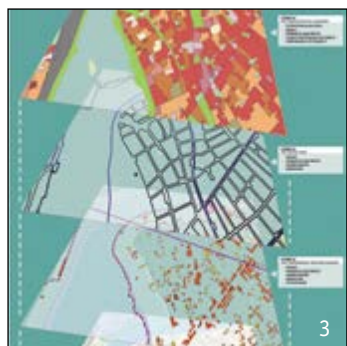
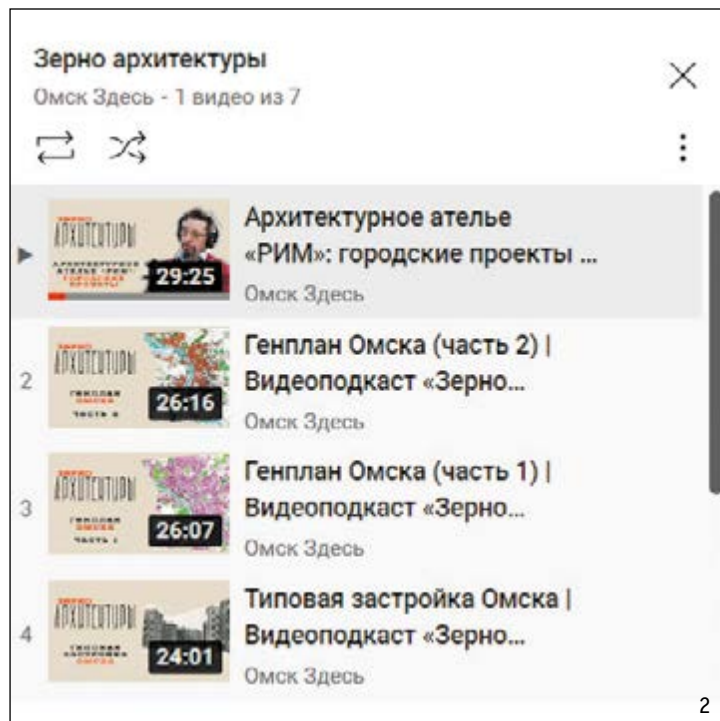
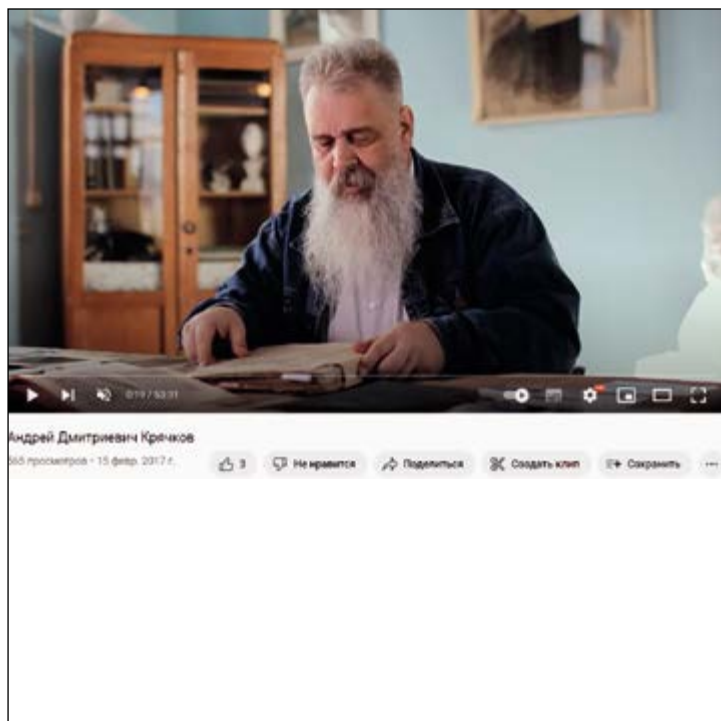
4. ЗОЛОТОЙ диплом
Реконструкция здания прихода во имя преп. Серафима Саровского в г. Новосибирске
Авторы: В. П. Авксентюк, Д. В. Авксентюк-Каменская

5. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Реставрация объектов культурного наследия регионального значения: «Дом жилой Колесниковой Е. И.», «Дом жилой Дудукалова», расположенных по адресу: г. Чита, ул. Бутина, 20–22»
Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Л. Г. Басина, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов

6. Дацан из Аларского района.
Реставрация на территории ИО ГАУК АЭМ «Тальцы»
Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, Е. А. Кузнецова, А. Д. Кушкова, М. П. Борисова, Л. Г. Басина, Е. Н. Довгий, А. П. Ксенофонтов

Номинация «Пропаганда архитектуры»

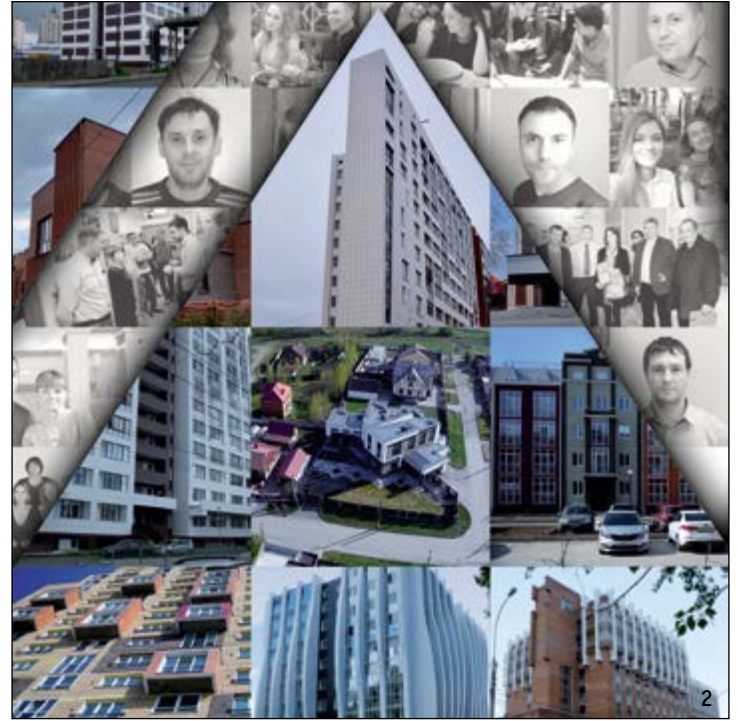
1. **ЗОЛОТОЙ диплом**
Документальный фильм «К 140-летию А. Д. Крячкова»
2. **СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
Серия видеоподкастов «Зерно архитектуры»
ООО «Омская телевизионная компания», шеф-редактор Т. Шкирина. Автор и ведущая А. Бегун, режиссер Р. Берг, продюсер Д. Нециевская
3. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
ООО «Градостроительная мастерская «Линия». Авторы: М. А. Берёза, А. И. Бондарик, А. С. Мельникова, В. А. Хотулева, Р. А. Хотулев
4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Курс повышения квалификации для архитекторов, градостроителей и специалистов по развитию территории «Пространственное планирование»
ООО Образовательный центр «Точка». Авторы: С. А. Александров, А. И. Бондарик, О. Ю. Куцакова, Д. В. Маргеева, Е. Е. Пудова, Р. А. Хотулев, В. А. Хотулева
4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Православное храмовое строительство в Томской губернии XIX – начала XX века
ФГБОУ ВО Томский государственный архитектурно-строительный университет. Авторы: В. П. Боко, С. В. Смокотин, Е. В. Ситникова

Номинация «Исследовательская деятельность»

5. **ЗОЛОТОЙ диплом**
Монография «Советский неоклассицизм в архитектуре Новосибирска»
НГАСУ (Сибстрин), Евразия-сити. Авторы: Е. Н. Блинов, А. Н. Грицюк, А. А. Гудков, И. В. Невзгодин, Т. Ю. Тайченачева
6. **ЗОЛОТОЙ диплом**
Монография «Конструктивизм в архитектуре Новосибирска»
НГАСУ (Сибстрин), Евразия-сити. Авторы: Е. Н. Блинов, А. Н. Грицюк, А. А. Гудков, И. В. Невзгодин, Т. Ю. Тайченачева

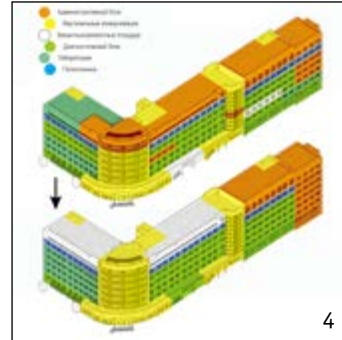
1

2

3

4

Номинация «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
ХОО «Студия КиФ»
Авторы: Т. Н. Битухеев,
В. Н. Филиппов, Т. К. Насыров,
Д. В. Плаксин, С. Н. Трушин,
М. Р. Ушакова, С. О. Сурков,
Е. Д. Демина, В. С. Купич

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
ООО «АКМ-3» – «Архитектурно-
конструкторская мастерская»
Авторы: 40 человек

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
АО «ЭкоНИИпроект»
Авторы: А. Н. Климовкин,
Д. А. Климовкин, Р. В. Винокуров,
А. С. Гардер, С. В. Зотова,
Т. И. Горбунова, К. Ю. Глазков,
М. А. Димитров, А. А. Ковгар,
Д. А. Берёзко

4. ФГБОУ ВО Алтайский
государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
Авторы: С. Б. Поморов,
Р. С. Жуковский, А. В. Горских,
А. Ю. Дергилёва, А. А. Ильиных,
А. А. Распопина, А. И. Хомякова,
Е. Д. Василенко

Номинация «Творчество молодых архитекторов»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Студенческий фестиваль бумажной и концептуальной архитектуры «БУМ»
Авторы: М. А. Полухина, С. А. Орехова, М. А. Сви́дерская, А. А. Дудай, Г. Е. Лимонов, Т. А. Баранова
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Летняя архитектурная мастерская «АрхШкола»
Руководитель: Р. Малинович;
команда: К. Гранина, В. Кожевникова, Д. Нащеева, Н. Орешкин, Д. Петров, М. Пузырева, А. Сухарева, О. Тучина, О. Фомина, А. Чичкань, А. Шешукова
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Фестиваль объемной концептуальной архитектуры «ОБМОР»
Авторы: М. Полухина, С. Савинских, Е. Нестеренко, О. Козлова, Е. Ивкина, А. Смирнова, Н. Очоа-Бикэ, В. Бакунькин

Номинация «Развитие территорий и градостроительные решения»

1. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Мастер-план нового жилого района в структуре Новосибирской агломерации.
 Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова, мастерская градостроительства и урбанистики кафедры Градостроительства и ландшафтной архитектуры.

Авторы: Г. П. Ерохин, В. С. Тузовский, А. Е. Рублевский, Л. И. Черновская, Д. В. Кирюхин, Д. Н. Шалыгина

2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Мастер-план комплексного освоения земельного участка АО СЗ «Строительная корпорация Иркутской области» в деревне Парфёновка на границе с городом Иркутском.
 ООО «Градостроительная мастерская «Линия».
 Авторы: Р. Е. Елшин, П. В. Ковшаров, Д. В. Маргеева, А. А. Семиусова, О. В. Тучина, В. А. Хотулева при участии: И. А. Бирюков

Номинация «Городская среда и комплексные городские проекты»

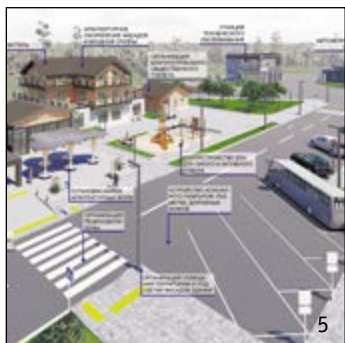
1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Реализация в Томской области программ по сохранению культурного наследия

2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Эко-парк «Школьный» в г. Бердске.
 Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова, мастерская градостроительства и урбанистики кафедры Градостроительства и ландшафтной архитектуры.
 Авторы: Г. П. Ерохин, В. С. Тузовский, Л. И. Черновская

Номинация «Локальные архитектурные объекты»

1. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Архитектурно-художественное оформление благоустройство участков автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения Красноярского края.
 ЗАО «Базилика».
 Авторы: И. Д. Лашаков, О. В. Бахошко, К. С. Булаков, Е. О. Погребняк, В. А. Романова

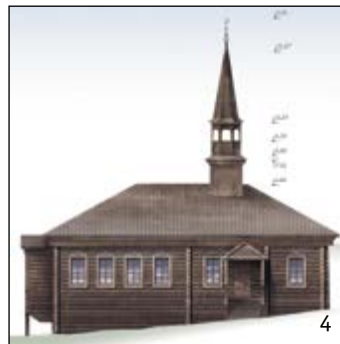
1

2

3

4

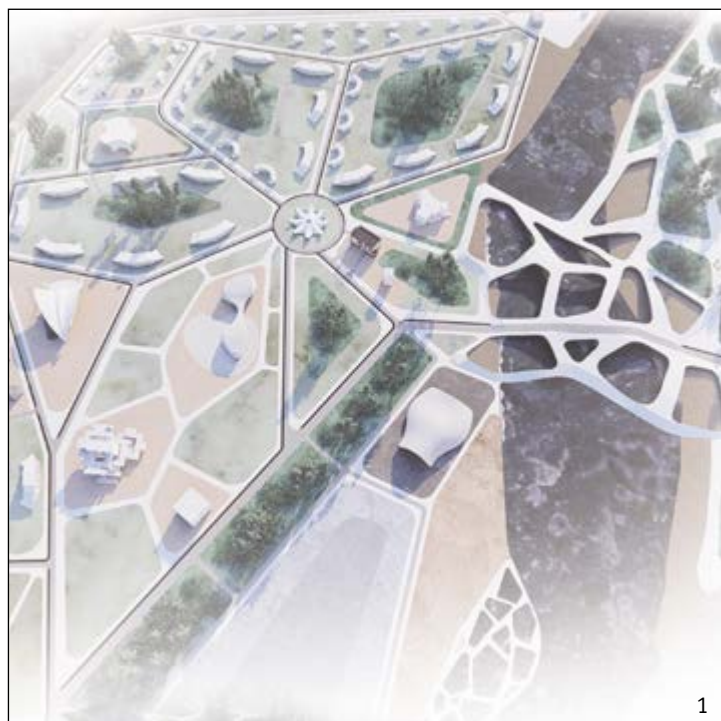
Номинация «Дипломная работа»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Производственные мастерские
Высшей школы архитектурной
реставрации СФУ (в условиях
приспособления памятника
архитектуры «Красноярская мужская
гимназия»)
Автор: К. Ю. Санкова
Сибирский федеральный университет
Рук. Д. Е. Лемытская

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Жилой комплекс средней этажности,
город Ханты-Мансийск.
Региональная типологическая модель
Автор: Т. Полторанина
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет (Сибстрин)
Рук. Н. В. Боровикова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Публичные пространства территории
приоритетного развития «Знаменское
предместье» г. Иркутск
Автор: К. Н. Шарыгин
Иркутский национальный
исследовательский технический
университет
Рук. С. А. Смольков

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Реставрация объекта, обладающего
признаками культурного наследия
«Мечеть», нач. XX в, Красноярский
край, Пировский район, деревня
Куренная Ошма
Автор: Е. В. Дашкевич
рук: В. В. Медиевский, А. В. Слабуха

1

2

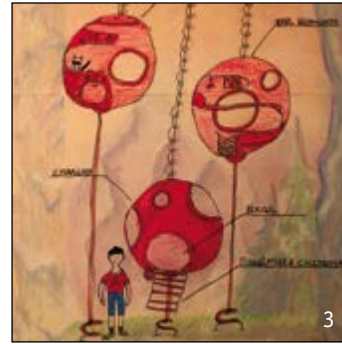
3

Номинация «Курсовые работы»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Концепция насыпного острова
на реке Обь, Новосибирская область
Автор: Д. Д. Андропова
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет (Сибстрин)
Рук. Н. В. Боровикова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Шорские легенды». Разработка
концепции развития туристического
маршрута и элементов
инфраструктуры в Шорском
национальном парке
Автор: А. Е Мунгалова,
У. О. Московкина, К. С. Поспелова

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Парк ремесленников в историческом
квартале г. Томска
Авторы: Я. Миронова,
С. Прохоренкова, А. Жвирблис,
А. Почекутова, А. Лукашева
Томский государственный
архитектурно-строительный
университет
Рук. И. И. Левченко, А. А. Смагин

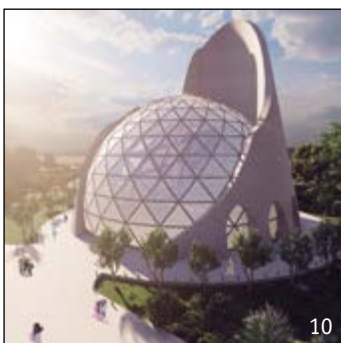
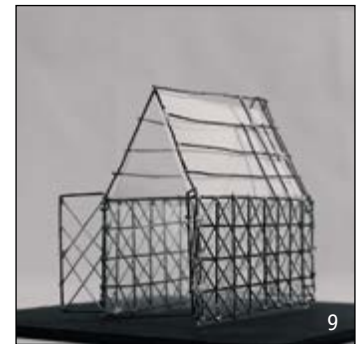
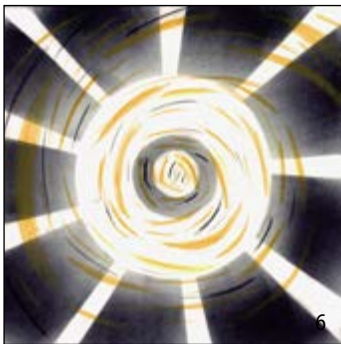

Номинация «Лучший архитектурный проект» 8–10 лет

- 1. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Бионический дом «На краю земли». Дома-капсулы
Автор: Н. Ступак
Преп. О. Р. Ёлкина
- 2. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
Модуль-Куб
Авторы: А. А. Бальбурова, Д. В. Бессмертная, В. И. Брехова,

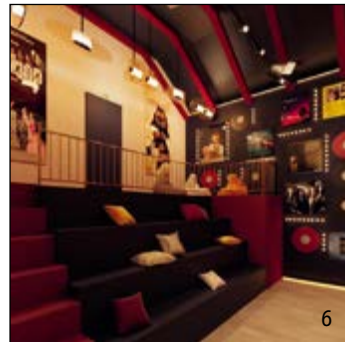
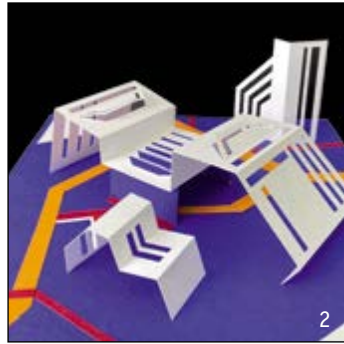
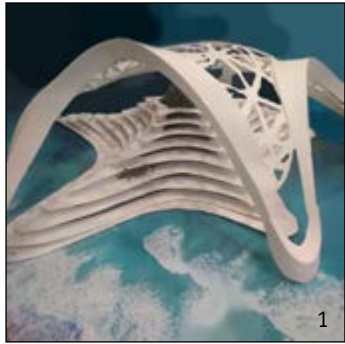
- Я. В. Имескенова, Д. А. Колбина, Т. С. Пишкин, А. А. Шувалова
- 3. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
Дом «На краю земли». Капсульный отель
Автор: З. Зенкова, 10 лет
Преп. О. Р. Ёлкина
- 4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Бионический дом «На краю земли». Научная станция
Автор: М. Войнов М
Преп. О. Р. Ёлкина

- 11–13 лет**
- 5. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Качели в парке «Каменный Остров». Объекты, принятые к реализации
Авторы: Е. Семина Е, А. Семенова
Преп. М. В. Бакин, А. В. Бухрякова, З. В. Леутина

- 14–16 лет**
- 6. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Портал при входе в парк «Каменный Остров»
Автор: В. Мутылин
Преп. М. В. Бакин, А. В. Бухрякова, З. В. Леутина
- 7. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
Павильон для встреч родителей и детей на территории лагеря им. О. Кошевого «Природные изгибы»
Авторы: Я. А. Геновская, П. А. Прокудава, В. С. Телеба, М. С. Храпцова, П. А. Пугачева
Преп. Е. В. Чугунов, Е. С. Духанина, Д. В. Бердоносова, Т. А. Глушко
- 8. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
Код города Новосибирска
Автор: М. Насенник
Преп. М. В. Бакин, А. В. Бухрякова, О. С. Каргапольцева, З. В. Леутина
- 9. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Портал «Сад» при входе в парк «Каменный Остров»
Автор: Мария Насенник
Преп. М. В. Бакин, А. В. Бухрякова

- 17–19 лет**
- 10. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Проект благоустройства орнитологического парка «Аркада»
Автор: А. Калимуллина, Э. Юсупова, Д. Мельник, А. Дёмочко
Преп. С. В. Лаер, Е. А. Груздева, Е. В. Чугунов, Е. А. Бредихина
- 11. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
Павильон для встреч родителей и детей на территории лагеря им. О. Кошевого «На одном уровне с природой»
Авторы: М. Н. Ишевских, А. А. Гребенюк, М. А. Рожкова, А. А. Лызарь, А. В. Ермоленко
Преп. Е. В. Чугунов, Е. С. Духанина, Д. В. Бердоносова, Т. А. Глушко

**Номинация «Лучшая архитектурная концепция»
11–13 лет**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект-концепт БИО город «Морская звезда»
Автор: А. Д. Иваншина
Преп. Л. А. Серебрякова
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Концептуальный проект «Технопарк СХЕМА». Автор: Е. А. Межуев
Преп. А. А. Белашова

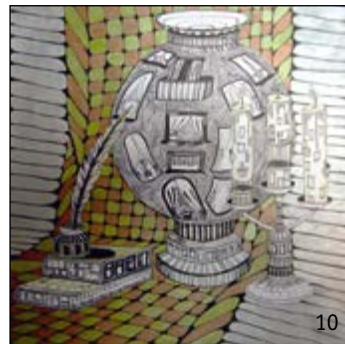
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Кристаллы
Авторы: И. С. Григорьева,
Д. В. Крюковская
Преп. А. А. Пахатинский

- 14–16 лет
4. ЗОЛОТОЙ диплом
Архитектурная концепция дома будущего «Дом в песках»
Автор: К. Д. Духанина
Преп. Е. С. Духанина,
Бердоносова Д. В.

5. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Дизайн-концепция интерьера библиотеки «Горизонт»
Авторы: Е. А. Митькина, С. С. Романов
Преп. И. В. Смолякова, Е. С. Духанина,
Д. А. Гнездилова, К. А. Чужиков

6. БРОНЗОВЫЙ диплом
Дизайн-концепция интерьера библиотеки «Горизонт»
Авторы: Е. А. Митькина, С. С. Романов
Рук.: И. В. Смолякова, Е. С. Духанина,
Д. А. Гнездилова, К. А. Чужиков

7. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Завтрак. Кафе
Автор: В. Романюк
Преп. Н. В. Терехова

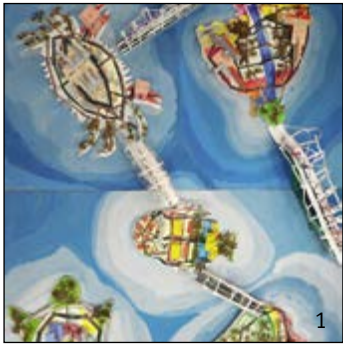
**Номинация «Лучшая архитектурная графика»
11–13 лет**

8. ЗОЛОТОЙ диплом
Архитектурные образы:
Архитектурный цыпленок, Архфенек,
Архитектурная курица
Авторы: А. Шушпанова, М. Либрих,
М. Грюнвальд
Преп. Н. В. Терехова

9. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Project, Design, Спектр, Sketch
Авторы: П. П. Банникова,
И. С. Григорьева, Крюковская Д. В.
Преп. А. А. Пахатинский

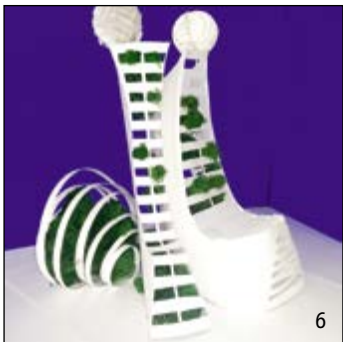
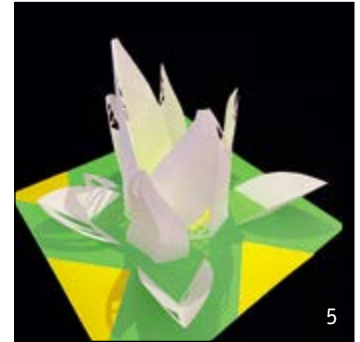
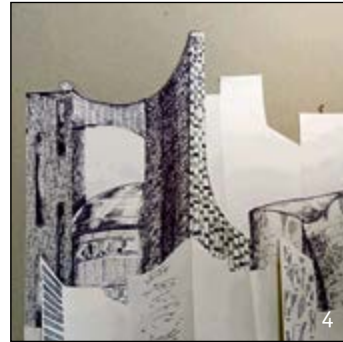
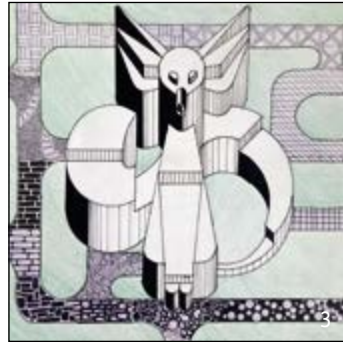
10. БРОНЗОВЫЙ диплом
Архитектурная графика:
Архитектурный чайник, Город-птица,
Цветок Сибири
Авторы: Н. Сысоева, К. Бакаева,
С. Котина
Преп. Н. В. Терехова

- 14–16 лет
11. ЗОЛОТОЙ диплом
Оптические иллюзии
Авторы: В. Грачева, Э. Гулин,
А. Кабанова, Е. Дегтярева,
М. Бориско, С. Бударина
Преп. Л. А. Серебрякова

**Номинация «Лучшая архитектурная фантазия (графическая работа)»
8–10 лет**

1. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Острова-мегаполисы
Авторы: М. В. Бызов, М. А. Келайте,
А. Ю. Кондратюк, А. С. Никитюк,
Е. Р. Хотулева

11–13 лет

2. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Архитектура, Город будущего
Авторы: М. Павлина, У. Таргонская
Преп. Н. В. Терехова

3. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
Дом-сова, Дом-рыба, Дом-лиса
Авторы: И. С. Григорьева,
Д. В. Крюковская
Преп. А. А. Пахатинский

4. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
Архитектурные мотивы, Городские
мотивы
Авторы: Ю. Рекова, В. Иванова
Преп. Н. В. Терехова

5. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Ассоциативная композиция
архитектурного объекта
Авторы: Д. Васильева, Д. Горбачев,
М. Засядь-волк, И. Балашова,
М. Серегина, А. Шерешева
Преп. А. А. Белашова

14–16 лет

6. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Город будущего
Авторы: В. Грачева, Е. Галямов,
Э. Гулин, С. Верходанова, А. Кабанова,
А. Каравозова
Преп. Л. А. Серебрякова

**Номинация «Лучшая архитектурная фантазия (компьютерное моделирование)»
14–16 лет**

7. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Город будущего
Авторы: Е. Галямов, А. Иванишина,
С. Бударина, В. Грачева, Э. Гулин,
Е. Дегтярева
Преп. А. А. Белашова

**Номинация «Лучшая архитектурная фантазия (макет)»
8–10 лет**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Башни Московского Кремля
Авторы: М. В. Бызов,
Келайте М. Антано, А. Ю. Кондратюк,
А. С. Никитюк, Е. Р. Хотулева,
Д. А. Колбина, Т. С. Пишикин,
А. А. Шувалова

11–13 лет

2. ЗОЛОТОЙ диплом
Северный город. Праздник в городе.
Черно-белое
Авторы: К. Гродникова, С. Холкин,
Э. Белоусова
Преп. Н. В. Терехова

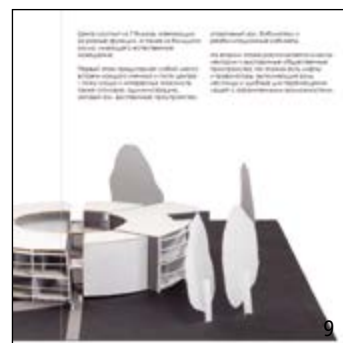
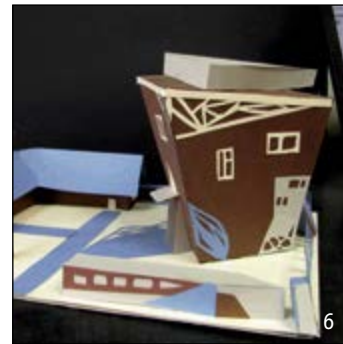
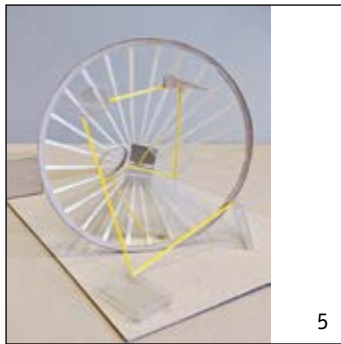
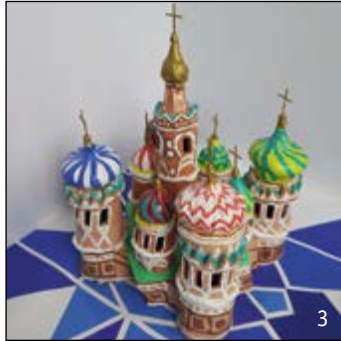
3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Покровский собор – Храм Василия
Блаженного, Исаакиевский собор,
Музей-памятник Спас на крови.
Детская студия дизайна
и архитектуры «СПЕКТР»

14–16 лет

4. ЗОЛОТОЙ диплом
Коллекция макетов «Архитектурная
феерия: от сооружения к костюму»
Автор: Ю. О. Поднебесова
Преп. Н. В. Ремизова

5. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Башня» и «Геометрическая воронка»
Автор: С. В. Гладышева
Преп. С. В. Лаер

6. БРОНЗОВЫЙ диплом
Дом-окно
Автор: А. Ситникова
Преп. Н. В. Терехова

**Номинация «Лучшее портфолио (коллаж работ)»
17–19 лет**

7. ЗОЛОТОЙ диплом
Портфолио абитуриента
для архитектурного ВУЗа
Автор: Д. Цыганкова
Преп. М. В. Бакин, А. В. Забелин,
А. В. Бухрякова

8. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Портфолио работ абитуриента ВУЗа
Автор: Е. Зайцева
Преп. М. В. Бакин, А. В. Забелин,
А. В. Бухрякова

9. БРОНЗОВЫЙ диплом
Портфолио абитуриента
для Архитектурного ВУЗа
Автор: С. Макаревич
Преп. М. В. Бакин, А. В. Забелин,
А. В. Бухрякова

**Раздел
«Постройки»**

Архипова А.
 Бартель А. Ю.
 Бачаева Л. В.
 Бегун А. В.
 Бегун Т. А.
 Белевцова А. К.
 Березкин А. Ю.
 Бобина С.
 Болтенгаген О. Д.
 Ганжуров У.
 Гижицкая С.
 Глебова Н. М.
 Грибакина Л. В.
 Денисова А. Э.
 Деринг А. Ф.
 Довгань Н.
 Думитрашку А.
 Евлахов Е. А.
 Елизарова Е. В.
 Иванов А.
 Ильина М. Ю.
 Казанцев К. А.,
 Каплунская К.
 Карнаухова А.
 Карнаухова И.
 Квасов А. В.
 Кириенко П.
 Кищенко И.
 Козак И. В.
 Колесников Д. А.
 Колесникова А. Ю.
 Корнев В. И.
 Кулецкая Е.
 Лапкина Е. А.
 Лиходумов А. Ва.
 Лотарев А. А.
 Лугинина П.
 Лунева И.
 Марченко И.
 Мезенцева Д.
 Михайловичева А.
 Мозолева А. С.
 Музыко А. О.
 Мульгина Э.
 Мякота А. Д.
 Наводкин Н. Н.
 Носарев П.
 Павлова О.
 Пак Р. З.
 Паршукова А. В.
 Перунов А. С.
 Петрова Г. В.
 Пилосян А. П.
 Подолякин В.
 Скуркович Е.
 Стахеев О. В.
 Тисленко С. И.
 Тремпольцев И. В.
 Федорев С. М.

Хороших А.
 Храбрых К. Б.
 Чеботарев А. А.
 Чурикова Т.
 Шаповаленко Е. Н.
 Шевченко Ю.
 Шевченко Ю.
 Шпенглер А. В.
 Юрченко Л.

Раздел «Проекты»

Аблеева Ю. М.
 Аверченко Д. А.
 Авксентюк В. П.
 Авксентюк-Камен-
 ская Д. В.
 Алешина А.
 Андреева А. В.
 Анненкова Е. И.
 Атаджанов А. В.
 Ашихмина В. С.
 Балашов Н.
 Баранова В. А.
 Барашкова Д. Р.
 Бартель А. Ю.
 Басина Л. Г.
 Бегун А. А.
 Бегун А. В.
 Белевцова А. К.
 Березкин А. Ю.
 Березко Д. А.
 Борисова М. П.
 Бритоусова И. А.
 Бричев А. Н.
 Вайтович В.
 Винокуров Р. В.
 Власенко Н.
 Власов В. Н.
 Воронков И. Ю.
 Гардер А. С.
 Гетте А. П.
 Гетте С. Ю.
 Глазков К. Ю.
 Горбунов М.
 Горбунова Т. И.
 Горчакова М. П.
 Горчуков Д. С.
 Горячая М. В.
 Губина Г. М.
 Гуляева К.
 Гусельников Л. С.
 Данилкина А. А.
 Димитров М. А.
 Довгий Е. Н.
 Евлахов Е. А.
 Журавков Ю. М.
 Заславская П. А.
 Заславский С. О.
 Захарова А. А.
 Захарова Л. А.
 Зотова С. В.

Казакова В.
 Казанцев К. А.
 Казимиренко В.
 Карбан С. В.
 Карпунина Е. В.
 Кензина Е. Ю.
 Кеслер Е. В.
 Классен А. Д.
 Климочкин А. Н.
 Климочкин Д. А.
 Ковгар А. А.
 Козьмин А.
 Кокорин Д. Н.
 Командовский М.
 Кравченко С. П.
 Кривошеина А. А.
 Крутухина А. Я.
 Ксенофонтов А. П.
 Кузнецова Е. А.
 Куликова Ю. Н.
 Кушкова А. Д.
 Лещинер О. В.
 Литвинова А. С.
 Макотин П.
 Мартынова А. Е.
 Маяренков С.
 Мишина Е. С.
 Пак Р. З.
 Перемитин Е. В.
 Подшивалов М.
 Подшивалова Н.
 Поликарпочкин А. В.
 Помазкина М.
 Протасова М. В.
 Рачковский П. Ю.
 Руденко Ю. Е.
 Самборская А. А.
 Седикова Н. Б.
 Сизых А. В.
 Скоморохов Д.
 Скоморохова У.
 Смирнов Д. А.
 Смирнов Н. В.
 Соболевский Я. Н.
 Совалкин А. В.
 Соловьева В.
 Ставцев С. В.
 Сударкина В. В.
 Терешенков В. Ю.
 Титов А. А.
 Титов Д. С.
 Туктаров А. Ю.
 Тэн
 Федорев С. М.
 Фирсова Е. М.
 Холявко А.
 Худяков С. Ю.
 Четверухина С.
 Чухрай К. В.
 Шалыгин А. Г.
 Шаповаленко Е. Н.

Шкабаров С. П.,
 Юдина И. А.
 Юшков А. Н.
 Янов Я.

**Раздел «Творчество
архитектурных
коллективов
и мастерских»**

Березко Д. А.
 Битухеев Т. Н.
 Василенко Е. Д.
 Винокуров Р. В.
 Гардер А. С.
 Глазков К. Ю.
 Горбунова Т. И.
 Горских А. В.
 Демина Е. Д.
 Дергилёва А. Ю.
 Димитров М. А.
 Жуковский Р. С.
 Зотова С. В.
 Ильиных А. А.
 Климочкин А. Н.
 Климочкин Д. А.
 Ковгар А. А.
 Купич В. С.
 Насыров Т. К.
 Плаксин Д. В.
 Поморов С. Б.
 Распопина А. А.
 Сурков С. О.
 Трушин С. Н.
 Ушакова М. Р. ц
 Филиппов В. Н.
 Хомякова А. И.

**Раздел «Творчество
молодых архитекторов»**

Бакунькин В.
 Баранова Т. А.
 Гранина К.
 Дудай А. А.
 Ивкина Е.
 Кожевникова В.
 Козлова О.
 Лимонов Г. Е.
 Малинович Р.
 Нащеева Д.
 Нестеренко Е.
 Орехова С. А.
 Орешкин Н.
 Очоа-Бикэ Н.
 Петров Д.
 Пузырева М.
 Полухина М. А.
 Савинских С.
 Свидерская М. А.
 Смирнова А.
 Сухарева А. Тучина О.
 Фомина О.
 Чичкань А.
 Шешукова А.

«Регионы Сибири»

Бахошко О. В.
 Бирюков И. А.
 Булаков К. С.
 Елшин Р. Е.
 Ерохин Г. П.
 Кирюхин Д. В.
 Ковшаров П. В.
 Лашаков И. Д.
 Маргеева Д. В.
 Погребняк Е. О.
 Романова В. А.
 Рублевский А. Е.
 Семиусова А. А.
 Тузовский В. С.
 Тучина О. В.
 Хотулева В. А.
 Черновская Л. И.
 Шалыгина Д. Н.

**Раздел «Пропаганда
архитектуры»**

Александров С. А.
 Бегун А.
 Березко Д. А.
 Берёза М. А.
 Блинов Е. Н.
 Боко В. П.
 Бондарик А. И.
 Грицюк А. Н.
 Гудков А. А.
 Куцакова О. Ю.
 Маргеева Д. В.
 Мельникова А. С.
 Невзгодин И. В.
 Нециевская Д.
 Пудова Е. Е.
 Ситникова Е. В.
 Смокотин С. В.
 Тайченачева Т. Ю.
 Хотулев Р. А.
 Хотулева В. А.
 Шкирина Т.

**Раздел «Творчество
студентов архитектурных
ВУЗов и колледжей
в Сибири»**

Андропова Д. Д.
 Антипин Н. С.
 Ануфриева Н. А.
 Артамонов М. В.
 Астафьев М.
 Баранова Т. А.
 Березина Е. А.
 Болтовская И. Ю.
 Боровикова Н. В.
 Булычева М. В.
 Бурило Н. А.
 Валеева К. Р.
 Веретенникова Е. П.

Виноградова Л. С.
 Власов В. Н.
 Власова А. В.
 Воликова А. Ф.
 Гаспарян А. А.
 Глебова Н. М.
 Гуца М. Р.
 Давыдова А. Е.
 Дашкевич Е. В.
 Диденко А. А.
 Диндиенко М. М.
 Диндиенко М. П.
 Доля А. В.
 Дудина Т. С.
 Дунаева В. В.
 Душкина И. В.
 Дюпина А. А.
 Евстратова А. В.
 Емцев М. А.
 Ехлакова М. Д.
 Жвирблис А.
 Жехов Сергей,
 Зайцева М. Н.
 Иванов А. Ю.
 Иванова А. К.
 Игнатъева П. Ю.
 Илюшкин Е. А.
 Калпакова Ю. А.
 Касьянова Н. В.
 Керопян В. А.
 Кетова Е. В.
 Князьков Н. В.
 Ковалев О.
 Колокольцева Е. Н.
 Колосова И. И.
 Корнев В. И.
 Крутухина А. Я.
 Кувалдина Е. Д.
 Кузьмина М. С.
 Левченко И. И.
 Лемьтская Д. Е.
 Литвак Е. В.
 Лихачёв Е. Н.
 Лихачёва А. Е.
 Логачев Е. С.
 Лукашев А. Г.
 Лукашева А.
 Люлькина Д.
 Мавропулос В. С.
 Мазилова Е. А.
 Макогон Л. Н.
 Малова Е. Д.
 Медиевский В. В.
 Миронова Я.
 Михеенко Е. А.
 Мишаков Д. Г.
 Можная П. А.
 Московкина У. О.
 Муленок В. В.
 Мунгалова А. Е.
 Нижегородцева Ю. Е.
 Нитегородцева Ю. Е.
 Образцова А. К.
 Очикова А. А.

Панская В. А.
 Паршуков В. В.
 Петерс А. А.
 Питиримова А. В.
 Пляскин А. С.
 Подворная А. М.
 Полторанина Т.
 Поморов С. Б.
 Поползина Т. М.
 Пospelova К. С.
 Потонova Н. А.
 Почекутова А.
 Прохоренкова С.
 Проценко Д. Д.
 Пуляевский П. Е.
 Редькина А. А.
 Ремарчук С. М.
 Рубанова М. И.
 Сандалова А.
 Санкова К. Ю.
 Сахарова С. Е.
 Северина К. О.
 Селиванов Р. А.
 Сенгилеев И. В.
 Сергеев В. В.
 Сизькова М. С.
 Симакова А. В.
 Ситникова Е. В.
 Скоморохова У. В.
 Скрипалева И.
 Слабуха А. В.
 Смагин А. А.
 Смольков С. А.
 Стахеев О. В.
 Стегайло В. Б.
 Стояк Ю. А.
 Стригунова А. В.
 Студницкая А. А.
 Сукис Н. А.
 Сулейманов Б. Г.
 Сухих В. А.
 Сюе Цзянь,
 Терешенок В. Ю.
 Токарева Е. В.
 Туманик Т. Г.
 Ужгеренас М. П.
 Урсегов А. И.
 Филиппов В. Н.
 Филиппова О. Г.
 Худяков С. Ю.
 Чалдаева А. А.
 Чупрынин В. Д.
 Шарыгин К. Н.
 Шеметова А. О.
 Шершнева А. А.
 Шкляр Я. Ю.
 Ярцева Д. А.

**Раздел «Детское
 архитектурно-
 художественное
 творчество в Сибири»**

Архангельский Е. С.
 Бабич А.

Бакаева К.
 Бакин М. В.
 Балашова И.
 Бальбурова А. А.
 Банникова П. П.
 Белашова А. А.
 Белоусова Э.
 Бердоносова Д. В.
 Бессмертная Д. В.
 Бориско М.
 Бороздина В.
 Бредихина Е. А.
 Брехова В. И.
 Бударина С.
 Бухрякова А. В.
 Бызов М. В.
 Васильева Д.
 Великасов А.
 Верходанова С.
 Вершинина Д. А.
 Войнов М.
 Галямов Е.
 Геновская Я. А.
 Гладышева С. В.
 Глушко Т. А.
 Гнездилова Д. А.
 Горбачев Д.
 Горчакова Д.
 Грачева В.
 Гребенюк А. А.
 Григорьева И. С.
 Гродникова К.
 Груздева Е. А.
 Груздева Е. А.
 Грюнвальд М.
 Гулин Э.
 Дегтярева Е.
 Дегтярева Е.
 Дёмочко А.
 Духанина Е. С.
 Духанина К. Д.
 Ёлкина О. Р.
 Ермаков В.
 Ермоленко А. В.
 Житова П.
 Забелин А. В.
 Зайцева Е.
 Засядь-волк М.
 Зенкова Э.
 Иванишина А.
 Иванова В.
 Имескенова Я. В.
 Ишевских М. Н.
 Кабанова А.
 Кабанова А.
 Калимуллина А.
 Капустина С. М.
 Каравозова А.
 Каргапольцева О. С.
 Каряка В.
 Кацуба В.
 Келайте М. А.
 Колбина Д. А.
 Кондратюк А. Ю.

Кондратюк А. Ю.
 Котина С.
 Кравцова М.
 Крюковская Д. В.
 Лаер С. В.
 Леутина З. В.
 Либрих М.
 Лызарь А. А.
 Макаревич С.
 Межуев Е. А.
 Мельник Д.
 Митькина Е. А.
 Мутьлин В.
 Насенник М.
 Никитюк А. С.
 Колбина Д. А.
 Носкова К.
 Павлина М.
 Пахатинский А. А.
 Пишкин Т. С.
 Поднебесова Ю. О.
 Полубатонova Я.
 Прокудова П. А.
 Пугачева П. А.
 Рекова Ю.
 Ремизова Н. В.
 Рожкова М. А.
 Романов С. С.
 Романюк В.
 Сараева М.
 Семенова А.
 Семина Е.
 Серебрякова Л. А.
 Серебрякова Л. А.
 Серегина М.
 Ситникова А.
 Смолякова И. В.
 Степаненко Т. С.
 Ступак Н.
 Сысоева Н.
 Таргонская У.
 Телеба В. С.
 Терехова Н. В.
 Толков Т. А.
 Фокина С.
 Холкин С.
 Хотулева Е. Р.
 Храпцова М. С.
 Цыганкова Д.
 Чугунов Е. В.
 Чужиков К. А.
 Шерешева А.
 Шувалова А. А.
 Шушпанова А.
 Юсупова Э.
 Якушевич П.
 Яхина А.
 Яхина А.

альтернативы / alternatives

История европейской архитектуры содержит множество примеров поиска безальтернативного, единственно правильного подхода. Несколько столетий таким идеальным образцом служила греко-римская античная классика. На роль идеала также претендовали живописные фантазии архитектора (в «говорящей» архитектуре XVIII века), рассудочный функционализм, ироническое смешение стилей в постмодернизме, биоморфные изогнутые плоскости параметризма и т. д. Однако все попытки избавиться от альтернатив и найти единственный путь оказались безуспешными. Неопределенность, альтернативность является неотъемлемым и необходимым атрибутом живой и развивающейся архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; история; теория; стиль; альтернатива. /

The history of European architecture contains many examples of the search for a non-alternative, the only correct approach. For several centuries, the Greco-Roman ancient classics served as such an ideal model. The pictorial fantasies of the architect (in the “architecture parlante” of the eighteenth century), rationality of functionalism, the ironic mixing of styles in postmodernism, the biomorphic curved surfaces of parametricism, and so on, also claimed the role of the ideal. But all attempts to get rid of alternatives and find the only way were unsuccessful. Uncertainty and alternativeness are an integral and necessary attribute of a living and developing architecture.

Keywords: architecture; history; theory; style; alternative.

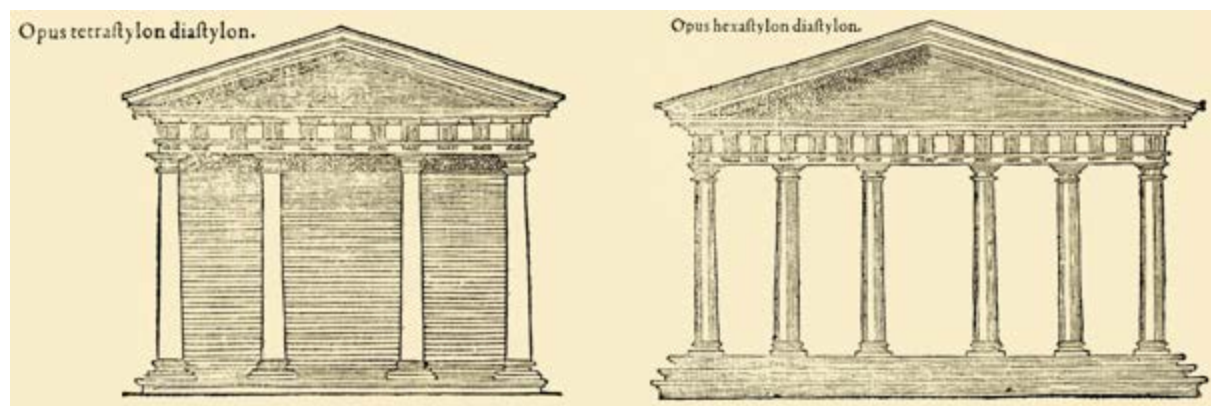
Альтернатива – это жизнь / Alternative is life

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Согласно традиционному историческому анекдоту, Ренессанс в архитектуре начался гораздо позже, чем в живописи, и совсем другим способом. Художники Дученто во главе с Джотто самостоятельно открывали реалистическую живопись, а лишь потом обнаружили предшественников в античности. Архитектурный Ренессанс начался с того, что в 1416 году итальянец Поджо Браччолини в швейцарском монастыре Святого Галла наткнулся на манускрипт витрувианского трактата «Десять книг об архитектуре» [1].

Трактат Витрувия действительно стал краеугольным камнем классического Возрождения. Поначалу великие гуманисты XV века, такие как Леон Баттиста Альберти, критически отнеслись к книгам римлянина. Альберти написал свои, альтернативные «Десять книг о зодчестве», где упрекал Витрувия в отсутствии философской

строгости и красноречия: «Его речь была такой, что латиняне могли подумать, что он хочет казаться греком, в то время как греки думали, что он лепечет на латыни» [2, с. 84]. Заметим, что и современники не придали книгам Витрувия какого-либо особенного значения. Сам Витрувий служил военным инженером в армии Гая Цезаря, а позже правильно выбрал покровителя – приемного сына Цезаря, Октавиана Августа. После разгрома Антония и Клеопатры при Акциуме Витрувий получил от императора пожизненную пенсию и написал свой труд, компилируя тридцать семь предшественников. До сих пор неизвестно, видел ли сам Витрувий те греческие храмы, которые считает идеальным образцом, но римская архитектура эпохи Октавиана заметно отличается по пропорциям и общему облику от афинских прототипов.

^ Иллюстрация из книги: Vitruvii Pollionis M. (2011) De architectura libri decem, ad Caes. Avgvstvm, omnibus omnium editionibus longe emendatiores, collatis veteribus exemplis. М.: Нобель-Пресс. Репринт издания: Vitruvii Pollionis M. (1586) De architectura libri decem, ad Caes. Avgvstvm, omnibus omnium editionibus longe emendatiores, collatis veteribus exemplis. Lyon: Apvd Ioan. Tornaesivm, typogr. reg. Lvgd
Манускрипты трактата Витрувия, найденные гуманистами Ренессанса, не содержали иллюстраций. Позже, однако, несколько переводчиков иллюстрировали трактат в меру своего понимания. Одно из первых иллюстрированных изданий вышло в XVI веке, в эпоху преклонения перед авторитетом Витрувия и безграничной идеализации греческой античности. На чертежах нет ни одного из тех приемов, которыми греческие зодчие пользовались для создания своих оптических иллюзий. Колонны стоят вертикально (вместо легкого наклона к центру), образующие тела колонн совершенно прямые (а не выпуклые), линия фронтона также прямая (а не выгнута вверх) и так далее. Дальнейшие переводы трактата Витрувия (такие, как Gwilt J. (1874) The architecture of Marcus Vitruvius Pollio, in ten books; London, Lockwood и знаменитый перевод Шуази Choisy A. (1899). Histoire de l'architecture. 2 vols. Paris: Gauthier-Villars) повторяют искажения первых иллюстраторов

< Мотивы нео-готики не сразу стали определяющими в облике первых небоскребов. Этапы проектирования здания Крайслер Билдинг (архитектор Уильям Ван Аллен), июль-декабрь 1929 г. Заметно, как от варианта к варианту здание приобретает готическую стройность

Тем не менее какая-либо альтернативная точка зрения на витрувианство совершенно исчезает ко второй четверти XVI века, когда вокруг книг классического оракула образовался настоящий культ. Этому процессу способствовала технологическая инновация. Манускрипт середины XV века Альберти переписывал вручную, как раз в то время, когда Иоганн Гутенберг в Страсбурге совершенствовал «инструменты» своего печатного станка. Распространение печатного слова позволило движению быстро сформироваться и отразиться на интеллектуальном развитии, происходящем в других странах Европы.

Дальнейшая судьба классицизма также оказалась неразрывно связана с развитием технологий и политической. В течение XVIII века молодая Российская империя все заметнее угрожает дряхлеющей Османской Порте, и та обращается за поддержкой к Франции и Британии. В качестве побочного результата европейские историки и археологи получают доступ к памятникам греческой античности (а Греция, напомним, входит в состав Османской империи), которые уже самым каноническим образом определяются как идеальный образец всякой архитектуры. И тут, к некоторому смущению теоретиков, внезапно выяснилось, что греческие храмы построены совсем не так. Математическая точность и идеальная геометрическая правильность – это выдумка, а на самом деле храмы Акрополя состоят из изогнутых линий и меняющихся ритмов. Они таким интуитивно-художественным образом отклоняются от рассудочной точности, чтобы лишь казаться идеально правильными.

На гравюрах Джованни Баттиста Пиранези колонны храма Геры в Пестуме преувеличенно криволинейны. Витрувианцы прочерчивали образующие колонн по линейке, хотя на самом деле они были чуть выпуклыми, чтобы добавить им иллюзорной высоты. Пиранези преувеличивает этот прием до видимой бочковатости и обнаруживает этим родство греков с египтянами: такие же пузатые колонны образуют узнаваемый абрис храма в Луксоре. Египтяне, как и большинство азиатских культур, считали выпуклый живот признаком красоты и силы, а греки уважали плоские животы.

В качестве противовеса величавому молчанию классицизма во Франции рождается альтернативное направле-

ние. С формальными исследованиями А. К. Катремера де Куинси, Клода-Николя Леду и других идея эмоционально насыщенного характера транспонировалась в формальный символизм, и это стало известно как архитектура *parlante*, или «говорящая архитектура». Учителем архитектуры становится живопись [3].

Деятнадцатый век принес промышленную революцию и стремительный взлет строительных технологий. Архитекторы очарованы возможностями железных конструкций, и новой альтернативой античной классике становится готика с ее скелетообразной демонстрацией силового каркаса. Контрфорсы и аркбутаны, выгнутые по эпюрам напряжений, повторяются в железных конструкциях Виолле ле Дюка, немецкой школы «кальдтойч» и британского Движения искусств и ремесел во главе с Уильямом Моррисом и Джоном Рескиным. Чуть позже Чикагская школа Салливана дает начало технологиям и стилистике небоскребов на стальном каркасе, а Парижская выставка 1899 года присуждает Гран-при железной башне Эйфеля и железному мосту через Енисей Лавра Проскуракова.

Неоготика особенно пышно расцветает в США, куда, спасаясь от ужасов франко-прусских войн, мигрировали немецкие архитекторы из группы Рундбоген. Первые небоскребы Манхэттена прямо подражают готическим соборам. Крайслер и Эмпайр Стейт даже оснащены шпилями (якобы для причаливания дирижаблей), да и весь стиль ар-деко, дитя готики и машиностроения, несомненно, похож на обоих родителей.

Готический Ренессанс (под фонетически безобразным именем «историзм»), однако, имел с реальной готикой так же мало общего, как идеальные храмы Витрувия – с реальным Акрополем. Сверкающая роскошь ар-деко, как и богатый декор неоготических зданий, скорее напоминает карнавальный костюм, то ли изображающий, то ли пародирующий реальную суровую и мистичную готику.

Модернизм продолжил и развил традицию обращения к прошлому – не реальному, а придуманному. Адольф Лоос объявил орнамент преступлением и призвал оставить декор только для надгробий, возможно, мечтая о геометрической скупости египетских пирамид. Во всяком случае, логическое продолжение минималистиче-

> Одна из уже существующих Метавселенных – Децентраленд (открыта для публики в феврале 2020 года). Это виртуальная реальность на основе блокчейна Эфириум, в которой можно купить участок «земли» и построить свой дом. К сожалению, пока что сколько-нибудь значительных архитектурных открытий в этой Метавселенной не произошло

ских принципов «меньше – значит больше» неизбежно приводит нас к голому камню Стоунхенджа и глиняным многоэтажкам Хадрамаута.

Апофеоз творческого отношения к прошлому наступил в эпоху всеядного постмодернизма. На первый взгляд может показаться, что конец XX века – это время полного произвола архитекторов, забвение всех норм и правил, свобода без берегов. Например, проект крыла Сейнсбери Национальной галереи в Лондоне 1986 года. Роберт Вентури, один из апологетов альтернативного подхода к классическому наследию, выглядит в этом проекте предельно дерзким. Фасад, выходящий на Трафальгарскую площадь, – это просто декорация – как раз то, что Вентури в своих теоретических работах презрительно называл «разукрашенным сараем» [4]. Вопреки стремлению модернистов к плоским фасадам, этот фасад вдруг изгибается, а потом вообще обрывается и переходит в стеклянную стену. Пилястры с коринфскими капителями, по мере приближения к углу, меняют ритм – расстояние между ними сокращается, и они начинают «наезжать» одна на другую. Но это не произвол архитектора. В храмах Акрополя расстояние между колоннами действительно меняется, сгущаясь к углам, это подчеркивает перспективу и придает колоннаде дополнительную величавость. Вентури всего лишь усилил этот прием и сделал его заметным глазу, то есть повторил прием Пиранези. Оригинальность, даже революционность проекта Вентури не бросается в глаза. На первый взгляд кажется, что Сейнсбери логично и естественно продолжает старый фасад в неоклассическом стиле первой половины девятнадцатого века. И эта маскировка не случайна.

Когда реконструкция крыла Сейнсбери обсуждалась в 1981–1984 годах, на одном из промежуточных конкурсов выиграл проект бюро АВК (Арендс, Бертон и Коралек). Проект включал стеклянную башню в духе Ле Корбюзье, которая действительно придала бы всей площади совсем новое звучание. Но проект подвергся уничтожающей критике со стороны принца Чарльза, наследника престола (теперь он король Британии Карл III). Принц назвал проект «чудовищным гнойником на лице элегантного и любимого друга». Такое вмешательство королевской семьи в архитектуру не имело precedентов.

Общественность была ошеловлена. Проект отклонили [5].

Однако уже в 90-х агрессивная дерзость деконструктивистов размывала последние границы дозволенного. Идеология, фактически растворившая понятие стиля в безграничной свободе соединять что угодно с чем угодно, сегодня сочетается с революционными возможностями виртуальной архитектуры. Альтернативная вселенная (Метавселенная) существует в киберпространстве, где не обязательны ни история, ни социология, ни экономика реального зодчества, ни даже законы физики, химии и биологии. Фантазии киберпанка, гнусные до полной неотразимости, или мечтательные полупрозрачные интерьеры «Марсианского дома» Кристины Ким – далеко не предел возможностей архитектуры в Метавселенной (метаархитектуры?). Тот факт, что виртуальный интерьер Ким был продан за 288 единиц криптовалюты Ethereum (что превышает полмиллиона долларов США), создал прецедент, уравнявший рыночную ценность виртуальной и «физической» архитектуры. Сегодня ничем не ограниченные визионерские фантазии архитектора находят спрос не только для съемок фантастического кино. Технологии NFT-токен гарантируют уникальность и неповторимость виртуального произведения дизайнерского искусства, а прогресс дополненной реальности сулит уже завтра возможность прямо поселиться в цифровом городе [6].

Виртуально-дигитальная архитектура вроде бы способна окончательно снять большинство альтернатив, вокруг которых много столетий кипели страсти. Интуитивный, визионерский подход в духе экспрессионизма или рассудочный классицизм? Международный стиль от Ванкувера до Куала-Лумпур или разнообразие локальных вернакуляров? Почтительное копирование образцов или их ироничное искажение? Сталь и стекло или бамбук и глина? Все эти дилеммы снимаются в пространстве Метавселенной, где нет ни Канады, ни античности, ни бамбука, но одновременно есть все это и вообще все, что только можно вспомнить или выдумать.

Заметим, впрочем, что до сих пор виртуальная архитектура не принесла ничего такого, что не являлось бы прямым продолжением физической реальности. Например,

< Для своего проекта The Row художник Даниэль Аршам создал Дом Ареса – дом внутри скульптуры Ареса, греческого бога войны. Художник сделал пять разных вариантов дизайна, основанных на изменении цветов экстерьера в разные времена года. <https://throw.everyrealm.com/>

летом 2022 года Сообщество недвижимости Metaverse The Row с гордостью показало шесть архитектурных проектов достаточно известных художников Метавселенной. И что же? Одни проекты прямо цитируют Дом над водопадом, другие – непреодолимо напоминают капеллу Роншан (но, увы, без элегантности оригинала), а один проект вообще отсылает к Дому Советов Иофана, так как представляет собой обитаемую статую. Виртуальная реальность все еще склонна с минимальными вариациями копировать реальность физическую.

Или правильнее было бы сказать, что это физическая реальность копирует виртуальные фантазии? Во всяком случае, параметризм, претендующий ныне на роль нового Большого Стиля, выдвигает именно такой тезис. И нет никаких признаков того, что дигитальные технологии действительно будут использованы для ликвидации альтернатив. Похоже, что архитекторы не стремятся к «безальтернативности».

Великий математик, врач и философ Пифагор считал, что мистический смысл двойки – спор, конфликт, противопоставление. Вторая возможность (альтернатива) не только отражает, но и порождает полемику. Зрелая методология Платона и Аристотеля указывает выход из конфликта: после формулировки тезиса и антитезиса должен наступить синтез. Но история архитектуры полна примерами поиска некоей абсолютной, безальтернативной теории и практики зодчества. Идеал, единственный и бесспорный, ищут в прошлом, в будущем, в параллельных цифровых реальностях или в глубинах бессознательного. Порой даже возникает впечатление, что такой идеал найден.

Однако каждый раз оказывается, что вместо единственно возможного образца получилась лишь более или менее убедительная выдумка. После периода восторженного поклонения и пламенного энтузиазма приходит период сомнений, критики, а затем – все более острой борьбы с очередной безальтернативностью. Приходится признать: нам нужны альтернативы, нужны дискуссии и битвы мнений. Архитектура в целом, подобно живому организму или даже целому биоценозу, не может быть простой и однородной. Живое не терпит однозначности. Альтернатива – это жизнь.

Литература

1. Architectural theory / Ed. H. Francis Mallgrave. Vol. 1. An Anthology from Vitruvius to 1870. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006
2. Альберти, Л. Десять книг о зодчестве : в 2 т. Т. 1: Десять книг о зодчестве и фрагмент анонимной биографии в переводе Ф. А. Петровского. – Москва : Изд-во Всесоюз. академии архитектуры, 1935. – 392 с.
3. Welch, M. Escape to Prison: Penal Tourism and the Pull of Punishment – Berkeley : University of California Press, 2015. – P. 79–108
4. Venturi, R. Complexity and Contradiction in Architecture. – 2nd Revised ed. – New York : Museum of Modern Art, 2022
5. Moore, R. (2022) The Sainsbury Wing redesign: spare us the art-world good taste. The Guardian. 19 Jun. – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/jun/19/the-sainsbury-wing-redesign-spare-us-the-art-world-good-taste>
6. Lidin, K. Города Прекариатов // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 70–75

References

- Alberti, L. (1935). Ten Books on Architecture and a Fragment of an Anonymous Biography (F. A. Petrovsky, Trans.). In Ten books on architecture: In 2 vols. (Vol. 1). Moscow: Publishing house of the All-Union Academy of Architecture.
- Lidin, K. (2018). Cities of the Precariat. Project Baikal, 15(57), 70-75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1359>
- Mallgrave, F. (Ed.). (2006). An Anthology from Vitruvius to 1870. In Architectural theory (Vol. 1). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Moore, R. (2022, June 19). The Sainsbury Wing redesign: spare us the art-world good taste. The Guardian. Retrieved from <https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/jun/19/the-sainsbury-wing-redesign-spare-us-the-art-world-good-taste>
- Venturi, R. (2022). Complexity and Contradiction in Architecture (2nd revised ed.). New York: Museum of Modern Art.
- Welch, M. (2015). Escape to Prison: Penal Tourism and the Pull of Punishment. Berkeley: University of California Press.

Выделяются две ветви архитектурного визионерского сообщества, даются их характеристики, описывается эволюция. Рассматривается современное состояние теоретического сознания постсоветского общества, его особенности, взаимодействие с социальным фундаментом и градостроительной политикой. Культурный цикл середины-конца «нулевых» отмечен фактическим отказом федеральной исполнительной власти от управления пространственным развитием, отсутствием научной и критической рефлексии, все более осязаемое заимствование западных технологий и стиля. Подчеркивается необходимость анализа как логики, так и последствий этого процесса. Системно рассматривается современная трансформация архитектурной деятельности и ее причины, изменение качества визионерства.

Ключевые слова: визионерство; «мечтатели»; «прожекторы»; параллельная архитектура; архитектурная среда; культурный контекст; наследие; локальное и глобальное. /

Видение 1960–1980: последствия на фоне перемен / Vision 1960-1980: Consequences against the backdrop of changes

текст
Андрей Бокков
РААСН; МААМ /
text
Andrey Bokov
RAACS; MAAM

Внутри неоднородного и разобщенного визионерского сообщества при желании можно обнаружить представителей двух несхожих психотипов. Одни могут условно называться «мечтателями», другие «прожекторами».

Мечтатели – интроверты, непримиримые критики реальности и практической архитектуры. Мечтательность – их естественное состояние и образ жизни. Они – жертвы платонической любви к архитектуре. Их представления бескомпромиссны, зато не требуют немедленного воплощения. Высокая мечта тщательно оберегает себя от столкновения с жизнью, с суровой действительностью и грубой реальностью. Рабочее проектирование, бесконечные согласования и трудно управляемая стройка – не их стихия. Мечтатели вполне удовлетворены пребыванием в волнующей зоне поисков и концепций, воплощение которых с легкостью доверяют другим. Усилия мечтателей сосредоточены на умозрительности, на игре ума и вовлечении в эту игру учеников, поклонников, почитателей и сочувствующих. Мечтатели живут в мире без границ, но общаются преимущественно с самими собой и слабо реагируют на внешние вызовы. Их поведение, их стратегия – род реакции на те ограничения, что преодолимы лишь в мечтах.

Мечтательность – испытанное, проверенное временем спасительное свойство отечественного сознания. Она естественна и привычна, как привычны внешние ограничения. Принципиальные, убежденные и последовательные мечтатели Локтев, Ерёмин, Корбут, Петренко, Колейчук, Кирпичёв и им подобные ригидны и прямолинейны. Они не изменяют своей вере, и все сделанное ими напоминает один большой, нескончаемый проект.

Прожекторы – социальные, экстраверты и восприимчивы к сигналам извне. Они остро реагируют на происходящее и движимы жаждой преобразований. Они озабочены не только покорением умов и сердец, но воплощением видений и замыслов. Они готовы на уступки, компромиссы и тактический конформизм во имя достижения целей. Прожекторы рациональны, политически грамотны и открыты к восприятию иных суждений. Они не признают жанровых границ, говорят, пишут, рисуют, проектируют и строят с равным энтузиазмом.

Прожекторы с вниманием и сочувствием следят за инженерными новациями и научными открытиями. Их заботит реакция окружающих, они готовы вступить в спор, прибегая к внятной и яркой аргументации. Прожекторы – Леонид Павлов, Белопольский, Розенблюм, Глазычев, Гутнов и подобные им, постоянно движутся, эволюционируют, меняют воззрения и готовы оппонировать самим себе.

С началом 1990-х тлеющий внутриархитектурный конфликт, породивший и питавший параллельную архитектуру, а с ней и советское неофициальное визионерство, оказывается исчерпанным. Краткая история советской параллельной архитектуры завершается. Ее действующие лица, мечтатели и прожекторы, уходят с авансены. Слово предчувствия приближения развязки, не дожидаясь наступления иных времен, от дел удаляются и уходят из жизни главные герои советского визионерства.

Визионеры-мечтатели находят себе новые убежища в изобразительном искусстве, которое все более благосклонно и восприимчиво к архитектуре. Усилиями с обеих сторон формируется и растет некая промежуточная зона «средовых искусств», куда охотно устремляются видеоарт, акционерство, временные, мобильные объекты, арт-объекты за пределами музеев и выставок и многое иное, воплощающее видения и мечты.

Оплотом и торжеством мечтательности становятся выставки архитектуры. Они превращаются в самостоятельное, самоценное явление, и все больше напоминают выставки современного искусства. Демонстрация перспектив, макетов и фотографий уходит в прошлое, а их место занимают архитектурные ролики и подобия рождественских «вертепчиков», именуемые инсталляциями. Сугубая конкретность сопровождается и вытесняется намеками и метафорами.

Визионеры-прожекторы выбирают иной путь. Новая реальность кажется им воплощением многих ожиданий. Будущее оказывается пережитым в сегодняшнем, и сегодня становится местом имплементации того, что долгие годы оставалось невостребованным. Борясь за признание и успех в новых условиях, прожекторы быстро обнаруживают возможность монетизации собственного

The article considers two branches of the architectural visionary community and describes their characteristics and their evolution. It also studies the contemporary state of theoretical consciousness of post-Soviet society, its peculiarities and its interaction with the social foundation and urban policy. The cultural cycle of the mid-to-late “noughties” is marked by the federal executive authorities’ refusal to manage spatial development, lack of scientific and critical reflection, and more and more notable borrowing of western technologies and style. The author emphasizes the need to analyse both the logic and the consequences of this process. The author examines the modern transformation of architectural activity and its causes, as well as changes in the quality of visionariness.

Keywords: visionariness; “daydreamers”; “visionaries”; parallel architecture; architectural environment; cultural context; heritage; local and global.

интеллектуального ресурса и быстро трансформируются из романтиков в прагматиков.

Ранее недоступные формы самореализации, возможность проектирования и приложения собственного видения вне проектных фабрик и без осточертевших ограничений, появление ранее неведомых частных домов, офисов и торгово-развлекательных центров – все это захватило и увлекло прожекторов раньше их растерявшихся коллег.

Склонность к сопротивлению, критике, протесту, т. е. рудименты старой модели поведения были быстро вытеснены ввиду полного отсутствия иммунитета, защищавшего от воздействия денег. Советская практика такой иммунитет не воспитывала. Прожекторы гибли с появлением гонимых, как туземцы, открытые европейцами в позапрошлом веке, гибли от привезенной оспы.

Кризис, охвативший советское, а затем российское визионерство, не снизил потребности в новом видении. Более того, эта потребность в момент острых социально-политических трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х, скорее, обострилась. Впервые за многие годы интерес к видению, помимо власти, стали обнаруживать общество и бизнес. Видение будущего становится подтверждением их права на субъектность. На смену конструкции из двух картин мира – официальной и параллельной – приходит нечто «гибридное», более подвижное, разнообразное и адаптивное.

Российская история, вслед за советской, удивительным образом следует правилу смены культурных циклов, длящихся плюс-минус 15 лет. Прожитое Новой Россией тридцатилетие вполне отчетливо делится на два периода, граница между которыми приходится на середину-конец «нулевых». Начало и завершение этих циклов утратили прежнюю резкость и не столь жестко синхронизируются с социально-политическими изменениями.

Будущее перестает быть предметом государственного регулирования, и его образ приобретает более естественный, свободный и «инклюзивный» характер. Новая картина мира, ценности и цели, лежащие в ее основании, уже не толкают на несогласие, не провоцируют протестные настроения, но и не отличаются полнотой и непротиворечивостью. Картина будущего сливается с картиной на-

стоящего, становится практической и инструментальной. Она не проявляется и не заявляется, подобно советским аналогам, что требует особых усилий по ее воссозданию или реконструкции.

Видение времен перестройки и последующих лет наполнилось преимущественно наличествующим, накопленным материалом – наследием советской власти и ресурсами «параллельной» архитектуры времен застоя. Отчасти это было повторением ситуации после 1917 года, когда новое видение собиралось из дореволюционных государственных и коммерческих проектов (вроде предшественника ГОЭЛРО) и открытий маргиналов-авангардистов, получивших уникальную возможность воплощения утопий и фантазий.

Если послереволюционная картина мира быстро и последовательно сложилась в относительно непродолжительное время, то видение, сложившееся через столетие, выглядит набором фрагментов, объединенных поначалу идеей модернизации под лозунгами перестройки и ускорения, с опорой на собственные ресурсы и представления. С образованием Новой России к модернизационным настроениям добавилось стремление к скорейшей «десоветизации», избавлению от особо раздражавших признаков прежних времен.

Новое видение зарождается и формируется в условиях жесточайшего кризиса, финансового, организационного и технологического. Крайне скромные располагаемые ресурсы становятся главным ограничителем имплементации конкретных идей, концепций и планов.

Видимым и осязаемым ответом на кризис становится либерализация строительного законодательства и градостроительной политики, отмена прописки и фактическое создание рынка земли. Кризис трансформируется в строительный бум, который для малых городов оборачивается хаотичной застройкой лучших, центральных участков, а для городов больших – массовым воспроизводством советской модели многоквартирного жилого дома.

Продолжением советских практик и несбывшихся планов становятся работы по организации целостной системы расселения в новых границах страны и попытки планомерного и опережающего развития инфраструкту-

ры, т. е. преодоления хронического инфраструктурного отставания.

Организационно-технологические компоненты нового мира возникают стихийно или заимствуются у советского прошлого. Но почти все, что имеет социокультурную и архитектурно-художественную природу, происходит из параллельной архитектуры. Первым и главным итогом параллельного сознания становится почти незаметная и безболезненная смена парадигмы. Индустриальный город, город для завода и расселение для социалистической экономики вытесняется городом постиндустриальным. Нечто застроенное, прикрытое лукавым лозунгом «город для человека» сменяется реальным городом-продуктом для человека как потребителя, а не исполнителя трудовой повинности.

Уходящая параллельная архитектура делится смыслом и содержанием с новым видением, запускает растянувшийся почти на полтора десятилетия процесс, напоминающий сдержанный «культурный ренессанс», естественную компенсаторную реакцию на итоги застоя. Предметом внимания становятся, помимо новых жилых районов, городские пригороды, где возникают первые коттеджные поселки с домами для круглогодичного проживания, и стагнирующий исторический центр города, который становится неисчерпаемым источником обогащения.

Разнообразие условий проживания и образа жизни превращается в норму, вытеснившую единый для всех советский «триатлон»: квартира в панельном доме, шесть соток и «Жигули». Искусственная многоступенчатая система обслуживания замещается более естественной, двухуровневой, поляризованной системой, где на одном полюсе – объекты «шаговой доступности» (впоследствии дополненные системой доставки на дом), а с другой – большие многофункциональные центры, расположенные в узлах и на магистралях.

Художественный язык становится более живым, артикулированным, богатым и быстро пополняется ранее недоступными средствами выражения, тем, что долго копилось в процессе свободного рисования и идейного станкового проектирования.

Модернизация и прогресс на этот раз пришли не в глобальных, транснациональных одеждах, но под знаменем идентичности, интеллектуальной самостоятельности и свободы выбора между «постмодернизмом» и «неомодернизмом», между «ретро» и новым авангардом. Возможно, впервые за многие годы движение профессии пошло не по известной траектории «вперед-назад», но в глубину.

Самыми популярными становятся воспитанные параллельной архитектурой слова общепрофессионального лексикона: «среда», «контекст», «наследие».

Среда приобретает два прочтения: узкое и широкое. Широкое трактует среду как непрерывную объективную реальность, естественно складывающуюся и подлежащую внимательному изучению. Впервые с 1917 года возникают темы кадастрации земли, правил землепользования, парцелляции, регламентов и т. п. Более узкое, «инструментальное» прочтение связано со средовым подходом, с методиками проектирования, где жесткая функциональная детерминированность и типологические ограничения уступают место гармоничности, уместности и многофункциональности, где поведение человека, эмоции и переживания значат не меньше, чем квадратные метры.

Вслед за средой широкое и узкое прочтение обретает контекст. Широкий культурный контекст, представление о культурном ареале, культурном коде порождают впервые в отечественной архитектурной истории региональную архитектуру как особое явление. Лидерами регионализма становятся несопоставимые по их строительной

активности, но располагающие вполне сравнимыми архитектурными достижениями Москва, Питер и Нижний Новгород.

Новая архитектура Питера и Нижнего стала результатом прямой активности визионерских сообществ, обнаруживших готовность и способность в условиях очевидной ресурсной ограниченности реализовать собственную картину. Отличие московского, или «лужковского», стиля от вызывающих несомненное сочувствие нижегородского «постмодерна» или питерской «неоклассики» в качестве сделанного: инициатором московского регионализма оказался мэр, а не профессиональное сообщество, отнесшееся к призыву мэра со скепсисом и недоверием. Уникальная возможность создания региональной архитектуры, способной завоевать симпатии общества и оказать влияние на происходящее в стране и в мире, был упущен. Опыт Голландии или Финляндии, сопоставимых по потенциалу с Москвой, не был повторен.

Более понятной и успешной оказалась работа с малым, локальным контекстом. Отныне власть и общество склонны настаивать на неинвазивном вторжении в историческую ткань и сдерживать аппетиты заказчика. Целью, к которой принято стремиться, становится «уместность», точное соответствие духу и физике места.

Самой чувствительной и болезненной областью становится «наследие». Здесь сталкиваются видения архитекторов-созидателей и архитекторов-охранителей, тех, кто считает главной ценностью процесс средообразования, формирования культурного пространства, сохранение закономерностей, следование им, и тех, кто главным считает сохранение материальных следов и старых камней. Видение наследия или изолированным и выделенным фрагментом пейзажа, судьбу которого можно решить лишь в далеком будущем, или действенным ресурсом создания актуальной среды оказались трудносовместимы. Каждый остался при своем; пути разошлись. Город, прежде всего Москва, приобрел некоторое число восстановленных и сохраненных памятников-окаменелостей и обогатился разной степени корявости «новоделами», включая Храм Христа Спасителя, по сути, ставшими воплощением концепции ретроразвития. Принципиальное отличие московских новоделов от ереминских фантазий и причина нетождественности тех и других в том, что первые кажутся муляжами и имитациями, а вторые – порождением живого и непрерывного культурного процесса, когда-то прерванного и едва ли подлежащего восстановлению.

Середина-конец «нулевых» годов – время наступления очередного культурного цикла и смены картины мира. Страна пребывает в состоянии устойчивого экономического роста. Нарастает поток западных технологий и западных инвестиций. Вместе с ними с запада приходят новые волнующие идеи, что оказывается весьма кстати, поскольку визионерские запасы советских времен за редким исключением оказываются или исчерпанными, или вообще неприменимыми.

Особенностью нового цикла является фактический уход федеральной исполнительной власти из проектной и строительной деятельности, фактический отказ от управления пространственным развитием. Ответственность за будущее передоверяется не особо осведомленным региональным властям и более мотивированному крупному строительному бизнесу. Общество в лице муниципалитетов, соседств, малых групп утрачивает недавно обретенные средства воздействия на собственное окружение. Государственные институты, занимавшиеся научными исследованиями и созданием нормативно-правовой базы проектирования и строительства, ликвидируются. Вслед за наукой исчезает архитектурная критика, замененная коммерческой рекламой

и антирекламой конкурентов. Молодой российский строительный бизнес, главный выгодополучатель, главное действующее лицо, основной субъект градостроительной деятельности, вслед за своим ушедшим предком, советским стройкомплексом, сосредоточен на происходящем «здесь и сейчас», особого интереса к видению отечественных экспертов не обнаруживает и планы на будущее строить и раскрывать не стремится.

Отсутствие ясно сформулированной стратегии пространственного развития, отсутствие научной и критической рефлексии в отношении происходящего делают задачу восстановления реальной, действующей картины мира не менее интригующей, чем на предшествующем этапе. Туман, окутывающий эту картину, ее неопределенность усиливаются официальными и полуофициальными суждениями представителей власти, которым не всегда удается договориться друг с другом о планах на будущее, о приоритетах и вызовах.

Усредненная, обобщенная, нанизанная на некую равнодействующую картина российского мира нулевых-двадцатых годов XXI столетия оказывается на удивление простой. Тема расселения на огромных пространствах страны, бывшая на протяжении многих столетий базовой и приоритетной, снимается с повестки. Предметом внимания, идеалом и целью становится город не менее, чем на миллион жителей, застроенный огромными многоквартирными коммерческими домами на манер тех, что соорудились в середине прошлого века по программам строительства социального жилья в Европе и СССР. Привлекательность, лоск и современный европейский облик такому городу придает «комфортная среда», понимаемая как стандартное благоустройство незастроенных пространств. Этот идеал или концепт, принятый к исполнению бизнесом и властью, не описывается, не закрепляется документально, но четко и недвусмысленно иллюстрируется главным и лучшим городом страны, ее столицей. Москва второго десятилетия нового века – безусловный и единоличный лидер, модель, эталон и прецедент, привыкший к комплементарам западных экспертов, подтверждающих ее соответствие самым высоким требованиям.

Выбор именно такой картины сопровождался не менее важным выбором между рискованными вкладами в развитие собственного видения, собственных инноваций и гарантированным получением пакета проверенных импортных продуктов. Выбор был предсказуемо сделан в пользу заимствований и догоняющего развития, причем в число заимствований, наряду с новыми технологиями и материалами, вошли архитектура и архитектурный курс. Баланс локального и глобального оказался смещен в сторону последнего.

Прогрессист, сторонник социально-политических преобразований и энтузиаст новаций мэр Лужков, подобно революционеру Ленину, сочувственно относился к традиционным культурным и художественным ценностям. Мэр Собянин, консерватор, сторонник ресоветизации и сдержанных, умеренных действий, оказался предрасположен к неомодернистской архитектуре в ее самой бескомпромиссной северо-европейской, «протестантской» версии. Казалось бы, парадоксальные предпочтения мэров, выбор которых носит манифестационный характер и определяет общенациональную повестку, не вызывает «когнитивного диссонанса». Заимствования западных одежд и фасадов, по введенной с петровских времен российской традиции, принципиально декоративны, не сопровождаются внутренними изменениями и вполне уживаются с отечественным типом институтов и сложившимся устройством жизни.

Установление стилистических параметров и «дизайн-кодов» проходит при самом активном, никаким

законодательством не ограниченным прямым участием западных компаний. Любой ответственный проект, выполненный без иностранного участия, встречается с недоверием и не может рассчитывать на коммерческий успех. Местные архитекторы по факту оказываются на вторых ролях, в положении учеников и исполнителей.

Заимствования, импорт проектных решений и следование глобальным трендам становятся заменой всему локальному и контекстуальному. Мода, своевременность, современность замещают требование уместности. Форма решительно порывает связь с местом, землей, на которой строят. Дома отдаются во власть времени и становятся неотличимы от движимых, переносимых в любое место вещей, предметов, продуктов промдизайна.

Утрата архитектурного суверенитета влияет не только на дома и их фасады, но и на архитектурный нарратив. Тексты, теоретические, критические, тексты-видения отечественных авторов выходят из употребления и замещаются не столько качественными переводами западных текстов, сколько не очень точным, избирательным и вольно трактуемым изложением их содержания. Под влиянием разного рода реферативных изданий, книг и статей складывается особый дискурс, наполненный множеством ласкающих слух, но плохо переводимых, трудно усваиваемых и сложно приложимых к российским реалиям выражений и слов, вроде «устойчивого развития», «инклюзивности», кастомизации и т. д., и т. п.

Финал советской параллельной архитектуры, советского неофициального визионерства и последующие события не были явлениями локальными: они совпали с аналогичными процессами на Западе, где явно ощущалась утрата архитектурой прежнего влияния и прежних амбиций, где визионерство переходит в иное состояние, где появляются иные носители нового видения.

Драма архитектурного визионерства разворачивалась на фоне начавшейся столетие назад кардинальной трансформации всей архитектурной деятельности. Архитекторы – не первые и не последние из тех, кого коснулась постиндустриальная революция. Незаметно, но последовательно профессия утрачивает контроль над архитектурой, переуступая компетенции неархитекторам. Занятия, еще недавно полностью и безраздельно принадлежавшие архитектуре, переходят к его партнерам и конкурентам.

На смену существовавшим многие годы привычным командам архитекторов, возглавляемым архитектором, отвечавшим, в том числе, за деньги и качество строительных работ, пришли горизонтальные структуры со сложным и глубоким разделением труда. В России ускорение этому процессу сообщил четвертый за последние сто лет удар, перенесенный культурой и архитектурой в начале 1990-х. Рядом с архитектором возникают энергичные и агрессивные менеджеры, координаторы, программисты, управляющие проектами, технические заказчики, маркетологи, инженеры-технологи и конструкторы, специалисты по организации строительства, исполнители все более многочисленных разделов проектной документации, люди, занятые визуализацией и «креативщиками», сосредоточенные на производстве концепций и даже те, кто, не будучи «авторами», ведут авторский надзор.

Все они успешно освобождают архитектора от множества забот. Одни отбирают куски когда-то неделимого архитектурного пирога, другие делят сам пирог между теми, кто делает жилые дома, кто занимается больницами, кто проектирует частные домики и кому достаются особняки олигархов. Тщательно оберегают от посторонних свой кусок пирога ландшафтные архитекторы и дизайнеры интерьера. Архитекторов и компаний, способных самостоятельно справиться с любой проектной задачей, практически не осталось, несмотря на то что школы про-

должают готовить специалистов «широкого профиля», «без границ».

Меняется самоощущение профессии и ее восприятие извне клиентами, публикой и властью. Современный архитектор не ощущается потомком жрецов и родственником вольных каменщиков. Цифровые технологии завершили превращение проектирования в род индустрии, полностью лишенной признаков сакральности. Владение тайной порождения идеи или концепции и уникальное умение эту идею визуализировать, изобразить – все это оказалось утраченным и неактуальным. Доступная немногим способность рисовать, чертить, строить перспективы и красить небеса на гигантских подрамниках оказалась обесцененной. Создание виртуальной архитектуры, или реальности, мало отличимой от действительной, стало делом техническим и рутинным.

Одновременно с монополией на изображение архитектор теряет контроль над рождением проекта, его геномом, тем, что считалось окутанным тайной «творческим» компонентом, или «концепцией».

Представления о том, что цифра или искусственный интеллект может сам генерировать форму, пространство и предсказывать развитие, освобождает от ответственности и обязательств. Вера в чудо, жажда чудес скрывают то очевидное обстоятельство, что задолго до подхода к монитору сложная параметрическая форма присутствует в воображении, что сознание уже подготовлено к встрече с этой формой, она ожидаема и желанна. Биоморфная, зооморфная, криволинейная, трехмерная, иррациональная пластика предчувствуется и предугадывается художниками и архитекторами задолго до того момента, когда воплощение этой пластики становится доступной и рутинной процедурой. Утрата этого предчувствия будет равна утрате смысла профессии и ее уходу.

Возможность обращения всех и каждого к бескрайнему хранилищу чужого опыта и состоявшихся открытий сделало необязательными и даже рискованными самостоятельные творческие блуждания. Прямые цитирования и заимствования, еще недавно стыдливо скрываемые, замалчиваемые и завуалированные, становятся явлением общепринятым и ничем не скрываемым. Новая профессиональная этика едва ли не предписывает пребывание «в тренде». Ссылки на авторитеты, прототипы и «позитивные практики» становятся нормой и гарантией успеха.

Распавшаяся на множество составляющих, архитектурная деятельность эффективно и вполне отчетливо объединяется и структурируется финансовыми механизмами. Картина мира, видение мира приобретает расплывчатый характер и вытесняется на второй план. Более того, будущее архитектуры и градостроительства начинают предсказывать те, кто прямого отношения к предмету не имеет.

Ни власть, ни бизнес, ни общество не генерируют видение будущего, но формируют его из поставляемого им материала. Утрата архитекторами их особых прав на эти поставки вызвана и внутренними, и внешними причинами. Внутренние причины связаны с коммерциализацией архитектурной деятельности, ее редукцией до дизайна или оформления продуктов строительного производства.

Судьба дизайна поучительна: забыв наставления своих отцов-основателей, многие из которых имели архитектурные корни, он забывает о миссии и становится слугой бизнеса, сохранив в виде воспоминания скромный изолированный сегмент, именуемый «арт-дизайном».

Ощущение архитектором своей миссии и особой ответственности не только перед заказчиком, но и перед всем местным сообществом забывается, оказывается не особо ценным окружающими. Архитектора в роли предсказателя и представителя будущего все реже счи-

тают заслуживающим доверия, обвиняют в высокомерии и отвлеченности.

Власть, бизнес и общество все чаще склонны доверяться урбанистам, людям с экономическим или юридическим «бэкграундом», разного рода социальным активистам, включая сторонников партисипации, охранителей природы и культурного наследия, защитников интересов «малых групп», энтузиастам «малых дел» и «прямых действий» и, наконец, айтишникам, занимающимся городом, и экологам или специалистам в области «зеленых» технологий.

Усилиями новых экспертов единая картина мира распадается на ряд отдельных слоев или картин, не совпадающих друг с другом. Цифровой или информационный город, «экогород» или «зеленый» город, город, создаваемый самими жителями, и город, состоящий лишь из сохраняемых памятников природы и культуры, совместимы сложнее, чем самые разные архитектурные видения.

Принципиальное отличие этих новых моделей от их архитектурных предшественников заключено в отсутствии архитектурной или художественной осмысленности и в иной природе. Урбанистам и социальным активистам принципиально чуждо проектное сознание, т. е. способность увидеть то, чего еще нет в действительности. Они заняты «градрегулированием», работой с имеющимся материалом, не требующим проектного вмешательства и качественных изменений. Труднопреодолимым недостатком «регуляторных» моделей становится неспособность, несклонность к адекватной реакции на «черных лебедей», на непредвиденное и неожиданное.

Часто упоминаемые экогород и цифровой город при ближайшем рассмотрении также оказываются продуктами особого, внеархитектурного, архитектурно-нейтрального видения, видения, не порождающего собственную форму, безразличного к физической форме и реализуемого практически в любой оболочке. Неполноценность, недосказанность и неполнота этого состояния не смущают никого, включая архитекторов.

Нынешняя картина мира размывается и утрачивает архитектурную доминанту, архитектурные открытия растворяются в общем потоке инноваций. Гибкие и чувствительные новые индустрии легко адаптируют и акцентируют самые невероятные идеи, становящиеся их новым топливом и сырьем. Рождение, селекция и капитализация идей превращаются в непрерывный процесс. Разрывы между открытиями и их воплощением, между видением доминирующим и оппонирующим, между глобальным и локальным исчезают. Критерии отбора видений и открытий все чаще определяются за пределами визионерского сообщества.

Торжество визионерства оборачивается его кризисом и переходом под внешнее управление. Картина мира перестает быть бесплатным даром визионеров-альтруистов. Видение превращается в товар, предмет экспорта-импорта на открытом глобальном рынке. Носителями видения, создателями глобальных трендов становятся «звезды» архитектуры, гастролирующие по миру, гарантирующие репутационные бенефиции и признаки успешности заказчикам, городам и странам.

Предвидя и одновременно формируя нечто подобное, бизнес и власти разных стран начинают вкладывать деньги и организационные усилия в архитектуру. Главной заботой становится обучение архитекторов и развитие архитектурных школ. В конце 1980-х маленькая Голландия принимает программу, делающую ее крупнейшей архитектурной державой мира, колыбелью звезд, законодательницей моды и экспортером брендируемых проектов. Спустя какое-то время в борьбу за архитектурное лидерство вступает Китай. Тысячи китайских студентов проходят обучение в лучших школах мира, выставки

китайской архитектуры на международных площадках становятся самыми заметными и впечатляющими. Успехи китайской строительной индустрии на мировом рынке подряда, выход Китая на международный арт-рынок – все это предвещает торжество китайской архитектуры, китайского видения, становящегося мягкой и действенной силой.

Сила, в которую превращается волнующее новое видение, ведет за собой проектирование, а вслед за ним движутся материалы, технологии, банки и подрядчики. Видение, успешно торгуемое на глобальном рынке, становится признаком прогресса и процветания, четко транслируемым и без труда считываемым.

До недавнего времени Россия пребывала в роли активного потребителя этого продукта. Но финал второго пятнадцатилетия Новой России может стать прологом, началом этапа пробуждения, интереса власти, общества и бизнеса к новому и собственному видению. И хотя сегодня трудно представить конкурс идей на театр будущего с сотнями участников, обсуждениями, прессой и критиками, зато заметен интерес к концепциям и «креативу», зачаточным формам нового видения, постепенно пробуждается. Конкурсы на концепцию, которые перестают быть редкостью и экзотикой, говорят о потребности в чем-то таком, чего не найти на «просторах интернета».

Способность природы к воспроизводству, а культуры к самовосстановлению гарантируют постоянные поставки в установленном количестве мечтателей и проектеров, которые мутируют и деградируют, не находя достойного и понятного приложения, реализации своего потенциала и исполнения заложенной в них программы. Их состояние отчасти напоминает то, в котором пребывали в годы советской власти люди, рожденные священниками или иконописцами. Проблема не в интеллектуальном истощении этноса или профессии, не в исчерпанности внутренних потенциалов, не в отсутствии талантов, но в их неразвитости и не востребованности. Архитектура стоит перед выбором: превратиться в подобие промышленного дизайна или повторить судьбу театра, сумевшего с появлением кинематографа не только выжить, но открыть новые для себя области приложения: от массовых зрелищ до скромных перформансов и камерных импровизаций.

Новая картина мира, способная сопровождать очередной культурный цикл, если и возникнет, то в итоге синергетического акта: пробуждения визионерского сообщества и появления у него верных союзников, спонсоров и друзей, представляющих российскую власть, бизнес и общество. Этот акт может растянуться на неопределенное время, а может сжаться до момента появления яркого архитектурного лидера-визионера, до некоего знакового события, порождающего лидеров.

«Девяностые»

Новая, «послезастойная» картина мира начинает складываться в период перестройки, задолго до событий 1991 года. Решительному изменению профессионального сознания и институтов предшествовали два события. Это встреча Ельцина, только что вступившего на пост первого секретаря горкома партии, с молодыми московскими архитекторами, участие которых в перестройке было расценено как важнейший вклад в будущее страны. И это прошедший через год «революционный» съезд Союза архитекторов СССР, завершившийся вместо предписываемого правилами переизбрания на второй срок Полянского, приходом на его место визионера и демократа Платонова.

Быстрые и самые радикальные, в сравнении с произошедшими позднее, шаги привели к становлению законодательства, ликвидации монополии государственных

проектных институтов, становлению частных мастерских и компаний с иностранным участием. Строится мало, но зато резко возрастает проектная активность. Параллельная архитектура и новое видение получают возможность легализации и выхода на поверхность.

Превращение «советских» архитекторов в «российских» прошло без потрясений и впервые за многие годы сопровождалось приливом сил и надежд.

Генератором нового видения назначается ЦНИИТИА или ВНИИТИАГ, в недавнем прошлом главное убежище советских визионеров, которому отныне разрешается заниматься экспериментальным проектированием. На языке того времени это звучит как прямой призыв к формированию новой модели существования.

Инициатором нововведений оказывается приглашенный из Ленинграда на должность замминистра строительства и архитектуры России Александр Кривов, член ГПП, в свое время открытый Гутновым, автор новых городов Шевченко и Навои. Его приход означает примирение, взаимное признание, слияние, или конвергенцию, официальной и параллельной архитектуры.

Вслед за внутренним примирением следует открытие российскими архитекторами окружающего мира и открытие миром России. Мутные фотографии и невнятные переводы уступают место прямым контактам. Все, связанное с Россией и российской архитектурой, вызывает искренний интерес. Приглашения читать лекции, участвовать в выставках и конкурсах, успешность этих опытов, премии и награды заставляют быстро преодолеть прочно укорененный комплекс неполноценности. Впервые за многие годы российский архитектор ощущает себя равным зарубежному коллеге.

Литература

1. Боков, А. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. 2018. – № 57. – С. 112–124
2. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 12 с. : ил.
3. Боков, А. Негород. Часть 2 // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 16–22
4. Боков, А. Параллельная архитектура оттепели и застоя. Визионеры // Проект Байкал. – 2022. – № 71. – С. 58–69
5. Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство. – Москва : Кучково поле Музеон, 2020. – 240 с. : ил.

References

- Bokov, A. (2018). On the Spatial Development Strategy. Project Baikal, 15(57), 112-124. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1367>
- Bokov, A. (2021). Noncity. Part 2. Project Baikal, 18(68), 16-22. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
- Bokov, A. (2022). Parallel architecture of the Thaw and Stagnation. Visionaries. Project Baikal, 19(71), 58-69.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). Budushchee goroda [The Future of the City]. Moscow: Stroyizdat.
- Pionery sovetskogo modernizma. [The Pioneers of Soviet Modernism] (2020). Architecture and Urbanism. Moscow: Kuchkovo Pole Museon.

Мы оказались в мире соглашений и оппортунизма, где имеются различия, но нет противостояний. Каждый имеет право на индивидуальность и оригинальность - но эти индивидуальные различия не формируют никакой общей структуры отношений. Исторически в этой проблематике явно видна механика и система индивидуации, противостоящая идее общности. Индивидуация в архитектуре, и не только, осуществляется на разных уровнях социокультурной иерархии.

Ключевые слова: архитектура; оппозиции; позиции; индивидуация; общность; имя; группа. /

We find ourselves in a world of agreements and opportunism, where there are differences but no oppositions. Everyone has the right to individuality and originality, but these individual differences do not form any common structure of relations. Historically, the mechanics and system of individuation, which opposes the idea of community, is clearly visible in these problematics. Individuation in architecture, and not only, takes place at different levels of the socio-cultural hierarchy.

Keywords: architecture; oppositions; positions; individuation; community; name; group.

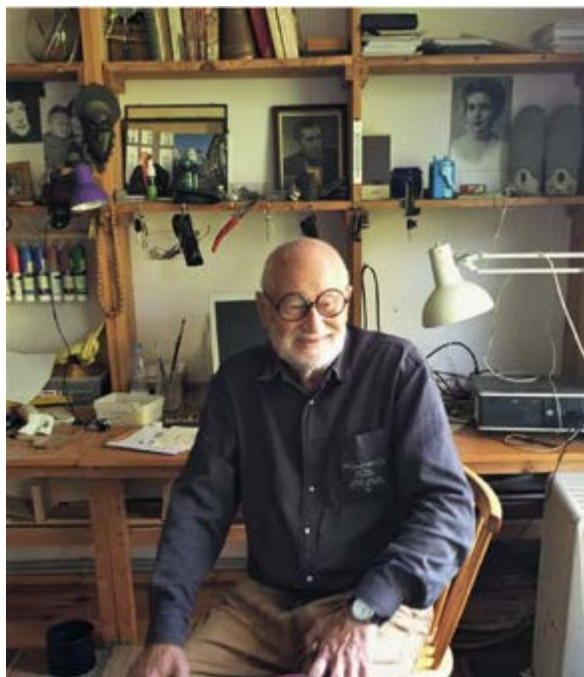
Позиции и оппозиции / Positions and oppositions

текст

Александр Раппапорт
Союз московских архитекторов; Союз дизайнеров России /

text

Alexander Rappaport
Union of Moscow Architects; Union of Designers of Russia

В США в течение нескольких лет завоевал себе славу передовой теоретической трибуны журнал «Оппозиции». Но что стоит за этим словом? Прежде всего за ним стоит убеждение, что архитектурный мир и мысль можно разделить на какие-то творческие и идеологические течения как позиции, которые, отстаивая свое кредо и видение прошлого и будущего, не совпадают с друг с другом и образуют, таким образом, структуру оппозиций. Выявлению и обсуждению этой структуры и мог бы посвятить себя журнал, цель которого была бы уже не столько в обострении противоречий, но в рассмотрении их как структурно-го целого.

Смысл этого целого как единства мог бы быть выражен в понимании того, что мир, культура и архитектура в начале третьего тысячелетия переходят в качественно

новую фазу или ступень и что понимание этой новой эры не выработано, хотя есть несколько проектов или концептуальных подходов, в дискуссии между которыми и можно было бы нащупать контуры новой эры.

Стоит подчеркнуть, что это общее понимание не имеет оппозиций. То есть мы едва ли найдем группы или индивидуальные позиции, с точки зрения которых ничего такого нет и быть не может, и никакой общей линии формирования новой парадигмы обсуждать нет смысла. Это было бы возможно, но такой позиции, пожалуй, мы пока что не видели.

Мы оказались в мире соглашений и оппортунизма, где имеются различия, но нет противостояний. Каждый имеет право на индивидуальность и оригинальность, но эти индивидуальные различия не формируют никакой общей структуры отношений. Возможно, что именно поэтому журнал «Оппозиции» и прекратил свое существование.

Этот случай крайне интересен, ведь, с одной стороны, за всяким сохраняется право на оригинальную позицию. Но право это реализуется в частности, между которыми нет принципиальных различий в понимании целого. Все сводится к описанию или в лучшем случае классификации и систематизации позиций, но до структурного противостояния дело не доходит – индивидуальные позиции можно описать совокупностью признаков, но из этого никаких структурных выводов сделать не удастся.

В начале XX века ситуация была иной и творческие интенции сами по себе стремились воплотиться в оппозиции, например урбанистов и дезурбанистов. Даже в целом авангард оказался тогда в оппозиции к традиции. Теперь ничего подобного нет: всюду действует принцип сочетаемости и вседозволенности, можно быть и архистомом, и новатором, не чувствуя ни малейших неудобств. Архитекторы ориентируются не на движения и позиции, а на индивидуальности. Мне часто приходится слышать в ответ на мои жалобы, что архитектура-де умирает, живые возражения, что вот в таком-то городе она живет и воплощается в деятельности такого-то замечательного человека.

Дисперсная сеть индивидуальностей, не объединенных групповыми ценностями и изъятых из оппозиционных внутренних структур, оказывается своего рода хаосом,

в котором нет не только пророков, но и общих норм мышления и поведения, отчего нормы поведения складываются независимо от творческих убеждений. В качестве ориентиров выбирается нечто другое – политические и нравственные ценности, а то и просто характерный образ жизни, тяготеющий к театральной или артистической богеме.

Исторически в этой проблематике явно видна механика и система индивидуации, противостоящая идее общности. Индивидуация в архитектуре, и не только, осуществляется на разных уровнях социокультурной иерархии.

Самый нижний, пожалуй, находится на уровне индивидуума с его именем. И этот уровень Имени (Сократа, Аристотеля, Парменида...) никогда не растворится в общем понятии античной диалектики. Имена Ле Корбюзье, Миса ван дер Роэ – в понятиях архитектурного авангарда. Однако в настоящее время имя индивидуального архитектора – особенно «стархитектора» – уже перестало нуждаться в такой «партийной» принадлежности.

Сегодня самооценка архитектора измеряется не причастностью к какой-то группе или течению, а лишь к степени успеха на рынке и известностью в профессии. Эта схематика индивидуации продолжается, идя от индивида вверх, в более широкие и общие категории – в название группы или течения, затем в категории стиля или направления, а выше – уже в категории культур или эпох.

Однако эта схематика и ее механика не так уж просты. Существуют индивидуальные имена, логически ни с какой групповой общностью не связанные. Например, победительницы конкурса на титул «Мисс Мира» имеют собственные имена, но они ничего не значат. А вот имена Магомета или Иисуса, бывшие некогда индивидуальными, сделали сами именами гигантских социально-культурных общностей.

В архитектуре поворот от имен к группам был осуществлен авангардом с его педалированием групповых ценностей. Затем в рамках этих групп вновь стали выходить на первый план индивидуальные имена вроде Малевича или Татлина. Но в середине XX века начался обратный тренд – в пользу анонимности. Его начали в свое время Диана Агрест и Марио Гандельсонас, выдвинувшие на первый план научные и философские основания архитектуры. И этот тогда крайне новаторский шаг был подхвачен бюрократией, особенно в тоталитарных странах, где существовал своего рода цензурный контроль над именами.

В СССР и России эта линия на анонимность продолжается под лозунгом научного подхода, а имена стали производиться не самими индивидами, а бюрократической системой и ее принципами выдвижения руководителей. Так это происходит и сегодня, где имена делаются на келейных заседаниях.

Наука и философия сделались единственными основаниями культурной анонимности при условии забвения становления самой науки, когда последняя отделилась от своих гениев и обрела статус независимого и индивидуального начала. В реальной истории, естественно, это было не так, и индивидуальные имена не только реально развивали науку в борьбе групп и направлений, но и входили в тело самой науки в качестве новых обезличенных понятий – ом, ампер, вольт, ньютон и пр. В архитектуре такой терминологической фиксации личности не сложилось.

Далее наряду с наукой в область обобщенных категорий, детерминирующих архитектурное и художественное творчество, стала входить феноменология. Феноменология оперировала безличными категориями сознания, хотя сам феномен индивидуальности при этом даже повышала, так как феномены оставались в сфере индивидуального сознания.

Следующий шаг обобщения инициатив творческого мышления сделала лингвистика и выросшие из нее семиотика и структурализм, так как в категориях языка индивидуальность (автора и читателя) вновь уступила место структурам обезличенных элементов семантики и синтаксиса. Но структура рыночной культуры и рекламы постепенно вернула имена в качестве «брендов». Новые имена-бренды сохраняли свойства индивидуального мышления, но само это новое псевдомышление лишилось своих конститутивных моментов – логики, ценностей, исторических конфликтов.

Так постепенно действительная роль индивидуума и его имени в культуре превращалось в торговую или модную марку-символ. Попадая в сферу самосознания, это превращение изменило и самую логику развития индивидуального мышления: на первое место встала не верность общим принципам, а присвоение принципов личным именем.

На рубеже веков и тысячелетий вся эта историческая диалектика обретает огромный смысл, так как вопрос индивидуации – как творчества, так и восприятия – становится системообразующим новой парадигмы, в которой уже произошел отказ от категории «прогресса» как доминирующего понятия. Но за отказом от прогресса неминуемо следует и разрушение всех обобщенных категорий культуры.

Сегодня этот процесс очень ясно ощущается в возвращении к категориям, господствовавшим до эпохи Просвещения, а именно в выдвижении на место универсалий категории нации, вероисповедания, расы и пр.

Проблема, таким образом, состоит не в новом культе личности внутри профессии (последняя все еще претендует на форму индивидуации и оппозиций) или вне профессии, а в уяснении механизмов соотношения индивидуализирующих и обобщающих категории мышления и деятельности. Задача эта не из простых, но, не найдя ключ к ее решению, нам не удастся выскочить из губительной стихии истребления имен и индивидуальных позиций.

Эти вопросы теснейшим образом связаны как с творческим мышлением, так и с рефлексивным восприятием – в обоих случаях в ней конкретизируется проблема: кто я – кто ты? Одновременно именно эта проблематика и становится стрелом новой пропедевтики, в наше время полностью лишенной рефлексии самопознания.

Нужно иметь в виду масштабы оппозиций. Иногда оппозиции работают как стимулятор поисков, увеличивая локальную и тотальную энергетику ситуации. Но результаты работы этой энергии могут не совпадать с расстановкой сил на какой-то момент, и потому историки скептически смотрят на локальные оппозиции. Тут речь должна идти не об ошибках, а о контроле над масштабам анализа.

Иногда на место позиций и оппозиций встанут социокультурные группы, оказывающие влияние на общественное мнение: авторитетные и модные журналы, патристические и модные течения, светское общество и разного рода «тусовки». В России они разделялись на более официальные, связанные с деятельностью бюрократических институтов или партийных структур (союзы, академии и пр.), и спонтанные, группирующиеся вокруг лидеров.

Литература

1. Рappaport, A. Кан и XX век // Проект Байкал. — 2019. — № 59. — С. 146–149
2. Багина, Е. Рappaport, A., Хмельницкий, Д. Сиротство авангарда. — Екатеринбург : Tatlin, 2016. — 228 с.

References

- Bagina, E. Rappaport, A., & Khmel'nitsky, D. (2016). *Sirostvo avangarda [Orphanhood of the Avant-garde]*. Yekaterinburg: Tatlin.
- Rappaport, A. (2019). Kahn and the XX century. *Project Baikal*, 16(59), 146-149. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1451>

Автор делает обзор международной практики существования в современных городах архитектурных памятников и фрагментов исторической среды, приводит примеры удачных решений. Характеризуются причины неудачных решений взаимодействия исторической и новой архитектуры. Подчеркивается значение художественной формы в архитектуре как принципа органического объединения старой и современной архитектуры.

Ключевые слова: градостроительство; историческая среда города; строительство; проектирование; охранные зоны; исторический город; художественная форма./

The author reviews international examples of the existence of architectural monuments and fragments of the historic environment in modern cities and highlights successful solutions. The article outlines the reasons for the failure of interaction between historic and new architecture. The author emphasizes the importance of the artistic form in architecture as a principle of organic unification of the old and modern architecture.

Keywords: urban planning; historical environment of the city; construction; design; protection zones; historical city; artistic form.

Градостроительные размышления / Urban Reflections

текст

Владилен Красильников
РААСН; МААМ /

text

Vladilen Krasilnikov
RAACS; MAAM

Я часто езжу по Садовому кольцу от Павелецкой площади в сторону Курского вокзала и наблюдаю сложившуюся застройку, особенно левой стороны. Все дома разные, разных эпох и стилей, разные по размеру, и главное – каждый за себя, не обращает внимания на соседа. И так почти во всех местах моего любимого города. И не только в моем городе и в моей стране. Пройдите по центру святого Рима. То же самое. Прекрасные руины древнего города рядом с дворцом-уродом короля Виктора Эммануила. Я посмотрел на центр Лос-Анджелеса: свалка небоскребов с пустырями, аэропортом и деревней. Но есть и Флоренция, и Венеция, где города просто слеплены рукой одного мастера. Да и наш Санкт-Петербург своей архитектурой рождает горожан особой породы. Таких примеров, хороших и плохих, можно приводить бесконечно много, самых разных по масштабу и по времени. Все это знают, а специалисты не могут объяснить, почему так получается.

Плохие и как бы «хорошие» примеры живут рядом и продолжают плодиться. Теперь, когда отстранился от практической проектной деятельности, я пытаюсь понять, почему так происходит. Понять это явление не просто; в нем все сплетено воедино: экономика, политика, социология, искусство и еще много других вещей.

Для меня, многие годы занимавшемся проектированием и строительством в основном общественных, чаще всего – зрелищных зданий, всегда стояла задача сочинить что-то оригинальное, свое, личное, что отличало твой проект от подобных. Иногда это даже удавалось.

Сложилось очевидное противоречие между устрашающим развалом городской среды во многих и многих городах и устремлениями архитекторов создавать свои сооружения, способствующие созданию таких критических контрастов в застройке городов.

К сожалению, отстают сохранность городов, особенно с большим историческим наследием, несмотря на обилие градостроительных ограничений, создание зон особого регулирования в таких городах, зон особой охраны, не удается и вряд ли удастся, несмотря на определенные успехи, особенно по охране и реставрации отдельных памятников архитектуры. Видимо, требуется принципиальное изменение взгляда на эту проблему. Надо

полагать, что она не единообразна и решаться может не одновременно.

Хочу начать с ясного для меня, возможно, самого простого. Надо приучить и научить своих коллег проектировать свои здания в согласии и дружбе с соседями и средой. Например, видел я новое здание из светлого мрамора на Гранд-канале в Венеции; И. В. Жолтовский построил мастерскую в среду знаменитого жилого дома на Манежной площади с очень крупным ордером, увязкой с соседней гостиницей и классическим фасадом университета, тактично расположив фасад своей мастерской в глубине улицы. Из современных примеров можно привести умелое встраивание нашими питерскими друзьями своих творений в историческую среду Санкт-Петербурга.

Но для этого надо преодолеть собственные творческие амбиции, так часто проявляющиеся и даже заявляющиеся российскими и, тем более, иностранными зодчими в сегодняшней Москве.

При этом мне представляется, что чувство художественного такта может привести к поиску особого решения, своеобразных находок, конечно, без подражания стилистических приемов соседей. Но для этого, конечно, нужно некоторое мастерство, чувство времени и среды.

Но трудно представить, что это выполнимо при существующих градостроительных ограничениях с зонами исторической застройки, четко обозначенных охранных территорий, за границами которых может вестись довольно свободное строительство. Такое свободное строительство влечет за собой создание вокруг охраняемых зон «заборов» многочисленной застройки, как правило, машинного производства, которая не предполагает даже минимальной переклички со строениями охранных зон. Может быть, я обостряю, но я москвич и сужу о том, что вижу сегодня.

Охранные зоны действуют, как правило, несколько десятилетий. За это время новое строительство (в основном, жилых зданий), инфраструктура сооружений на несколько километров окружают охраняемую зону, что не позволяет расширить их с приличным градостроительным и пластическим единством. Как преодолеть такие препятствия в естественном развитии города, и не только исторического? Ведь понятие «исторический город» тоже весьма условно: сегодня он новый, а через 100–150 лет уже станет историческим. Может, в будущем на охрану поставят пятиэтажный панельный жилой дом подобно тому, как мы чтим сегодня Поганкины палаты в Пскове – памятник жилого строения Древней Руси. Об этом тоже надо иногда думать. Я считаю, что знаменитый «девятый квартал» Новых Черемушек надо обязательно сохранить, включая и кварталы тех времен. Скоро им будет сто лет, и уже мало осталось людей, которые знают, что такие квартиры мы считали пределом мечтаний. С другой стороны, я не могу себе представить, как будут поступать с 20–30-этажными цветными монстрами через тридцать-сорок лет, когда они превратятся в опасные для жизни трущобы. Взрывать? Как смогут развиваться города, окруженные огромными сооружениями долговечной конструкции? Правда, весь смысл сегодняшнего бизнеса состоит в таком строительстве, чтобы оставлять себе работу в будущем и тем самым не возводить особо прочных капитальных зданий. В этом есть определенная логика жилищного строительства: учитывать естественное развитие во времени организации быта людей. Конечно, это входит в противоречие с историческим пониманием роли зодчества в развитии культуры общества и смысла деятельности архитектора. Но сейчас лучше об этом не думать.

И все же, каким образом можно организовать застройку городов, где существующая часть города органично переходила бы во вновь создаваемые районы? Чтобы

ответить на этот вопрос, надо, на мой взгляд, допустить значительную перестройку не только нашего архитектурно-строительного мышления, но и изменение некоторых социальных воззрений и в нашей стране, и вокруг нас с миром, нас окружающим.

Видимо, наступит время отучать людей жить в высоко расположенных квартирах, скажем, выше 10–15 этажей. При этом градостроительной науке необходимо убедить строителей, что при такой этажности можно достигнуть необходимой экономически выгодной плотности застройки с сохранением экологических нормативов. Не исключено, что потребуются изменение методов строительного производства, включая массовое заводское производство строительных бетонных изделий.

При этом могут быть внесены некоторые дополнения и корректировки в организацию проектного дела. И, конечно, надо будет пересмотреть и наши художественные воззрения и подходы, что для меня представляется особо важным.

Естественно, сказанное выше прежде всего связано с массовым жилищным строительством, объемы которого в ближайшее время вряд ли будут уменьшаться. Поэтому очень важно остановить все усиливающуюся агрессивность стройкомплекса, выполняющего эту непростую задачу. Между тем продолжается и будет продолжаться строительство и проектирование отдельных штучных общественных зданий, часто довольно крупных, как например, больших культурных центров в некоторых областях страны, которые, на мой взгляд, могут и должны стать образцами в творческих архитектурных поисках не только в функциональном, но и в образно-художественном отношении. И здесь я подхожу к теме, ради которой затеял эти записи.

Для нас, проектирующих архитекторов, всегда был и, надеюсь, будет конечной целью художественный образ здания или целого комплекса зданий, над проектами которых мы работаем, в которые вкладываем весь наш опыт и опыт предшественников, и, конечно, свою душу и творческие амбиции.

Я считаю, что для большинства творцов очень важно найти какую-то зацепку, которая станет ключом в поиске и нахождении индивидуального художественного кода. Таким ключом в исторически сложившихся городах может стать образ, дух и ритм художественно сложившейся среды, что в сочетании с сегодняшним взглядом и душевным настроением может подсказать и даже найти пластический и объемно-пространственный ход в творческой работе. Разумеется, намного проще сказать, чем найти в действительности, но в этом смысл и прелесть творческого труда. Создать свое, новое, которое не хуже старого, окружающего тебя. Один из плодотворных путей создания ярких проектов – глубокое проникновение в мысли предшественника: создавать, не копируя, а вникая в композиционную мысль.

Но проникнуть в суть композиционного мышления создателей окружающей среды трудно без серьезного и даже научного понимания закономерностей построения художественной формы. К сожалению, это та область, которая, в моем представлении, в последние десятилетия в отечественной архитектурной науке почти не развивается. Тектоника, вес и воздух, каркас и стена, силуэт и пластика, контраст и спокойствие, развитие пространства и его последовательное восприятие – вот некоторые проблемы для обсуждения и, возможно, для изучения не только на историческом материале. Многочисленные попытки научного познания художественного творчества в 1920–1930 годы не только в нашей стране к концу века заглохли, и сегодня мне о них мало что известно. Бытует мнение, что занятия этими проблемами не только малоинтересно, но и бессмысленно,

приводит к частой замене архитектурного мышления на чисто внешнее дизайнерское понимание процесса создания архитектурного произведения. Такова причина потери интереса к познанию формирования пространства, которое является сутью любого процесса архитектурного проектирования. Отсюда и обилие подражательных решений, копирование далеко не лучших образцов, равнодушные к привлечению зарубежных специалистов, развал организации проектного дела и потере интереса общества к процессу архитектурного творчества, к поиску красоты или, вернее, просто к красоте. Конечно, такие важные профессиональные рассуждения важны для большинства действующих зодчих, кроме весьма талантливых и даже гениальных отдельных представителей, которые всегда находили свое решение, непредсказуемое для нас, простых смертных.

Но все же за пределами этих мыслей остаются важнейшие градостроительные проблемы, которые хорошо решать в обстановке общегосударственной собственности. Но мы еще не освоили методы их решения в рамках рыночных отношений.

В связи с этим преобладающее значение имеет градостроительное законодательство, которое отражало бы не только интерес строителей и инвесторов, но, в первую очередь, интересы населения и их защитников: градостроительной администрации и органов охраны окружающей среды.

Естественно, должна быть ограничена излишняя высотность жилых строений, оптимизирована плотность застройки, должны быть четко зафиксированы требования к сохранению существующей застройки, включая построенные в последние десятилетия.

Подводя итоги этих размышлений, можно сделать некоторые выводы по обеспечению органичного проживания нового и старого в растущих наших городах.

1. Необходимо соблюдать допустимые контрасты по высотному строительству и массе соседствующих строений (например, в 5–6 раз).

2. Пластика фасада может быть предельно контрастной, но с некоторым сочетанием новых и прежних пластических приемов.

3. При застройке территорий со сносимыми строениями желательно оставлять значительную часть прежних строений (25–30%) с целью органической связи и даже переплетения новых и старых сооружений.

Эти возможные общие выводы исходят из естественного предположения, что потребности в новых, особенно жилых зданиях, будут расти. Хотя ясно, что новое строение сможет возникать только на месте прежних, что уже довольно часто происходит в некоторых европейских городах и даже странах. В нашей стране, к сожалению, пережившей в двадцатом веке многочисленные катаклизмы, вряд ли такое может скоро случиться.

Эти довольно краткие чисто градостроительные мысли упускают очень существенный художественный смысл нашей профессии; я сейчас не очень готов что-либо существенное сказать. Может ли современное градостроительство носить национальные русские черты, быть своеобразным, какими были наши города еще в XIX веке? Можно ли считать сегодня наиболее многоцветье высотных жилых строений поиском этих национальных черт, которое мы видим в Покровском соборе, многочисленных ярославских соборах или расписных избах в русских деревнях?

Я думаю, что главным признаком любого своеобразия в архитектуре прежде всего является пластика, силуэт и общий композиционный замысел. Но это уже другая и очень сложная тема градостроительной области; наверное, она заслуживает особого внимания и обсуждения особенно сейчас, когда есть угроза исчезновения понятия градостроительства как науки и даже как практики.

В статье анализируются трудности и компромиссы, на которые идет китайская архитектурная профессия, чтобы соответствовать тенденциям времени в условиях изменения цивилизации. Даже после десятилетий перемен и инноваций китайская архитектурная профессия все еще не смогла сформировать отличительные характеристики китайской архитектуры, которые бы соответствовали эстетике современного китайского народа. В проекте коммерческого комплекса «Гуанхуа» города Чэнду, представленного в статье, использованы элементы традиционной китайской культуры: сады и каллиграфия для создания «художественной концепции» в современном архитектурном дизайне, отражающей идентичность, присущую данному месту. Цель статьи – предложить новый путь исследования идей современного китайского архитектурного дизайна.

Ключевые слова: традиционная культура; современная архитектура; концепция; садовое искусство; каллиграфия./

The article analyzes the difficulties and compromise solutions that the Chinese architectural profession finds to meet the current trends in the context of changing civilization. Even after decades of changes and innovations, the Chinese architectural profession still has not been able to create distinctive characteristics of Chinese architecture to follow the aesthetics of modern Chinese people. The design of the Guanghai commercial complex in Chengdu presented in this article uses elements of traditional Chinese culture, gardens and calligraphy to create an “artistic concept” in contemporary architectural design that reflects the identity inherent in the place. The purpose of the article is to propose a new way of studying the ideas of modern Chinese architectural design.

Keywords: traditional culture; modern architecture; concept; garden art; calligraphy.

Китай: идентичность vs толерантность / China: Identity vs tolerance

текст

Антон Коста

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Сюй Шичуан

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет / text

Anton Kosta

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Xu Shichuan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Игра «современное и традиционное»

Если рассматривать цивилизации разных регионов как разные виды, то современную и постмодернистскую архитектуру можно рассматривать как изменения в мировой архитектурной цивилизации, вызванные эволюцией отдельных видов. В результате этой трансформации региональные здания на разных ступенях развития были созданы в одной и той же социальной среде [1].

За последние 100 лет западная цивилизация претерпела постепенную и упорядоченную эволюцию. Ее архитектура хорошо адаптировалась к временным изменениям, но китайская архитектура (и даже вся восточная цивилизация) была «втянута» в современную среду обитания и вызвала сильную «реакцию на стресс». Это свидетельствует о крайнем напряжении и стесненности, имеющим отличительные полярные характеристики – либо полное упрямство и старомодность, ненависть к современности, либо полное отрицание себя и полное принятие западных теорий и идей. В поляризованном состоянии первоначальное непрерывное и последовательное единое цивилизационное сообщество было разделено на два крайние противоположных лагеря: прошлое и современное [2]. Люди, находящиеся в состоянии изменения цивилизации, также невольно становятся на противоположные позиции самим себе. Полностью разорванные традиция и современность борются друг с другом. Они продолжают подчеркивать и усиливать различные характеристики друг друга, чтобы стабилизировать их положение в обществе.

В процессе спора в состоянии «мутации» Китай занимается основной проблемой бинарного противостояния. С точки зрения цивилизованной экологии, это проблема «китайско-западная», которая подчеркивает конкуренцию видов, проблема «старое-новое», которая фокусируется на адаптации к окружающей среде, и проблема «свой-чужой», которая отличает организационные единицы [3]. Во многих областях люди выбирают между китайским и западным стилем, старым и новым, необычным и самостоятельным, что привело к ценностной тревоге и кризису идентичности китайской цивилизации в отношении самоидентификации. Будучи важной частью «реинжиниринга цивилизации», китайская архитектура

также интерпретирует борьбу между традицией и современностью. От присущей нации формы в 1920–1930-х годах до национальной формы в 1950-х годах, после почти тридцатилетнего развития, в 1980-х годах появились постмодернистские и местные стили. После вступления в XXI век иностранные архитекторы хлынули в Китай в большом количестве, инновации и особая форма стали доминировать, Китай превратился в испытательный полигон для западных архитекторов. В то же время более позднее обучение позволило китайским архитекторам постепенно встать вровень с западным архитектурным миром в своих инновационных поисках. Однако изучая современную китайскую архитектуру, нетрудно обнаружить, что традиции и современность также демонстрируют экстремальные характеристики в области архитектуры. По сути, антагонизм в архитектуре, происходит не из самой архитектуры, а из изменений в обществе [4]. В непрерывной борьбе между традиционными и современными противоборствующими лагерями, а также в тревоге за идентичность и путаницу современная китайская архитектура не смогла сформировать стабильную строительную модель и архитектурный стиль, который принадлежит только этой цивилизации.

Представление об идентичности и инклюзивности Китая

Мы понимаем, что традиционные и современные проблемы китайской архитектуры в действительности являются неизбежным результатом борьбы со стрессом в условиях изменения цивилизации. Итальянский дизайнер Альдо Росси (Aldo Rossi) делит современную архитектуру на два типа: один – первичные элементы (primary elements), а другой – жилая зона (residential area). Основные элементы относятся к общественным зданиям, необходимым для жизни людей: больницы, коммерческие здания, университеты и т. д. Жилые сообщества состоят из характерных блоков, и жилые районы являются их очень важной частью. Однако к основным элементам также относятся некоторые здания, которые, в частности, можно назвать памятными зданиями. Эти здания являются важной частью города, и они будут определять район или даже характеристики города: Запретный город, пло-

щадь Сан-Марко и собор Парижской Богоматери. Когда люди говорят о такого рода архитектуре, они подсознательно думают о стране, нации или даже культуре, потому что эти здания наилучшим образом отражают основные характеристики района. Представим, что в городе есть несколько очень современных архитектурных стилей, и тогда город кажется оживленным. Но ему не хватает гуманистической атмосферы. Архитектура – это образное представление цивилизации, эстетики, искусства и социальной этики региона, а также материализованная память. Разные города и эпохи часто имеют разные архитектурные стили, а архитектурные стили воплощаются в двух аспектах: архитектурной форме и архитектурном характере. Архитектурная форма подобна одежде человека, обращающего внимание на внешний образ и меняющегося в соответствии с изменениями времени; архитектурный характер является внутренним, он относительно стабилен, зависит от уникальных характеристик окружающей среды, культурных генов и ценностной ориентации места. Архитектурный характер распознается в коллективном бессознательном и относится к содержанию духовной сферы.

Концепция формы и формальной эстетики как «иностранный продукт» пришла из западного мира искусства, но это не значит, что в Китае нет эстетических представлений о форме [5]. Диалектическая связь между содержанием и формой в китайской формальной эстетике основана на основной концепции «содержание определяет форму». Анализ взаимосвязи между ними в конечном счете сводится к тому, что «форма служит содержанию», то есть содержание является первичным, форма вторична, а эстетика в китайской культуре – это «эстетика содержания». С точки зрения анализа архитектурного пространства китайская эстетика часто заключается в создании определенной художественной концепции. Атмосфера – это область, которая может быть запоминающейся, но которую трудно четко объяснить, поэтому мы называем это «эстетикой художественной концепции». Понятие «форма» в западной эстетике имеет более широкое значение. В западной культуре форма более рациональна. Платон считает, что именно форма теории выводит все вещи на уровень beatификации. Кант считает, что это априорная модель человеческого понимания мира. Это содержание абсолютно не существует в китайской концепции формы. Отношения между формой и содержанием в китайской культуре – лишь один из аспектов западной формальной эстетики. Вся западная эстетика – это эстетика с формой в качестве ядра, то есть эстетика формы [1]. С точки зрения эмоционального выражения и анализа взаимосвязи между формой и содержанием китайский эстетический образ мышления подчеркивает всесторонность, в то время как западный подчеркивает интуитивность. Китайцы любят нежную и утонченную привязанность, в то время как жители Запада выражают ее напрямую. Когда речь заходит о различиях в контекстуальном выражении между ними, мы должны упомянуть о характере развития китайской и западной мысли.

Китайская нация уважает древние времена, и китайцы склонны оглядываться назад, на историю. Таково конфуцианство, своего рода взгляд назад. Видя недостатки цивилизованного общества, даосы обратились к примитивному социальному образу жизни. Под влиянием конфуцианства и даосизма китайцы сформировали мышление о древности и современности.

Западная философия – это философия, ориентированная на будущее. Западные архитекторы и теоретики ломают существующие правила и формы, создавая новые архитектурные искусства и теории. Западный дизайн принес нам много авангардного и передового в фило-

софскую рефлексию об архитектуре. Американский поэт Уитмен сказал: «Величайшие поэты формируют единство будущего, основанное на прошлом и настоящем» [6]. В самом по себе возвращении к традиции нет ничего правильного или неправильного. Главное – можно ли фальсифицировать традиционную культуру, чтобы получить ее суть и отказаться от лишнего. Как отразить новые китайские архитектурные особенности в современной архитектуре – это тема, которую современные местные архитекторы должны рассмотреть и обсудить.

Воплощение китайских особенностей в современной китайской архитектуре

Мы всегда говорили о зданиях с этническими характеристиками, но что именно представляет собой такое здание? Является ли постройка с традиционными китайскими элементами настоящим национальным зданием? Популярная поговорка гласит, что здания, в которых легко различить их этнические характеристики, и есть здания с этническими характеристиками. Такое мышление может легко заставить нас ошибочно полагать, что современная китайская архитектура должна быть способна включать элементы, которые существовали в исторических китайских зданиях [7], например, арки и большие крыши.

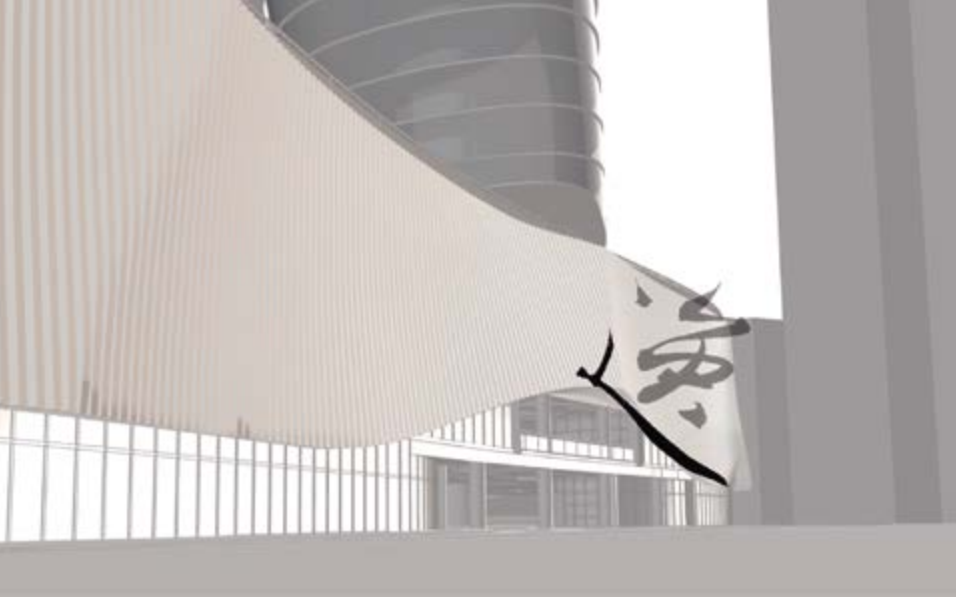
Когда речь заходит о китайских особенностях, мы сразу же фокусируемся на сокровищах, оставленных нашими предками. В соответствии с этой идеологической формулой оглядывания назад как мы могли бы создать новое здание, которое указывает на будущее? Почему мы не можем оторваться от этого образа мыслей и подумать о китайских особенностях?

В 1929 году немецкий павильон, спроектированный Мисом ван дер Роз для Всемирной выставки в Барселоне, не использовал никаких германских элементов, но 100 лет спустя мы все еще помним о павильоне. Почему китайские особенности должны включать китайские элементы? Если китайская архитектура хочет выйти на передовые позиции в мире, она должна отказаться от существующих правил и предписаний. Оглядываясь назад на развитие современной западной архитектуры, можно сказать, что в «Пяти пунктах новой архитектуры» Корбюзье нет элементов Лувра, Версаля и даже Триумфальной арки во Франции; минимализм Миса ван дер Роз доводит архитектуру и сталь до совершенства. Он родился в Германии, где повсюду стоят церковные здания, но в его архитектуре практически нет и тени церковного влияния. Таким образом, архитектурный дизайн нации и страны может быть отделен только от категории дизайнера ее предшественников, чтобы постоянно создавать выдающиеся здания своего народа, принадлежащие своей эпохе, тем самым способствуя великому прогрессу архитектурной культуры всего человечества. В противном случае мы можем застрять в традиции и не сможем двигаться вперед.

Народ Китая проявляет эмоции мягко и утонченно [8]. Если этот метод выражения используется в архитектурном творчестве, то дизайнеры не могут придерживаться только функции и формы, но должны выйти за пределы этого уровня, начиная с намерения, и использовать поэтическую логику, чтобы проникнуть в человеческие эмоции и идеи. Традиционная китайская логика создания сада и искусство каллиграфии могут быть нам полезны.

Художественное мышление на основе каллиграфии

В качестве культурного и эстетического символа китайцы включили красоту линий в создание различных видов искусства. Китайская культура поощряет тонкие эвфемизмы и обращает внимание на окольные и извилистые выражения. Эта эстетическая характеристика в духе конфуцианства и даосизма пронизывает и каллиграфию, и архитек-

^ Рис. 2. Смелый эффект каллиграфического искусства на обшивке здания

^ Рис. 3. Китайский павильон

v Рис. 1. Китайские иероглифы

туру. Являясь одним из символов китайского культурного духа, каллиграфия уделяет внимание плавному письму и проникновенному очарованию. В традиционной архитектуре сочетание кривых и прямых линий часто используется для выражения красоты и импульса гармонии. Линь Ютан писал в статье «Китайцы» («The Chinese»): «Китайская архитектура, похоже, развивается по пути, отличному от западного. Ее главная тенденция – стремиться к гармонии с природой, и во многих отношениях она успешно сделала это. Она преуспела, потому что черпала вдохновение в ветвях цветущей сливы – сначала трансформировалась в яркие линии каллиграфии, а затем в линии и формы архитектуры» [2] (рис. 1; 2). Искусство каллиграфии предоставляет полный набор терминов для эстетического восприятия. Мы можем рассматривать понятия, представленные этими терминами, как основу эстетических концепций китайской нации. Причина, по которой искусство каллиграфии стало одной из самых важных художественных категорий, заключается в различных идеологических рифмах, созданных в письменной форме. Этот вид красоты, оторванный от формы, создается в переплетенных изменениях изогнутых и прямых линий. Прямые линии и толстые линии с мужественностью, изгибы и тонкие линии с женской красотой, плотно переплетенные. Внезапно раскрываются все виды состояний, и очарование полно жизненной силы.

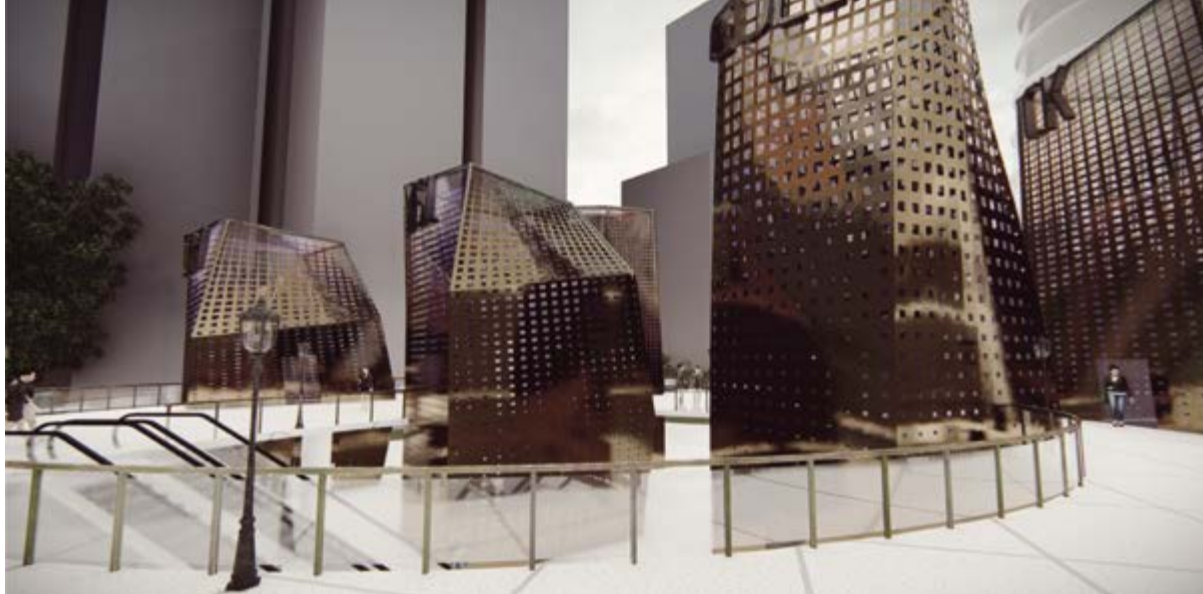
v Рис. 4. Небольшое пространство, образованное между малообъемными зданиями внутри коммерческого комплекса «Гуанхуа»

Вдохновение от традиционных методов садоводства
Разнообразные характеристики современной жизни требуют, чтобы здания имели разнообразные функцио-

нальные пространства. Некоторые из этих пространств часто неопределимы. Такого рода неопределенное пространство часто находится в центре внимания при создании архитектурного объекта. Его ценностные элементы – большие и маленькие, внутри и снаружи, закрытые и открытые, структурные и пространственные. Его различные противоположные качества трудно поддаются проектированию. Наиболее эффективное решение исходит из самой проблемы противопоставления, которая часто содержит способ достижения наибольшего поэтического эффекта. В традиционной китайской технике садоводства диалектические методы используются для работы с неопределенными пространствами и достигают идеальных результатов. Например, создание павильона заключается в изобретательности и заимствовании. Его функция заключается в том, чтобы люди отдыхали. В то же время это важный ландшафтный элемент в саду. Пространство, с одной стороны, ограничено, но с другой, для зрителей – неограниченно (рис. 3). Во внутреннем дворе торгового комплекса «Гуанхуа» есть несколько зданий, которые меньше основного. Они обрамляются узким пространством, в результате чего образуются новые ландшафты (рис. 4).

Можно сказать, что стремление к художественной концепции бесконечного пространства лежит в основе классической китайской садовой мысли. Например, Сад Мастера Сетей в Сучжоу (рис. 5), хотя его площадь невелика, бесконечно меняется благодаря успешному использованию гор, камней, водных деревьев, павильонов и мостов, преодолевающая границы материального пространства. В торговом комплексе «Гуанхуа» спроектировано несколько малых архитектурных мономенов, используемых для выставки и продажи предметов роскоши. Благодаря применению отражающих алюминиевых пластин пространственный масштаб визуально увеличивается, а отверстия в алюминиевых пластинах на обшивке уменьшают объем здания и интегрируют его в окружающую среду. Несколько небольших зданий расположены в виде лоскутного одеяла, образуя неправильное пространство внутреннего двора (рис. 6).

< Рис. 6. Внутренний двор комплекса «Гуанхуа»

Заключение

Возрождающаяся китайская цивилизация срочно нуждается в восстановлении родословной идентичности, которая была внезапно прервана историческими катастрофами. Коллективная миссия современных китайских архитекторов состоит в том, чтобы создать очень узнаваемую форму пространства для современной китайской цивилизации. Диалектически наследуя содержание традиционной культуры, мы также должны основываться на нашей эпохе быстрых перемен, задумываться о глубоком смысле внешнего вида и использовать творческое и образное выражение архитектора для разработки более широкой архитектурной художественной концепции.

Литература

1. Hou Yubin. Looking back and looking forward (Юбин, Х. Оглядываясь назад и глядя вперед). – Beijing : China Construction Industry Press, 2003. – Pp. 23–25
2. Lin Yutang. Chinese: Chinese-English Dictionary of Modern Usage (Лин Ютан. Китаец: Китайско-английский словарь современного употребления). – Beijing : Xueling Publishing House, 2000. – 100 p.
3. Qian Mu. Chinese Cultural History (Му, Ц. История китайской культуры). – Beijing : Commercial Press, 2005. – 120 p.
4. Zhao Zhan. Western Formal Aesthetics (Чжан, Ч. Западная формальная эстетика). – Shanghai : Shanghai People's Publishing House, 1996. – Pp. 28–34
5. Zou Denong. Fusion: 50 Years of Cultural Exchange between Chinese and Foreign Architecture (Денонг, З. Слияние: 50 лет культурного обмена между китайской и зарубежной архитектурой) // World building. – 1999. – № 9. – Pp. 16–23
6. Zhu Tao. The Nothingness of «Construction»: On the Concept of «Construction» in the Development of Contemporary Chinese Architecture (Чжу, Т. Ничто «строительства»: о концепции «строительства» в развитии современной китайской архитектуры) // Beijing : Times Architecture. – 2002. – № 5. – Pp. 30–33 c.
7. Alain De Botton Anxiety of Identity (Де Боттон, А. Тревога идентичности). – Shanghai Translation Publishing House, 2009. – 4 p.
8. Gan Feng. No Shanghai, No World Expo (Фенг, Г. Нет Шанхая, нет Всемирной выставки) // Beijing : Архитектура и культура. – 2009. – № 10. – Pp. 50–53

< Рис. 5. Главный сад Сучжоу

References

- De Botton, A. (2009). Anxiety of Identity. Shanghai Translation Publishing House.
- Denong, Z. (1999). Fusion: 50 Years of Cultural Exchange between Chinese and Foreign Architecture. World building, 9, 16–23.
- Feng, G. (2009). No Shanghai, No World Expo. Beijing: Architecture and Culture, 10, 50–53.
- Mu, Q. (2005). Chinese Cultural History. Beijing: Commercial Press.
- Tao, Zh. (2002). The Nothingness of “Construction”: On the Concept of “Construction” in the Development of Contemporary Chinese Architecture. Beijing: Times Architecture, 5, 30–33.
- Yubin, H. (2003). Looking back and looking forward. Beijing: China Construction Industry Press.
- Yutang, L. (2000). Chinese: Chinese-English Dictionary of Modern Usage. Beijing: Xueling Publishing House.
- Zhan, Zh. (1996). Western Formal Aesthetics. Shanghai: Shanghai People's Publishing House.

Раскрывается авторское понимание вернакуляра («архитектуры без архитекторов», свойственной определенной местности и локальной культуре) как проявления культурного механизма, альтернативного имперско-колониальным механизмам градоформирования. Предлагается именовать этот механизм «культурой 3». На примерах городов постсоветской Армении показаны принципиальные различия вернакуляра и «не-вернакуляра» (классицистическая, модернистская, постмодернистская застройка). Ставится задача реинтерпретации истории архитектуры с учетом деколониальной оптики.

Ключевые слова: вернакуляр; империя; культурные механизмы; самоколонизация; Армения. /

The article reveals the author's understanding of the vernacular ("architecture without architects" typical for a certain area and local culture) as a manifestation of the cultural mechanism alternative to the imperial-colonial mechanisms of urban development. It is proposed to call this mechanism "Culture 3". The examples of post-Soviet Armenia show the fundamental differences between the vernacular and "non-vernacular" (classical, modernist, postmodernist buildings). The article sets a task to reinterpret architectural history in view of decolonial optics.

Keywords: vernacular; empire; cultural mechanisms; self-colonization; Armenia.

^ Рис. 1. Москва, Собачья площадка. Фото И.С. Остроухова, 1917

Вернакуляр как антиимперия: культура 3 / Vernacular as anti-empire: Culture 3

ТЕКСТ

Андрей Иванов /

text

Andrey Ivanov

Живой вернакуляр

Архитектура живая, если можно так выразиться, возникает не по приказу; она <...> рождается из себя самой и проистекает из гения и потребностей народа как буд-то без участи воли.

Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году

Один из первооткрывателей ценности вернакулярной застройки Бернард Рудофски назвал ее «архитектурой без архитекторов» или «непородистой» (non-pedigreed) архитектурой [1], теоретик Александр Раппапорт в одном из своих интервью – архитектурой «непреднамеренной». Интерес к такой застройке, медленно нараставший в течение всего XX века, оформился к его концу в Хартию по построенному вернакулярному наследию, ратифицированную в 1999 году XII Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Мехико. Хартия оценивала вернакулярное наследие или, иными словами, историческую вернакулярную архитектуру, как «занимающее центральное место в привязанностях людей к их среде обитания, <...> составляющее ядро существования человека как такового <...> фундаментальное выражение культуры сообщества, его отношений с занимаемой им территорией и, в то же время, выражение культурного разнообразия мира. <...>

v Рис. 2. Москва, расчистка территории под строительство проспекта Калинина. Собачьей площадки больше нет. Фото начала 1960-х годов

Оно появляется неформальным образом, но тем не менее упорядочено. Оно выполняет утилитарные функции и в то же время обладает уникальностью и красотой. Это фокус современной жизни и в то же время свидетельство истории общества. Это творение человека, но также и результат работы времени. Было бы антигуманно не принимать мер по сохранению этого традиционного гармоничного наследия».

Хартия установила следующие определяющие признаки вернакулярной застройки: «а) способы строительства, разделяемые всем сообществом; б) узнаваемые местные или региональные особенности, соответствующие окружающей природной среде; в) согласованность стиля, формы и облика, применение исторически сложившихся типов зданий; г) использование в проектировании и строительстве традиционных знаний, передающихся неформальным образом; д) эффективное реагирование на функциональные, социальные и экологические ограничения; е) эффективное применение традиционных строительных систем и ремесленных умений» [2].

Исследователь вернакулярной архитектуры Ален Нуобл расширил понимание «вернакуляра», включив в число его «авторов» мастеров-профессионалов. Разводя понятия «народная» и «вернакулярная» архитектура, он отметил, что если авторами первой обычно являются лица, профессионально не обученные строительному искусству, то вторая также создается простыми людьми (common people), но может быть создана и профессионалами, прошедшими обучение по системе «мастер – подмастерье» (apprenticeship) [3].

Если в западных гуманитарной географии, антропологии, урбанистике, архитектуроведении вернакуляр исследуется достаточно активно, то на отечественной почве этот концепт только пробивает себе дорогу. Одним из его адептов был урбанист Александр Высоковский. В лекции 2013 года «Вернакулярный город» он говорил о «невидимой, но очень мощной структуре понимания и идентификации места, в котором живут горожане» как о «мыслительной конструкции, порожденной самими людьми в процессе жизнедеятельности», и назвал ее «вернакулярным городом или вернакулярной структурой, по аналогии с вернакулярным районом и другими верна-

^ Рис. 3. Гюмри, улица Абовяна. Фото автора, 2022

^ Рис. 4. Ереван, вернакулярный район Конд. Дворик бывшей персидской мечети XVIII века. Фото автора, 2022

кулярными конструктами, которые не являются результатом осознанной технической или научной деятельности, а возникают в процессе жизнедеятельности, проживания и вживания, взаимодействия с окружающими физическими объектами и социальными средами».

Ученый развивал здесь понятие вернакулярного района, предложенное, в частности, американским географом Рут Хейл в 1970-х годах. Она «применила понятие вернакулярных для описания районов, которые возникают в результате жизненных циклов человека и сообществ. Такие районы не обозначены административными границами или физическими преградами. <...> Люди сами выстраивают их как определенные ареалы своей жизнедеятельности. <...> Именно здесь реализуется важная для человека функция жизнедеятельности, а кроме того, происходит его самоидентификация с территорией – с определенным местом и, соответственно, сообществом, населяющим это место» [4].

Вернакулярные районы в таком широком гуманитарно-географическом понимании вовсе не обязаны состоять из вернакулярной архитектуры. Но наш круг рассмотрения будет гораздо уже: это места, где исторически вернакулярные здания, созданные теми самыми простыми жителями городов и сел, мастерами и подмастерьями строительного дела для самих себя и таких же, как они, не одиноки и составляют достаточно обширные участки среды. И прежде всего те из этих мест, где вернакулярные практики до сих пор живы, где и сегодня идут процессы вернакулярного строительства, обновления, реставрации. Назовем такие места «живыми историческими вернакулярными районами» и будем далее говорить именно о таком – живом – вернакуляре. Как и о том, что ему противопоставит.

Вернакулярное везение и антивернакулярная картина мира

Странам, богатым разнообразной вернакулярной архитектурой, невероятно повезло в современном мире. Вернакуляр увеличивает сложность, гетерогенность, полифоничность их культурного ландшафта и, более того, повышает их устойчивость в условиях глобально нарастающей нестабильности. Поэтому исторический вернакуляр

признается там национальным достоянием и стратегическим преимуществом, а его сохранение, воспроизводство и обновление всячески поощряется.

Однако во многих случаях (в частности, в большинстве стран – выходцев из СССР) это уникальное наследие не осознано как ценность и поддерживается только усилиями консервационистов-подвижников, отдельных мастеров и градозащитников. Властям, многим архитекторам, большинству населения таких стран, напротив, изначально присущ либо намеренно внушен агрессивно-антивернакулярный взгляд на город и мир. Понимание архитектуры как высокого, элитарного, демиургического искусства исключает признание каких-либо достоинств за «низким» вернакуляром.

Это связано с доминированием в общественном сознании модерно-колониальной оптики, которая, как пишет Магина Тлостанова, «способствует обесцениванию и искажению тех знаний, субъектностей, мироощущений, форм жизни, которые не вписываются в модерность» [5]. А вернакуляр в нее не вписывается.

Характерные аспекты такого взгляда проявились в недавнем монологе главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова, талантливого зодчего, в одном лице представляющего и власть, и профессиональный цех [6]. Приведем несколько выдержек из этого монолога с краткими комментариями.

в Рис. 5. Ереван, площадь Ленина (ныне Республика). На проектной панораме 1955 года нет ни одного здания постройки ранее 1930-х годов

^ Рис. 6. Ереван, площадь Республики. Фото автора, 2016

«Новая архитектура должна потеснить историческую застройку, сохраняя шедевры прошлого, но жестко обходясь с утилитарными зданиями, не обладающими культурной ценностью». Город разделяется на «шедевры» и все остальное – неценные «утилитарные здания», которые поэтому нужно заменять «лучшими» новыми.

«До недавнего времени никакой роли массового потребителя [в «производстве» и обсуждении архитектуры] не существовало. Люди просто жили и пользовались тем, что им предлагалось». Активность рядового горожанина (строительная, политическая и вообще мыслительная) сводится к нулю. Роль его – принимать дары государства либо потреблять рыночный товар.

«До сих пор нет однозначного ответа на вопрос <...> до какой степени можно позволить самим жителям привносить свои предложения и конструктивные решения». Власть относится к «простому человеку» как к априори пассивному объекту ее воздействий, разрешая или не разрешая ему то, что она захочет.

«Надо понимать, что объект становится памятником не потому, что Ленин там выступал, а потому, что это значимая архитектура». Ценность зданий устанавливается исключительно сверху. Для причисления их к «памятникам» используются чисто «архитектурные» критерии, доступные лишь специалистам. Вся «незначимая» историческая архитектура обрекается тем самым на легкий и безжалостный снос.

Сергей Кузнецов искренне хочет сделать Москву лучше и красивее. Вот только, если разобраться в его словах, без каких-либо признаков вернакуляра. Впрочем, его в столичной Москве и без Кузнецова остались крохи.

Мировые про-вернакулярные тренды

Так же, как главный архитектор Москвы, еще недавно считало большинство архитекторов-модернистов. Но ситуация быстро меняется. Лауреатами Притцкерской премии, архитектурного аналога Нобелевской, все чаще становятся не глобальные starchitects (такие, как Фрэнк Гери, Норман Фостер, Заха Хадид или Жан Нувель), а мастера, творчество которых основано на местных, вернакулярных традициях.

Архитектор из Индии Балкришна Доши, лауреат премии 2018 года, при создании большого жилого района

Аранья у себя на родине построил несколько зданий-образцов, ориентированных на семьи разного размера и уровня доходов. После этого жители, беря за основу созданные архитектором прототипы, проектные изображения или соседские постройки и модифицируя их, исходя из своих материальных возможностей и эстетических представлений, сами (будучи мастерами-каменщиками или приглашая мастеров в помощь) строили свои жилища с меньшими или большими отклонениями от образцов.

А лауреатом премии 2022 года стал Френсис Кере, уроженец Буркина-Фасо. В заявлении жюри говорится: «Он разработал чуткий архитектурный подход «снизу вверх», поощряющий соучастие местных сообществ. <...> Его первое здание, начальная школа в родной деревне Гандо (2001), было построено самими жителями деревни. Они вкладывали свой труд и ресурсы на всем пути от замысла до завершения здания, создав почти все его вручную, следуя изобретенным архитектором формам и используя местные материалы и современную инженерию. <...> Работы Кере показывают силу материальности, укорененной в определенном месте. Его здания, построенные для сообществ и совместно с ними, неотрывны от этих людей, что проявляется в процессе их создания, материалах, функционале и уникальном облике». [7]

В самых разных местах – от Англии, Германии, США до Чили, Индии, Китая, а теперь и Африки – появляется все больше реализованных проектов, вдохновленных вернакуляром.

Широко известен опыт архитектора Алехандро Аравены (лауреата Притцкерской премии 2016 года), спроектировавшего жилой массив в чилийском городе Икике. Государство обеспечивало жителей дотацией, хватавшей на постройку лишь половины полноценного дома. Аравена предложил возводить по его проекту именно полдома, тогда как вторую половину жители должны были достраивать сами. Схема оказалась востребованной: бюро Аравены спроектировало с тех пор несколько тысяч жилых ячеек такого типа в разных точках Латинской Америки. Эта «вторая половина дома» – чистый вернакуляр в союзе с современной архитектурой.

К признанию культурной ценности вернакуляра и работе по его принципам склоняется все больше хороших

^ Рис. 8. Ереван, жительница вернакулярного района Фирдуса во дворе дома по пр. Тиграна Меца, 13. Фото автора, 2022

1. «Имперскость» СССР – предмет непрекращающихся дискуссий. Поддерживая взвешенную оценку этнолога С. Абашина («Характер отношения центра и окраин был сложным, противоречивым и значительно изменялся как в пространстве, так и во времени. Существовали и формы насилия и подчинения, и меры по развитию эмансипации и равенства. Многие формы отношений действительно носили колониальный характер, но советское время не сводилось к колониальным отношениям, а содержало в себе другие элементы» [10]), я все же настаиваю на наличии именно имперских интенций в том отношении к архитектурному вернакуляру, которое сложилось у большинства советских граждан.

архитекторов. Так, японский зодчий Кенго Кума считает, что «...среда обитания человека и архитектура были в Японии разными вещами. <...> Дом проектировали и строили плотники. Это немножко другое, чем архитектура. <...> Само понятие архитектуры пришло к нам с Запада, и оно почти разрушило наш ландшафт. <...> Мы переходим из индустриальной эры в постиндустриальную. И суть постиндустриальной эры в том, что во всем участвует отдельный человек. Именно участвует. И в архитектуре становится популярным метод "сделай сам". Людям нравится самим проектировать и создавать собственные пространства» [8].

А упомянутый Норман Фостер в одном из недавних выступлений рассказывал, как «в швейцарской деревне, чтобы молодежь не уезжала, построили общественный центр с применением местных технологий, руками местных строителей, для развития местных ремесел и общения местных жителей. <...> Лорд Фостер призвал учиться у истории, соединять хайтек с традиционными технологиями» [9].

По многим причинам мы сильно отстаем от этих тенденций, что оборачивается массовой утратой ценной исторической застройки, потерей поселенческой и человеческой идентичности, десубъективизацией общества, примитивизацией культуры и городской среды.

Гордость и презрение

Стамбульцы <...> безнадежно влюблены в далекие эпохи, а город, в котором просыпаются каждое утро, презирают. Громоздят бетон на бетон, возводят повсюду ничем друг от друга не отличающиеся купола. Сносят, ломают, а потом, утомившись, приходят домой и ложатся спать под картиной с видом прекрасного Стамбула.

Бурхан Сенмез. Стамбул Стамбул

Подробнее рассмотрим феномен стигматизации вернакуляра на примере Армении. Армянская ситуация выглядит как-то особенно альтернативной мировым трендам. Здесь по праву гордятся своими древними храмами (IV, VI, VII века), советским «розовым» Ереваном (XX век). Это понятная национальная гордость – первым христианским государством, достойной новой столицей возрожденной страны.

А вот не очень старым городом Гюмри (ранее Александрополь, Ленинакан), застроенным в XIX – начале XX века искусными мастерами-каменщиками практически без участия профессиональных архитекторов, гордятся только немногие его жители. Ереванским вернакулярным районом Конд (с застройкой XVIII – начала XXI века) не гордится никто. И если согласиться с девизами «чем древнее, тем ценнее» и «чем богаче, тем круче», то «большинство» право. Наверное, ему действительно трудно увидеть какое-либо «другое ценное», помимо ярких наклеек древности, столичности, богатства.

С подобным видением прямо связана явная антипатия и даже презрение к вернакуляру. Оно имеет глубокие корни. Социум Еревана собран из дальних и ближних культурных и генетических потомков жителей слишком многих империй – от древних Великой Армении и Римской до более поздних Османской, Российской, советской¹, жизнь в которых была пронизана привычкой к контролю сверху и архитектурным шовинизмом по отношению к любым подлинным проявлениям местного.

v Рис. 7. Ереван, вернакулярный район Фирдус вблизи площади Республики. Медленное разрушение. Фото автора, 2022

^ Рис. 9. Ереван. Вернакулярный район Канакер. Кладбище церкви Святого Акопа (XVII век), вид на церковь Святого Иакова (XVII век). Фото автора, 2016

^ Рис. 10. Ереван. Вернакулярный район Айгестан. Фото автора, 2018

v Рис. 11. Ереван. Вернакулярный район Сари-Тех. Фото автора, 2016

В этой связи особенно важна фигура Александра Таманяна². «Краеугольным камнем» Еревана как новой столицы Армении считается генеральный план, разработанный этим архитектором и утвержденный в 1924 году. Город был радикально перепланирован (сохранены лишь трассы нескольких центральных улиц), а вся его застройка за исключением церквей и мечетей предполагалась к полной замене. Такое отношение к старому Еревану закрепило приятие в Армении тотальной перестройки исторического города как основного метода, которым в течение десятилетий осуществлялась реализация модернистского таманяновского генплана.

Общепризнано, что А. Таманян «изобретал» столицу советской Армении, руководствуясь принципами английского города-сада и древнеармянскими архитектурными канонами, но на деле он действовал в полном соответствии с модернистским духом времени, стремившимся «отменить», сделать незначимой для сегодняшнего дня предшествующую эпоху.

Советский период вживил в сознание ереванцев устойчивую матрицу: жесткое ценностное деление города на правильный, таманяновский центр из розового туфа, нейтральные районы новых многоэтажек и места-парии – позорные «трущобы, помойки, крысятники» Конда и других анклавов аутентичного старого города. Гордость неравенством (если ты наверху) и презрение к тем, кто внизу, к самоорганизации и свободе – две стороны одной и той же имперской парадигмы отношения к городу.

Постсоветский этап ничего не изменил. Напротив, благодаря такой, ставшей конвенциональной, ментальности, продолжающейся антивернакулярной пропаганде властей и большим деньгам новоармянских олигархов старый город разрушают еще более активно.

2. Александр Ованесович Таманян родился в Екатеринодаре (ныне Краснодар) в 1878 году, учился на архитектора в Санкт-Петербурге, до окончательного переезда в Ереван в 1923 году работал в основном в Санкт-Петербурге, Москве и их окрестностях.

^ Рис. 12. Ереван. Вернакулярный район Норагюх. Общий вид. Фото автора, 2020

3. Вспомним в этой связи, что Сергей Аверинцев настаивал на важности «низовых», базовых ценностей, «признание которых мы предполагаем абсолютно у каждого порядочного человека»: «Здравый смысл – это самый низший этаж культуры умственной и всякой другой. Но недаром здравый смысл называется по-английски common sense – «общий смысл», т.е. то, что обще для всех. Нижний этаж – это то, на чем строятся все остальные» [13].

Культура 3

*Улицы родные имени палачей,
разве не предупреждали вы меня, свет очей,
чем кончается имперство и ар-нуво?
Как не остается сердца ни у кого?*

Вера Полозкова

Посмотрим теперь внимательнее на эти «неправильные» районы Еревана – Конд, Козерн, Старый Норк, Канакер, Айгестан, Сари-Тех, Норагюх... Это среда, чаще всего никем не планировавшаяся, созданная руками самих горожан, реализовавших частные практики домо- и средостроительства, основанные на местных традициях. Проявление горизонтального вектора городского саморазвития, альтернативного вертикальным государственному и девелоперскому. Город сам по себе. Город как таковой. Self-made city. Самостоятельный. Анти-иерархичный, непокорный и потому ненавидимый чиновниками и презираемый большинством «правильных» ереванцев, выпестованных империей и не освободившихся от ее чар.

Советско-имперская вертикаль навязывала городам помпезные площади и проспекты, как бы даруя их сверху. Но фронты этих официозных пространств одновременно являлись ширмами – своего рода потемкинскими кулисами, скрывавшими за собой неподдельную, живую, горизонтальную жилую среду.

Здесь можно говорить о городе фасадном и городе подлинном. И если фасадный город вписывается в рамку знаменитой оппозиции культурных механизмов Владимира Паперного: культура 1 (ей свойственна авангардная, «современная» стилистика, включая и работы армянских конструктивистов конца 1920-х – начала 1930-х годов, и «армянский модернизм» 1960–1980-х) vs культура 2 (консервативная стилистика, включающая и таманяновский неоклассицизм, и постмодернизм последних десятилетий) [11], то вернакулярный город этой дихотомией не описывается.

Поэтому стоит подумать о культуре 3. Это естественный, срединный, свободный от стилистической заданности культурный механизм – не авангард и не реакция на него. Он не привязан к определенным социаль-

но-политическим формациям или историческим этапам, но основан на универсалиях человеческого мастерства и творчества и при этом всегда вырастает из конкретного места. Это культура базовой, низовой самопостроенной и самоорганизованной среды (self-build environment), которая принципиально отлична не только от двух «верхних» культур В. Паперного, но и от описанной Михаилом Муравски «Культуры Tree» – постмодернистского глобалистского гибрида авангардной и консервативной архитектурных культур, как бы надстройки над надстройками [12]. Но над чем же возводились все эти надстройки? Ответим просто: над вернакулярном³.

Эта вернакулярная Культура 3 – домодернистская основа последующих «надстроечных» культур (явленная нам на примерах Конда и других пока сохраняющихся ереванских исторических вернакулярных районов и утраченная в случае уничтоженного старого центра города), либо местная, мастеровая, ремесленная версия того ин-

в Рис. 13. Ереван. Нарды за ширмами: жизнь вернакулярного двора vs жизнь проспекта Тиграна Меца. Фото автора, 2018

^ Рис. 17. Ереван. Так называемый дом Пана-хана (возможно, бывшее медресе) во дворах между улицами Туманяна и Вардананц. Фото автора, 2016

^ Рис. 16. Ереван. Вернакулярная застройка и Голубая мечеть (1765) во внутриквартальном дворе за ширмами проспектов Маштоца и Мовсеса Хоренаци. Фото автора, 2022

4. Северный проспект – успешный девелоперский проект, осуществленный в 2000-х годах в самом сердце Еревана на месте вернакулярного района Улица Лалаянца под эгидой тогдашнего президента Армении Р. Кочаряна. Авторы проекта гордо заявляли о реализации в нем планировочной идеи – кого бы вы думали? – все того же А. Таманяна.

варианта культуры 2, который существовал до Культуры 1 (случай живого вернакуляра Александрополя-Гюмри).

В ереванских городских группах в соцсетях популярны фотографии строительства 1930–1950-х годов на тему «старое и новое»: на первом плане староереванские домики, часто уже полуразрушенные, на заднем – величественная Опера («Народный дом» А. Таманяна), могучий новый уличный фронт или отдельная многоэтажная сталинка. На них хорошо видно, как имперская мощь архитектуры подавляла и замещала «слабую» частновладельческую среду. По идее, она должна была ее уничтожить. Вместе с субъектностью ее автора и носителя – простого ереванского работника, вольного ленинканского мастера-каменщика.

Но окончательной победы достигнуто не было. И даже сегодня в некоторых дворах Малого центра Еревана внутри регулярной уличной сетки сохраняются вернакулярные анклавы со своими собственными двориками, садиками, тупичками, ветхими с виду (но вполне благоустроенными внутри) галерейными домиками. Они напоминают пытливым наблюдателям или случайным прохожим о некоем другом городе, скрытом от проспектных фланеров...

Эти дворы и вернакулярные районы – очаги тихого частного сопротивления, не подавленные империей.

Здесь люди, так похожие на всех остальных, смогли построить и сохранить за ширмами свои маленькие города, параллельные имперскому. Жить в них своим укладом. Успешно реализовать «стратегию отказа» (Лев Рубинштейн).

Но «нормальный» горожанин, гуляя по построенному в советское время проспекту Маштоца (бывшему Сталина) или Северному проспекту, по времени строительства уже постимперскому (но имитационно-имперскому по форме и вполне имперскому по духу)⁴, и почти никогда не заглядывая за ширмы, неизбежно впитывает империю, и она продолжает влиять на его сознание, будучи будто бы упраздненной.

Надежда Мандельштам признавалась в «Воспоминаниях»: «Чем сильнее централизация, тем эффектнее чудо. Мы радовались чудесам и принимали их с чистосердечием восточной, а может, даже ассирийской черни. Они стали частью нашего быта» [14].

Явление помпезного фасада в формах сталинского ампира было чудом для обитателя советской империи 1930–1950-х. Известно, что демонстранты 7 ноября 1934 года аплодировали только что открытому фасаду дома Жолтовского на Моховой улице в Москве. Что уж говорить об обстроенных такими фасадами ансамблях центральных улиц (Горького/Тверской, Кутузовского

> Рис. 14. Ереван. Улица Амиряна. Фото 1947 года

> Рис. 15. Ереван. Опера и вернакулярный дом. Фото 1940-х годов

^ Рис. 19, 20. Гюмри. Вернакулярная застройка улицы Матнишяна между «ширмами» проспекта Тиграна Меца и улицы Шираза. Фото автора, 2017

проспекта в Москве, проспекта Сталина/Маштоца в Ереване) и площадей (Ленина/Республики в Ереване, Ленина/Независимости в Гюмри)?

Были ли у Еревана иные, помимо советско-имперской, траектории развития?

Краткий период 1960-х – начала 80-х годов город жил под знаком антитоталитарного армянского модернизма – «архитектуры свободных форм и пространств» (Карен Бальян)⁵. Впрочем, к вернакулярной застройке его творцы, за малым исключением, относились ненамного дружественнее архитекторов-неоклассицистов.

А вот «естественно-поступательный» вариант – с сохранением и постепенной регенерацией исторически сложившейся городской ткани – в условиях строительства столицы имперской провинции был невозможен принципиально⁶.

«Розовый Ереван прекрасен, ибо великий Таманян дал ему красивый генплан и новоармянский архитектурный стиль, в коем построены его площади и проспекты» – так, судя по всему, считает большинство ереванцев. Забывая о том, что это были имперский план и колониальная архитектура парадных фасадов-ширм – идеологическая разметка на теле живого города.

Имперская фасадность – государственно-безлична. Трогательные детали (тонкая ручная резьба по туфу, изящные филленчатые двери, балконные балясины) немного снижают пафос, но не меняют общей картины.

Вернакуляр – субъектен. Ты сам приделываешь фанерку к фасаду, железку на крышу. Ты сам их нашел/добыл/украл/купил. Ты сам пристраиваешь балкончик или мансарду к типовой многоэтажке. Тебе не «дают» квартиру, ты не вымалываешь заем у банка – ты сам строишь жилище для своей семьи. Ты берешь на себя ответственность (от ереванского рискованного «развалится/не развалится моя лихая пристройка на уровне пятого этажа?» до гюмрийского «то, что я делаю, обязано выглядеть достойно – лучше, чем у соседа»).

Философ Михаил Эпштейн отмечает, что в русском языке не случайно все более доминируют грамматические безличные конструкции («мне хорошо спится», «ему не пишется», «парня убило снарядом» [16]). Добавим: «город строится», «дом разрушается», «нас сносят».

5. Открытые тогда улица Саят-Новая, новая часть улицы Абовяна с широкими «зелеными» тротуарами своей демократичностью явно отличались от сталинских ансамблей.

6. В Гюмри было не так. Город, в конце XIX – начале XX века более развитый, чем Ереван, успевший накопить собственный весомый человеческий и культурный капитал, остался после революции вторым городом республики, сумев удержать вернакулярные практики на протяжении советского периода и сохранить свою уникальную вернакулярную застройку из черного туфа не только за ширмами сталинских проспектов [15]).

< Рис. 18. Ереван. Дворик во дворе Дома энергетиков постройки 1950-х годов. Фото автора, 2021

В отличие от таких безличных конструкций вернакуляр – личная конструкция. Переходящая на уровне городского района или поселения в ненасильственную практику градостроительства, которой сегодня так не хватает нашим городам. Вернакулярный тип self-урбанизма – альтернатива идеологизированному социалистическому градостроительству и доминирующему сегодня глобалистскому девелопменту на продажу.

7. В это обобщающее понятие можно включить и имперские/псевдоимперские парадные ансамбли, и модернистскую среду типовых микрорайонов, и нынешний глобализированный бизнес-гламур.

8. В качестве скрытого эпиграфа использованы строки из известного пушкинского восьмистишия и один из выводов его блестящего литературоведческого анализа в работе [17].

9. Выражение Джона Рескина из «Семи светочей архитектуры».

Исторический вернакуляр ценен своей аутентичностью, ощутимой временной преемственностью и многослойностью (среда-палимпсест, пусть иногда глубиной всего в сто-двести лет), симбиозом жителей и материальных структур, выраженностью в архитектуре процессов самоорганизации города. Этот мир, созданный на низовом уровне силами его обитателей, доказывает, что вовсе не обязательно архитектор, а любой горожанин, практикующий повседневную средоустроительную деятельность, может участвовать и преуспеть в создании живой, органичной и этим привлекательной среды.

Попробуем сопоставить базовые качества идеальных вернакуляра и не-вернакуляра⁷.

Вернакуляр	Не-вернакуляр
<i>...Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой.</i>	<i>Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид...</i>
«Малое, индивидуальное»	«Большое, институциональное» ⁸
Низовое, обыденное	Верховное, величественное
Равноправное, эгалитарное	Стратифицированное, элитарное
Местное	Экстерриториальное
Здесьнее, самостоятельное	Привнесенное, навязанное извне
Возникающее естественным образом	Насаждаемое
Центробежное	Центростремительное
Вписанное в контекст	Деконтекстуальное
Рукодельное, штучное	Машинное, серийное
Сделанное своими силами, на свои средства, самофинансируемое	Полученное в «дар» или купленное, финансируемое государством или инвестором
Любовно украшенное	Умышленно, бутафорски декорированное
Осязаемое, близкое	Визуальное, отдаленное
Человекосоразмерное	Сомасштабное массам
Предоставляющее создателю «удовольствие от работы» ⁹	Оставляющее исполнителя равнодушным

Непрерывное, перманентно трансформируемое	Дискретное, спорадически заменяемое новым
Подстраиваемое под конкретного человека или семью, личное	Ориентированное на «среднего» человека, отчужденное
Импровизационное	Шаблонное
Соприродное	Ненатуральное
Внешне слабое, внутренне сильное	Внешне сильное, внутренне слабое
Непредумышленное, спонтанное	Предписанное, спроектированное
Сделанное по неписанным правилам	Выполненное по формализованным нормативам
Демократичное (иногда анархичное)	Авторитарное (иногда тоталитарное)

Разумеется, эти оппозиции сверхидеализированы; в реальном городе всегда есть и то и другое, в разных местах – в различных пропорциях. Возможно, правильнее было бы написать в шапке левой колонки: «Скорее вернакуляр, чем не-вернакуляр», а правой: «Более не-вернакуляр, чем вернакуляр». Но некой золотой середины где-то между столбцами все же не существует. Их существенная разница – принципиальна.

Вернакулярная среда жива в своем вечном становлении.

В ней, по Оксимиру (альбом «Горгород»), «все переплетено, но не predetermined <...> Ведь у всего не единый архитектор <...> все переплетено само собою, набекрень, наискосок».

В ней нет консервативности. Живой вернакуляр открыт новому, другому, даже «чужому», но при этом внутренне крепко, устойчив и способен ассимилировать инновации без потери самости.

Антивернакулярная среда мертва уже при рождении. Да, ее можно как-то обжить, утеплить, к ней можно привыкнуть и даже ее полюбить. Ее можно «вернакуляризировать». Но качествами живорожденной вернакулярной среды она все же не обладает.

< Рис. 21. Ереван. Район улицы Лалаянца в 1990-х годах. Фото с выставки, посвященной 10-летию Северного проспекта в Музее архитектуры имени Александра Таманяна, март 2018

Империя и самоколонизация

...Наполеон заметил: «Сад (у Каира) был полон прекраснейших деревьев, но в нем не было ни одной аллеи». В этой реплике весь дух его утопии. Вся его жизнь до падения – это, по сути, прямая аллея сквозь чащу истории, штурм законов причинности, осада рая...

Анатолий Королев. Genius loci

Разные империи по-разному ведут себя на покоренных территориях. Иногда мягко – тогда местные особенности (уклады, обычаи, традиционное народное право, эстетические предпочтения и т. д.) могут сохраняться – лишь бы платили дань. Иногда жестко – тогда местные особенности искореняются огнем и мечом, циркулем и компьютерной цифрой.

Но метрополия в любом случае обязана манифестировать на месте свое величие. И архитектура – важнейший инструмент этой экспансии.

Вновь обратимся к Армении. Мощные, вполне имперо-сообразные ансамбли центральных площадей, сталинские главные улицы строились самими лучшими армянскими архитекторами, и вовсе не подневольно – с большим энтузиазмом... В этом – еще один парадокс местной ситуации: зодчими-«колонизаторами» старых Еревана и Лениакана-Гюмри выступали не засланные из Москвы архитектурные эмиссары (как часто бывало в столицах Центральной Азии), а сами армяне, лидеры нации. При этом зачастую приехавшие в страну извне и не испытывавшие эмпатии к доставшейся им среде (помимо Таманяна, это не бывавшие до того в Ереване Николай Баев из Баку, Николай Буниatian из Москвы, Марк Григорян из Ростова-на-Дону и др.).

Ереван отличен от большинства новых столиц. Он строился не «поверх» уже сложившейся городской среды, а вместо нее. Как и северная столица империи, поднимаясь «к из топи блат», но «болотом» здесь полагалась существовавшая (в основном вернакулярная) застройка. Преемственность с домодерным прошлым исключалась принципиально.

Поэтому ценность градостроительного наследия Александра Таманяна амбивалентна. Великий зодчий, вложивший в свой ереванский проект мечту о правиль-

ном армянском городе, проектируя идеальную столицу Армении, создал на деле эффектную столицу имперской колонии. Он хотел сделать из «захудалого восточного городишки» город-сад, город счастья. А получался – провинциальный вариант Санкт-Петербурга.

Так что, помимо имперской колонизации, в случае Еревана можно говорить еще и о самоколонизации, которая началась здесь в 1920-е с приездом иногородних представителей национальной элиты.

В постсоветский период самоколонизация происходит уже в более явном виде, без идеологических оберток. Метрополией выступает теперь не Россия/СССР, а некий условный глобализованный «Дубай». Суть от этого не меняется. Вернакулярные районы тотально сносятся либо находятся под острой угрозой сноса.

Что делать с вернакуляром?

Александр Раппапорт так определяет будущее посттоталитарной архитектуры в своем посте от 23.04.2022 в одной из социальных сетей: «Индивидуализация, дезурбанизация и глобализация биосферы-ноосферы. <...> Сентиментальный антитехницизм. Проблема одушевления и органицизма. <...> Девальвация количества. Возвращение к семье. Темпорализация и персонализа-

< Рис. 22. Ереван. Разрушение остатков вернакулярной застройки на пути Северного проспекта. В перспективе проспекта – Опера (почти не видна). Фото автора, 2012

^ Рис. 24. Гюмри, площадь Независимости (бывшая Ленина). Фото автора, 2017

10. Благодарю за информацию о Форарльберге Юрия Пальмина.

11. Из российских образовательных институций обратим внимание на актуальные работы студентов московских школ Евгения Асса (МАРШ) и Наринэ Тютчевой (Re-School).

ция. <...> Самодеятельность и психологизация. Конструктивизм и достоинство».

Собственно, почти все перечисленное (и даже «конструктивизм», если понимать под ним не архитектурный стиль, а «честность» и прагматичность инженерных решений) присуще вернакуляру.

Так что, с точки зрения А. Раппапорта и Притцкерского комитета, будущее – за вернакуляром. Это с одной стороны. С другой – Ереван, другие города постсоветских стран теряют его на наших глазах...

Не было бы счастья... «Благодаря» геополитическим столкновениям последних лет, в которых тесно задействованы и Армения, и Россия, время на глазах убыстряется, и нам приходится – хотим мы того или нет – смотреть на мир в оптике деколонизации.

Неужели для преодоления навязанной сверху и подержанной местным «высоким» зодчеством имперской

фасадной колониальности, для расколдовывания ее магии, для снятия иллюзии возможности возрождения имперских структур нужны бомбардировки городов и ракетные обстрелы? И иначе никак?

Иначе – можно! И если мы в Армении – зайдём во дворы центра Еревана, поднимемся в Конд, забредём в Айгестан, съездим в Старый Норк... И обязательно навестим Гюмри – самую удивительную, самую сильную альтернативу имперскости – живой вернакулярный город, который хоть и был напрямую учрежден империей, внутри себя успешно противостоял ей с самого начала. И противостоит до сих пор, развивая собственные вернакулярные правтики.

Если в России – доедем до Городца, Коломны, Мышкина, Суздаля, где историческая вернакулярная среда ревитализируется самими жителями практически без участия власти.

А если в Европе, доберемся, к примеру, до австрийской земли Форарльберг, где благодаря деятельности баукюнстлеров (мастеров-деревянщиков высшего класса, не имеющих архитектурного образования, но получивших после Второй мировой войны право возведения зданий высотой до четырех этажей), формируется интереснейшая неовернакулярная среда, основанная на местных традициях и новейших строительных технологиях¹⁰.

Оптика деколонизации и оптика вернакуляра – общая оптика.

Нужны перемены

Пора начинать работу по реинтерпретации и деколонизации истории архитектуры (российской, армянской, да и всеобщей) и сегодняшней архитектурной практики.

Частью этой работы должно стать осознание имперского прошлого наших городов и его метастазов и в сегодняшней городской среде, и в нас самих. Осознание «имперской вины» колониальной и/или самоколонизальной идеологии и архитектуры, насажденных в аутентичных исторических городах, перед нынешними и будущими их жителями, которые уже не увидят вживую важной части наследия своих предков – уничтоженного исторического вернакуляра.

v Рис. 23. Москва, Тверская улица. Эстафета ширм. Фото автора, 2018.

^ Рис. 25. Ереван. Дом актера на проспекте Маштоца (бывшем Сталина). Фото автора, 2013

^ Рис. 26. Ереван. Самодельный пристрой к внутриквартальной стороне сталинского дома на проспекте Тиграна Меца (квартал с Голубой мечетью). Фото автора, 2022

Нужно признать за вернакуляром право оставаться особой культурой, другой по отношению к «верхним», «первым» и «вторым», «высоким», навязываемым. Предоставить ему собственное законное место в мультикультурном мире. И уважать его (как и любую другую культуру), даже если он кому-то из нас не нравится. Не мешать вернакуляру творить себя. Дать ему говорить своим голосом. Понять эвристический потенциал вернакуляра при организации комфортной, экологичной, человеческой городской жизни. Формировать новое отношение к вернакуляру как к национальному достоянию, актуальной ценности и стимулу будущего не-имперского и не-самоколонизационного развития, делая это на всех уровнях – верхних (где необходимо глубокое просвещение власть имущих) и низовых – долгим путем awareness-rising: выставок, публикаций, мастер-классов, ремесленных курсов, продвижения достижений в деле самоподдержания вернакуляра.

И необходимо, конечно же, практическое проектное про-вернакулярное осмысление реальных проблем наших городов, которым уже начинают заниматься ведущие архитекторы и архитектурные школы мира, отказываясь играть по имперским правилам¹¹.

Личная позиция

Ну а пока эти нескорые процессы будут (или не будут – империя вовсе не спешит разлагаться) происходить, что остается нам, отдельным, частным людям? Тем, кому не слишком уютно под имперским архитектурным прессом? Мне?

Это вопрос позиционирования. Где мы находимся, где видим себя? На Главной Площади, под (пусть уже и несуществующей) трибуной вождя? Внутри пространства парадных имперских ширм? Или же за или даже над ними – скажем, на холме Конда? Ведь Конд – оплот и моего персонального сопротивления. В той войне с вернакуляром, которая ведется и со мной лично.

Литература

1. Rudofsky, B. Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture. – New York : Museum of Modern Art, 1964
2. Charter on the Built Vernacular Heritage. 1999 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/vernacular_e.pdf (дата обращения: 12.10.2022)

< Рис. 27. Гюмри. Чернотуфовые соседи: дома начала и конца века на улице Шираза. Фото автора, 2018

v Рис. 28. Ереван. Вернакулярный район Старый Норк. Здание конца XIX века, возрожденное наследниками первых хозяев. Фото автора, 2021

^ Рис. 29. Новый Ереван, исторический центр города. На переднем плане – разрушение исторических вернакулярных кварталов между улицами Арами и Бюзанда и строительство ТРЦ «Старый Ереван». Фото автора, 2021

3. Noble, A. *Traditional Buildings: A Global Survey of Structural Forms and Cultural Functions*. – London : I.B.Tauris, 2007. – P. 1–17

4. Высоковский, А. А. Вернакулярный город // Александр Высоковский: в 3 т. Т. 3. Public. – Москва : Grey Matter, 2015. – С. 30–33

5. Деколонизация: настоящее и будущее. – Москва : Горизонталь, 2022. – С. 38

6. «Через сотню лет городов будет в десять раз меньше»: главный архитектор Москвы о том, каким он видит развитие столицы. 21.04.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moslenta.ru/city/mnenie/my-budem-zhit-v-mire-gde-ischezayut-goroda-glavnyi-arkhitektor-moskvy-o-tom-kakim-on-vidit-razvitie-stolicy.htm> (дата обращения: 12.10.2022)

7. Diébédo Francis Kéré Receives the 2022 Pritzker Architecture Prize [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pritzkerprize.com/laureates/diebedo-francis-kere> (дата обращения: 12.10.2022)

8. С архитектором Кенго Кумой беседует Арнис Ритупс // Rigas Laiks. – 2018. Весна [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rigaslaiks.lv/zurnals/novembris-2018> (дата обращения: 12.10.2022)

9. Копылова, Л. Бегство в Египет. 16.07.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archi.ru/russia/83630/egipetskie-dni> (дата обращения: 12.10.2022)

10. Был ли СССР колониальной империей? 13.06.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eusp.org/news/moskva-byli-sssr-kolonialnoj-imperiej> (дата обращения: 12.10.2022)

11. Паперный, В. Культура «два». – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.

12. Муравски, М. Парк культуры Tree: архитектура, реальность и колониальность в соборной Москве // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21981/ (дата обращения: 12.10.2022)

13. Аверинцев о культуре и национализме : Из выступления С. С. Аверинцева перед студентами историко-архивного института в чтении «Социальная память человечества» // Юность. 1987. № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rasaddin.livejournal.com/23098.html> (дата обращения: 12.10.2022)

14. Мандельштам, Н. Я. Воспоминания. – Москва : Книга, 1989. – С. 87

15. Иванов, А. Гюмри: вернакуляр черного туфа. – Ереван : Коллаж, 2021. – 376 с.

16. Эпштейн, М. Философские случаи // Знамя. 2022. № 8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/8/filosofskie-sluchai.html> (дата обращения: 12.10.2022)

17. Жолковский, А. Город и локон. Об одной пушкинской миниатюре // Звезда. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/gorod-i-lokon-ob-odnoj-pushkinskoj-miniature.html> (дата обращения: 12.10.2022)

References

Averinzev o kulture i nazionalizme. [Averintsev about culture and nationalism] (1987). Yunost, 12. Retrieved October 12, 2022, from <https://rasaddin.livejournal.com/23098.html>.

Byl li SSSR kolonialnoy imperiej? [Was the USSR a colonial empire?] (2017). Retrieved October 12, 2022, from <https://eusp.org/news/moskva-byli-sssr-kolonialnoj-imperiej>.

Charter on the Built Vernacular Heritage (1999). Retrieved October 12, 2022, from https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/vernacular_e.pdf.

v Рис. 30. Ереван. Памятник Александру Таманяну и полицейский. Фото автора, 2013

^ Рис. 32. Ереван, мастерская по производству хачкаров на улице Арами. Мастер и подмастерье. Фото автора, 2012

^ Рис. 33. Ереван, Конд. Вид на Арарат. Фото автора, 2015

“Cherez sotnyu let gorodov budet v desyat raz menshe”. Glavnyy arhitek-tor Moskvy o tom, kakim on vidit razvitie stolizy [“In a hundred years there will be ten times fewer cities”. The chief architect of Moscow on how he sees the development of the capital] (2022). Retrieved October 12, 2022, from: <https://moslenta.ru/city/mnenie/my-budem-zhit-v-mire-gde-ischezayut-goroda-glavnyi-arkhitek-tor-moskvy-o-tom-kakim-on-vidit-razvitie-stolizy.htm>.

Decolonialnost: nastoyashee i budushee [Decoloniality: present and future] (2022). Moscow: Gorizonta, 38.

Diébédo Francis Kéré Receives the 2022 Pritzker Architecture Prize (2022). Retrieved October 12, 2022, from <https://www.pritzkerprize.com/laureates/diebedo-francis-kere>.

Epshteyn, M. (2022). Filosofskie sluchai [Philosophical cases]. Znamya, 8. Retrieved October 12, 2022, from <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/8/filosofskie-sluchai.html>.

Ivanov, A. (2021). Gyumri: vernakulyar chernogo tufa [Gyumri: black tuff vernacular]. Yerevan: Collage.

Kopylova, L. (2019). Begstvo v Egipt [Escape into Egypt]. Retrieved October 12, 2022, from <https://archi.ru/russia/83630/egipetskie-dni>.

Mandelstam, N. Ya. (1989). Vospominaniya [Memories]. Moscow: Kniga.

Muravsky, M. (2020). Park kultury Tree: arhitektura, realnost i kolonialnost v sobyaninskoy Moskve [Culture park Tree: architecture, reality and coloniality in Sobyenin's Moscow]. Novoe literaturnoe obozrenie, 1. Retrieved October 12, 2022, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21981/.

Noble, A. (2007). Traditional Buildings: A Global Survey of Structural Forms and Cultural Functions. London: I.B.Tauris, 1–17.

Paperny, V. (1996). Kultura “Dva” [Culture “Two”]. Moscow: NLO.

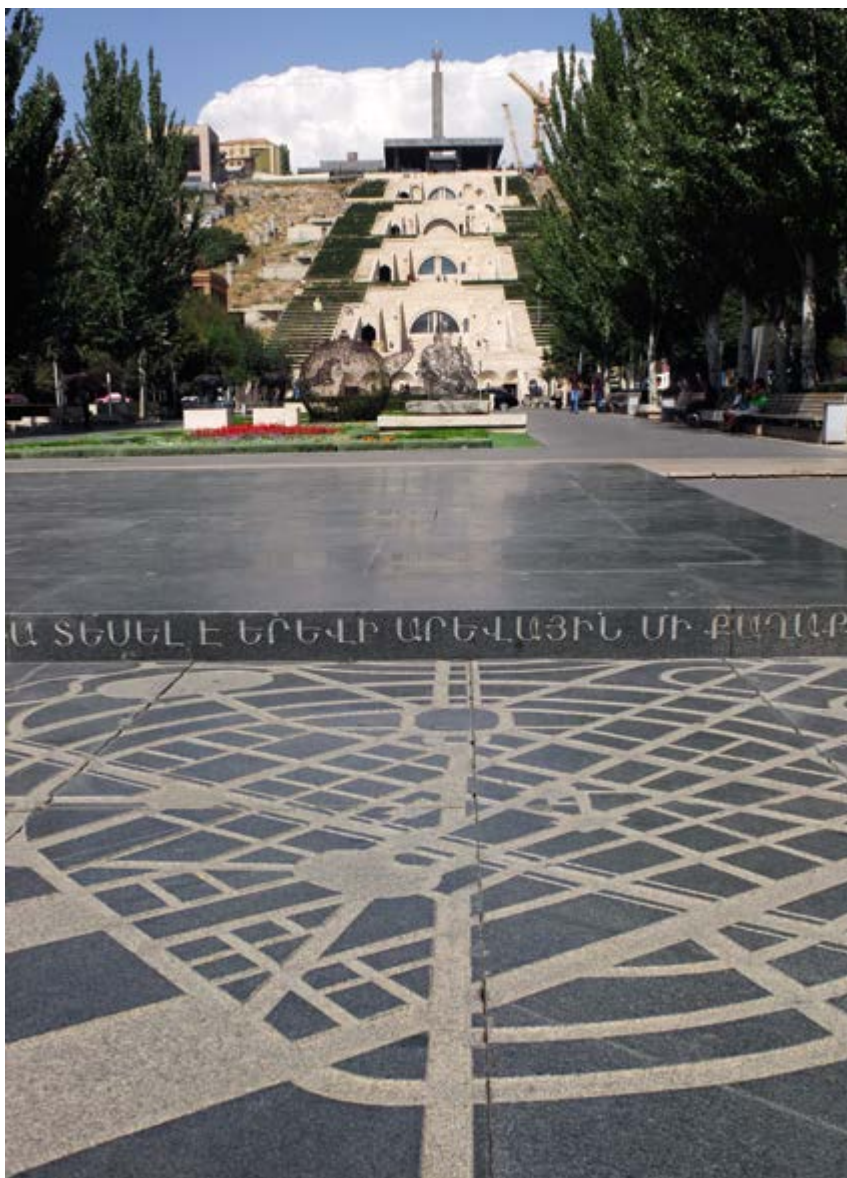
Rudofsky, B. (1964). Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture. New York: Museum of Modern Art.

S arhitek-torom Kengo Kumoy beseduet Arnis Ritups (2018). [Arnis Ritups talking to architect Kengo Kuma]. Rigas Laiks, Spring.

Vysokovsky, A. A. (2015). Vernakulyarny gorod [Vernacular city]. Alexander Vysokovsky in 3 volumes. Vol. 3 Public. Moscow: Grey Matter, 30–33.

Zholkovsky, A. (2011). Gorod i lokon. Ob odnoy pushkinskoy miniatyure [City and curl. About one Pushkin miniature]. Zvezda, 2. Retrieved October 12, 2022, from <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/>

^ Рис. 31. Придуманная А. Таманяном градостроительная ось «Север – Юг» на постаменте памятника и комплекс «Каскад». Фото автора, 2013

Исследуется содержание критериев версий «социалистического» и «социального» города. На примере осуществленных в начале XXI века микрорайонов проанализирована современная альтернатива массовому жилищному домостроению, набирающая силу вследствие выполнения национальных программ и изменений Земельного и Градостроительного кодексов. Для фактологического описания состояния среды новейших микрорайонов Красноярск использованы графоаналитический метод и морфологический анализ городского пространства. Обосновываются фундаментальные подходы к регламентации жилой среды. Сделан вывод о дальнейшем развитии исследования.

Ключевые слова: социалистический город; социальный город; современные альтернативы; Красноярск; жилая среда./

The article studies the content of the criteria of the versions of the “socialist” and “social” city. Drawing on the examples of micro-districts implemented at the beginning of the XXI century, the article analyses a modern alternative to mass housing construction, which is gaining strength as a result of the implementation of national programs and changes in the Land an Urban Planning Codes. For the factual description of the state of the environment in the contemporary districts of Krasnoyarsk, the authors use graphic-analytical and urban morphological research methods. Fundamental approaches to the regulation of living environment are substantiated. The conclusion is made about the further development of the study.

Keywords: socialist city; social city; modern alternatives; Krasnoyarsk; living environment.

Альтернативы идеологем: социалистический и социальный город / Alternatives of ideologemes: Socialist and social city

текст

Ирина Кукина

Сибирский федеральный университет

Ирина Федченко

Сибирский федеральный университет /

text

Irina Kukina

Siberian Federal University

Irina Fedchenko

Siberian Federal University

Без преувеличения можно утверждать, что градостроительство как область профессиональной человеческой деятельности сформировалась в процессе поиска выхода из тупика проблем быстроразвивающегося промышленного города. Но также бесспорно утверждение о том, что и регламенты, и эмпирически сложившиеся правила формирования населенных мест сопутствуют цивилизации с древнейших времен до настоящего времени. Они всегда были ориентированы на создание комфортной среды жизнедеятельности исходя из уровня развития общества и культуры каждой исторической эпохи. Одной из сложнейших проблем первой половины XX века являлась социальная направленность среды обитания человека. «Словом градостроительных эпох» следует считать 5-й и 7-й конгрессы Международного союза архитекторов, состоявшиеся в 1958 году в Москве и в 1963 году в Гаване, когда окончательно микрорайон был признан основной элементарной планировочной единицей. Более того, в официальных языках конгресса для перевода использовался термин *neighborhood*. Микрорайонами мыслили в проектах новых городов и реконструкции как альтернативой развития традиционного города. Вместе с тем хорошо известно, что концепций самодостаточных планировочных единиц значительно больше, и все они получили развитие во второй половине XX века, обогащая друг друга [1]. В начале XXI века, например, в Китайской народной республике состоялось несколько экспериментов комбинированных версий рабочих единиц, *нейбохудов*, *комьюнити* и микрорайонов.

В рамках данного исследования важен анализ критериев определения планировочных объектов. Они достаточно близки по своему содержанию во всех концепциях в первую очередь потому, что ориентированы на достижение социального эффекта, заключающегося не только в решении жилищной проблемы, но и в четком функциональном структурировании города, равномерном размещении объектов социальных гарантий, объектов культуры и в близости мест приложения труда. Самодостаточные единицы регламентировались допустимой площадью и плотностью застройки, плотностью и численностью населения, наличием общественных пространств. Самыми неоднозначными на селитебных территориях стали

объекты культуры, определяемые традициями стран: в США это церковь, в Великобритании паб и магазин, в Финляндии сауна, в СССР клуб и т. д.

Начиная с 2015 г. в международной научной среде в связи с очевидными последствиями конверсии все активнее дебатировается «постсоциалистический город». Как оказалось, этот термин захватывает не только представителей стран бывшего социалистического блока, но практически всех, где так или иначе воплощались концепции микрорайонов, *нейбохудов*, *комьюнити*. Интерес вызван еще и тем, что произошла, без сомнения, широкомасштабная апробация близких по смыслу планировочных концепций в разных экономических условиях в странах разного общественно-политического устройства и развитости градостроительного законодательства. При этом наибольшую остроту дискуссий вызывает вопрос: а возможен ли «социальный город»? Здесь следует отметить отрицание социалистического прошлого и замену понятия «социалистический» на «социальный». В странах восточного блока нормативные документы на проектирование и строительство селитебных территорий были близки и содержали в числе требования формирования здоровых условий жизни и предотвращения заболеваний, к ним относились нормы инсоляции помещений и территорий (в настоящее время упразднены), обязательное наличие микрорайонного сада, пешеходную доступность до школ и детских садов без пересечений с транспортными потоками, защищенность и др. В других странах показатели «здоровья» территории отражались в формализованных показателях процентного соотношения суммарной площади твердого покрытия и «открытой» поверхностью земли с сохраненной почвой и растительностью. Второй фундаментальной основой «социалистического города» являлась гарантия обязательной занятости, преимущественно на крупных предприятиях – флагманах экономики, в непосредственной близости от места проживания, а значит, и предотвращения транспортных проблем. Гарантия труда обеспечивалась во многом за счет распределительной системы и отсутствия предприятий малого и среднего бизнеса в жилой среде. В западных странах возможности трудоустройства по соседству или в границах района

Исследование выполнено в рамках плана фундаментальных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.1.62 «Фундаментальные основы архитектурной регламентации преобразования среды жизнедеятельности / Acknowledgements: The research was supported within the basic research plan of the Russian Ministry of Construction and the RAACS, theme 1.1.62 “Fundamentals of architectural regulation of the transformation of the living environment”

< Рис. 1. Панорама 3-го микрорайона Солнечный в Красноярске

< Рис. 2. Застройка микрорайона Нанжиль-Солнечный. Фото Ирины Федченко

не так очевидны, скорее рассматривались в отдельных случаях по прецедентному принципу: если единожды запроектировано, то можно следовать.

Итак, социалистический город, судя по своей регламентной базе, должен был достигнуть высоких социальных качеств за счет равномерного распределения благ, поэтому до недавнего времени проектировщики в определенной степени рассматривали «социалистический» и «социальный» город синонимически. Однако предельная минималистичность архитектурных и средовых решений, «ничейность» часто гипертрофированных общественных пространств не способствовали формированию комфортной среды жизнедеятельности. Особенностью развития городов бывшего СССР и стран Восточной Европы в настоящее время является адаптация советского опыта проектирования к деформациям, произошедшим в условиях становления новой социально-экономической парадигмы. Постсоциалистические перемены в жилой среде стали предметом интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей в кругу работ о постсоциалистическом городе [2].

Социально-экономические риски развития жилых территорий на постсоветском пространстве

Изменение функциональных процессов на постсоветском пространстве крупных городов приводит к переосмыслению развития жилых территорий: произошло нарастание интеграции трудовой деятельности в жилую среду в связи с конверсией и развитием малого и среднего бизнеса; непредвиденное точечное строительство новых объектов в жилой среде, изменения объемно-планировочных характеристик.

Изучение современного опыта развития массового жилищного строительства крупных городов соотносится со стратегическими задачами Указа президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В 2021 году распоряжением Правительства РФ была утверждена «Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года», которая включает перечень ключевых ориентиров пространственного развития городов, среди которых формирование курса

на вовлечение под новое жилищное строительство неэффективно используемых земель в городах, прежде всего это земли в федеральной собственности и инвентаризация застроенных территорий в целях комплексного развития территорий. С момента принятия Федерального закона № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» в крупных регионах страны проводится большая аналитическая работа по определению механизмов реализации закона в части определения территорий и стратегий развития жилой застройки. Значительный прирост строительства в крупных городах поддерживается федеральной программой «Жилище». Земельный кодекс, определяя ответственность землепользования, приводит к разделению осваиваемых территорий отдельными застройщиками, что значительно усложняет как формирование стратегий развития районов массового жилищного строительства, так и их воплощение.

В крупных городах России продолжается почти неконтролируемый рост новой застройки на отчуждаемой в прошлом промышленной территории под новое жилищное строительство, который сопровождается одновременными проблемами дисгармонии и агрессивности среды, неэффективностью развития, высокой транспортной нагрузкой, социально-экономическими рисками и экологической деградацией территорий. Так, в Красноярске стремительно развивается массовое жилищное строительство на высвобождаемых территориях. До 2033 года планируется развитие больших территорий внутри города (микрорайоны Белые Росы, Тихие Зори, Мясокомбинат, 3-й микрорайон Солнечный, Покровский, территория бывшего военного городка и другие). По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, в Красноярске наблюдается рост жилищного строительства.

Градостроительная оценка развития массовой жилой застройки позволила выявить наиболее характерные социально-экономические риски: обострение проблем социально-имущественной сегрегации территории, повлекшей социально-экономическую разобщенность

^ Рис. 3. Образ развития территории микрорайона Нанжувль-Солнечный

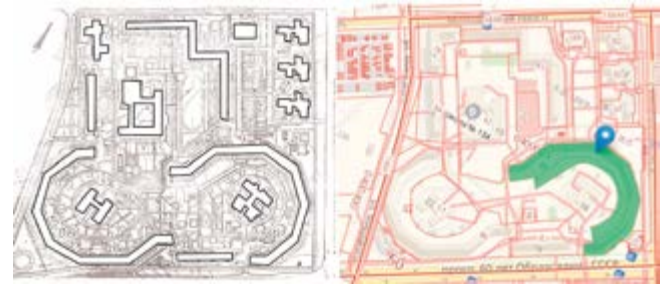
городского сообщества; невозможность выполнения государством реализации социальных гарантий в виде сбалансированного и безопасного доступа к объектам образования, здравоохранения, культуры; экологические угрозы развития территорий вследствие массовой жилой застройки и высокой антропогенной нагрузки; инфраструктурная избыточная нагрузка, повышение вероятности техногенных аварий, увеличение транспортных проблем; стихийное развитие объектов социально-бытового обслуживания; потеря социокультурной значимости облика города и идентификации территорий; нарушение градостроительного контекста города при интеграции в сложившиеся застройку и ландшафт [3, 4].

Обострение проблем социально-планировочной сегрегации территории

Дискретность жилой застройки микрорайонов, признак градостроительного модернизма середины XX века, в начале XXI века вызывает критику архитектурной общности. В результате изменения объемно-планировочных характеристик происходит повышение плотности возводимой застройки. Квартирография современной массовой жилой застройки представлена в основном малогабаритными квартирами по относительно доступной цене. При этом, как показывает демографический анализ, контингент заселения новых микрорайонов – это в основном молодые семьи с детьми, а также граждане, получившие жилье по государственным программам, в том числе по программе переселения. Возрастает антропогенная нагрузка на осваиваемые территории (рис. 1–3).

В связи с изменениями частных и общественных отношений на жилых территориях с различными видами землевладения и землепользования складывается хаотичная планировочная структура вновь возводимых микрорайонов. Согласно Градостроительному кодексу РФ, обязательно межевание территорий и затем проведение аукциона на проектные и строительные работы. Отделение земель по правилам межевания и сервитутов, а также «распродажа» по «лотам» раздробляют целостное восприятие жилых территорий и в проекте, и в реальности. Как показало натурное обследование микрорайонов, в жилой среде происходит «лоскутное»

v Рис. 4. Сопоставление проекта планировки 1-го микрорайона 1982 года и фрагмента кадастровой карты 2020 года. На схеме обозначена территория общего имущества многоквартирного жилого дома № 14

разграничение территорий по имущественному признаку на пространства частного владения (группы жилых домов, реже кварталы) и общего пользования [5]. Политика межевания значительно уменьшает процент общественных, озелененных пространств (рис. 4). На территории микрорайонов развивается институт самоуправления общедомовым имуществом, формируются социальные сообщества с целью согласованного управления коллективной собственностью – придомовыми территориями. Развивается иерархия институтов самоуправления, которые позволяют координировать деятельность множества субъектов и осуществлять адаптивный контроль процессов, происходящих одновременно, с целью согласования разнонаправленных интересов развития общественных пространств и функций в жилой среде.

Соблюдение социальной устойчивости в градостроительном плане предполагает позитивное взаимодействие между всеми членами сообщества, принадлежащими к разным группам по уровням доходности и социальному статусу.

Нарушение реализации социальных гарантий

Социальная доступность жилых территорий представляет собой комплекс гарантированных мер обеспечения устойчивого баланса территорий в отношении доступа к объектам образования, здравоохранения, рекреации, реализации права на общественные городские и природные ресурсы, права на чистый воздух и безопасную и доступную жизнь для каждого. При этом состояние и уровень развития социальной инфраструктуры являются показателями эффективности использования материальных возможностей для улучшения качества жизни населения и уровня социально-экономического развития той или иной территории [3]. Например, в ст. 43 Конституции РФ говорится, что каждый имеет гарантированное право на общедоступность и бесплатность основного общего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях по месту жительства. В современных микрорайонах массовой жилой застройки наблюдается фактическая перегруженность школ, микроучастки выходят из зоны пешеходной доступности образовательных учреждений. Дети вынуждены пересекать полосы крупных магистралей городского значения,

^ Рис. 5. Школьная территория в микрорайоне Мясокомбинат за пределами жилых групп, отрезанная скоростной магистралью. Фото Ирины Кукиной

^ Рис. 6. Территория детского сада в «теневом колодце» в микрорайоне Мясокомбинат. Фото Ирины Кукиной

что нарушает первоочередное право на безопасное пешеходное движение к гарантированным объектам социального обслуживания. Нередко, например в микрорайоне Мясокомбинат, территорию для школы отводили после активного освоения участка. Школа оказалась вообще за пределами района, отделена от жилых групп скоростной магистралью. Фактическое наполнение школ в несколько раз превосходит ее проектную численность (в некоторых школах в 2022 году по 25 первых классов). Таким образом, нарушена целостность системы социальных гарантий планировочной единицы: удаленный доступ к школам, несоблюдение равной доступности; для детских садов – резкое снижение здоровых условий территорий (рис. 5–7).

Геоинформационная оценка и сравнительный анализ фактической доступности общеобразовательных школ в микрорайонах разного периода строительства демонстрируют нарушение основополагающего принципа микрорайонной модели советского периода – обеспечения гарантированного безопасного пешеходного движения детей в школы (рис. 8).

Социально-экологические угрозы развития территорий

Массовое жилищное строительство влечет за собой повышение антропогенной нагрузки на природный комплекс из-за высокой плотности населения возводимых

микрорайонов. Например, градостроительная оценка застройки микрорайона Белые Росы в Красноярске выявила экстремально плотные показатели застройки и использования территории. Микрорайон сформирован типовыми домами-пластинами (17–25 этажей), конфигурация домов представлена преимущественно одно- и двухкомнатными квартирами. По расчетным показателям, на площади 16 га проживает 15 тыс. чел., плотность населения 900 чел./га [5, 6]. Это критические показатели жилой застройки, расположенной в экологически чувствительном месте – в прибрежной зоне [7]. Территория микрорайона сформирована полностью на намывных грунтах и вплотную занимает часть протоки Енисея. Застройку отделяют проезд и узкая линия береговой набережной. Строительство школы планируется на территории острова – на Абаканской протоке Енисея. Дворовые пространства полностью не удовлетворяют потребности жителей из-за огромного количества припаркованных машин. Жители микрорайона приспособливают территорию под собственные хозяйственные нужды, считают «своей» городскую набережную, часть острова Отдыха, протоку реки (рис. 9, 10). Нерациональное территориальное планирование размещения жилых зон, закладываемых в документах генерального плана и ПЗЗ города, ведет к формированию агрессивной жилой среды. С целью стратегического экологически ориентированного, устой-

< Рис. 7. Единственный нерегулируемый пешеходный мост через городскую магистраль в микрорайоне Мясокомбинат. Фото Ирины Кукиной

< Рис. 8. Сопоставление границ полигонов микрорайонов с проектными радиусами обслуживания общеобразовательных школ. Авторы И. Федченко, А. Липовка

^ Рис. 10. Панорама микрорайона Белые Росы. Фото Ирины Федченко

^ Рис. 9. Градостроительная оценка застройки микрорайона Белые Росы в Красноярске: а – фрагмент кадастровой карты; б – схема плотности насыщения функциями; в – схема градостроительного контекста территории. Фото Ирины Федченко

^ Рис. 11. Градостроительная оценка застройки микрорайона Мясокомбинат в Красноярске: а – фрагмент кадастровой карты; б – схема плотности насыщения функциями; в – схема градостроительного контекста территории. Фото Ирины Федченко

чивого градостроительного развития крупных городов необходимо выделять в отдельную зону участки под жилищное строительство на приречных территориях.

Экологическое равновесие в градостроительстве определяется как состояние природно-антропогенной среды, при котором обеспечивается ее длительная устойчивость. В процессе развития массовой жилой застройки на приречных территориях возникают спорные вопросы не только технического характера, неизбежными становятся и проблемы правового регулирования формирующейся среды. В работах Ю. П. Арсентьевой исследованы правовые особенности градостроительного формирования жилой среды в приречных зонах поселений. Автор, исследуя международный опыт внедрения прибрежного права, определяет проблемы использования земли прибрежных территорий, отмечает высокую степень антропогенного воздействия на природную среду, что требует защиты публичных и частных интересов всех субъектов градостроительной деятельности в пределах береговых зон [8].

Стоит отметить, что в современных проектах планировок микрорайонов массовой жилой застройки наблюдается сокращение процента зеленых насаждений.

Инфраструктурные риски

Как показывает градостроительный анализ, для территорий массового жилищного строительства характерен ряд проблем: архитектурное однообразие и однотипность, отсутствие необходимой инфраструктуры досуга и доступного социального обслуживания, повышение транспортной инфраструктуры, нецелесообразное использование придомовых и общественных территорий. В «новой» жилой среде происходит изменение функциональных характеристик жилой застройки. Значительно увеличивается количество предприятий обслуживания, развиваются альтернативные формы занятости в жилой среде, происходит смена производственных ориентиров, что свидетельствует о спонтанном формировании на открытых пространствах систем общественно-деловых и торговых учреждений [9]. Градостроительная оценка микрорайона Мясокомбинат демонстрирует хаотичное планировочное расположение обособленной жилой

высокоплотной застройки, повышенную концентрацию функций на первых этажах, отсутствие объектов социальной инфраструктуры. Микрорайон находится на северо-западной границе города, транспортно удален. Происходит рост инфраструктурной нагрузки, транспортных проблем, связанных с маятниковой миграцией. Утром и вечером въезды на территории удаленных микрорайонов перегружены транспортом (рис. 11).

Потеря социокультурной значимости облика города

Значимую роль архитектурно-планировочного воплощения городов формирует политика развития жилых территорий. Оценка формирования градостроительного силуэта вследствие массового жилищного строительства в Красноярске демонстрирует хаотичную архитектурно-планировочную организацию среды. Жилые массивы высокоплотной типовой застройки формируют доминирующие панорамные развертки на берег Енисея. Анализ практики нового высотного строительства показывает, что случайное или необоснованное размещение новых высотных доминант может отрицательно повлиять на сложившийся архитектурный облик городов, а также потерю роли исторических и природных доминант в формировании городских силуэтов и панорам [10]. Должны быть выявлены характерные архитектурно-композиционные и градостроительные особенности, определяющие региональную специфику формирования городского силуэта, что позволило бы осмыслить композиционную культуру создания образа современного города с учетом сохранения его идентичности (рис. 12).

Ожидается крупномасштабная реновация районов 1960–1970 годов строительства в связи с моральным и физическим устареванием жилища. Сложности градостроительного законодательства, препятствующие проведению комплексного развития территорий, за счет которого может быть осуществлена реновация жилища, предполагают разработку и принятие локальных актов для этих целей. В настоящее время неразработанность критериального аппарата описания территорий, подлежащих радикальным интервенциям, значительно тормозит принятие локальных актов. Вместе с тем именно селитебные территории социалистического периода,

^ Рис. 12. Панорама правого берега Енисея, микрорайоны массовой жилой застройки Белые Росы и Тихие Зори. Фото Ирины Федченко

^ Рис. 13. Модель развития общественных пространств жилого района Зеленая Роща в Красноярске. Фрагмент магистерской диссертации «Формирование системы общественных пространств» жилых территорий». Автор А. Горша, руководители И. Кукина, Я. Чуй

подвергшиеся функциональным деформациям, таким как, например, захват чужеродными функциями зданий и территорий детских садов, вытеснение жилых помещений первых этажей предприятиями обслуживания, строительство подвалов и гаражей и др., сохранили в целом «конструкции» социально-ориентированного микрорайона, расцветив минималистскую серость панельных домов яркостью архитектурной безвкусицы нижнего яруса жилой застройки. В результате размежевания уже существующих районов оказалось довольно много неразмежеванных территорий. Последние, как правило, представляют собой неблагоустроенные лакуны зелени. В ожидании перемен местные администрации, жители, управляющие компании прилагают усилия для реконструкции территорий, повышая их комфорт (рис. 13).

Формируемая альтернатива массовой жилой застройке на постсоветском пространстве должна спровоцировать профессиональную оценку складывающихся социально-экономических рисков и тенденций развития. Очевидна проблема фундаментального осмысления регламентов современной альтернативы «социальному» городу. Развитие массового жилищного строительства должно формироваться с учетом градостроительного контекста как часть взаимосвязанного социокультурного и планировочного развития города в целом.

Литература

1. Лидин, К., Меерович, М., Малько, А. Бинарная логика и социалистический город // Проект Байкал. – 2021. – № 2 (68). – С. 46–49
2. Kukina, I. V., Fedchenko, I. G. Morphological Development of the Microdistricts under the Pressure of the Post-socialist Transformations: Case Studies of Siberian Cities // Proceedings of the «International Conference on Cities and Change: Three Decades of Post-socialist Transition 1989–2019» // Scientific Editors: Nebojša Camprag, Anshika Suri. – Darmstadt : Darmstadt Technical University, 2019. – P. 137–147
3. Попов, Е. В., Кац, И. С., Веретенникова, А. Ю. Доступность социальной инфраструктуры городских территорий // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 2 (425). – С. 54–67
4. Большаков, А. Г. Социальная эффективность градостроительства // Жилищное строительство. – 2016. – № 1–2. – С. 51–57
5. Кукина, И., Федченко, И., Липовка, А., Логунова, Е., Камалова, К., Унагаева, Н. Развитие планировочной структуры Красноярска // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 79–91

6. Липовка, А. Ю. Федченко, И. Г. Морфологическая периодизация массовой жилой застройки Красноярска // Урбанистика. – 2021. – № 3. – С. 56–72
7. Унагаева, Н. А. Пойменные территории Красноярска: современное состояние и перспективы градостроительного развития // Современная архитектура мира. – 2021. – № 1 (16). – С. 251–270
8. Арсентьева, Ю. П. Правовые особенности градостроительного формирования жилой среды в прибрежных зонах поселений // Известия Казанского гос. архит.-строительного ун-та. – 2014. – № 4 (30). – С. 99–108
9. Камалова, К. В. Принципы формирования современной жилой среды в условиях общегородского центра // Современная архитектура мира. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – Вып. 16 – С. 234–250
10. Джасим, С. Л. Д., Красильникова, Э. Э. Влияние высотных доминант на структуру городского ландшафта // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 209–212

References

- Arsent'eva, Yu. P. (2014). Pravovye osobennosti gradostroitel'nogo formirovaniya zhiloy sredy v pribrezhnyh zonah poselenij [Legal features of urban development of the residential environment in the coastal zones of settlements]. Proceedings of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, 4(30), 99-108.
- Bolshakov, A. G. (2016). Social'naya effektivnost' gradostroitel'stva [Social efficiency of urban planning]. Zhilishchnoe stroitel'stvo, 1-2, 51-57.
- Jasim, S. L., & Krasilnikova, E. E. (2019). Vliyanie vysootnyh dominant na strukturu gorodskogo landshafta [The influence of high-rise dominants on the structure of the urban landscape]. Innovations and investments, 3, 209-212.
- Kamalova, K. V. (2021). Principy formirovaniya sovremennoj zhiloy sredy v usloviyah obshchegorodskogo centra [Principles of formation of a modern residential environment in a city center]. Modern architecture of the world, 16(1), 234-250.
- Kukina, I. V., & Fedchenko, I. G. (2019). Morphological Development of the Microdistricts under the Pressure of the Post-socialist Transformations: Case Studies of Siberian Cities.
- Kukina, I., Fedchenko, I., Lipovka, A., Logunova, E., Kamalova, K., & Unagaeva, N. (2022). Development of Krasnoyarsk planning structure. Project Baikal, 19(71), 79-91.
- Lidin, K., Meerovich, M., & Malko, A. (2021). The binary logic and socialist city. Project Baikal, 18(68), 46-49. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1801>
- Lipovka, A. Yu., & Fedchenko, I. G. (2021). Morfologicheskaya periodizatsiya massovoy zhiloy zastroyki Krasnoyarska [Morphological periodization of mass housing development in Krasnoyarsk]. Urbanistics, 3, 56-72.
- Popov, E. V., Kats, I. S., & Veretennikova, A. Yu. (2016). Dostupnost' social'noj infrastruktury gorodskih territorij [Availability of social infrastructure of urban areas]. Regional economy: theory and practice, 2(425), 54-67.
- Proceedings of the "International Conference on Cities and Change". TU Darmstadt, 137-147.
- Unagaeva, N. A. (2021). Pojmennye territorii Krasnoyarska: sovremennoe sostoyanie i perspektivy gradostroitel'nogo razvitiya [Floodplain territories of Krasnoyarsk: current state and prospects for urban development]. Modern architecture of the world, 16(1), 251-270.

Эра доминирования «левого полушария» начинает уступать место новому миру, в котором преобладают идеалы «правого полушария» и ценится креативность. Своеобразная оппозиция информационной эпохе, они становятся откликом на вызовы века R-направленного мышления и драйверами развития, представляя правополушарные навыки наиболее актуальными для жизни и бизнеса. Креативные индустрии/экономики/профессии приобретают все большую востребованность как альтернатива «классической» индустрии, т. к. креативность дает конкурентное преимущество, добавляя ценность услуге или продукту.

Ключевые слова: правополушарное мышление; креативность; креативные индустрии; креативные экономики; креативные профессии. /

The era of left-brain dominance is beginning to give way to a new world in which right-brain ideals prevail and creativity is valued. Being a kind of opposition to the information age, they become a response to the challenges of the right-brain thinking age and drivers of development, presenting right-brain skills as most relevant to life and business. Creative industries/economies/professions are increasingly in demand as an alternative to the "classical" industry, as creativity provides a competitive advantage by adding value to a service or product.

Keywords: right-brain thinking; creativity; creative industries; creative economies; creative professions.

Правополушарная альтернатива / The right-brain alternative

текст

Ольга Железняк
Иркутский национальный
исследовательский техни-
ческий университет /

text

Olga Zheleznyak
Irkutsk National Research
Technical University

Будущее принадлежит типу людей с другой формой мышления – креативным и целостным «правополушарным» мыслителям (художникам, дизайнерам/проектировщикам, изобретателям, рассказчикам), чьи способности отмечают границу разлома между теми, кто движется вперед, а кто нет. Так определяют актуальное состояние современные специалисты [5; 6], подчеркивая, что нестандартные ситуации, непрерывно трансформирующаяся окружающая среда, динамика современной жизни требуют быстрых и креативных решений. Заказчики, клиенты и потребители постоянно ждут чего-то нового, удивительного, поэтому преуспевающие компании вынуждены непрерывно придумывать новые продукты и сервисы, отсутствующие на рынке и не производимые конкурентами [14].

Дигитализация, увеличение потоков информации и скоростей обмена становятся повседневной реальностью. Человеку приходится значительную часть времени уделять решению сложных задач по проектированию и внедрению новых технологий, средовых объектов, механизмов, продуктов, развлечений и пр. Для встраивания в эту реальность необходимо быть «гибким», мыслить творчески и практиковать неординарный, созидательный подход [14]; смотреть на мир под другим углом и придумывать «гениально закрученные идеи» [2]. Сложные процессы, которые многие города и мир в целом переживают сегодня и которые в немалой степени связаны с глобализацией, также дают повод для их исследования с позиций креативности [11]. Все это требует «включения» правополушарного мышления с его изобретательностью, развитой интуицией, способностью к нестандартным, творческим решениям и др.

Креативное мышление, креативные индустрии, «креативный класс», «креативный город», «креативный кластер», «креативный капитал», креативные экономики, креативный директор, криэйтор, креативный менеджер, креативная среда и пр. – вот далеко не полный список словосочетаний, вошедших в наш обиход. Они демонстрируют значительное расширение сферы использования понятий «креативный/креативность», непосредственно связанных со спецификой правополушарного мышления, что превращается в своеобразный символ актуальности, модности действия/события/объекта.

Реакцией на такую экспансию становятся многочисленные исследования и практические наработки, ориентированные на изучение R-направленного мышления и определение критериев креативности, поиск стратегий их развития и внедрения, на разработку методик распознавания «правополушарных» людей, «креативов», а также и на создание теорий креативности и теоретических оснований творчества [13], выявление специфики правополушарных и креативных процессов, их роли в жизни современного общества, развитии экономики и культуры.

Термины «креативная индустрия», «креативный класс», «креативный город», «R-направленное/правополушарное мышление» и пр. нередко встречаются в различных стратегических документах, посвященных социально-экономическому развитию стран, с ними связывают рост благосостояния и повышение качества жизни [12].

ПРАВОПОЛУШАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ, КРЕАТИВНОСТЬ КАК СВОЕОБРАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВЕКУ, ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ПРАВОПОЛУШАРНОГО ВРЕМЕНИ

Роль креативности и правополушарных навыков
Daniel Pink в книге «A Whole New Mind: Why Right-Brainers Will Rule the Future» структурирует формы развития цивилизации следующим образом: Эпоха земледелия (фермеры), Индустриальный век (фабричные рабочие), Информационный век (работники умственного труда), Концептуальная эпоха (творцы и сочувствующие). Он описывает XXI столетие как эру перехода от информационной эпохи к концептуальной, при которой левополушарное «линейное», аналитическое (компьютерное) мышление заменяется эмпатией, изобретательностью и их представлением в качестве наиболее востребованных для современного бизнеса навыков. Теория базируется на трех основных факторах (Изобиение, Азия и Автоматизация), показывающих недостаточность L-направленного мышления и переориентирующих на правополушарное мышление; опирается на шесть «высокопонятийных и осязательных чувств», жизненно важных

в эру концептуализации и творчества: Дизайн, История, Симфония, Эмпатия, Игра и Смысл [6].

Современные технологии, ускоряющие и удешевляющие решение целого ряда задач, заменяют многие «L-направленные работы» и превращают высокочувствительные и креативные навыки в максимально необходимые. В связи с этим развитие R-направленного мышления приобретает огромное значение на рынке современных профессий и в бизнесе, так как, прежде всего, оно отвечает за столь актуальную креативность, и, как правило, именно люди, достигшие «правополушарного совершенства» в гармонии с левым полушарием, придумывают наиболее удачные и необычные идеи, могут находить нестандартные, оригинальные выходы из самых неразрешимых ситуаций, обнаруживать связи между несовместимыми объектами и понятиями [15].

Креативность превращается сегодня в массовый тренд и уже не служит «критически важной» нормой, компетенцией, обязательной только для творческой деятельности студий, медийных компаний, художественно-проектных/дизайнерских фирм и рекламных агентств. Многие современные бизнесы предпочитают иметь эту компетенцию, и поэтому запросы на креативное развитие и правополушарных специалистов начинают появляться из совершенно неожиданных секторов экономики. Способность человека мыслить креативно, мгновенно и неординарно действовать, реагировать на изменение ситуаций становится практически обязательной составляющей комплекса профессиональных компетенций и «гибких навыков», которые требуют работодатели в эпоху творчества на фоне экспансии цифровых технологий и глобализации [11; 12; 14].

Инновационная и креативная деятельность человека, учреждений и предприятий затрагивает фундаментальные аспекты реорганизации бизнеса и развития современного мира и сопровождается решением проблем и задач, обеспечивающих удовлетворение насущных жизненных потребностей. Актуальные сегодня регионализация, конкурентоспособность, многоуровневость процессов и явлений, дифференциация содержания также требуют креативного подхода для формирования сред, функционирующих в развивающем режиме [10].

Креативность/R-направленное мышление с успехом применяются в разных сферах для решения повседневных и перспективных задач [5]; способ существования (экзистенция) становится «креативным свойством субъекта» (по Бинсвангеру); креативные качества проявляются в открытости инновациям и новому опыту, в «аутентичности личности», проницаемости границ, в индивидуальном стиле жизни, «многополярной картине мира» и пр. [9, с. 160].

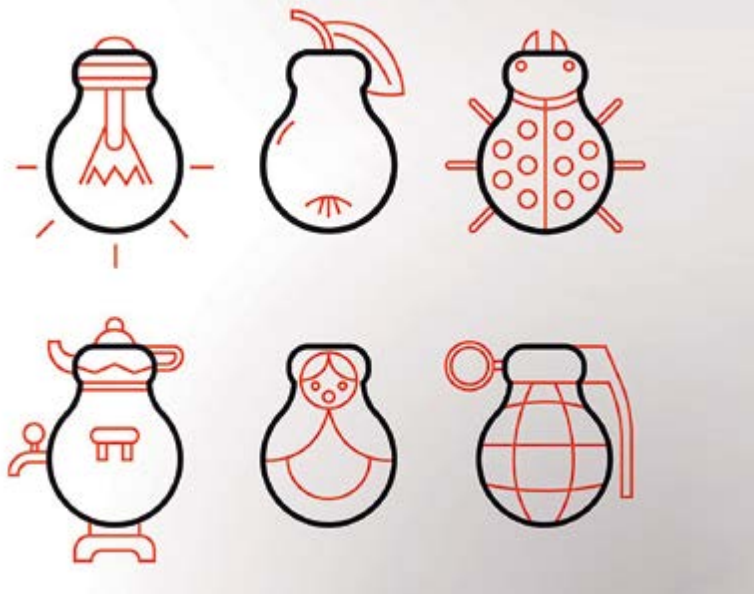
На бытовом уровне творческий подход и правополушарное мышление проявляются как «смекалка», что подразумевает умение достигать результата, находя выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций, творчески используя сложившуюся ситуацию, объекты/предметы и обстановку, интерпретируя существующие реалии оригинальным образом. Демонстрируя остроумное и неординарное решение проблемы, авторы, как правило, пользуются ограниченными ресурсами и неспециализированными инструментами.

Креативность и правополушарное мышление

Обсуждая взаимовлияние различных типов мышления, процессов творчества и экономического развития, Д. Пинк [6] утверждает, что Концептуальная эпоха с доминированием правополушарного мышления предполагает наличие способностей интерпретировать эмоции и невербальные выражения мгновенно, без необходимости проведения анализа, исходя из того, что правое полушарие распознает закономерности и может наблюдать более широкую картину; оно обнаруживает, как детали соединяются между собой, образуя полное и единое целое.

Подобный тип мышления традиционно называется творческим, характеризуется чувственностью и спонтанностью, приоритетом абстрактного видения и пространственным восприятием мира, ориентацией на интуицию. Активизация правополушарного мышления не только способствует формированию целостного видения, созданию новых успешных концептов, но позволяет достигать более значимых результатов, принимать креативные и, одновременно, тщательно обоснованные решения [15].

^ Рис. 1. Тесты, тренинги на развитие правополушарного мышления и креативных навыков

^ Рис. 2. «Кроссфит» мозга. Как развить креативность. Игры с масштабom

Неотъемлемой характеристикой творческой одаренности/креативности, одним из показателей развитого правополушарного мышления является «легкость генерирования идей», т. е. чем больше выдвигается идей, тем больше вероятность получения качественного результата. Важной частью понимания креативности как проявления R-направленного мышления является ее представление в виде интегральной творческой способности. Это предопределяется своеобразной симбиотической природой креативности (сложным взаимодействием «бессознательных процессов и логического мышления»), а также отсылкой к «сверхрациональной» природе творчества.

Закрепляя за креативностью представление о способности человека созидать, порождать оригинальные идеи, находить необычные решения, отклоняться от общепринятых схем и моделей мышления, следует отметить различные авторские интерпретации феномена: умение осознавать противоречия и пробелы, формулировать гипотезы, касающиеся недостающих элементов ситуации (Е. Торренс), обнаруживать новые способы решения проблем и новые способы выражения (К. Роджерс); готовность «выдвигать множество равноценных идей по одной теме», отказываться от стереотипов в мышлении (Дж. Гилфорд), привносить что-либо новое в существующий опыт (Ф. Баррон), проявлять «чувствительность к проблемам» как исходный стимул креативного процесса (Sternberg & Lubart) и пр.

В целом исследование креативности в контексте развития правополушарных навыков позволяет выделить четыре базовых аспекта: креативную личность, креативный процесс, креативный продукт и креативную среду. Последняя представляется «сферой, структурой, социальным контекстом, формирующими требования к продукту творчества» [13, с. 158]. При этом креативные продукты (по Ф. Баррону и Д. Харрингтону [1]) могут быть самыми различными по своей природе: оригинальное решение математических проблем, открытия в химии, физике и др. естественных науках, инновации в юриспруденции или решении социальных проблем, создание музыкальных, художественных или литературных произведений, новой философской или религиозной системы и пр.

Таким образом, обращение к теориям креативности, проблемам творчества в реалиях сегодняшнего дня оказывается совершенно естественным и целесообразным не только из-за органичной взаимосвязи творческих процессов и развития мира и общества, но и в связи с тем, что, по мнению специалистов, мы живем в век творчества, для которого особенно важны синтетическая способность (иное видение проблемы, переосмысление и преодоление границ обыденного); аналитическая способность (выявление перспективных идей); практические способности (умение убеждать других в ценности своей концепции/идеи). Будучи особым даром и умением подключаться к «внутреннему пулу ресурсов» человека, комбинируя их совершенно новыми способами, творчество/креативность обладает мощной интегративной силой [5], опытом складывания воедино деталей большой «картины» и собирания в целое не связанных на первый взгляд друг с другом частей. При этом самые сильные решения нередко возникают в результате объединения самостоятельно существующих идей, интегрировать которые никому ранее не приходило в голову [6, с. 137].

Кроме того, в своей деятельности креативные/правополушарные люди довольно часто опираются на инсайтные процессы, порождающие неординарное, но рациональное соединение и реструктурирование элементов. Такие люди почти всегда обладают исключительной интуицией: например, выдающиеся модельеры предчувствуют, что может стать главным трендом предстоящего сезона; преуспевающие биржевые трейдеры способны предвидеть скачки валют и пр. Для места/города/территории креативность и правополушарные люди также представляются незаменимым и очень ощутимым ресурсом, позволяющим сделать их более пригодными для жизни [2].

Особенности креативных процессов

Как часть профессиональной деятельности, мышления, образования и общая тенденция современной жизни, модная идея и перспектива современного инновационного существования, правополушарность и креативное мышление отражают способность воплощать в жизнь

^ Рис. 3. Нестандартное решение: соединение несоединимого

^ Рис. 4. Америка. Креативные индустрии

новое – будь то решение проблемы, технология, метод, средства и/или устройства, художественно-проектные объекты или формы и пр. [4].

Характеристики базовых показателей творческого/R-направленного мышления напрямую соотносятся с трактовками основных критериев креативности ведущими исследователями, прежде всего с разработками П. Торренса, и включают ряд ключевых позиций:

- легкость/беглость – служит количественным показателем, фиксирует умение порождать идеи/ассоциации/образы;
- гибкость – показывает способность генерировать разнообразные концепции и идеи, предлагать и применять различные стратегии, переключаться с одного дискурса на другой, что измеряется количеством «задействованных» категорий;
- оригинальность – отражает способность выдвигать нетривиальные идеи, отличные от стереотипных, очевидных;
- разработанность (скрупулезность, детализация образов) – демонстрирует навыки изобретательства и конструирования [13].

На базе показателей креативного мышления формулируются тесты диагностики креативности, основой чему служат тесты творческой продуктивности П. Торренса, которые группируются в вербальный, изобразительный и звуковой блоки. В настоящее время существует множество адаптированных модификаций и вариантов данных тестов, созданных отечественными специалистами Т. А. Барышевой, В. Н. Козленко, А. М. Матюшкиным, Е. Е. Туник, А. Э. Симановским, Е. И. Шелбановой, Н. П. Щербо, Н. В. Шумаковой и др. При обработке эмпирических результатов существенными являются как количественные результаты (баллы), так и причины появления этих результатов, свидетельствующие о креативном потенциале тестируемого, развитии его R-направленного мышления и приоритете вербального, изобразительного-образного или звукового типа творческого мышления.

Правое полушарие в креативных процессах «изобретает и создает», видя целостную картину и по-авторски интерпретируя метафоры. Именно эти «правополушарные качества» сегодня выходят на передний план, т. к. все

большую ценность в обществе приобретают профессии с «высокой концепцией» и «высоким прикосновением». Среди важных причин «подъема» правого полушария, наряду с «Изобилием», «Азией» и «Автоматизацией», значимая роль отводится «рассказыванию историй», трактуемых как «обогащенный эмоциями» контекст; дизайну как «полезности, усиленной значимостью»; нахождению различий между «текстом и контекстом» и т. д. [6].

Характеризуя мышление творческого человека, помимо способности к предвидению, R. Sternberg [7] подчеркивает наличие решимости и необходимой удачи. Это позволяет развивать идеи, которые приобретут популярность лишь со временем, когда будет понята важность продвигаемых идей. Основой такого предвидения, будь то сфера бизнеса, политики, искусства или образования, является интуитивный метод, используемый «человеком творящим», чтобы предсказать, предугадать, какие идеи и продукты имеют перспективу продвижения и станут популярными в будущем, несмотря на изначальное сопротивление.

Креативность как «просто создание связей между вещами» (по Стиву Джобсу) позволяет синтезировать нечто новое, объединяя разные фрагменты из багажа уже имеющегося в разных сферах опыта. Разбудить творческое начало человека, стимулировать креативность и мыслительную активность помогают ассоциации, воображение и фантазия, отражающие действительность в новых сочетаниях, необычных и неожиданных связях.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ, КРЕАТИВНЫЕ ЭКОНОМИКИ И КРЕАТИВНЫЕ ПРОФЕССИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА «КЛАССИЧЕСКОЙ» ИНДУСТРИИ

Креативная индустрия – самостоятельная и уникальная сфера деятельности

На волне повышения внимания к креативности и правополушарным навыкам все большую востребованность приобретают креативные индустрии, креативные экономики и креативные профессии, т. к. растущая сложность объектов, сред и систем требует от руководителей и их команд нестандартных творческих подходов к сотрудничеству с клиентами, организации деятельности

^ Рис. 5. Европа. Шахта Цольферайн. Креативные индустрии

и рабочих операций с учетом требуемой скорости и гибкости процессов для продвижения своих фирм/предприятий [5].

Представляемая важнейшим фактором будущего успеха современного бизнеса, креативность становится «актом» воплощения новых идей в жизнь, характеризуется способностью по-новому воспринимать мир, находить скрытые закономерности, устанавливать связи между, казалось бы, не связанными явлениями, и генерировать решения. При этом смело и нестандартно мыслящие люди, с «нештапованными», оригинальными подходами к решению проблем становятся наиболее востребованными специалистами во всех сферах деятельности. Так, например, в 2012 году IBM начинает «заново изобретать себя», чтобы стать креативной дизайнерской компанией, инвестировав 100 млн. долларов в найм дизайнеров, обучив 100 тыс. сотрудников новым компетенциям и развив креативное мышление, чтобы они стали дизайнерскими мыслителями [8]. IBM помогает расширить сферу творческого дизайн-мышления в организации, охватив четверть всего портфеля, что позволяет увеличить прибыль на 18,6 млн. долларов [3]. Основные результаты отражаются в исследовании Forrester (2018) «Общее экономическое воздействие практики дизайн-мышления IBM: как IBM повышает ценность для клиентов и измеримые результаты с помощью своей концепции дизайн-мышления».

Тем не менее творческие профессии, изначально определявшие спектр креативных индустрий, сегодня начинают терять свою избранность и обособленность, означающую исключительную способность и склонность к творчеству и порождению нового. Размывая границы форм и способов использования креативности, на базе исконно творческих профессий происходит формирование креативных индустрий, которые, по утверждению ключевого специалиста по креативным индустриям Рагнара Сиила, вносят все более заметный вклад в культурное, социальное и экономическое становление и развитие разных стран. Зарождение и рост новых креативных экономик, фактически совпавшее с упадком городов как современных промышленных центров, дает городам серьезный шанс на выживание и возрождение.

Креативная индустрия становится самостоятельной и уникальной сферой деятельности, обладающей высоким потенциалом собственного развития и обеспечивающей продвижение других секторов экономики. Важное место занимает сфера культуры. Так, европейский рынок современной креативной индустрии формируется и развивается за счет высокой концентрации исторических объектов и широкой экспансии сфер культуры и искусства в жизнь общества, существования организаций и предприятий, связанных с модой и занятых продвижением модных домов и пр. Наличие богатого культурного наследия обеспечивает приток капитала в европейские города, в т. ч. благодаря расцвету сферы туризма.

Системное внедрение креативных индустрий оказывает существенное влияние на бизнес, культуру, образование и науку. Например, креативные индустрии и сфера культуры Европы способствуют повышению ВВП на 4,2%, будучи третьим сектором по количеству предоставляемых рабочих мест после строительства и общественного питания. К городам с наиболее развитыми креативными инфраструктурами в России относятся Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Тюмень и Новосибирск [12].

Креативные индустрии, их активный рост превращаются в драйверов развития экономики территорий и крупных городов, становятся одной из самых заметных черт современности. Так, на середину 2021 года в «классической» промышленности Москвы работает примерно 600 тыс. человек, в то время как число работающих в креативной индустрии составляет полмиллиона, образуя 113 тыс. фирм и ИП. С отраслевой точки зрения в Москве, которая позиционируется сегодня как претендент на звание «Международная столица креативных индустрий», формируются три гигантских кластера креативных индустрий: информационный кластер, медиакластер, дизайн-кластер.

Все процессы сопровождаются значительным расширением рынка предоставляемых креативных услуг и проводимых мероприятий. Крупнейшими «работодателями» в этой сфере выступают разработка видеоигр и программного обеспечения, реклама, архитектура, дизайн, мода, издательская деятельность, кино и анима-

^ Рис. 6. Великобритания. Креативные индустрии

^ Рис. 7. Россия, Омск. Креативные индустрии

ция. В ряде российских городов создаются «агентства креативных индустрий», о необходимости чего неоднократно повторяет С. Кириенко, в т. ч. в рамках российской креативной недели. В задачи таких агентств входит развитие креативных индустрий, а также формирование позитивного имиджа городов.

Разработанный для Иркутской области «План мероприятий по развитию творческих/креативных индустрий» (утвержден распоряжением Р. Л. Ситникова, первого заместителя Председателя Правительства Иркутской области 27 мая 2022 г.) свидетельствует о важной роли, которая отводится этой сфере в регионе. «Дорожная карта» этих мероприятий включает: анализ и разработку в сфере творческих/креативных индустрий (в т. ч. создание Центра разработки и трансляции креативных стратегий и Центра развития креативных индустрий); развитие инфраструктуры; продвижение творческих (креативных) индустрий; поддержку сообществ; развитие человеческого капитала и образовательной системы (в т. ч. взаимодействие с Фондом «Сколково» и ИРНТУ, разработку ФГОС в области креативных индустрий, привлечение компаний креативных отраслей к педагогической деятельности, создание школ креативных индустрий); устойчивое развитие отдельных индустрий (в т. ч. дизайна, включая графический, промышленный, а также дизайна цифровых систем с поддержкой «экспорта креативных индустрий»); производство видеопроизведения; музыки и саунд-дизайна; театра и фестивальной деятельности; литературной и издательской деятельности; изобразительного и визуального искусства; разработки программного обеспечения; компьютерных игр; медиа, журналистики, производства рекламы, телевизионных, радио и интернет-вещательных программ).

В рамках программ развития креативных индустрий для Байкальска приоритетные направления предусматривают объединение трех основных стратегий в цельную концепцию креативного Арх-пространства под эгидой заглавной темы – «Экология+». Эти направления соответствуют ключевым тенденциям жизни региона и охватывают следующие сюжеты:

«ТУРИЗМ + Байкал» – трактуется как прибрежный город с горнолыжным курортом на территории объекта

Всемирного природного наследия ЮНЕСКО с развитой инфраструктурой креативной индустрии, системой событийных мероприятий международного уровня;

«АРХИТЕКТУРА + Территория» – это новые решения в сфере градостроительства и архитектуры, новый взгляд на наследие БЦБК и экологическое использование территорий;

«ОБРАЗОВАНИЕ + Байкальск» – представляется как площадка для развития креативных кластеров, в том числе в сфере «зеленых технологий», чистых производств и т. д.

«Креативные экономики» и креативные профессии как неизменная часть современной жизни

«Креативные экономики» как термин впервые используется в 2000 году в журнале «Business Week», обозначая «деятельность на перекрестке искусств, культуры, бизнеса и технологий». Исследования Adobe (2012), посвященные творчеству/креативу, показывают, что больше половины респондентов видят в творчестве особую для общества ценность; 8 из 10 человек считают, что для экономического роста раскрытие творческих способностей имеет решающее значение. На долю «креативных экономик», по оценкам различных консалтинговых компаний мира, приходится около 3% мирового ВВП [5; 12].

Креативный сектор в экономике Москвы и Санкт-Петербурга на сегодня составляет уже более 5% ВРП, т. к. здесь сконцентрирована большая часть ведущих креативных кластеров. Такая концентрация креативности, высокая творческая активность и соответствие вызовам современной жизни ведет к формированию полноценного креативного сообщества, при этом у администрации города и бизнеса складывается понимание основных «принципов монетизации» подобных проектов.

Серия программ, в т. ч. продвигаемая Британским изданием «The Calvert Journal» в рамках проекта «Индекс творческого капитала Calvert 22 Foundation», способствует этому процессу. На базе масштабных исследований определяются ключевые показатели, разрабатываются новаторские идеи и проекты, активизирующие развитие креативных и инновационных городов/сред. Знаковым

< v Рис. 8. Креативные индустрии влияют на экономику. Точки роста

результатом этих программ для России становится, например, появление в Новгородской области должности советника губернатора по культуре, туризму и креативному сектору; частью современных тенденций развития креативных экономик является также создание новой структуры «Проектный офис» при Минкультуры РФ и Минэкономразвития РФ по разработке механизмов привлечения финансов в креативные индустрии и проведение Российских креативных недель (Russian Creative Week (RCW)), начатых в рамках Международного года креативной экономики под эгидой ООН в 2021 году. Вообще за последние годы в России происходят серьезные позитивные изменения в управлении инновационно-креативными проектами, креативностью, в целом, что связано с формированием современной инфраструктуры и расширением «креативного класса» [12].

Это сопровождается появлением новых профессий: креативный директор, креативный менеджер, криэйтор и пр., которые становятся прерогативой тех, кого интересует экономика, психология, реклама, художественно-проектное творчество, мировая культура и др. сферы. Сегодня группы криэйторов возникают не только в рекламных агентствах, но создаются также в издательских домах, телевизионных компаниях, web-студиях и пр. Неотъемлемыми качествами этих специалистов, наиболее предпочитаемыми работодателями, являются развитое правополушарное мышление, воображение, безупречный вкус, умение генерировать оригинальные, легко продаваемые идеи, интуиция, умение отслеживать актуальные тренды, коммуникабельность, знакомство с основами психологии, способность влиять на людей, базовые знания по менеджменту и маркетингу.

Будучи прежде всего процессом генерации идей, креативность и правополушарное мышление помогают таким специалистам находить нестандартные формы и способы выхода из разнообразных сложных ситуаций, мгновенно и продуктивно реагировать на любые возникающие проблемы. Соответственно, компетенция «креативное мышление» фактически приравнивается к умению «генерировать идеи» и сосуществует в едином пространстве с другими компетенциями: умение оценивать идеи (критическое мышление), умение визуализировать идеи

(образное мышление), умение «придумывать» в команде (коллаборативность) и т. д., что чрезвычайно актуально для бизнеса [5; 12].

Проводимые исследования и существующий практический опыт позволяют рассматривать креативные индустрии и экономики в качестве неизменной части современной жизни.

Таким образом, в настоящее время эпоха доминирования «левого полушария» и порожденный ею информационный век начинают уступать место новому миру, в котором преобладают «правополушарные» идеалы, и в любой сфере жизнедеятельности довольно высоко ценится креативность. Правополушарное мышление, креативность как своеобразная оппозиция информационному веку становятся ответом на вызовы эпохи R-направленного мышления и драйверами современного развития, т. к. левополушарное «линейное» мышление заменяется эмпатией и представлением правополушарных навыков в качестве наиболее необходимых для бизнеса.

Креативные индустрии, креативные экономики и креативные профессии становятся все более востребованными как альтернатива «классической» индустрии, поскольку креативность дает конкурентное преимущество, добавляя ценность предлагаемой услуге или продукту и выделяя бизнес на фоне конкурентов; творческие личности и креативные процессы, по существу, превращаются в движущую силу человечества, представители креативных индустрий и экономик формируют основные ценности, окружающую среду и образ страны.

Литература

1. Barron, F., Harrington, D. Creativity, intelligence and personality // Annual Review of Psychology. 1981. V. 32. P. 439–476
2. Creative cities. Meet the new generation of Russian innovators from Moscow to Yekaterinburg // <https://www.calvertjournal.com/features/show/6186/creative-cities-2017-innovators-russia> (дата обращения: 16.08.2022)
3. Forrester Study (2018). The Total Economic Impact of IBM's Design Thinking Practice: How IBM Drives Client Value And Measurable Outcomes With Its Design Thinking Framework. – URL: <https://www.ibm.com/design/thinking/static/media/Enterprise-Design-Thinking-Report.8ab1e9e1.pdf> (дата обращения: 30.08.2022)

< < Рис. 9. Российская креативная неделя – 2021. Москва

4. Kerr, Barbara. Creativity. – URL: <https://www.britannica.com/topic/creativity/Research-on-the-creative-process> (дата обращения: 12.07.2022)
5. Naiman Linda. What is Creativity? (And why is it a crucial factor for business success?). – URL: <https://www.creativityatwork.com/what-is-creativity/> (дата обращения: 10.07.2022)
6. Pink, Daniel. A Whole New Mind: Why Right-Brainers Will Rule the Future. – Riverhead Books, 2006. – 304 p.
7. Sternberg, Robert J., Lubart, Todd I. Defying the Crowd: Cultivating Creativity in a Culture of Conformity. Free Press, 1995 – 326 p.
8. Stinson, E. Wired (2016): IBM's Got A Plan To Bring Design Thinking To Big Business. – URL: <https://www.wired.com/2016/01/ibms-got-a-plan-to-bring-design-thinking-to-big-business/> (дата обращения: 14.07.2022)
9. Барышева, Т. А., Жигалов, Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2006. – 267 с.
10. Железковская, Г. И., Абрамова, Н. В., Гудкова, Е. Н. Креативная среда как фактор творческого саморазвития личности // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 120–125
11. Железняк, О. «Креативный город»: образ жизни и способ формирования среды // Проект Байкал. – 2022. – № 3 (73). – С. 62–67
12. Журавлева, М., Паньков, В. Культура в «цифре». Почему растет интерес к культурному наследию и академическому искусству. – URL: <https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre> (дата обращения: 06.07.2022)
13. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – Москва [и др.] : Питер, 2009. (Санкт-Петербург : Печатный двор им. А. М. Горького). – 444 с. : ил.
14. Что такое креативность и почему это важно сейчас. – URL: <https://flashart.ee/kreativnost/zagolovok-stati-4> (дата обращения: 02.07.2022)
15. Что такое правополушарное мышление? – URL: <https://brainapps.ru/blog/2016/01/chto-takoe-pravopolusharnoe-myshlenie/> (дата обращения: 11.08.2022)

References

- Barron, F., & Harrington, D. (1981). Creativity, intelligence and personality. *Annual Review of Psychology*, 32, 439-476.
- Barysheva, T. A., & Zhigalov, Yu. A. (2006). *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy razvitiya kreativnosti [Psychological and pedagogical bases of creativity development]*. Textbook. Saint Petersburg.
- Borodacheva, M. et al. (n.d.). Creative cities. Meet the new generation

of Russian innovators from Moscow to Yekaterinburg. Retrieved August 16, 2022, from <https://www.calvertjournal.com/features/show/6186/creative-cities-2017-innovators-russia>

Что takoe kreativnost i pochemu eto vazhno seichas [What is creativity and why it is important now] (n.d.). Flashart. Retrieved July 2, 2022, from <https://flashart.ee/kreativnost/zagolovok-stati-4>

Что takoe pravopolusharnoe myshlenie? [What is right-brain thinking?] (2016, January 19). Retrieved August 11, 2022, from <https://brainapps.ru/blog/2016/01/chto-takoe-pravopolusharnoe-myshlenie/>

Forrester Study (2018). The Total Economic Impact of IBM's Design Thinking Practice: How IBM Drives Client Value and Measurable Outcomes With Its Design Thinking Framework. IBM. Retrieved August 30, 2022, from <https://www.ibm.com/design/thinking/static/media/Enterprise-Design-Thinking-Report.8ab1e9e1.pdf>

Ilyin, E. P. (2009). *Psychology of Creativity and Giftedness*. Moscow [et al]: Peter (Saint Petersburg: Printing House named after A. M. Gorky).

Kerr, B. Creativity. Research on the creative process. In *Britannica*. Retrieved July 12, 2022, from <https://www.britannica.com/topic/creativity/Research-on-the-creative-process>

Naiman L. (2021, November 18). What is Creativity? And why is it a crucial factor for business success? *Creativity at work*. Retrieved July 10, 2022, from <https://www.creativityatwork.com/what-is-creativity/>

Pink, D. (2006). *A Whole New Mind: Why Right-Brainers Will Rule the Future*. Riverhead Books.

Sternberg, R. J., & Lubart, T. I. (1995). *Defying the Crowd: Cultivating Creativity in a Culture of Conformity*. Free Press.

Stinson, L. (2016, January 21). IBM's Got A Plan To Bring Design Thinking To Big Business. *Wired*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.wired.com/2016/01/ibms-got-a-plan-to-bring-design-thinking-to-big-business/>

Zheleznyak, O. (2022). "Creative city": A way of life and a way of shaping the environment. *Project Baikal*, 19(73), 62-67. <https://doi.org/10.51461/pb.73.11>

Zhelezovskaya, G. I., Abramova, N. V., & Gudkova, E. N. (2014). Creative environment as a factor of creative self-development. *Perspectives of science and education*, 1, 120-125.

Zhuravleva, M., & Pankov, V. (n.d.). *Kultura v "tsifre". Pochemu rastet interes k kulturnomu naslediyu I akademicheskemu iskusstvu ["Digitally remastered" culture. Why interest to cultural heritage and academic art is growing]*. Retrieved July 6, 2022, from <https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre>

После Великой Отечественной войны русские переселенцы на руинах Кёнигсберга и других городов Восточной Пруссии, откуда немцы были депортированы в 1947 году, собирались строить свой мир. Архитекторы проектировали неоклассические ансамбли, но эти замыслы не были реализованы. Советские города Восточной Пруссии были застроены в 60–70-х годах панельными пятиэтажками и безликими модернистскими общественными зданиями. Советской идентичности, которая ассоциируется с конструктивизмом и неоклассикой, Калининградская область не получила, русской никогда не имела. Сегодня идут разговоры о диффузии немецкой и русской культур, но на деле все сводится к призывам реставрировать сохранившиеся немецкие довоенные постройки и приводить новую застройку в соответствии с ними, используя явные и неявные цитаты. Носителей немецкой культуры в Калининградской области нет.

Ключевые слова: Калининградская область; советская Восточная Пруссия; российская Восточная Пруссия; советская идентичность; неоклассика; немецкая культура; русская культура; диффузия культур.

After the Great Patriotic War, the Russian settlers were going to build their own world on the ruins of Königsberg and other cities in East Prussia, from where the Germans were deported in 1947. Architects designed neoclassical ensembles, but those plans were not realised. The Soviet towns of East Prussia were built up in the 60s and 70s with five-storey panel blocks and faceless modernist public buildings. The Kaliningrad region did not receive the Soviet identity associated with constructivism and neoclassicism, nor did it ever have a Russian identity. Today people discuss a diffusion of German and Russian cultures, but in reality it comes down to a call to restore the remaining German pre-war buildings and to bring the new buildings in line with them, using explicit and implicit quotations. There are no bearers of German culture in the Kaliningrad region.

Keywords: Kaliningrad region; Soviet East Prussia; Russian East Prussia; Soviet identity; neoclassicism; German culture; Russian culture; diffusion of cultures.

Здесь прусский дух, но Русью пахнет... / There is a Prussian spirit here, but it smells of Russia...

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Я не мог бы сбросить с себя, как сюртук, свое пруссачество.

Отто фон Бисмарк

Июль 2022 года. Светлогорск

Ни жары, ни войны. Транспортная блокада. Война и далеко, и близко. Здесь, в Светлогорске, тихо. Пограничные катера на горизонте появляются и исчезают...

Ветрено и свежо на морском берегу. Волны выбрасывают на берег янтарь. Бревна волнорезов в морской пене. *Bernstein in Russland ist billig* – вспоминается фраза из учебника немецкого языка. Был ли он дешевле в Восточной Пруссии до Второй мировой войны?

Янтарь в Светлогорске повсюду. Отдыхающие ищут капельки окаменевшей смолы на пляже, покупают у уличных торговцев и в фирменных магазинах. Уехать отсюда без украшений и сувениров из янтаря как-то даже непривычно.

Гиды рассказывают туристам, как по Великому янтарному пути в античности из Прибалтики в Средиземноморье доставлялся балтийский янтарь; говорят, что о янтаре упоминает отец истории Геродот, что окаменевшую древнюю смолу называли «золотом севера», цитируют «Одиссею» Гомера, вспоминают Нерона и его любовь к янтарию, вспоминают, что на Руси янтарь называли алатырём, а Балтийское море Алатырским... Гиды свое дело знают хорошо [1].

В конце 1940-х годов, когда в советскую часть Восточной Пруссии приехали русские переселенцы, мало кто из них понимал ценность янтаря. «Понятия не имели, что такое янтарь. Когда с мамой мы жили в подсобном хозяйстве, там были такие огромные куски. Мы их, чтобы поджарить хлеб, бросали в печь. Он сгорает быстро, жар дает. И называли его «канифоль». Канифоль и канифоль – горит хорошо. На пляже много янтаря валялось – и крупный, и мелкий. Его никто не собирал. Это ведь только в последние годы ажиотаж начался. А тогда на него и внимания не обращали», – вспоминала Екатерина Петровна Кожевникова из Приморска (до 1946 года Фишхаузен – Fischhausen) [2].

Эта земля сегодня славится не только умеренным климатом, песчаными пляжами, дюнами, поросшими соснами, янтарем... Привлекает и «западность» этого края. Немцы, литовцы и поляки отсюда ушли в конце 1940-х годов XX века не по своей воле. Русские переселенцы приехали и увидели разрушенную оболочку чужой жизни, которая представлялась им сказочно красивой, изобильной, спокойной...

Переселенцы вспоминали: «Когда подъезжали к городу на поезде, поразили дома с черепичной крышей. Было очень необычно. Сразу ощущалось, что здесь жили совсем другие люди. Крыши домов островерхие и красиво выглядели. Все вокруг казалось чужим, необычным, немного пугающим. И аккуратные деревенские домики, покрытые красной черепицей, и обсаженные

^ Калининград. Блокированные жилые дома. Постройка 2020 года

^ Калининград. Городские ворота Кёнигсберга. Фрагмент

деревьями дороги, и асфальт повсюду (из воспоминаний А. В. Целовальниковой).

«Даже по развалинам, которые я наблюдала из окна вагона, сразу было видно, что это уже не Россия, а Западная Европа. Сердце не стучало, а колотилось. Все было вокруг интересным, незнакомым, любопытным. Даже по остаткам зданий видно было, как красив был город до войны. Улицы вымощены булыжником, зеленые от деревьев. И, несмотря на развалины, меня охватило чувство какого-то благоговения. <...> Все было ухожено, к каждому домику вели мощные дорожки. Домики, даже их развалины, окружал ухоженный кустарник. Видно было, что раньше здесь жили люди, ценившие природу, красоту и свой уют (из воспоминаний А. А. Копыловой) [2].

С точки зрения теории войн есть война и межвоенный период, который делится на послевоенный и предвоенный. В XVIII – XX веках войны по территории Восточной Пруссии прокатывались регулярно. Межвоенные периоды были не столь продолжительными, но каждый раз раны залечивались относительно быстро. Шрамы Второй мировой войны видны и сегодня, даже в Светлогорске, который избежал больших разрушений. Здания можно восстановить. Ментальные раны в одном поколении не лечатся. Их последствия – повод для новых конфликтов.

Поселение, которое некогда было на месте Светлогорска и насчитывало десяток рыбацко-крестьянских домов, называлось «Русе-мотер», что на самбийском диалекте прусского языка означало «край погребов». «Русе» звучит так похоже на Русь. Но нет, русских здесь в это время не было и быть не могло. Рыцари Тевтонского ордена, завоевав в XIII веке землю литовского племени пруссов, переименовали «Русе-мотер» в «Раусе-мотер», затем в «Рауше-мотер», а далее просто в «Рауше» [3].

Светлогорск до 1947 года назывался Раушен (Rauschen), что означает по-немецки «шуршать, журчать». Его немецкое имя сразу после Второй мировой войны хотели забыть, но материальные свидетельства довоенного прошлого были повсюду. Даже волны шуршали здесь по-немецки rauschen – schön, rauschen – schön... Все города и поселки советской Восточной Пруссии

в конце 1940-х годов поспешно переименовывали. Прошло почти 80 лет, но до сих пор в Калининградской области в ходу и немецкие, и советские топонимы: Гүсеv – Гумбіннен (Gumbinnen) Зеленоградск – Кранц (Kranz), Янтарное – Пальмнікен (Palmnicken), Калининград – Кёнигсберг (Königsberg) ... Чтобы подчеркнуть нерусское происхождение этой земли, столь милое многим россиянам, ориентированным на Запад, отели в Калининградской области часто называют по-немецки. Есть отели с немецкими названиями и в Светлогорске: «Альт Платц Раушен», «Зеештерн» и т. п., но в русских

< Калининград. Башня Дона

справочниках их немецкие названия пишут кириллицей. Тем не менее *bitte willkommen* (добро пожаловать)! Если не нравятся отели с немецкими названиями, можно остановиться в Светлогорске в гостинице «Русь», нейтрально-модернистском строении, в архитектуре которого нет и намека на фахверк, островерхие черепичные крыши и прочие приметы архитектурного прошлого этой земли. Архитектура пансионатов и гостиниц советского периода нейтральна и бедна. Хрущевские пятиэтажки (как же без них) и вовсе выглядят здесь как бедные родственники в поношенной одежде.

Есть отель, пользующийся в Светлогорске большой популярностью. Это «Дом Сказочника». Иногда этот отель называют Резиденцией Гофмана. На его территории разбросаны небольшие скульптуры, посвященные героям сказок Гофмана и самому писателю. У скульптурной композиции, изображающей Гофмана (скульптор С. Н. Усачёв) всегда много людей. Называется она

> Светлогорск. Вилла 20-х годов XX века

v Зеленоградск. Бывшая водонапорная башня

«Двойственность внутреннего мира». С одной стороны, Гофман был писателем-сказочником, композитором, известным под псевдонимом Иоганн Крейслер, художником и театральным декоратором, с другой – чиновником и юристом. Скульптура изображает двух разных Гофманов, живущих в одной оболочке.

Возможно, в Раушене бывал родившийся в Кёнигсберге в 1776 году Эрнест Теодор Амадей (Вильгельм) Гофман. (Имя Амадей он взял себе в честь Моцарта, которого боготворил.) Правда, тогда, когда жил Гофман, это была маленькая рыбацья деревня. Курортом Раушен стал в начале XIX века. Но физическое пребывание Гофмана в этих местах – не главное. Важно, что его память здесь увековечили.

Резиденция Гофмана находится по адресу: переулок Гофмана, 2. Но чтобы найти эту достопримечательность Светлогорска, вы будете от железнодорожной станции Светлогорск-2 (так теперь называется железнодорожная станция Раушен-дюна, открытая в 1906 году) сначала идти по улице Ленина (в Раушене она называлась Strandstrasse – Прибрежная), потом свернете на улицу Карла Маркса, повернете на улицу Горького, увидите музей «Колесо истории», свернете перед ним налево – и вот вы уже в переулке Гофмана. И перед вами два корпуса отеля «Дома сказочника». Этот путь символичен. Чтобы начать увековечивать в топонимах память Эрнеста Теодора Амадея Гофмана, Симона Даха, Кристианоса Донелайтиса в городках и поселках российской Восточной Пруссии, нужно было многое переосмыслить и многое забыть.

Колесо истории повернулось в 1990-х... Прусский гений места приободрился: стали активно реставрировать особняки и гостиницы, построенные до Второй мировой войны, и строить для новых русских нечто подобное. Правда, керамическая черепица была в этих новых строениях по большей части заменена металлочерепицей, фахверк просто рисовали на фасадах и пр. А потому облик новых строений нередко напоминает театральные декорации: как ни старались архитекторы приблизиться к идентичным немецким образцам XIX – XX веков, модернистские «уши» в этих стилизациях видны особенно отчетливо в грубоватых деталях. Сказалась

^ Скульптурная композиция «Эрнст Теодор Амадей Гофман. Двойственность внутреннего мира». Автор С. Н. Усачёв

^ Отель «Дом Сказочника» в Светлогорске

выучка, которую профессионалы получили в 60–70-х годах XX века. Понимать душу исторических стилей тогда не учили, а упрощение традиционных элементов понималось как неявная цитата и признак современности. Модернистская парадигма предполагала, что проектировать нужно новое, только новое и ничего кроме нового; стилизация – пережиток, эклектика отвратительна. Но самое забавное, что в массе архитекторы и сегодня используют эклектический метод, не особенно задумываясь о философии архитектурной формы. Только образцы для стилизаций в 1960–1980-х годах были корбюзийские, райтовские, мисовские... et cetera, а теперь во времена более «либеральные» можно подражать кому хочешь и даже иронизировать.

Но постмодернистская ирония – вещь тонкая. Редко кому удается в архитектуре иронизировать изящно. Для этого нужно иметь, вероятно, кроме архитектурного, еще и философское образование. Чарльз Мур, который выпустил джинна иронии, построив в Новом Орлеане знаменитую площадь Италии, был доктором философии. Впрочем, в Светлогорске и гостиницы, и особняки в разгар увлечения постмодерном строили без иронии, с прусской основательностью и серьезностью. Гений места строго следил за этим. Хотя странные сооружения, претендующие называться постмодернистскими, в 90-х там тоже появились. Но погоды они не сделали.

В российской части Восточной Пруссии спокойный бюргерский контекст старых немецких городков жестко диктует архитекторам выбор прототипов. Нет, конечно, можно преодолеть этот диктат и построить нечто иное и сегодня. Пример – «Янтарь-холл» в Светлогорске (Архитектурная мастерская Александра Башина, 2015 г.). Такой холл, ничего не меняя, можно поставить, например, в Подмосковье и рассказывать, что символика сооружения связана с холмами Русской равнины, извилистыми берегами речек и т. п.

«Янтарь-холл» расположен несколько в стороне от туристического центра Светлогорска, и это местоположение оправдывает его абстрактно-нейтральную архитектуру. От моря к нему можно подняться на лифте. Но являются ли подобные постройки вершиной современной архитектуры?

Июль 2022 года. Зеленоградск

Недалеко от Светлогорска – приморский курортный городок Зеленоградск, бывший Кранц (Cranz). В 1816 году по инициативе профессора Ф. Кесселя (1765–1844), заметившего, что в Кранце люди живут дольше, чем в других местах, был основан курорт. За несколько десятилетий на месте голых песчаных пустошей обустроили парк, появились гостевые дома, купальни, грязелечебницы. Песчаные пространства засадили кустарниками, деревьями, травами-песколюбями. Богом забытая деревушка превратилась в королевский курорт. В 1885 году открыли железнодорожную линию Кёнигсберг – Кранц. Паровозы с вагончиками имели названия птиц: «Сокол», «Орел», «Чайка» [4].

< Макет средневекового города в парке. Светлогорск.

С началом Первой мировой войны отдыхающие перестали сюда приезжать, разорились владельцы отелей, ресторанов, прогулочных катеров. В межвоенное время (интербеллум) Кранц вновь наполнился отдыхающими, и вновь открылись отели, рестораны, грязелечебницы.

Во время Второй мировой войны город практически не пострадал. Но в первые послевоенные десятилетия отдыхающих было мало. Сегодня туристов привлекает широкая полоса пляжа, длинный прогулочный променада вдоль моря, прусский дух довоенных вилл и отелей. Из достопримечательностей, которые обязательно показывают, – бывшая водонапорная башня, поднявшись на которую можно увидеть панораму города, музей «Домик ангелов», музей кошек «Мурариум», музей филинов и сов «ФилоСовия» и т. п.

По всему городу изображения кошек. Коты – неофициальный символ Зеленоградска, заменивший камбалу, которая до сих пор красуется на гербе города. (Камбала,

> Зеленоградск. Вилла Крелля

v Зеленоградск. Изображения кошек на домах

копченая по уникальной технологии, считалась местным деликатесом. Этой рыбы было много в районе Куршской косы.) Для уличных кошек в центре Зеленоградска построены домики, есть даже официальная должность «котошефа», который должен кормить вольных котов и кошек.

Пожалуй, кошки в Зеленоградске стали самым ярким туристическим аттракционом и разбавили прусский дух старого Кранца. Тема котиков, как всегда, оказалась бесприоритетной. Конечно, не для всех. Многие стремятся побывать в Краеведческом музее, что располагается в бывшей вилле Макса Крелля. В путеводителях пишут, что построено это здание «в сочетании готического и русского стиля». Есть и еще более интересные утверждения: «Макс Крелль был мэром прусского города Мемель, а после отставки переехал со своей семьей в Кранц. Здесь он построил для себя виллу в архитектурном стиле смешения русского барокко и немецкой готики. Крыша покрыта красивой глазурированной черепицей» [5].

Вовсе не Мемеля был бургомистром Макс Крелль, а Дойч-Эйлау (сейчас это польский город Илава в Варминьско-Мазурском воеводстве). Не он построил эту виллу, а кёнигсбергский еврейский фабрикант и лесоторговец Израиль Пик. В 1927 году Пик продал дом Макс Креллю, поэтому вилла до сих пор носит его имя. Интересно, что с 1932 по 1937 год Израиль Пик работал в СССР – руководил работой предприятий в Москве и Сталинграде (ныне Волгоград). В 1939 году он уехал в США вместе с семьей, спасаясь от нацистов [6]. Если «русский стиль» виллы Крелль сомнителен, то русский след в этой истории все же есть. Есть и еще один заметный русский след в истории Кранца: в 1901 году здесь отдыхал российский министр П. А. Столыпин с женой и детьми. Столыпин был известной фигурой, поэтому его приезд на курорт Восточной Пруссии отмечен в хронографе Кранца – Зеленоградска. А сколько менее известных российских поданных посещало до революции немецкие прибалтийские курорты? Вероятно, немало: пример Столыпина был заразителен.

^ Светлогорск. Современная гостиница

^ Светлогорск. Современный торговый павильон

Июль 2022 года. Калининград

Первое, что бросается в глаза, когда впервые попадешь в Калининград – Кёнигсберг, – нет советских неоклассических построек. Не построили здесь дворцов и парадных площадей с башнями и ордерными портиками по объективным причинам. На советскую Восточную Пруссию в конце 1940-х – начале 1950-х годов просто не хватило средств. В течение двух десятилетий после окончания Второй мировой войны центр Калининграда оставался разрушенным. Многие послевоенные героические фильмы сняты в 50-х годах здесь. И жители нередко слышали крики и автоматные очереди, когда снимали в руинах очередной фильм.

К началу 1960-х были отстроены заново Минск и Волгоград, Киев и Воронеж – Калининграду не повезло: город стали восстанавливать (по сути, строить заново) после известного постановления об излишествах (постановление № 1871 от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»). Неоклассического буфера между сохранившимися немецкими строениями и новой микрорайонной застройкой Калининград не получил. Зато панельных пятиэтажек было построено предостаточно. Немцы, депортированные из советской части Восточной Пруссии, в 1947 году, посетив родину в 90-х, не узнавали город. На месте исторической тесной застройки стояли типовые панельные микрорайоны, испортившие не только Кёнигсберг, но и большинство исторических городов СССР. Аргументы, оправдывающие такую застройку, известны. Обстоятельства, предшествовавшие решению застраивать так огромные территории в СССР, тоже. Поэтому о калининградских микрорайонах говорить не буду.

Интересно, как выглядел бы Калининград, если бы там появились послевоенные неоклассические ансамбли, так украсившие Минск и Киев? И ведь могло такое случиться. Но если в 30–50-х годах в советской архитектуре Армении, Азербайджана, Украины и других республиках национальный акцент в неоклассике приветствовался, то в советской Восточной Пруссии в первое послевоенное десятилетие это было немислимо. Чужая культура вызывала интерес, нередко восхищение (робость, бла-

гоговение, et cetera), но на руинах Кёнигсберга и других разрушенных городов собирались строить свой мир.

Но как, не утратив ценностей своей культуры, в то же время принять и понять ту, которая развивалась на этой земле веками. В такой постановке эта задача и после Второй мировой войны, и сегодня не ставится. Встает законный вопрос: какие ценности советской культуры необходимо сохранять на территории Калининградской области? Какие значимые архитектурные объекты, обогатили облик российской части Восточной Пруссии почти за 80 лет? Можно ли назвать эти объекты русскими, советскими? Или они нейтральны, интернациональны по своему духу?

Увы, прусский дух оказался сильнее и новые архитектурные объекты либо пропитаны этим духом, либо нейтрально абстрактны. Могло бы, конечно, быть иначе, если бы советские неоклассические проекты конца 1940-х – начала 1950-х годов XX века были реализованы.

Архитектор М. Р. Наумов в «Калининградской правде» от 30 апреля 1949 года писал: «Надо сказать, что центр города застраивался немцами беспланово, варварски, что вообще характерно для капиталистических городов. Здесь много узких улиц, где с трудом проезжал трамвай. <...> На месте [старых] зданий пройдут проспекты, зеленые бульвары и скверы. <...> В первую очередь должны быть восстановлены ценные здания. На строительство их пойдет кирпич и щебенка с разбираемых строений <...> Основная композиционная ось города пройдет через центр, связав правый берег с левобережьем. В центре города намечена постройка огромного Дворца Советов. Возможно, что постаментом для него явится площадка нынешней крепости с башней и большой площадью, спускающейся к реке <...> Огромное здание Дворца Советов мыслится как памятник великому деятелю коммунистической партии и советского государства – Михаилу Ивановичу Калинин. Дворец должен быть увенчан высокой, видной издали башней-маяком, которая подчеркнет характер Калининграда – города-порта. Создание будущего Дворца – дело наших советских зодчих» [7].

Сегодня о средневековых улочках Кёнигсберга с плотно прижавшимися друг к другу островерхими домами архитекторы (и не только) вспоминают с ностальгией.

^ Светлогорск. «Янтарь-холл»

Их не хватает современному Калининграду, чтобы стать подобием Кёнигсберга. В последние 30 лет о русском духе здесь и думать забыли.

Городом с советской идентичностью Кёнигсберг не смог стать, поскольку наиболее яркими и узнаваемыми в советской архитектуре остаются два направления – конструктивизм и неоклассика. Ни того ни другого в Калининграде по объективным причинам нет. Городом с русской идентичностью стать тоже не может.

В последнее время прусский гений места стал диктовать свои условия громко и категорично. И вот в Калининграде украшают панельные хрущевки накладными фасадами под XIX век, строят милые декорации Рыбачьей деревни напротив острова Канта и тому подобное. Имитации вполне удовлетворяют туристов, и не только туристов.

Архитектор Наумов восторженно писал о Дворце Советов. Он мог бы быть построен, как положено, в стиле сталинских высоток, которые ныне Андрей Бархин иначе, чем советское ар-деко, не называет. Но героический пафос таких сооружений вряд ли был свойствен ар-деко – гедонистическому направлению в архитектуре 1930-х годов.

Здания, подобные московским небоскрегам начала 50-х годов, были построены в Варшаве, Праге, Таллине, Риге... За яркую советскую идентичность их так не любят сегодня чехи, поляки и прибалты. Были бы эти сооружения нейтральными – они бы никого не раздражали. Но послевоенная неоклассика во многих городах за пределами бывшей во Второй мировой войне страны и с русским духом. Историю сегодня активно переписывают и материальных напоминаний о правде не хотят видеть. Русофобия в последнее время достигает невиданных масштабов в «просвещенной» Европе.

Если бы Дворец Советов был построен в Калининграде, подобно московским высоткам, никто не говорил бы о том, что это сооружение нужно снести и Королевский замок восстановить. Попробовали реализовать проект уже не дворца, а Дома Советов на том же месте. Тоже не получилось. Не всегда монументальные замыслы удается реализовать.

История идеи строительства Дворца Советов в Калининграде такова: в начале 1950-х годов главным архитектором города Д. Навалихиным был составлен план реконструкции Калининграда, в соответствии с которым на месте бывшего Королевского замка должно было быть построено административное здание в стиле сталинских высоток. Такое решение было логичным. Победители всегда ставили на завоеванных территориях свои храмы на месте храмов поверженных народов. Сталинская высотка на месте Королевского замка построена не была. Прошло время. В 1967 году был разработан новый генеральный план Калининграда. В соответствии с этим планом на месте бывшего рва Королевского замка должно было возникнуть 28-этажное здание Дома Советов. В процессе реализации проект неоднократно корректировался. В результате было построено 21-этажное здание, немного напоминающее известное творение Оскара Нимейра в Бразилии. (К вопросу о прототипах.) Но завершено это сооружение не было. Так и стоит в центре Калининграда монументальный памятник эпохе перестройки, который собираются то достраивать, то сносить и восстанавливать Королевский замок. Проект высотного общественного центра, разработанный «Студией 44», мог бы украсить место, где некогда был замок. Но уже ни о какой «русскости» в этом проекте речи не идет. Образная структура поддерживает «пруссский дух». До сих пор идут споры, насколько будет уместен такой общественный центр. Есть сторонники, есть и противники.

«Для того чтобы Калининград имел свой неповторимый облик, необходимо максимально возможно сближать его с обликом Кёнигсберга. Многие для этого нужно, но прежде всего необходимо воссоздать здание Альбертины на острове Канта и предназначить его для библиотеки университета, для размещения в нем философского факультета и Международного института Канта. Тогда новой жизнью мог бы зажить и Музей Иммануила Канта в Кафедральном соборе, став важнейшим звеном единого комплекса», – пишет Л. А. Калининников, профессор Калининградского государственного университета [8]. Такие настроения характерны. Могло ли быть иначе? Вряд ли. Есть множество

^ Светлогорск. Современный особняк

22 января 1758 года под звон колоколов всех церквей русский (!) генерал Виллим Виллимович Фермор вошел в Кёнигсберг и занял дворец, который незадолго до этого покинул прусский фельдмаршал. Генералу вручили ключи от города. Так началась пятилетняя русская оккупация. Официальные лица присягнули на верность императрице Елизавете, были введены русские деньги и праздники. Назначили русского генерал-губернатора. В целом в жизни Восточной Пруссии и Кёнигсберга мало что изменилось. Прусские чиновники остались на своих местах, русские офицеры ходили на лекции в университет слушать Эммануила Канта и других профессоров. Кёнигсберг «стал более оживленным (zeitvertreibender) местом.

Для многих немцев русская оккупация означала освобождение от старых предрассудков и обычаев. Немецкое общество в Восточной Пруссии в это время утратило чопорность и стало менее замкнутым. Русские офицеры

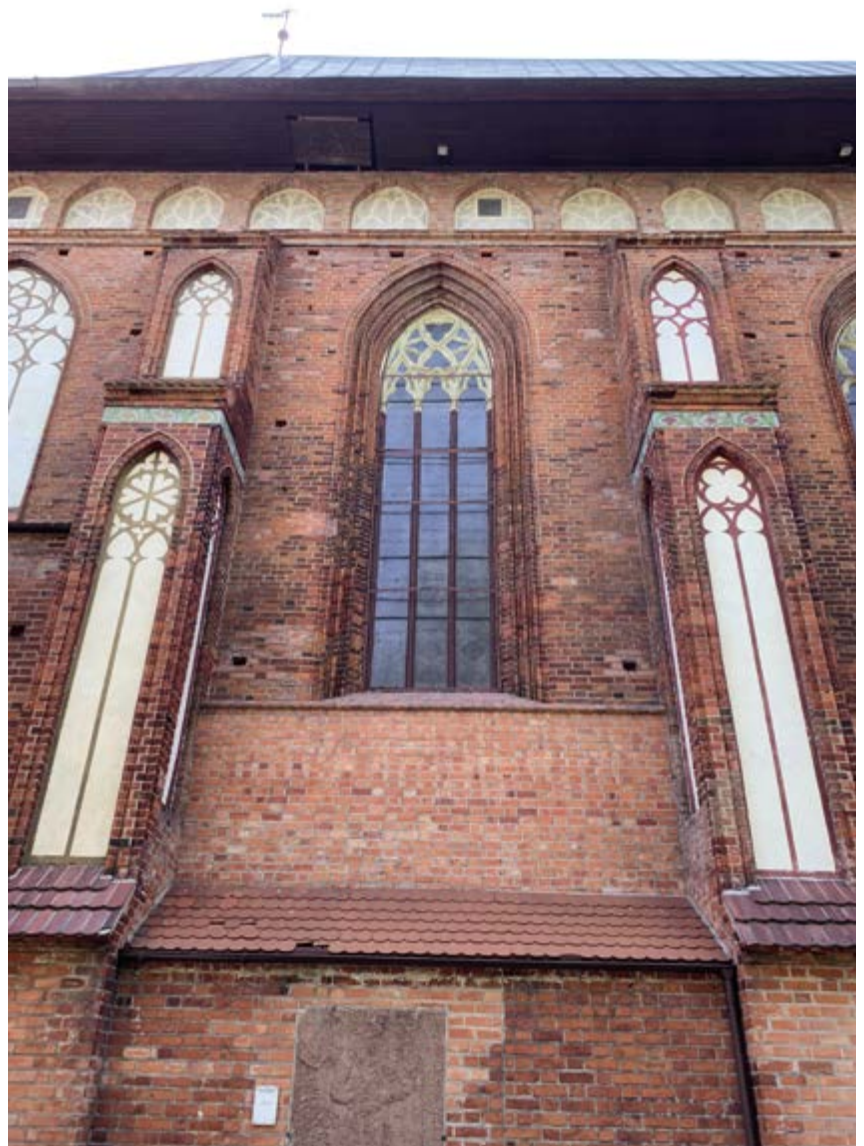
причин для «реставрационных» настроений и среди профессоров, и среди архитекторов.

«На данном этапе Калининградская область развивается, поддерживая, с одной стороны, культурную преемственность характерных для этого региона исторических традиций, так и в контексте великой русской культуры», – написано на официальном сайте Калининградской области [9]. Первое утверждение не подлежит сомнению. А вот что такое «контекст великой русской культуры» – в этом стоит разобраться. «Диффузия культур, существовавших на территории этого края, ощущается на каждом шагу: брусчатые улицы, форты, кирхи, орденовые замки, соседство немецкой, советской и современной архитектуры», – читаем дальше [9]. Соседство немецкой, советской и современной архитектуры есть, а вот диффузии, то есть взаимопроникновения, нет. В результате диффузии воды и краски вода окрашивается в тот или иной цвет. Получается, к примеру, синяя или красная вода. Воздух в результате диффузии насыщается запахами. В архитектуре взаимопроникновение может означать некое новое качество. Так, о диффузии культур можно говорить в творчестве Луиса Кана, Ивана Леонидова, Фрэнка Ллойда Райта...

Сегодня диффузия культур в Калининградской области – утопическая мечта. Носителей немецкой культуры там уже давно нет. Осталась привлекательная для россиян европейская оболочка прошлой немецкой жизни, уже давно мертвая. Раки-отшельники живут в ракушках брюхоногих моллюсков. Такая уж у них природа. Но чтобы они сами строили для себя подобие таких раковин – об этом никто не слышал. Характерно, что наиболее привлекательной остается историческая немецкая архитектура, возникшая до XIX века. О ней-то и грустят.

Города российской Восточной Пруссии для россиян были и остаются западными, и в этом их привлекательность. Но приметы Запада чисто внешние. Прусский дух живет здесь только в сохранившихся артефактах. Тем не менее слабое влияние русской культуры на Восточную Пруссию было. Правда, давно, когда во время Семилетней войны (1756–1763), русские войска впервые заняли Восточную Пруссию и Кёнигсберг.

v Шрамы войны на кафедральном соборе на острове Канта в Калининграде

женились на немках, которые меняли религию и становились православными. Торговцы богатели на поставках русской армии.

Теодор Готлиб фон Гиппель, который во время семилетней войны учился в Кёнигсбергском университете, увлекался «загадочной русской душой» (возможно, женской) и всем русским. В 1760 году он уехал в Санкт-Петербург, был принят при дворе и в высшем обществе. Свое пребывание в России считал «одной из приятнейших эпох» своей жизни, больше похожей «на экстаз, нежели на земную реальность», говорил о *Seelenmanumission* (освобождении души от рабства), которое навсегда изменило его отношение к жизни. В 1780 году был назначен бургомистром Кёнигсберга [10].

Как это было возможно, чтобы оккупанты слушали Канта, а будущие бергомистры увлекались всем русским? Наверное, случилось то, что называют диффузией культур. Правда, культуры тоже были неоднородны.

> Кафедральный собор на острове Канта

v Макет старого Кёнигсберга

Были культуры аристократические, мещанские, крестьянские, и иногда представители этих разных культур одной национальности с трудом понимали друг друга. Просвещенные аристократы разных национальностей легко находили общий язык. Слушали Канта и свободно говорили по-немецки русские дворяне. Увлекались русской культурой немецкие философы и поэты. Но это было давно.

Руины архитектурно-градостроительной оболочки великой немецкой культуры в Калининградской области ныне ценят. Эти руины – символ Запада. Их реставрация – материализация сказок, которые русские рассказывали себе много веков подряд о том, какой на самом деле уровень комфорта они хотели бы иметь. Запад в массовом сознании – не великие философы и литераторы, а чистота, порядок, бюргерский уют, изобилие товаров. Изобилие товаров есть сегодня и в России, но... «Земля наша богата, порядка в ней лишь нет...» А порядок, как известно, в голове, так же как и хаос.

Сегодня конфликт России и Запада стал катализатором поиска национальной идентичности. Необходимость говорить о культурных традициях, ценностях, мифах, национальной архитектуре стала очевидной. А как же с российской Восточной Пруссией, где живут сегодня 78,1% русских и только 0,6% немцев? Немецкая культура для многих остается кантовской «вещью самой по себе» (*Ding an sich selbst betrachtet*).

На могилу Канта в обязательном порядке водят туристов. Состоятельные люди строят себе бюргерские особнячки. В Калининградской области это по крайней мере органично. Сбросить свое пруссачество этот край не может. А в Центральной России почему на коттеджах рисуют фахверк?

Литература

1. Янтарь в древности и Средневековье. – URL: https://m.ambermuseum.ru/home/about_amber/in_ancient_times_and_middle_ages (дата обращения: 15.09.2022).
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. – URL: https://www.klgd.ru/city/history/peresel/gl_3.php#3_3 (дата обращения: 20.09.2022).

< Калининград. Рыбная деревня

3. Путешествие в Раушен (Светлогорск). – URL: <https://rumyantsevphoto.livejournal.com/4052.html> (дата обращения: 01.10.2022).
4. Зеленоградск (Кранц). История курорта. – URL: <https://gid39.su/zelenogradsk-istoriya-kurorta/> (дата обращения: 01.10.2022).
5. Вилла Крелля в Зеленоградске. – URL: <https://geomerid.com/ru/place/villa-krellya-zelenogradsk-dostoprimechatelnosti/overview/> (дата обращения: 11.10.2022).
6. Жданова, Т. Тайна виллы Крелль. – URL: <https://volnanews.ru/history/tajna-villy-krell/> (дата обращения: 11.10.2022).
7. Наумов, М. Будущее Калининграда // Калининградская правда. – 1949. – 30 апр.
8. Калининков, Л. А. Кант – Кёнигсберг – Калининград. – URL: https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php (дата обращения: 12.10.2022).
9. История Калининградской области. – URL: <https://gov39.ru/press/region/istoriya-kaliningradskoy-oblasti/> (дата обращения: 10.10.2022).
10. Теодор Готлиб фон Гиппель. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.10.2022).
11. Раппапорт, А. Об уместности // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 60–62.

References

- Amber in the antiquity and in the middle ages. Retrieved September 15, 2022, from https://m.ambermuseum.ru/home/about_amber/in_ancient_times_and_middle_ages
- Istoriya Kaliningradskoi oblasti [History of Kaliningrad region] (n.d.). Retrieved October 10, 2022, from <https://gov39.ru/press/region/istoriya-kaliningradskoy-oblasti/>
- Kalinnikov, L. A. Kant - Königsberg - Kaliningrad. Baltiyskiy almanakh. Retrieved October 12, 2022, from https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php
- Naumov, M. (1949, April 30). Budushchee Kaliningrada [The future of Kaliningrad]. Kaliningradskaya pravda.
- Rappaport, A. (2020). On the well-placedness. Project Baikal, 17(66), 60-62. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1717>
- Rumyantsev, A. (2009). Puteshestvie v Raushen (Svetlogorsk) [Journey to Rauschen (Svetlogorsk)]. Retrieved October 1, 2022, from <https://rumyantsevphoto.livejournal.com/4052.html>
- Theodor Gottlib von Hippel (2022). In Wiki. Retrieved October 15, 2022, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Villa Krellya v Zelenogradsk [Villa Krell in Zelenogradsk] (n.d.). Retrieved October 11, 2022, from <https://geomerid.com/ru/place/villa-krellya-zelenogradsk-dostoprimechatelnosti/overview/>

Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh [East Prussia through the eyes of Soviet settlers. The first years of the Kaliningrad region in memoirs and documents]. Retrieved September 20, 2022, from https://www.klgd.ru/city/history/peresel/gl_3.php#3_3

Zagorny, N. (2021). Zelenogradsk (Kranz). Istoriya kurorta i chto v nem posmotret [Zelenogradsk (Cranz). History of the resort and what one can see there]. Retrieved October 1, 2022, from <https://gid39.su/zelenogradsk-istoriya-kurorta/>

Zhdanova, T. (n.d.). Taina villy Krell [The mystery of Villa Krell]. Retrieved October 11, 2022, from <https://volnanews.ru/history/tajna-villy-krell/>

< Дом Советов в Калининграде

Нынешняя линейная модель глобального развития мира нерациональна: она сопровождается кластерами глобальных циклических кризисов (экономических, экологических, военных, политических). Западная градостроительная школа не может предложить пути выхода из беспрецедентного кризиса индустриальной цивилизации, так как она построена на линейной предметоцентричной картине мира, базирующейся на том, что объектом исследования являются атрибутивные характеристики (свойства) отдельных предметов. Для постиндустриального развития нашей страны необходима новая парадигма градостроительства – кибернотопика, основанная на нелинейном видении мира и использующая выдающиеся достижения школы русского космизма, основанной на топоцентризме, где объектом исследования являются качественные свойства пространства и целого.

Ключевые слова: альтернатива; парадигмальный сдвиг; линейность; нелинейность; взаимодействия; сложная адаптивная система; кибернотопика./

The current linear model of global development is irrational: it is accompanied by clusters of global cyclic crises (economic, environmental, military, political). The western urban planning school cannot offer a way out of the unprecedented crisis of the industrial civilization because it is built on a linear subject-centered picture of the world, which object of study consists in attributive characteristics (properties) of individual items. Postindustrial development of our country requires a new paradigm of urban development – cybernetotics, which is built upon a nonlinear world view, using outstanding achievements of the school of Russian cosmism based on topocentrism, where the object of study includes qualitative properties of space and the whole.

Keywords: alternative; paradigm shift; linearity; nonlinearity; interactions; complex adaptive system; cybernetotics.

Градостроительная кибернотопика / Urban cybernetotics

текст

Злата Гаевская

Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого / text

Zlata Gaevskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение

Ньютоновская, или линейная, парадигма мышления, основанная на выяснении последовательности изменений во взаимодействии объектов и сил, сейчас пронизывает всю западную культуру. Ее метафорой могут служить отлаженные часы как символ упорядоченности и последовательности, механистического видения мира. Линейная система предполагает слабое взаимодействие элементов подсистемы между собой и навязывает регулярность и масштабируемость. Но мы сегодня живем в неустойчивом, нелинейном мире; бифуркация и динамический хаос становится реальностью. Территориальные процессы современности демонстрируют нам переходы в условиях неравновесности: территориальный распад или территориальное объединение, изменение числа и характера населенных пунктов и т. п.

Мир сейчас находится в точке бифуркации, так как формируется новая система жизнеустройства, вызванная цивилизационным переходом от индустриального общества к постиндустриальному и необходимостью смены главных энергоносителей эпохи. Выход планеты Земля в новое космо-геологическое состояние требует новых технологических и мирохозяйственных укладов. Гегемония человека на Земле, построенная на массовом производстве, стандартизации и унификации привела к обострению экологических проблем. Антропогенный фактор вызвал разрушение биосферы. Пространственная ограниченность Земли вошла в противоречие с гегемонией человека на ней. Поэтому индустриальная цивилизация сегодня находится в стадии заката: ведь механистическое видение территории рассматривало ее как закрытую систему, исключая воздействие на нее извне. Но Вселенная является динамичной системой, эволюционирующей не монотонно, а через кризисные состояния и катастрофы.

Человеческие поселения и природу необходимо рассматривать как полюсы единой географической среды (по Б. Б. Родману) [1]. При этом следует понимать, что для всех сложных природных систем характерны свойства, которые можно описать лишь с помощью нелинейных моделей, так как живые системы индивидуальны и разнообразны.

Время как величайший новатор требует нового мышления, основанного на учете индивидуальности, разнообразия и понимании необходимости встраивания систем жизнеобеспечения в сложные открытые системы (литосферу, гидросферу, атмосферу, биосферу) внутри планеты Земля. «Если 19 век с его переломом мира можно назвать веком геополитики, 20 век – веком геоэкономики, то 21 столетию, вероятно предстоит стать веком геокультуры» [2].

Постиндустриальная цивилизация – это, прежде всего, нелинейный тип мышления, попытка примирения Человечества с Природой на основе нового взгляда, исключающего линейный детерминизм. Геокультурный вектор развития мира должен заключаться в соответствии его жизнеустройства природному и культурного наследию. Зарубежная научная градостроительная школа не может предложить пути для постиндустриального развития человечества, так как ее научные постулаты построены на линейной концепции развития, подразумевающей расширенное производство. Но человечество уже сейчас столкнулось с проблемой ограниченности ресурсов. Школа русского космизма (М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, П. А. Флоренский, Л. Н. Гумилев, Н. Н. Моисеев и другие выдающиеся ученые) предлагает научные пути разрешения противоречия между пространственной ограниченностью Земли, ее ресурсов и необходимостью перспективного развития человечества. В градостроительстве нелинейный тип мышления и понимание жизни как космопланетарного явления, заложенное в трудах выдающихся ученых-космистов, детализируется в статьях С. Д. Митягина [3] и З. А. Гаевской [3; 4 и др.].

Представляется, что постиндустриальная наука должна проектировать цивилизационную геокультурную среду и строиться на нелинейном принципе мышления, учитывающим важность разнообразия и уникальности, а не массовости для постиндустриального общества. Поэтому жесткое директивное планирование из центра должно смениться децентрализацией организации жизни и мест приложения труда на основе качественного хозяйствования, учитывающего уникальность каждого конкретного места. Так, Д. Н. Замятин считает: «В настоящее

время ни одна российская территория не имеет собственной геокультурной стратегии. Уникальная геокультура определенной территории – фундамент ее успешного культурного, социального и экономического развития. Осознание собственной геокультурной уникальности и учет геокультурной специфики территории способствует повышению эффективности государственной, корпоративной и общественной деятельности, рождению территориальных инноваций» [5].

Культура – это не только деятельность человека, но и ее происхождение и эволюция от материнского ландшафта. Так как конкретные свойства земельных участков, городов, деревень, зависят от их местоположения на земной поверхности, необходима разработка градостроительной концепции месторазвития, построенной на социоприродном единстве.

Понятие «месторазвитие» было введено в 1926 году географом, экономистом и социологом П. Н. Савицким: «Взаимное приспособление живых существ к другу <...> в тесной связи с внешними географическими условиями, создает <...> свой порядок, свою устойчивость. Такое широкое общегитие живых существ, взаимно приспособленных друг другу и окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией месторазвития» [6].

Введение понятия месторазвития подразумевает изучение территории на следующих уровнях:

- Первый – целостная система жизнеобеспечения, построенная на материальных потоках, материальных отношениях и материальном наследии территории
- Второй – экзистенциальный, связанный с образами и символами территории и сакральностью смысла данного места.

Необходимость введение слоя, связанного с культурой, обуславливается ее свойством, позволяющим придавать устойчивость любому обществу на основе вековых императивов, традиций, преданий. Нелинейное видение культуры предполагает раскрытие через нее сложной «архитектуры» земли, так как всегда культурный ландшафт будет являться антропогенной надстройкой над природным ландшафтом. Козволюция (соразвитие) природного и искусственного на конкретной территории требует разработки новой научной концепции, построенной на нелинейном мышлении. В нем важна многовариантность развития сложного процесса, ибо интенсивный путь развития экономики подходит к концу, так как резко возрастает число кризисных явлений.

Переход от индустриального общества к постиндустриальному начался с середины XX века – времени начала автоматизации производства. Рост концентрации производства и его специализации потребовал учета большого количества потоков информации. Ученые всегда отражали в своих трудах веяния времени. Так, в 1942 году Норман Винер издал книгу «Кибернетика или управление и связь в животном и машине». Кибернетика как искусство управления изучает динамическое равновесие самоорганизующихся системах, процессы стабилизации. Кибернетика построена на обработке информации и рассматривает физическую систему в зависимости не от составляющих ее элементов, а от ее организационных свойств. Для кибернетического подхода важно наличие заранее определенной цели и отсутствие принципа сложности.

Постнеклассическая наука, построенная на междисциплинарности, датируется началом 1970 годов. В 1977 году выходит в свет книга Германа Хакена «Синергетика». «Синергетика – иначе, «наука о взаимодействии» – идет другим путем. Нас зачастую интересуют не отдельные «правила», определяющие образ действия элементов системы, а общие законы, по которым формируются

структуры. С точки зрения синергетики, неэффективное управление природной, когнитивной или социальной системой заключается в навязывании системе некоей формы организации, ей несвойственной, чуждой». Для синергетики важен качественный эффект кооперации между различными элементами системы.

Настоящее время – эпоха перехода от тиражирования в экономике к продуктам, построенным на новизне и качестве. Переход от индустриальной фазы к постиндустриальной требует многоукладной экономики и культуроцентричного характера производства – рассмотрения человеческих поселений как формы пространственных отношений ландшафта, населения и хозяйства. При этом следует понимать, что «морфология сельских поселений тесным образом связаны с типами местности, «обладающими своими взаимообусловленными особенностями рельефа, микроклимата, грунтовых вод, почв, растительности и животного мира» [7].

Таким образом, в градостроительную науку можно ввести новое научное понятие – «месторазвитие», которое дает междисциплинарный синтез и позволяет связать и интегрировать понятия и теории, которые до этого не были связаны друг с другом. В частности, детализируется понятие «козволюции» – важнейшего постулата синергетики (науки о взаимодействии) как «самоорганизующейся территориальной системы» (способность территориальной системы к скоординированному реагированию ее элементов на те или иные воздействия внутренних и внешних сил). У системы появляется цель – «развитие места» (кибернетика) и понятие «топология», так как формализует представление о конфигурации на основе выделения элементов системы, их целостного взаиморасположения и взаимоотношения в геопространстве.

По мнению В. И. Калущкова, «<...> Топос – это тип места в определенной региональной культурной традиции. Система топосов позволяет понять структуру регионального культурного ландшафта» [8]. Топос – место разворачивания смыслов, коррелирующее с реальным фрагментом пространства и слепок» с отношений человек – территория – культура. Место является основным элементом жизненного пространства.

Таким образом, нелинейный тип мышления и геокультурный вектор развития мира предполагает возможность для градостроительства интегрирования идей кибернетики и синергетики в новую науку – кибернотопику – искусство, науку сложной морфологической территориальной идентификации населенных мест. Наметим на примере сельских поселений научные контуры градостроительной кибернотопики, так как осознание нелинейности является важным принципом нового пространственного жизнеобустройства территорий.

Метод

Линейная парадигма мышления обозначается именем Исаака Ньютона (1643–1727) и базируется на постулатах редукционизма, масштабируемости, регулярности. Ограниченность этой теории была осознана учеными только в XX веке.

Теория самоорганизации, или синергетики, как междисциплинарный подход зародилась в 1970-е годы. Физики-теоретики (И. Р. Пригожин, Г. Хакен и др.) доказали, что за внешним многообразием различных процессов кроется глубокое внутреннее единство. Маурис Эшер в своих метаморфозах предвосхитил метафору нового времени – сложность мышления и не единственность будущего как символа нелинейной науки (рис. 1). В метаморфозе 1968 года он детализирует на основе метафоры как кванта между наукой и искусством свое понимание законов явлений (порядок, закономерность, циклическое повторение и обновления).

> Рис. 1. М. Эшер.
Метаморфозы. 1968

v Таблица 1. Градостроительный контекст и линейный и нелинейный тип мышления

Градостроительный контекст	Линейный тип мышления	Нелинейный тип мышления
Система природа – население – хозяйство (ПНХ)	Закрытая система. Природа аморфна и бесформенна	Открытая система. Адаптация к изменениям как в самой системе, так и в окружающей среде. Природа имеет определенное и очень точное строение
	Система анализируется через ее простые компоненты и их анализ	Необходимо рассмотрение всей системы: проводится анализ через взаимодействия между ее компонентами
	Малое возмущение дает малые последствия	Малое возмущение индуцирует большие последствия
	Поиск «оптимального решения»	Система в целом реагирует на различные контексты, без доминирования какой-либо одной переменной
Метафора	Аналитическая	Синтетическая
Базисные элементы	Как отдельный «квант»	Как паттерн
Принципы формирования ПНХ	Количественный	Качественный
	Редукционистский	Холистический
	Стабильный	На «кромке хаоса». Природа эволюционна
	Решение	Процесс и адаптация в ПНХ
Карты	Топографические горизонталы «Лоскутная» карта	Теория пластики рельефа Четырех-мерное пространство время. Потокое движение масс (потокосистемы) Рельеф связан с тектоническими структурами и движениями Структурное единство потоков в едином поле земного тяготения
Образ	Произвольный (авторский замысел). Абстрактная схема. Массовое производство образов и объектов. Прямолинейность, однообразие и не уютность	Паттерн потока Топология развертывания материальных элементов конкретной территории Визуальное разнообразие
Характер видения	«Сверху». Взгляд «сверху» рождает мелкий масштаб, не учитывавшей разнообразия природных и антропогенных ландшафтов	«Снизу-вверх». Учет разнообразия (климатического, природного, антропогенного) конкретной территории Сверху – вниз (ландшафт должен быть биосферосовместимым). Гармоническое единство градостроительных систем, начиная от элементарных, локальных и кончая планетарными

Маурис Эшер интерпретирует эволюционный процесс на основе множества сложнейших ситуативных проблем и отношений в них, показывает возможность связи между живым и неживым. В динамике трансформации отношение одинаковости возникает и исчезает, но при этом читаются отношения сходства; исчезновения в одном множестве порождают появления в другом деформируемом множестве.

Эволюция человеческого общества отразилась в теории постиндустриализма (1960-е годы – концепция Д. Белла) и строится на основании изменений ощущения пространства и времени. Пространство все более и более глобализируется, что обостряет проблему культурной идентичности местных сообществ. Новая эпоха нелинейного мышления требует в градостроительстве переосмысления ее фундаментальных идей и положений, так как важнейшим ресурсом становится сложность, уникальность, своеобразие, цикличность.

Формирующая с 1950-х годов постиндустриальная цивилизация все больше и больше требует выхода за границы стандартизации и централизации на основе нелинейного мышления, так как будет формироваться новый строй жизни. Рассмотрим территориальную систему в аспекте линейной и нелинейной парадигм мышления (таблица 1).

Линейный тип мышления требовал жесткой централизации, плановой экономики и диктовал функциональный, отраслевой подход к размещению производительных сил. Ведь линейность – удобный инструмент для технических систем, так как она может обеспечить повторяемость результата и оптимизацию решений.

Но территориальная система «природа-население-хозяйство» является сложной открытой системой, состоящей из множества распределенных в пространстве элементов (людские поселения, производственные, инфраструктурные, рекреационные объекты) и обладающей способностью адаптироваться как внутри себя, так и во внешней среде. При этом следует понимать, что природная геосистема по своим размерам и сложности устройства может подразделяться на три уровня: планетарные, региональные, локальные.

> Рис. 2. Фрагмент карты Санкт-Петербургской губернии (1860; с исправлениями по съемкам между 1866 и 1869). – URL: <https://starye-karty.litera-ru.ru/karty/spb/okrestnosti-peterburga/peterburg-r13list10-a.html>). Красными кружками выделены водяные мельницы

Адаптация территориальных элементов к друг другу происходит в конкретной точке континуума территории. Рассмотрим, например, традиционный крестьянский ландшафт (рис. 2). Народная агрикультура базировалась на опыте, вбирающим в себя практику жизнедеятельности многих и многих поколений. Крестьянский тип знания приспособлялся к природным условиям, поэтому в нем можно найти примеры интуитивного нелинейного мышления. Так, в частности, народная агрикультура невозможна без традиционной энергетики, использующей возобновляемые, рассредоточенные источники энергии.

А. А. Жученко отмечает: «Известно, что урожайность лугов почти на 75%, а порой и более зависит от наличия влаги и азота. Благоприятный водный режим на лугах страны достигался за счет полноводий рек, которое поддерживалось многочисленными плотинами. Весной плотины способствовали высокому половодью и длительному затоплению обширных площадей в долинах, покрытию их плодородным наилоком, что в конечном счете обеспечивало повышение урожайности лугов в 2–3 раза. Так, в начале XX в. во Владимирской губернии доля заливных лугов от общей площади сенокосов и пастбищ превышала 50%, тогда как в настоящее время составляет всего лишь 10–13%. Примечательно, что каждая плотина по своей эффективности вполне сопоставима с современной оросительной системой, а таких плотин, включая водяные мельницы, в 1911 г. в России было несколько миллионов» [9].

Следовательно, крестьяне интуитивно мыслили нелинейно, для них не существовали раздельно земля, вода, луга, мельницы, коровы, пашня. Они пытались понять генетические и закономерные взаимосвязи между Природой и человеком. Водяные мельницы органически встраивались в природу и ее процессы. Крестьяне с помощью хозяйственного инструмента регулирования (А – плотины, водяные мельницы), Д – оказывали воздействие на экосистему, С – регулируя луговое кормопроизводство на основе В – полноводья рек. Адаптация к изменениям в системе «природа-население-хозяйство» в традиционном ландшафте строилась на понимании крестьянами того, что мельницы, регулируя сток малых рек, позволяют им в жару не пересыхать, а в весну половодье

можно уменьшить из-за «распластывания паводка». При этом следует отметить, что водяные мельницы располагались обычно в ключевых местах рек (рис. 2).

В традиционном крестьянском ландшафте был симбиоз между природной средой и антропогенными объектами. Технологическое освоение энергии воды было неотъемлемой частью системы работ по созданию рукотворного ландшафта. Водяные мельницы являлись чрезвычайно полезным экологическим изобретением. Управление сельским расселением в ракурсе месторазвития осуществлялась за счет сознательного регулирования биоценотической связи «заливной луг – корова – пашня». Крестьяне понимали, что, если удобрений от коров будет не хватать, то потребуется еще большая распашка территории под требования культуры и, следовательно, животноводство будет страдать из-за нехватки сенокосных и пастбищных угодий. Исторически сельское расселение и хозяйствование являлись природосообразным. Народная агрикультура базировалась на интуитивном нелинейном типе мышления, что позволяло органично встраивать водяные мельницы в природу и ее процессы по принципу замыкающегося круга жизни. Для крестьян природная среда была необычайно сложным живым механизмом на основе баланса между пашенными землями, пастбищами, сенокосами. Они учитывали, что их деятельность всецело зависит от этого живого механизма как в целом, так и от работы его частей.

Массовая коллективизация в России 1929–1930-х годов привела к ликвидации традиционных методов хозяйствования и крестьянского земельного владения. Были утрачены этнически коренные способы взаимодействия с ландшафтом. Таким образом, выбран курс на неадаптивное ресурсоистощительное землеустройство. Новая принципиальная парадигма в землепользовании привела к негармоничности современного индустриального сельского хозяйства и природных экосистем.

В современном индустриальном сельскохозяйственном ландшафте линейный тип мышления привел к включению гидроэлектростанций в течение рек и большим экологическим проблемам. «И если выдающиеся русские геоботаники начала XX в., занимаясь исследованием флоры лугов в составе Комиссии по изучению произво-

дительных сил России, насчитывали в пределах пойменных сенокосов многие сотни видов разнотравья и злаков, то теперь обширные познания ботаники могут показаться роскошью – так обеднел состав растений луга, настолько утратили свою индивидуальность многие луговые угодья вдоль рек и водоразделов» [10].

Таким образом, линейный тип мышления, основанный на редукционизме, уже к концу XX в. привел к разрушению экосистем сельских территорий. В редукционизме целое разбивается на части, рассматриваемые по отдельности. В противоположной ему научной позиции – холизме (др.-греч. «целый, цельный») соотношение части и целого исходит из качественного своеобразия целого по отношению к частям. Традиционный крестьянский ландшафт показывает, что мышление крестьянина интуитивно строилось на холизме: все элементы системы «природа-население-хозяйство» были частями единой системы, в которой рассматривалось, как все элементы работают вместе и взаимно влияют друг на друга. Понимание природной среды не как конгломерата отдельных изолированных объектов, а как целостного и необычайно сложного, живого механизма ведет нас к необходимости анализа не количественного, а качественного анализа системы «природа-население-хозяйство» в определенных границах.

На анализе именно качеств системы построена топология, теория катастроф и нелинейная динамика. Топология базируется на трех основных понятиях – непрерывности, связности и компактности и таким образом дает возможность исследовать скрытое распределение сил в системе. Топология – это, прежде всего, «оператор» конкретного места. Рассмотрим через призму топологии сельские территории. Топологическое пространство всегда структурно. «В географическом преломлении это понятие подразумевает местоположение определенных объектов относительно друг друга при сохранении изначально устойчивых качеств» [11].

Развитие любой территории невозможно без ее изменения и трансформации составляющих ее элементов. Но так как сельские поселения необходимо позиционировать как форму пространственных отношений ландшафта, населения и хозяйства, на первый план выходит требование сохранения между ними гармонии. Структурное единство в моделировании сельскохозяйственных территориальных объектов подразумевает следующее: «При полном соответствии и подобии культурного ландшафта природному каждой фация или урочище должны совпадать с сельскохозяйственным полем, усадьбой, кварталом, поселением, в том же степени однородным, и теми же границами оконтуренными. <...> Достаточно, если антропогенные парцеллы аккуратно вложены в природные фации и урочища, несут на себе их отпечаток» [1, с. 124].

Мышление, исходя из конкретного места, необходимо, так как теория хаоса постулирует, что сложные системы очень зависимы от первоначальных условий и небольшие возмущения в окружающей среде приводят к дивергентной диспропорции на выходе – катастрофе. Глобальные проблемы имеют истоки на региональном уровне. В частности, ликвидация «неперспективных» деревень в СССР в 1960–1970 годы привела к усилению пресса на природу в ядерных элементах системы расселения и чрезмерной эксплуатации оставшихся земель и, как следствие, – разрушению антропоэкосистемы, ведь крупноселенность населенных пунктов, большие обрабатываемые площади полей вошли в противоречие с мелкоконтурностью угодий. Таким образом, площадные характеристики территориальных объектов могут выступать в качестве параметра бифуркации.

В модели антропоэкосистемы общность людей (семья, территориальная общность, племя, нация и т. д.) взаимо-

действует с природой, населением и хозяйством (частью которого она является) на основе социально-экономических условий определенной территории. Различные географические пространства определяют разные базовые основы человеческого существования. Как же можно избежать катастрофы в территориальной системе? Как она может приспособиться к окружающей обстановке? Для самоорганизующейся территориальной системы важно понятие точки бифуркации – точки ветвления пути эволюции этой системы. Территориальный процесс (закрывающейся в выборе территории, ее обустройстве и эксплуатации) можно определить как динамическое свойство пространственных явлений, отражающих смену состояний и этапов их культурного развития. Поэтому, например, регион как реальный субъект хозяйствования можно определить как (само) регулирующую и самоорганизованную территориально-природную общественную формацию.

«<...> Определим саморегулирование и самоорганизацию как способность систем изменяться или сохранять свое состояние не в согласии с изменениями среды, а скорее «вопреки» ей, по своим собственным «правилам». Это не мешает тому, что как первое, так и второе свойство служат чаще всего как раз задаче приспособления систем к окружающей обстановке. При этом саморегулирование позволяет достигать этого с сохранением структуры систем, а самоорганизация – в процессе ее изменения. Меандрирование рек, сохранение биоценозом одного уровня продуктивности в разные по погодным условиям годы – примеры саморегулирования. Самоорганизация проявляется в ходе эволюции в образовании видов живых существ, обладающих неизвестными раньше качествами и благодаря им лучше приспособленными к внешней среде» [12].

Самоорганизация помогает выковывать новые формы взаимодействий как в обществе, так и в природе. Таким образом, объект теории расселения, помимо включения в его состав всех структурных элементов территории рассматриваемого региона, должен иметь определенное свойство – самоорганизацию. В градостроительстве сегодня возникает теоретическое противоречие между устоявшимся линейным, механистическим описанием объектов и новым знанием, учитывающим мир смыслов и основанным на научных принципах эволюции и коэволюции (соразвития) сложной системы – «природа-население-хозяйство»

Методологические критерии определения региональности как особой территориальной характеристики подменяются сейчас административно-политическими или традиционно-географическими описаниями. Такой подход в географии зиждился на том, что в физическом пространстве локализуются символические объекты (адреса, сети) и зоны. «Язык» описания реальности – точки, линии, области поверхности, символы, надписи. Картографические изображения двумерны, и с целью инвентаризации изображений они успешно справлялись. «Лоскутные» карты отражали линейное мышления и не были связаны с системным характером объектов природы. Анализ только горизонталей соответствует ньютоновскому мышлению и дает преимущественно размеры систем.

Но сегодня нужны принципы нового градостроительства, связанного с пространственной целостностью и самоорганизацией территориальных объектов на основе системных карт нового образца – потоковых [13].

Технология пластики рельефа позволяет производить картографическую визуализацию древовидных форм литодинамических потоковых структур. И. П. Баранов отмечает: «В основе концепции пластики рельефа: 1) стоит выявление динамических процессов формирования лито-

генных структур, которые имеют формы потоков-повышений и потоков-понижений в плане; 2) системный подход – конкретный участок рассматривается не обособленно, а как часть единой потоковой системы, в пределах которой происходят процессы миграции и аккумуляции геохимического, литологического и водного вещества (далее – геовещества). На таких картах (моделях) вся земная поверхность дифференцирована на системы повышений и понижений рельефа, в пределах которых происходят геохимические, геологические, гидрологические и почвенные процессы в динамике в виде потоковых структур земной поверхности» [13].

Таким образом, все более актуальным и возможным становится рассмотрение основных параметров парадигмы нелинейности в градостроительстве. Нелинейная парадигма отражает холистический взгляд на мир, когда наблюдаемые явления изучаются во взаимосвязи и взаимовлиянии. Выявление пространственной организации формы сельских поселений в нелинейной парадигме мышления немислимо без потоковых карт, дающих основу для рассмотрения всей системы – «природа-население-хозяйство».

Результаты и обсуждение

Видится, что градостроительная кибернотопика, может стать разделом науки, дающим научные основы управления месторазвитием сельских территорий. Тысячелетний народный опыт организации традиционного крестьянского ландшафта, основанный на интуитивном нелинейном мышлении, необходимо перевести в научные принципы кибернотопики. Кибернотопика может быть искусством и наукой управления морфологической территориальной идентификации сельских мест. Ландшафт становится феноменом культуры, когда в нем накапливаются неэтропийные черты – освоенность, структурированность, осмысленность. Ландшафтный образ – это, прежде всего, не набор отдельных элементов, а вложение антропогенных парцелл в определенные места природных фаций и урочищ по определенным природным законам. Изучить сложное возможно на основании понятия места, так как оно представляет образование ядро-периферия, которое невозможно расчленить, и образует сакральное единство духовного и материального. Б. Б. Родман тонко подметил возможность такого целостного моделирования триады – природа-население-хозяйство: ««Физиология» культурного ландшафта определяется потоками вещества, энергии, информации. Пути сообщения, реки, трубопроводы играют роль кровеносных сосудов, каналы связи между людьми и средства массовой информации как бы выполняют работу нервной системы. Дифференциации и специализации органов аналогичны функциональные территориальные зоны и районы» [1].

Итак, современное освоение территории должно строиться на нелинейном типе мышления, основанном на резонансе между человеческой деятельностью и природой. Даже в современном индустриальном ландшафте Т. Г. Нефедовой выявлено совпадение специализации коллективных хозяйств и индивидуальных хозяйств населения, определяемой спецификой природных зон. Ведь сельское хозяйство немислимо без природной среды. Так, в частности, в животноводческой зоне за Окой мы можем увидеть полное совпадение специализации деятельности предприятий и хозяйств населения. Кроме того, и во второй пойменно-животноводческой и третьей зерновой зоне есть частичное совпадение специализации коллективных предприятий и частных хозяйств (рис. 3).

Деревня на протяжении веков всегда живет тем, что предоставляет природа. В народной архитектуре не случайно все определяется климатом, ландшафтом, этнической спецификой и выражается в определенных региональных символах. Селитба рассматривалась

< Рис. 3. Специализация коллективных и индивидуальных хозяйств в Луховицком районе Московской области (по Т. Г. Нефедовой)

как способ пространственной самоорганизации общества. Традиционный крестьянский ландшафт представлял из себя социальное пространство, в котором физически выявлялись линии и узлы социального поля, наложенные на ландшафт (усадебь, поля, сенокосы, выгоны, заборы, межи, дороги). Нелинейный тип мышления, построенный на выявлении резонанса в месторазвитии, может помочь архитектору раскрывать красоту регионального ландшафта.

Месторазвитие состоит из следующих компонентов: площадные (зоны пашни, леса, выпаса и т. д.); линейные (реки и транспортная сеть) и точечные (сельские населенные пункты). Представляется, что должен быть территориальный симбиоз между всеми его компонентами. Видится, что эстетическая организация ландшафта – это «информационное поле» хозяйственного коллектива, визуально раскрывающая и организующая пространство. Например, в традиционном крестьянском ландшафте при выборе мест постановки водяных мельниц весьма тонко учитывались особенности руслового процесса: мельницы обычно располагались в ключевых местах рек, а ветряные мельницы размещались на возвышенностях и других открытых пространствах. Культурный ландшафт должен гармонично сочетаться с природными комплексами, не нарушая структуры и не угрожая их сохранности, так как изменения в какой-либо из составляющих ландшафт частей приводят к изменениям во всей системе.

В этом могут помочь градостроительные принципы нелинейного мышления: сложность, разнообразие, резонанс, теория пластики рельефа. Нелинейное мышление раскрывает способы выявления градостроительных региональных особенностей, так как в месторазвитии подчеркивается различие от места к месту.

Заключение

Сегодня общество находится в условиях глобальной турбулентности. Человечество, преодолевая зигзаги эволюционного пути, нуждается в новом мировоззренческом ориентире – нелинейном мышлении. Переход от линейного подхода к нелинейному в градостроительстве требует понимания конструктивных принципов коэволюции в системе «природа-население-хозяйство» на базе новой теории – кибернотопики. Кибернотопика как наука и искусство сложной морфологической территориальной идентификации мест должна учитывать следующие положения:

1. Для качественного хозяйствования необходима децентрализация организация жизни и мест приложения труда.

2. Выявление сложного устройства территориальной системы немислимо без холизма (соединения элементов с образованием единого целого с обретением им нового свойства) на основе понимания значимости и целостности ландшафта, в котором все закономерно, имеет свое место и предназначение.

3. Отказ от принципа линейной причинности и расчленяющего мышления. Историческое сельское расселение являлось самоорганизующейся территориальной системой. Между ее первичными элементами (природа, население, хозяйство) существовали определенные соотношения, ограниченные правилами «игры» – цепочками причинно-следственных связей.

4. Использование концепции месторазвития. Взаимодействия между площадными, линейными и точечными элементами месторазвития должно стать центральной идеей градостроительного проектирования. Необходим отказ от «лоскутного» однородного понимания территории. Нужно целенаправленно и целесообразно формировать месторазвитие, которое обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Проектирование месторазвития должно быть вероятностным: необходимо моделировать «пучок» направления его дальнейшего развития на основе изучения эффекта самоорганизации как кооперации в триаде «природа-население-хозяйство».

5. Раскрытие концепта «пространство-время» как части концепции «пластика рельефа». Пространственные свойства объектов связываются с их взаимодействиями в целостной потоковой системе.

6. При проектировании необходимо использование понятий: топология, самоорганизация, характер видения «снизу-вверх» (учет разнообразия (климатического, природного, антропогенного) конкретной территории и сверху-вниз (ландшафт должен быть биосферосовместимым).

7. Выявление региональности как морфологии архитектурного месторазвития, формирующего уникальное своеобразие, выявляющего генезис и феноменальность конкретного места. Антропогенные узоры должны ложиться в структуры природной канвы.

Таким образом, развитие в градостроительстве нового научного направления – кибернотопики позволит моделировать уникальную геокультуру определенной территории. Линейное и лоскутное проектирование в градостроительстве должно перейти на нелинейное видение мира. Наша цивилизация, переходя на нелинейный тип мышления, нуждается в новой образной картине мира, в которой геокультуре конкретной территории отводится одно из главных мест.

Литература

1. Родоман, Б. Б. Поляризованная биосфера : Сборник статей. – Смоленск : Ойкумена, 2002. – 336 с.
2. Малинецкий, Г. Г., Маненков, С. К., Митин, Н. А., Шишов, В. В. Когнитивный вызов и информационные технологии // Экономические стратегии. – 2011. – № 9. – URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2011_09/ES2011-09-malinetsky.pdf (дата обращения: 29.08.2022)
3. Митягин, С. Д., Гаевская, З. А. Умный город: замыкающийся круг // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 12–16
4. Гаевская, З. А. Будущее нелинейной архитектуры // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 132–136
5. Замятин, Д. Н. Геокультурная региональная политика и геокультурный брендинг территории: концептуальные схемы исследования. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35067/1/brcy-2015-07.pdf>
6. Савицкий, П. Н. Избранные труды. – Москва : РОСПЕН, 2010. – С. 267–268

7. Мильков, Ф. Н. Ландшафтная география и вопросы практики. – Москва : Мысль, 1966. – 255 с.
8. Калущков, В. Н. О трех столпах географической ономастики : топоним – географическое название – геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. – 2015. – № 3. – С. 7–13
9. Жученко, А. А. Возможности старта российского АПК в XXI столетии // Аграрный вестник Юго-Востока. – 2009. – № 1. – С. 6–11
10. Колбовский, Е. Ю. Ландшафтоведение : учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – Москва : Академия, 2008. – 478 с.
11. Панков, С. В. География сельских поселений центрального Черноземья (эволюция, морфология, структура) : диссертация на соискание ученой степени доктора географ. наук. – Воронеж, 2011. – 320 с.
12. Арманд, А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. – Москва : Наука, 1988. – 264 с.
13. Баранов, И. П. Использование концепции пластики рельефа в решении проблем современного градостроения. – URL: <http://intercarto.msu.ru/jour/articles/article129.pdf> (дата обращения: 29.08.2022)
14. Нефедова, Т. Г., Пэллот, Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – Москва : Новое издательство, 2006. — 320 с.

References

- Armand, A. D. (1988). Samoregulyatsiya i samoregulirovanie geograficheskikh sistem [Self-organization and self-regulation of geographic systems]. Moscow: Nauka.
- Baranov, I. P. (n.d.). Using the concept of plastics relief in solving problems of modern city planning and architectural planning. Retrieved August 29, 2022, from <http://intercarto.msu.ru/jour/articles/article129.pdf>
- Gaevskaya, Z. (2020). The future of non-linear architecture. Project Baikal, 17(66), 132-136. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1730>
- Gaevskaya, Z., & Mityagin, S. (2020). Smart city of the 22 century: A closing circle. Project Baikal, 17(65), 12-16. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1667>
- Kalutskov, V. N. (2015). Three foundations of geographic onomastics: Toponym – place name – geoconcept. Socio- and psycholinguistic studies, 3, 7-13.
- Kolbovskiy, E. Yu. (2008). Landshaftovedenie: ucheb.p dlya stud. vyssh. uchebn. zavedenii [Landscape science: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Academia.
- Malinetsky, G. G., Manenkov, S. K., Mitin, N. A., & Shishov, V. V. (2011). A cognitive challenge and information technologies. Economic Strategies, 9. Retrieved August 29, 2022, from http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2011_09/ES2011-09-malinetsky.pdf
- Milkov, F. N. (1966). Landshaftnaya geografiya i voprosy praktiki [Landscape geography and issues of practice]. Moscow: Mysl.
- Nefedova, T. G., & Pallot, J. (2006). Unknown agrarian sector, or why you need a cow. Moscow: Novoe Izdatelstvo.
- Pankov, S. V. (2011). Geografiya selskikh poselenii tsentralnogo Chernozemya (evolyutsiya, morfologiya, struktura) [Geography of rural settlements in Central Black Earth Region (evolution, morphology, structure)] [Doctor of Geography Dissertation]. Voronezh.
- Rodoman, B. B. (2002). Polyarizovannaya biosfera: Sbornik statei [Polarized Biosphere: A collection of articles]. Smolensk: Oikumena.
- Savitsky, P. N. (2010). Izbrannyye trudy [Selected works]. Moscow: ROSPEN.
- Zamyatin, D. N. (2015). Geokulturnaya regionalnaya politika i geokulturnyi brending territorii: kontseptualnye skhemy issledovaniya [Geocultural regional policy and geocultural branding of territory: Conceptual research schemes]. Retrieved from <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35067/1/brcy-2015-07.pdf>
- Zhuchenko, A. A. (2009). Starting opportunity of Russia agriculture sector in XXI century. Agrarnyy vestnik Yugo-Vostoka, 1, 6-11.

В статье рассматриваются теоретические положения и основные характеристики архитектурного пространства, и антагонизм концепций «места» и «не-места» на примере архитектуры города Курска. Предметом исследования стали противоречия в застройке современных городов, с одной стороны стирающие индивидуальные черты, а с другой, демонстрирующие выраженное стремление апеллировать к исторической памяти места. Можно говорить об актуализации проблемы раскрытия культурной самобытности места, направленной на формирование чувства сопричастности к прошлому, на сохранение и реконструкцию исторических объектов, а также на создание архитектуры, находящейся в симбиотическом единстве с природно-историческим контекстом.

Ключевые слова: архитектурное пространство; концепция «места»; концепция «не-места»; ощущение пространства; история.

The article deals with the theory, the main characteristics of the architectural space and the antagonism of the concepts of "place" and "non-place" on the example of Kursk architecture. The subject of the study is the contradictions in the development of modern cities that, on the one hand, erase their individual features and, on the other hand, demonstrate a significant tendency to appeal to the historical memory of the place. The article actualizes the problem of revealing cultural identity of the place focused on the formation of a sense of belonging to the past, preservation and reconstruction of historical objects, as well as creation of new architecture, which forms a symbiotic unity with the natural and historical context.

Keywords: architectural space; the concept of "place"; the concept of "non-place"; sense of space; history.

Антагонизм концепций «места» и «не-места» в архитектуре / Antagonism of the concepts of "place" and "non-space" in architecture

Введение. Онтологические основания архитектуры априори коренятся, прежде всего, в двух ее противоположных интенциях, одна из которых направлена на удовлетворение необходимых утилитарных потребностей человека, а другая – на создание духовных, художественно-эстетических ценностей. Архитектурный объект – это материальное сооружение, обладающее художественными качествами. Решение прагматических задач, направленных на пространственную организацию социальных процессов с разработкой функциональной и конструктивной структуры объекта, составляет неразрывное единство с творческой стороной осмысления действительности, которая раскрывается в художественно-символическом образе архитектурного произведения. Нарушение противоречивой целостности, колебание устремлений в сторону прагматического (технического) или наоборот эстетического (художественного) характеризуют направления развития архитектуры XX века – модернизм и постмодернизм, объединивших всю разнородную и разнообразную совокупность архитектурных течений.

Руководствуясь в поиске истины принципом релятивизма, подразумевающего хотя бы две стороны для сравнения, теоретики и философы архитектуры обращались к антагонизму дихотомного напряжения связи пространства и времени, влияния глобального и локального, стремления к индивидуальности и универсальности, анализу стилевого унитаризма и плюрализма и т. п. «Согласно пифагорейцам, мир образуется в процессе гармоничного устройства противоположностей и в результате принимает форму шара» [1, с. 132]. Именно противоположностей противопоставлений предельного и беспредельного, по мнению пифагорейцев, дает начало ряду производных противоположностей гармонии – статики и динамики, симметрии и асимметрии, единства и множественности, контраста и нюанса и т. д.

Антагонизм мышления, апеллирующий к различным сферам жизненного опыта и истории, культурным традициям и географии, опирается на различные модели представлений и преобразований прежде всего из области естественных и гуманитарных наук. «Разрушение метафизической парадигмы «сняло» целевую установку финального синтеза гипотетической «истинной картины

мира», заменив ее многообразием «интерпретирующих версий»; сама «логика» под воздействием наступающего гуманизма изменяет свою природу, проникаясь герменевтикой или поэтикой» [2].

Таким образом, в историческом процессе развития архитектуры можно выделить две относительно самостоятельные, противоположные по смыслу тенденции: во-первых, универсально-историческая тенденция абсолютного движения становления (тенденция развития и совершенствования архитектуры); во-вторых, социоцентристская тенденция относительного движения становления (тенденция замыкания исторического процесса на наличный конкретный социокультурный контекст данного места). Специфические мотивы архитектуры формируются под влиянием месторасположения в пространстве и исторического времени, социального устройства и культурных традиций, уровня развития науки и технического потенциала.

Универсальность идей и их единовременное возникновение и распространение в социальном пространстве иллюстрирует теория «коллективного бессознательного» Карла Густава Юнга, в которой автор пишет, что культурные архетипы «в виде символических образцов живут в мифологии разных народов» [3, с. 124]. Присутствие архетипов в виде универсальных или специфических кодов в нашем настоящем, исходя из цивилизационного критерия преемственности развития, обосновывал советский философ и культуролог Михаил Константинович Петров. Рассматривая культуру как социальный текст, он указал на возможность его кодирования. «Социокоды интегрируют знаковые системы культуры, составляют механизм регламентации содержания и развития исторически сложившегося культурного типа. Таким образом, как и сами цивилизации, их социокоды сопричастуют в нашей нынешней жизни, в современной культуре или в виде универсального, или в виде уникального» [4]. Двойственность такого подхода подводит нас к концепциям «места» (с позиции уникальности и специфической идентичности) и «не-места» (стирание отличительных качеств и свойств, тиражирование стандартизированных универсальных типов).

текст

Ольга Воличенко
Юго-Западный государственный университет
Марина Звягинцева
Юго-Западный государственный университет /
text
Olga Volichenko
Southwest State University
Marina Zvyagintseva
Southwest State University

> Рис. 2. Курск. Точечная застройка в городе

Архитектурное пространство. Тенденция функционализма, превратившаяся в универсальную, глобальную идею разрешения проблем и противоречий общества, строилась на принципах рациональности, целесообразности и обоснованности. Массово тиражировались устойчивые стереотипы, в которых «<...> функционально оправданная форма была построена на подчинении всей архитектурной композиции, всего архитектурного выражения строго определенным утилитарным функциям, вне которых нет и архитектурной формы» [5, с. 21]. Эстетика целесообразности приводила к вытеснению архитектурного творчества, потери его содержательной стороны. Разрешение данной проблемы венгерский художник и искусствовед Ласло Мохоли-Надь видел в постижении «ощущения пространства», выдвигая его в качестве

основного критерия архитектурного творчества (рис. 1). В архитектурном пространстве он выделяет не только видимые физические величины и свойства (объективная реальность), но и скрытые кинетические качества (невидимые силовые поля и линии движения, пронизывающие пространство, должен не только оптимально учитывать его функциональное назначение и конструктивную структуру, но и создавать атмосферу «ощущения пространства», принимая во внимание социальный и культурный контекст, местные традиции и т. п. «Поиски образности через стиль ничего не дадут, без решения этих задач пространство здания – лишь «сцепление пустот»» [6, с. 137].

Известный американский теоретик Рудольф Арнхейм полагал, что творчество эквивалентно образному

> Рис. 1. Л. Мохоли-Надь.
а) Великая машина эмоций, 1920; б) Ядерный I, 1945

^ Рис. 3. Тульская обл., с. Моховое. Музей «Куликово поле». Архитекторы С. В. Гнедовский (рук.), А. Любимкин, Е. Любимкина, И. Бушминский при участии А. Бехтиной, Е. Хромовой, И. Лапина. 2016 [14, с. 116]

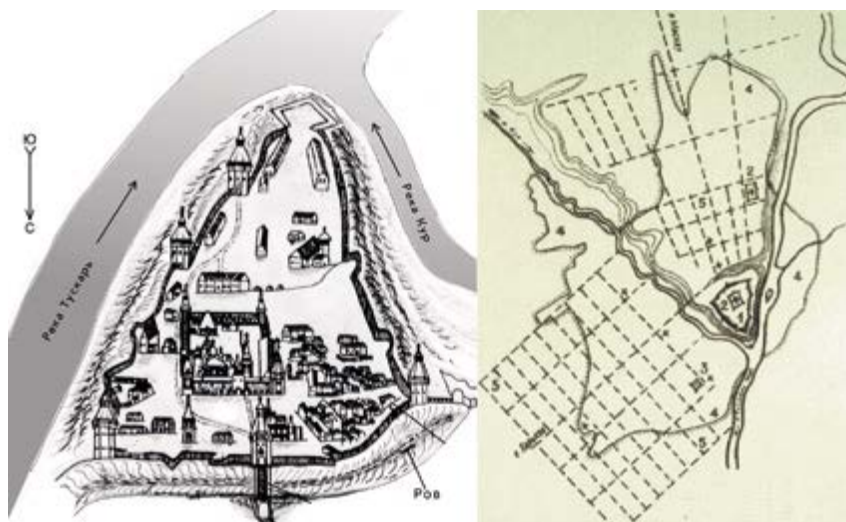
мышлению, в котором процесс восприятия и творчества сливается воедино. Он считал невозможным понять архитектурное пространство без учета воздействия некоего силового поля, которое «излучают» здания, обозначив его термином «визуальное поле». Мощностное поле у вертикальных объемов по сравнению с горизонтальными более значительна, что объясняется психологией восприятия человека, склонного преувеличивать вертикальные размеры и приуменьшать горизонтальные. Р. Арнхейм отмечал, что «окружение, спроектированное как единое целое, являет систему более высокого порядка, чем нарастающее фрагментарно, как это происходит в большинстве реальных поселений» [7, с. 12]. В настоящее время точечная, фрагментарная застройка, не учитывающая сложившегося контекста среды и характерная для большинства городов, разрушила не только ясность восприятия большинства архитектурных ансамблей, но и имеющуюся городскую инфраструктуру, создав множество трудноразрешимых проблем (рис. 2).

Как уже неоднократно говорили и писали многие специалисты – архитекторы, конструкторы, экономисты, юристы и т. п. – «<...> потребность в точечной застройке не оправдана интересами граждан и, прежде всего, проистекает из стремления инвестора (строительной фирмы) получить дополнительную прибыль – не надо расходовать средства на коммуникации (водоснабжение, энергообеспечение), имеется облегченный доступ на строительную площадку» [8, с. 49]. С другой стороны, точечное заполнение города в целях эффективного землепользования является необходимой реальностью, без которого невозможно обойтись. Однако это должно быть взвешенное и осторожное вмешательство, построенное на глубоком аналитическом исследовании окружающей предметно-пространственной среды, способствующее восстановлению и повышению привлекательности района строительства для жителей, а не просто объем примитивной архитектуры, уничтожающий существующее благоустройство и озеленение, с дополнительной нагрузкой на инфраструктуру.

Норвежский теоретик архитектуры Кристиан Норберг-Шульц считал, что сугубо прагматические подходы к организации предметно-пространственной среды приводят

^ Рис. 4. Курская область, с. Свобода. Мужской монастырь, Коренная пустынь, 1597

^ Рис. 5. Курск. План кремля, 1722; генплан города, 1782

> Рис. 7. Курск. Исторический центр города

к упрощению и безликости создаваемого пространства. Взаимодействие окружающей среды и архитектурного объекта должно быть содержательным, прочитываться или расшифровываться как некий код, раскрывающий архитектурную идею, художественный язык которой «впитал» уникальные качества места. В таком случае место превращается в своеобразную декларацию идей, взглядов и убеждений архитектора – социально-политических, культурно-исторических, экологических и т. п.

Концепция места. Места являются частью жизненного пространства и могут предстать перед нами в нескольких ипостасях: в виде цели, к которой мы стремимся; центра обитания и воплощения значимых явлений нашей жизни; пункта отсчета в ориентации и познании окружающей среды. Бинарные оппозиции определяют ориентацию места – вертикаль-горизонталь, спереди-сзади, право-лево, центр-окраина, внутреннее-внешнее, открытое-закрытое, далекое-близкое. «Место воспринимается как средство возможной материализации идеи, как передача определенного «послания» (архитектурной идеи)» [9, с. 6]. Таким образом, совокупность материальных и нематериальных исторических факторов «создает» идентичность любого места, которая может быть значима как для индивида, так и для многих людей.

Пространство и среда как места жизнедеятельности человека интересовали многих ученых; к ним обращались Э. Сурио, М. Хайдеггер, Г. Башляр, О. Ф. Боллнуо,

v Рис. Рис. 6. Панорама г. Курска, 1862 г.

Ж. Пиже, Р. Шварц, К. Норберг-Шульц, М. Оже и др. Французский философ Этьен Сурио обращает внимание на то, что пространство становится местом только тогда, когда оно «выделено» каким-либо событием или объектом (рис. 3).

Архитектурный объект может привнести уникальный колорит и придать окружающему пространству качества самобытности и индивидуальности, что обуславливает «рождение и появление» места. «Конечная цель архитектуры – помочь человеку сделать его пребывание в обитаемом пространстве поэтическим» [10, с. 176]. Реальное представление о мире, по мнению М. Хайдеггера, человек получает только тогда, когда «он включен в произведение» – только в совокупности с окружающей природой (местом) можно «прочитать» и прочувствовать полноту смыслового содержания архитектурного объекта (рис. 4).

К. Норберг-Шульц, рассматривая смысл и специфику архитектурного пространства, подчеркивал наличие в нем «вообразимой структуры», которая предоставляет множество идей (история, события, традиции, культура) для раскрытия уникальности места; позволяет идентифицировать себя с окружающей средой (местом); прочувствовать единение с местом. Английский поэт Уильям Вудсворт, рассуждая об ощущении флера романтизма места, писал: «<...> можно заметить, что определенные места наполняются чувствами, повышающими их ценность, и в качестве мест, воображаемых стали более подлинными, чем в качестве мест реальных» [11, с. 951]. Место обладает индивидуальной или коллективной памятью, оно способно вызывать и стимулировать воспоминания. Французский этнограф Марк Оже, анализируя понятие «места», определяет его основные признаки: идентичность (пространство места характеризует субъект или объект); историчность (историческое прошлое, знакомые люди, объекты и детали и т. д.); связанность (связь между предметами и людьми, принадлежащими данному месту).

Концепция не-места. Если концепция места связана с уникальностью и самобытностью места, позволяющее его легко идентифицировать и позиционировать локальные, индивидуальные, присущие только данному месту характеристики, то противоположная ей концепция не-места рассматривает явления, стирающие все грани

< Рис. 8. а) Проектное предложение «Курск 2032», арх. М. Заутренников, К. Будыкин

непохожести в рамках глобального распространения единых штампов и образцов, приводя к типовой, обезличенной среде. Понятие «не-место», впервые введенное М. Оже в противовес «месту», лишается своего смыслового содержания, перестает отождествляться с историческими событиями, культурными традициями, ощущаться как свое личностное пространство. Вымывается и уничтожается коллективная и индивидуальная память места, отменяя его назначение и превращая его тем самым в не-место. «Если место может определяться как идентифицирующее, связующее (диалоговое) и историческое, то пространство, которое не может себя определить, как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, будет определяться как не-место» [12, с. 100].

Результат. Рассмотрим противоборство концепций места и не-места на примере формирования архитектурного пространства города Курска. При первом упоминании этого места оно практически у всех идентифицируется, во-первых, с историей – крупнейшим событием Великой Отечественной войны – Курской битвой, грандиозное танковое сражение; во-вторых, с географией – Курской магнитной аномалией, крупнейшим месторождением железной руды; в-третьих, с уникальным «концертным» пением курских соловьев. На самом деле, по сравнению с первым возникающим ассоциативным рядом, история места намного богаче. Первое поселение, обнаруженное археологами на территории города, относится к верхнему палеолиту XV – XX тыс. до н. э. Первое городище – «протогород» в устье рек Кур и Тускарь был основан в VI – V вв. до н. э., который во II в. до н. э. был разрушен сарматами. Территория вновь осваивается только к первой половине I тыс. н. э. Первое письменное упоминание о Курске относится к 1032 году – времени Киевской Руси; именно этот год официально считается датой основания Курска. Двойственную природу истории существования города можно кратко выразить оппозицией «мир – война». С одной стороны, приграничное расположение города (на границе Киевской Руси, затем Литвы, и, наконец, Российского государства) обусловили непрерывные разорительные военные сражения, а с другой стороны – расположение на перекрестке торговых путей обеспечивало возрождение, процветание и бла-

госостояние (с начала XVII в. – это место проведения ежегодной всероссийской Коренной ярмарки). С 1779 года он становится центром одноименной губернии.

Идентификация места. Исторический центр города располагается на холме, где ранее размещалась доминирующая над окружающей местностью крепость-кремль Курска. Треугольное в плане укрепление с востока и запада защищали обрывистые русла рек Кур и Тускарь, а с северной стороны – глубокий ров (рис. 5). Деревянная крепость неоднократно разрушалась и вновь отстраивалась, а в 1615 году в честь успешной обороны и избавления от польско-литовского войска в ней был основан Знаменский монастырь. По генеральному плану 1782 года на месте засыпанного рва была организована Красная площадь. В честь победы в Отечественной войне 1812 года был заложен и спустя 10 лет построен большой Знаменский собор, который долгие годы вместе с други-

в Рис. 8. б) Проектное предложение «Курск-2032», арх. Е. М. Богомаз

> Рис. 9а, б. Курск.
Торговый центр

ми многочисленными православными храмами формировал силуэт городской застройки. Вокруг храма были построены монастырские службы и кельи для монахов – «Братский корпус», административные здания города – присутственные места и мужская гимназия (рис. 6).

Сформировавшийся к началу XX в. исторический центр города имеет четко выраженную «вообразимую структуру», которая прочитывается в системе пространственных отношений, основными элементами которой являются земля и небо, вода и растительность, а также мощная энергетика существующих исторических зданий, где преобладает ведущая вертикаль Знаменского собора над протяженными горизонталями окружающих зданий, символизирующих мощь и неприступность древнего кремля. Пространственно-темпоральная структура складывается из развития ритмичных отношений вертикалей и горизонталей, которая накладывается на туго закрученную спираль ретроспективы исторических событий, разворачивающихся на этом месте (рис. 7).

К тысячелетию города (в 2032) предполагается провести значительные мероприятия по благоустройству и восстановлению историко-культурного облика центральной части Курска. С целью разработки концепции и плана реновации был проведен открытый архитектурный конкурс, в котором архитекторы постарались, каждый по-своему, прочувствовать атмосферу прошлых эпох. Основная задача, стоявшая перед проектировщиками – создать современное комфортное пространство для горожан, сохранив «дух места», его сакральный смысл и историческую неповторимость, воссоздав утраченный образ зданий и наполнив их новым функциональным содержанием (рис. 8а, б).

Новая архитектура зданий общественного назначения должна была не затмевать историческую застройку, а выступать фоном ее восприятия, грамотно расставив визуальные акценты. Проектные предложения учитывали: 1) объективные пространственные характеристики места (размер, рельеф, объекты реновации, архитектурный стиль, цветовое решение, территория для нового строительства и т. д.); 2) образ места, сложившегося по историческим и архивным сведениям, картам, чертежам, планам, фотографиям, литературным источникам, средствам мас-

совой информации, живописным произведениям и т. д.; 3) индивидуальные особенности авторского прочтения и ощущения поэтики пространства места, основанном на стремлении «расшифровать» код значимых пространственных ценностей, рассматривая систему в диалектическом движении, дополняя «<...> имеющуюся систему значений чем-то своим, не противоречащим основному коду, сохраняя в итоге существующую структуру действительности» [10, с. 163].

Нивелирование места. Человек становится заложником того места и среды, которая его формирует: архитектура вольно или невольно оказывает воздействие на его сознание, диктует особенности восприятия. Разрушительный характер архитектуры XX в. выражался, прежде всего, в стирании региональной индивидуальности и идентичности места, а также в ограничении разнообразия форм и образов. Типовая обезличенность «бетонной прозы» жилых районов, тиражирование формально-стилистических приемов культурно-деловых центров современных городов уничтожают своеобразие и духовность места. Многократная повторяемость объектов инфраструктуры приводит, как говорил М. Оже, к «взаимозаменяемости городов». Не-место характеризуется отсутствием связей, выражающих идентичность, полной анонимностью и универсальным набором стандартных элементов, обеспечивающих тотальное сходство, бедным и примитивным арсеналом средств выражения. Под идентичностью понимаются новые, лишённые индивидуальности готовые шаблоны, обреченные на унификацию объектов офисных зданий, банков, предприятий, торговых сетей. Множественность копирования брендов, ставшее лейтмотивом современной застройки практически одинаковых, одетых в алюкобонд объемов торговых центров Курска, нивелирует гуманность и уникальность среды (рис. 9а, б).

Заключение. В завершение статьи хочется отметить, что антагонизм уникальности и безликости, концепций «места» и «не-места», рассмотренный на примере города Курска, иллюстрирует проблемы многих городов постсоветского пространства. Богатое историческое прошлое не обретает свою форму и структуру в пространственной организации места и художественно-эстетическом решении архитектурных объектов. Невыразительность,

типичность и безликость, тиражируемость известного и привычного превалирует над вдумчивым и тактичным подходом. Осмысление места и выявление его культурных смыслов при организации пространства становится важной частью предпроектной деятельности, в которой концептуальное проектирование неразрывно связано с углубленным аналитическим исследованием.

Оптимальное комфортное пространство содержит визуальные символы и иконические знаки, обладает ценностями историко-культурными и природными критериями, связано с личностными переживаниями: вызывает воспоминания или создает новые впечатления, идентифицируя и превращая его в уникальное место. «Ведь архитектура и есть одна из важнейших сил, при помощи которых можно сопротивляться ложному обыскуственности мира» [13, с. 39]. Полинаправленность и многослойность «следов» присутствия информационных символов в среде активизирует внимание, интерес и желание прочесть закодированные сообщения. Разнообразие противостоит монотонной, схематичной безликости, появляющейся в результате избыточной простоты и «дефицита изменений».

Литература

1. Асмус, В. Ф. Античная философия. – Москва : Высшая школа, 1976. – 544 с.
2. Спектор, Д. М. К архитектуре пространства: Очерк теории. Часть I // Урбанистика. – 2017. – № 1. – С. 61–82. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22504 (дата обращения: 02.08.2022)
3. Стрельник, О. Н. Основы философии. – Москва : Изд-во Юрайт, 2010. – 312 с.
4. Филатова, А. В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. – URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/> (дата обращения: 03.08.2022)
5. Архитектура современного Запада / Ле Корбюзье, Бруно Таут, В. Гропиус, И. П. Ауд, Франк Райт, П. Гильберсейлор и др. ; Общ. ред. и критич. статьи Д. Аркина. – Москва : Изогиз, 1932. – 185 с.
6. Kostelanetz, R. Moholy-Nagy (Documentary monographs in modern art). – New York : Prager, 1970. – 238 p.
7. Арнхейм, Р. Динамика архитектурных форм. – Москва : Стройиздат, 1984. – 192 с.
8. Залесский, В. В. Нужна ли точечная застройка? // Журнал российского права. – 2008. – № 7 (139). – С. 49–58
9. Скопина, М. В. Концепция «места» в современной ландшафтной архитектуре Франции (на примере парков Ла Виллетт и Андре Ситроен в

- Париже) : автореф. ... дисс. кандидата архитектуры 05.23.20 / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний-Новгород, 2012. – 24 с.
10. Степанов, А. В., Иванова, Г. И., Нечаев, Н. Н. Архитектура и психология. – Москва : Изд-во Юрайт, 2018. – 355 с.
 11. Souriau, E. Vocabulaire d'esthétique. – Paris : PUF, 2010. – 1472 p.
 12. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / перевод с французского А. Ю. Коннова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
 13. Капустин, П. Нелинейность развития и ее линейные проекции // Проект Байкал. – 2022. – № 72. – С. 36–45
 14. Объект номера // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 113–123

References

- Arkin, D. (Ed.) (1932). *Arhitektura sovremennoho Zapada* [Architecture of the Modern West]. M.: Izogiz.
- Arnheim, R. (1984). *Dinamika arhitekturnyh form* [The dynamics of architectural forms]. M.: Strojizdat.
- Asmus, V. (1976). *Antichnaya filosofiya* [Antique Philosophy]. M.: Vysshaya shkola.
- Auge, M. (2017). *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-places. Introduction to an anthropology of hypermodernity] (A. Yu. Konnov, Trans.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Filatova, A. V. (2011, May 19). *Znacheniya i smysly ponyatiya "sociokoda" v sovremennoy social'no-filosofskoy mysli* [Meanings of the concept of "sociocode" in the modern socio-philosophical thought]. *Gumanitarnyj proekt Runivers*. Retrieved August 3, 2022, from <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/>
- Kostelanetz, R. (1970). *Moholy-Nagy* (Documentary monographs in modern art). New York: Prager.
- Object of the issue (2016). *Project Baikal*, 13(49), 113–123. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49>
- Skopina, M. V. (2012). *Koncepciya "mesta" v sovremennoy landshaftnoy arhitekture Francii (na primere parkov La Villett i Andre Citroen v Parizhe)* [The concept of "place" in modern landscape architecture of France (by the example of La Villette and André Citroën parks in Paris)] (05.23.20) [Ph.D. thesis, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering]. N.-Novgorod.
- Souriau, E. (2010). *Vocabulaire d'esthétique*. Paris: PUF.
- Spektor, D. M. (2017). *K arhitekture prostranstva. Ocherk teorii. Chast' I* [To the Architecture of Space: Essays on Theory. Part I]. *Urbanistika*, 1, 61 – 82. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.1.22504. Retrieved August 2, 2022, from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22504
- Stepanov, A. V., Ivanova, G. I., & Nechaev, N. N. (2018). *Arhitektura i psihologiya* [Architecture and Psychology]. M.: Yurajt.
- Strel'nik, O. N. (2010). *Osnovy filosofii* [Fundamentals of philosophy]. M.: Yurajt.
- Zallesskij, V. V. (2008). *Nuzhna li tochechnaya zastroyka?* [Is the infill development necessary?] *Russian Law Journal*, 7(139), 49–58.

В статье рассматриваются основные факторы и особенности трансформации общественных пространств крупных городов Казахстана в советский и постсоветский периоды. Дается ретроспективный обзор значимых исторических, существующих и формирующихся общественных пространств города Алматы. Исследование проводится с позиции социально-экономических, природных, экологических и градостроительных факторов развития крупного города. Отмечены положительные тенденции в трансформации современной городской среды, указываются возникающие при этом сложности и недостатки. В результате изучения ситуации по г. Алматы, зарубежного и отечественного опыта в статье сформулированы принципы, которые могут быть полезны для специалистов в области архитектуры и городского управления при проведении мероприятий по оптимизации городских общественных пространств.

Ключевые слова: общественные пространства; город; советский и постсоветский периоды; трансформация; факторы развития./

The article deals with the main factors and peculiarities of the transformation of public spaces in large cities of Kazakhstan in the Soviet and post-Soviet periods. It gives a retrospective review of significant historical, existing and emerging public spaces of Алматы. The study is conducted from the standpoint of socio-economic, natural, environmental and urban development factors of a large city. The positive trends in the transformation of the modern urban environment are highlighted, and the difficulties and disadvantages arising in this process are pointed out. As a result of the study of the situation in Алматы and the foreign and domestic experience, the authors formulate principles that can be useful for professionals in the field of architecture and urban management to optimize urban public spaces.

Keywords: public spaces; city; Soviet and post-Soviet periods; transformation; development factors.

Трансформация общественных пространств Алматы / Transformation of public spaces in Алматы

текст

Антон Ходжииков
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

Алексей Абилов
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

Владимир Яскевич
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

Дарья Абайдулова
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева/

text

Anton Khodzhikov
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Alexey Abilov
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Vladimir Yaskevich
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Daria Abaidulova
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Введение

В настоящее время во всем мире наблюдается значительный интерес к тематике общественных пространств в структуре крупного города. Этот интерес вполне закономерен, учитывая все возрастающую роль городов в социально-экономической жизни большинства развитых и развивающихся государств. Казахстан в этом плане – не исключение. Однако в отличие от других стран, где процессы урбанизации исследуются специалистами разного профиля уже давно и в различных аспектах, в Казахстане, с его огромной территорией (второй по величине после Российской Федерации среди стран СНГ), но сравнительно с немногочисленным населением (19125620 чел. на 1 января 2022) (прим. 1), эти процессы еще не нашли всестороннего анализа, в том числе и в аспекте исследования роли общественных пространств в развитии городов. В этой связи представляется интересным проанализировать трансформацию общественных пространств на примере г. Алматы, крупнейшего по численности населения в Казахстане, бывшей столицы республики. Возникает необходимость сравнения качественных и количественных характеристик общественных пространств во временной динамике от 1960-х – 1990-х годов до настоящего времени. Необходимость такого анализа обуславливается новыми приоритетами проектирования генеральных планов городов в русле концепции устойчивого развития, которые, наряду с экологическими факторами охраны природы, существенное значение придают потребностям населения в среде жизнедеятельности, обеспечивающей наилучшие условия для труда, быта и отдыха, в том числе для общения и самореализации в свободное от работы время. При этом многократно возрастает роль как узкопрофессиональных, так и междотраслевых исследований, направленных на объективную оценку состояния общественных пространств как материального выражения социальных процессов в территориальной структуре современного города.

Определения

В настоящее время нет однозначного определения городских общественных пространств. Так, в Законе г. Москвы

от 27.04.2005 № 14 «О генеральном плане города Москвы (Основные направления градостроительного развития города Москвы)» дается следующее определение: «<...> общественные пространства – свободные от транспорта территории общего пользования, в том числе пешеходные зоны, площади, улицы, скверы, бульвары, а также наземные, подземные, надземные части зданий и сооружений (галереи, пассажи, атриумы и другие), специально предназначенные для использования неограниченным кругом лиц в целях досуга, проведения массовых мероприятий, организации пешеходных потоков на территориях объектов массового посещения общественного, делового назначения, объектов пассажирского транспорта» (прим. 2).

В другом источнике говорится: «Чтобы понять, что такое общественное пространство <...> Исходя из этих двух слов: общественное пространство – общее, открытое для всех, а не частное, социальное, официальное, для всех. Слово «общественное» подразумевает, что пространство принадлежит сообществу или правительству и используется общественностью, людьми. Иными словами, каждый человек имеет право на доступ в общественное пространство независимо от его возраста, пола и социального статуса. В общественном пространстве люди могут встречаться с другими людьми и обсуждать проблемы. Есть два основных атрибута общественного пространства, а именно: в отличие от частного пространства, общественное пространство – это открытое место в городе, открытое для публики и используемое повсеместно – это места, принадлежащие всем, городскому сообществу» [1].

Если в первом из них упор делается на то, что эти пространства предназначены для пешеходов, свободны от транспорта и используются для проведения массовых мероприятий и досуга, то во втором подчеркивается общественная принадлежность этих пространств для всех категорий граждан городского сообщества в отличие от пространств, находящихся в частной собственности.

В определении Хартли по общественным пространствам характеризуются их функции: «<...> территория, которая позволяет выполнять определенное количество функций, свойственных всем людям: перемещаться

^ Рис. 1. Яркий пример преобразования автомобильных потоков (фото слева) в пространство для людей (фото справа) площади Таймс-сквер в Нью-Йорке, США. – URL: <https://cutt.us/XQANG>

с одного места на другое; пользоваться возможностями для организации отдыха и культурных развлечений; посещать другие районы города или другие частные места; делать покупки; встречаться с другими людьми или просто совершать прогулки» и говорится о том, что «общественное пространство является символом городской цивилизованности» [2].

Наше определение основывается на том, что общественные пространства города предназначены для реализации потребности горожан в общении и досуге, общедоступны для всех граждан, свободны от транспорта, могут размещаться как на открытых, экстерьерных, так и в закрытых, интерьерных участках и объектах города, а также на прилегающих к городу территориях.

Основные факторы, влияющие на формирование общественных пространств Алматы

Как и в любом городе, общественные пространства Алматы формировались под воздействием комплекса факторов: социально-экономических, природных, экологических и градостроительных.

Социально-экономические факторы: численность населения, его социально-демографическая структура, особенности развития экономики, социальной сферы, миграционные процессы, рассматриваемые в динамике изменений во времени.

Эти факторы иногда напрямую, иногда косвенно влияют на параметры общественных пространств в городе. Например, численность населения определяет размеры города: в малом городе общественные пространства сосредоточиваются в относительно небольшом количестве мест – в городских центрах, парках, скверах и площадях, число которых, как правило, не превышает одного-двух для каждого типа. В крупном – номенклатура и количество таких пространств существенно расширяется. Во-первых, увеличивается количество площадей, общественных центров, скверов и парков общегородского значения; во-вторых, каждый жилой район города приобретает свои места тяготения для жителей, осуществляющих досуг и реализующих потребности в социальном общении. Кроме того, в современном крупном городе появляются новые типы общественных

< Рис. 2. Примеры трансформации городской среды крупных европейских городов: а – площадь Якобинцев. Лион, Франция; б – площадь Регнбуепладсен. Копенгаген, Дания – URL: <https://cutt.us/ICMCT>

^ Рис. 3. Общий снимок народного гуляния на Площади Астаны и улице Толе би в исторической части Алматы. – URL: <https://cutt.us/08PbU>

^ Рис. 4. Празднование Дня единства народа Казахстана и концерт на площади перед Дворцом Республики. – URL: <https://cutt.us/Mm5vC>

^ Рис. 5. Празднование Нового года на Площади Республики. – URL: <https://cutt.us/AbqpP>

пространств: площади перед торгово-развлекательными и спортивными центрами, пешеходные зоны, свободные от транспорта, места для проведения народных гуляний, фестивалей, концертов на открытом воздухе и др. (рис. 1 [1], рис. 2). Наряду с открытыми пространствами типология общественных пространств дополняется крытыми пространствами торгово-развлекательных и спортивных центров, часть из которых размещается под землей.

Социально-демографическая структура населения крупного города также становится более дифференцированной: появляются места сугубо молодежного досуга и общения, или, наоборот, общения людей зрелого и преклонного возраста. Иногда такая дифференциация связана с желанием различных этнических групп встречаться с соотечественниками в определенных местах городского пространства, особенно в дни традиционных народных праздников и гуляний светского и религиозно-характера (День единства народа Казахстана, Наурыз, Курбан-байрам, Масленица и др. (рис. 3–5).

Экономика города также играет немаловажную роль в номенклатуре общественных пространств. Развитая и диверсифицированная экономика большого города стимулирует инвестиции в сферы досуга и развлечений, в развитие инфраструктуры этих сфер, что позволяет, например, изыскивать пространственные резервы в городе путем реконструкции ветхой застройки и придания новых, общественных функций промышленным территориям и предприятиям, потерявшим актуальность и рентабельность вследствие изменения экономической конъюнктуры или по экологическим соображениям.

Природные факторы – климат, ландшафт местности (его орография, растительность, водные пространства и др.) оказывают существенное воздействие на планировочную структуру города, размещение его функциональных зон, в том числе на дислокацию и конфигурацию общественных пространств как структурных элементов городского организма. Большую роль играют зеленые насаждения общего пользования, водные пространства в городе, рельеф местности.

Экологические факторы рассматриваются, по крайней мере, в двух основных аспектах: 1) в рамках классической экологии как науки о взаимоотношениях живых

организмов со средой их обитания, в данном случае – городского населения как популяции биологического вида *homo sapiens*, взаимодействующего с природной и антропогенной средой в пределах городского пространства. При этом учитывается влияние прямых и обратных связей: воздействия этих сред на горожан и горожан на окружающую городскую среду; 2) в аспекте социальной экологии города с акцентом на качество городской среды, обеспечивающей социальное воспроизводство населения, а также на пространственную дифференциацию различных социально-демографических групп городского населения в зависимости от менталитета, уровня доходов, национальных предпочтений и других характеристик этих групп.

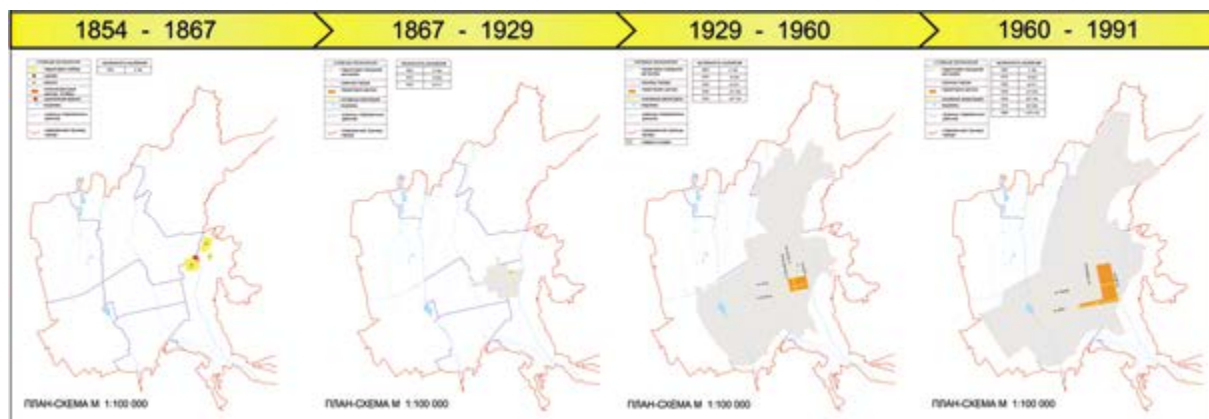
Градостроительные факторы содержат всю сумму объемно-планировочных и инфраструктурных характеристик городского пространства, включая как инженерно-технические аспекты, так и проблемы городского дизайна, эстетику общественных пространств. В связи с этим их влияние прослеживается в размерах, конфигурации и дислокации общественных пространств, также в динамике временных изменений. Градостроительные факторы формирования общественных пространств г. Алматы тесно связаны с социально-экономическими факторами и будут подробно рассмотрены ниже.

Источники данных, методология и методика исследования

Как видно из вышеперечисленного списка факторов, для раскрытия заявленной в заголовке статьи темы требуется весьма обширный круг специальных исследований, базирующихся на большом количестве исходных данных. Часть подобных исследований была проведена группой преподавателей кафедры «Архитектура» Satbayev University под научным руководством одного из авторов настоящей статьи (прим. 3).

Определенная часть принадлежит другим авторам, выбравших объектом своих исследований общественные пространства г. Алматы. И, наконец, третья группа исследований – это работы, принадлежащие исследователям из других городов в Казахстане и за его пределами, результаты и выводы которых могут быть в определенной

> Рис. 11. Схема развития города и общественных зон с 1854 по 1991 [6]

В начале XXI века началось формирование интерьерных общественных пространств под кровлями крупных торгово-развлекательных и спортивных центров, среди которых можно назвать крупнейшие: ТРЦ «Mega Centre Alma-Ata», «Алмалы», «Dostyk Plaza», «АДК» (рис. 15; 16), спортивные комплексы «Halyk Arena», «Almaty Arena» (рис. 17), куда ежедневно, и особенно в выходные дни стекается большие массы различных категорий населения не только для шоппинга или просмотра кинофильмов и спортивных состязаний, но и для общения и проведения досуга.

Природные факторы формирования общественных пространств Алматы

Город Алматы расположен в центре Евразийского континента, на юго-востоке Республики Казахстан, в предгор-

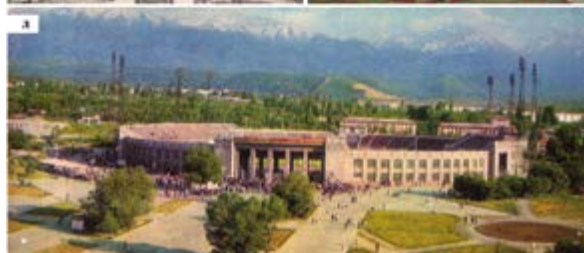
ной котловине Заилийского Алатау – северного хребта Тянь-Шаня, на высоте от 600 до 1650 метров над уровнем моря. Климат умеренно-континентальный, однако значительно мягче, чем в большинстве городов Казахстана. Средняя температура января -8°C , июля $22,3^{\circ}\text{C}$. Летнюю жару в городе смягчает прохладный ночной бриз с близлежащих гор, покрытых ледниками даже летом, обилие зелени и множество мелких ручьев, арыков и речушек, самые крупные из которых – Большая Алматинка, Малая Алматинка и Есентай. Зимой и осенью климат несколько смягчен теплыми антициклонами из субтропических пустынь Средней Азии [9–11].

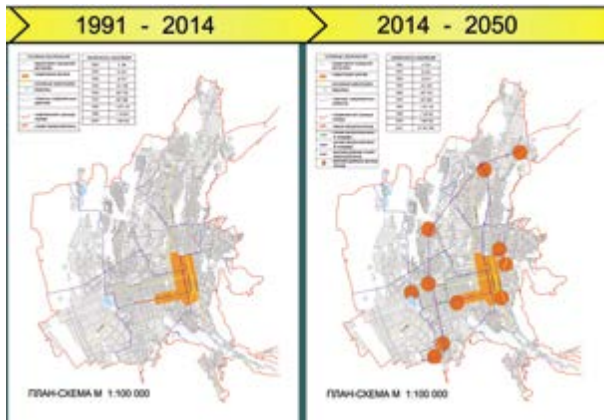
Климат и рельеф местности сыграли существенную роль в архитектурно-планировочной структуре города Алматы, что нашло отражение в серии проектов генераль-

> Рис. 13. Общие виды:
а – на главный вход в Центральном парке культуры и отдыха;
б – на площадь перед Театром оперы и балета им. Абая;
в – на северный фасад здания Дома Правительства;
г) на южный фасад здания Дома Правительства;
д) на северные ворота Центрального стадиона.
Фото 1950–1960-х. – URL: <https://pastvu.com>

> Рис. 14. Общие виды:
а – на ансамбль площади Республики;
б – на Дворец им. В. И. Ленина.
Фото 1970-х. – URL: <https://pastvu.com>

^ Рис. 12. Схема развития города и общественных зон с 1991 по 2014 и в перспективе на 2050 [6]

ных планов и проектов детальной планировки отдельных городских кварталов (микрорайоны Орбита, Коктем, Самал, номерные микрорайоны и др.). Помимо отмеченных выше мест дислокации общественных центров, обусловленной социально-экономическими факторами, появились общественно-рекреационные центры, также реализовавшие потребности горожан в досуге и общении. Так, на территории искусственно созданного водохранилища в русле реки Большая Алматинка в 1971 году была организована хорошо озелененная и благоустроенная зона отдыха «Сайран», которая на долгое время стала местом притяжения горожан. Кроме того, алматинцы традиционно осваивали для отдыха и общения горные районы, прилегающие к городу: гора Коктобе с парком и комплексом ресторанов и аттракционов, обзорной

^ Рис. 17.
а – общий вид на спортивный комплекс «Halyk Arena» и фрагмент его внутреннего пространства;
б – общий вид на спортивный комплекс «Almaty Arena» и фрагмент его внутреннего пространства. – URL: <https://clck.ru/sKpoB>

площадкой на высоте 1100 м, урочище Медео, где был построен всемирно известный спортивный комплекс с открытым ледовым стадионом, урочище Чимбулак, также хорошо известный в Советском Союзе центр горнолыжного спорта, а также побережье Капчагайского водохранилища и ряд других (рис. 18). Согласно проведенным нами социологическим исследованиям, в выходные дни туда выезжало до 50% (летом) и до 30% (зимой) активного населения Алматы [5] (рис. 10).

< Рис. 15.
а – панорама на комплекс ТРЦ «Mega Centre Alma-Ata»;
б – интерьерное пространство ТРЦ «Mega Centre Alma-Ata». – URL: <https://cutt.us/q5KR9>;
в – интерьеры торгового центра «Алматы», расположенного в подземном пространстве под центральной площадью Алматы – Площадью Республики. – URL: <https://old.almaly.kz/trade/>

< Рис. 16.
а – общий вид на входную группу торгово-развлекательного центра «Dostyk Plaza»;
б – интерьер торгово-развлекательного центра «Dostyk Plaza». – URL: <http://dostykplaza.kz/about/>;
в – интерьер ТРЦ «Forum». – URL: <https://2gis.kz/almaty>

^ Рис. 19.

а – русло реки Большая Алматинка;

б – русло реки Есентай. – URL: <https://cutt.us/WN28t>

Начиная с конца 1990-х годов и по настоящее время номенклатура и количество мест размещения общественных пространств Алматы существенно расширились и увеличились. Это было связано с появлением системы городских центров, элементы которых дислоцировались на вновь осваиваемых территориях для жилищного строительства – Аксай, Айнабулак, Жулдыз, Шанрак, Думан и др., а также с активным освоением русел малых рек, протекающих через город, для повседневного и еженедельного отдыха и общения горожан (рис. 19). К сожалению, последние в период с конца 1990-х годов и в первые годы перехода республики к рыночной экономике оказались плотно застроенными индивидуальными жилыми домами частного сектора, многочисленными загородными ресторанами и отелями, зачастую в пределах, подлежащих охране санитарно-защитных зон, что негативно сказалось как на экологической ситуации в городе, так и на попытках рекреационного освоения этих рек. В настоящее время предпринимаются активные

действия по реконструкции русел малых рек с прицелом на их очистку от застройки в перспективе. Добавились также новые парки – Алматинский терренкур, Family Park, Fantasy World Almaty, парк Первого президента Республики Казахстан, парк Южный и ряд других (рис. 20).

В последние годы получили развитие новые центры отдыха и общения горожан в пригородной зоне города, которые также можно отнести к общественным пространствам Алматы. Это горнолыжные центры для массового отдыха «Табаган» и «Ак-булак», зоны отдыха у воды «Восемь озер», семейного отдыха «Family Club», и другие (рис. 20; 21)., куда, по данным анкетного опроса населения, в выходные дни выезжает до 49% (летом) и до 27% (зимой) городского населения [5] (рис. 21).

Экологические факторы формирования общественных пространств Алматы

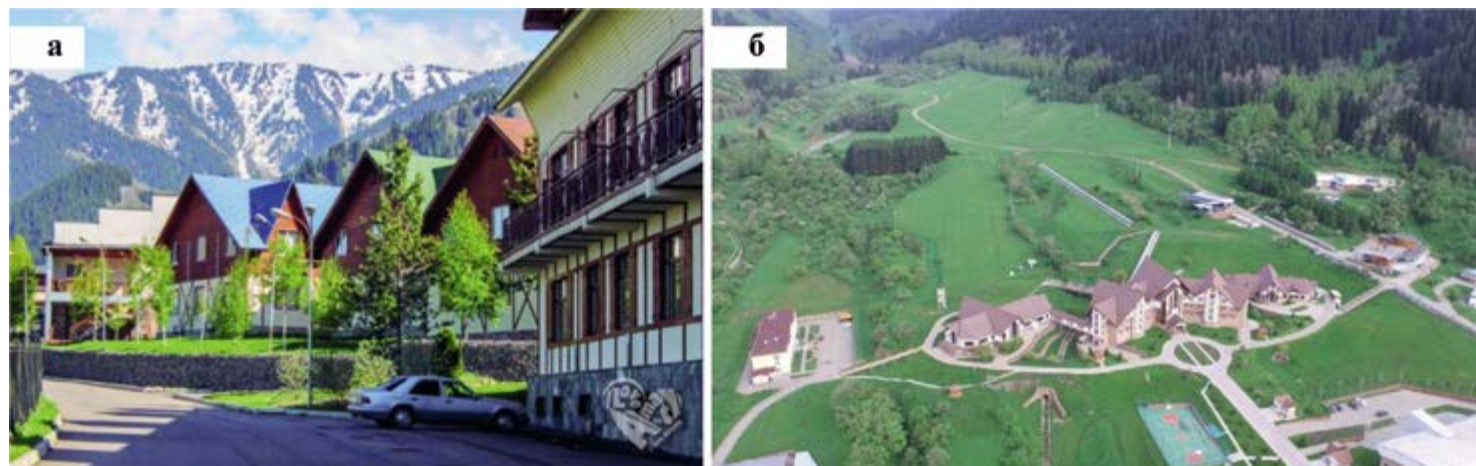
Как было уже отмечено, экологические факторы здесь должны учитываться в двух аспектах – в аспекте клас-

^ Рис. 18. а – панорама зоны отдыха водохранилища «Сайран» в городе Алматы. – URL: <https://cutt.us/on5hL>; б – общий вид на гору Коктобе и расположенный там парк. – URL: <https://asiatrip.kz/city-tour>; в – общий вид на комплекс Медео. – URL: <http://rasfokus.ru/photos/cat/new/photo1599616.html>; г – панорама урочища Чимбулак. – URL: <https://asiatrip.kz/city-tour>

^ Рис. 20. а – общий вид со стороны главного входа в парк Первого президента Республики Казахстан. – URL: <https://skyview.kz/>; б – вид на развлекательную зону парка «Fantasy World Almaty». – URL: <http://veshmeshok.ru/almaty/>; в – фрагмент Алматинского терренкура. – URL: <https://clck.ru/sKv9q>; г – фрагмент парка «Южный». – URL: <https://clck.ru/sKvAx>

^ Рис. 21.

а – фрагмент горнолыжного центра «Табаган». – URL: <https://cutt.us/dPbPC>;

б – общий вид на горнолыжный центр «Ак-булак». – URL: <https://cutt.us/QFol1>

сической экологии; в таком случае население города рассматривается как человеческая популяция, оказывающая воздействие на окружающую среду и испытывающая от нее воздействие. Аспект социальной экологии подразумевает исследование влияния окружающей среды на социальную жизнь человека, проявляющееся в качестве городской среды и пространственной дифференциации различных социально-демографических групп в городе.

В советский период истории общественные пространства Алматы формировались по двум направлениям. Первое можно условно назвать «официальным», зависящем от властей; второе – «неофициальное», выбранное самим населением. Типичными примером первого направления являлась площадь перед Домом Правительства, предназначенная для проведения праздничных демонстраций трудящихся и военных парадов 1 и 9 мая, 7 ноября, которая в обычные дни была практически безлюдной. Второе направление в 1960-е годы возникло стихийно в пространстве улицы Калинина как место прогулок и встреч школьной и студенческой молодежи, в основном из так называемого «золотого квадрата» города – кварталов городского центра, в которых располагались жилые дома с квартирами для партийно-хозяйственной элиты и выдающихся деятелей науки и культуры. Это место, прозванное в народе «Бродвеем», редко пустовало по вечерам и в будние, и выходные дни. Совершенно очевидно, что оно появилось вследствие потребности молодежи в неформальном общении, которые формируют так называемое «социальное пространство» города [12].

В дальнейшем мест для неформального общения в Алматы становилось все больше. Например, зона отдыха Сайран, пришедшая в запустенье в годы перестройки и становления суверенитета республики, стала местом общения байкеров и любительских соревнований для водителей внедорожников, а парк «Сары Арка» в районе одноименного кинотеатра, куда были перенесены скульптурные памятники советской эпохи – местом собраний и демонстраций старшего поколения алматинцев, приверженных прежним общественным ценностям (рис. 22).

Необходимо также отметить, что в связи с отменой официальных праздничных демонстраций такие знаковые и прежде сугубо официальные места Алматы, как Площадь Астаны и Площадь Республики все больше используются горожанами для народных гуляний в праздничные дни или для проведения неформальных шествий типа «Бессмертный полк» в День Победы 9 Мая (рис. 23).

Парки и скверы, предгорные сады и озелененные берега горных рек, протекавших через город, в выходные дни остаются любимыми местами посещения горожан и молодежи, и людей старшего поколения, инстинктивно и осознанно стремящихся побывать на природе. Здесь очевидно влияние законов классической экологии и экологии человека, побуждающее население заботиться о своем физическом здоровье, компенсировать накопившуюся в рабочие дни усталость в общении с экологически чистой естественной средой. При этом возникает множество коллизий, связанных с негативными послед-

^ Рис. 22.

а – открытие соревнований для водителей внедорожников на безводной в зимний период территории озера Сайран. – URL: <https://cutt.us/rxEc6>;

б – фрагмент сквера за кинотеатром «Сары-Арка». – URL: <https://cutt.us/xX2pu>

< Рис. 23. Неформальное шествие по центральным улицам Алматы 9 Мая. – URL: <https://cutt.us/17w27>

ствиями массового стихийного отдыха на природе, прежде всего, с загрязнением окружающей среды отходами воскресных пикников в виде всевозможного мусора, который приводит к деградации прежде нетронутых человеком уголков великолепного предгорного и горного ландшафта.

Таким образом, организация стихийно возникающих пространств неформального общения требует изучения и проектного осмысления на уровне генеральных планов города и проектов детальной планировки отдельных участков городской среды, а также дальнейшего контроля со стороны городских властей и общественности.

Градостроительные факторы формирования общественных пространств Алматы

В процессе разработки проектных документов, направленных на архитектурно-планировочную организацию крупного города, приходится решать ряд непростых задач реконструкции морально и физически устаревшей

старой и размещения новой жилой застройки, объектов транспортной и инженерной инфраструктуры, обслуживания и производства, отдыха и досуга горожан. При этом общественные пространства города нередко выпадают из поля зрения проектировщиков и рассматриваются в лучшем случае как часть рекреационных зон, не претендуя на особое внимание как объекты большого социального значения. По крайней мере, так было в Алматы до последнего времени, пока ситуация существенно не изменилась вследствие движения, инициированного датским архитектором и популяризатором идеи «города для людей» Яном Гейлом [13] и активно поддержанного руководством города. Центр города и ряд других участков Алматы заметно преобразились: здесь появились хорошо благоустроенные пешеходные зоны, со скамейками, велодорожками, площадками со спортивными тренажерами, стоянками для велосипедов, сдающихся напрокат, летними кафе и киосками, быстро ставшие местом притяжения для горожан (рис. 24).

^ Рис. 24.

а – вид на пешеходную улицу им. Панфилова в Алматы. – URL: <https://cutt.us/P9HWt>; б – фрагмент пешеходного благоустройства улицы им. Абая в Алматы. – URL: <https://cutt.us/4whFa>; в – вид на улицу им. Тимирязева в Алматы, реконструированную с максимальным вниманием к пешеходному доступу к системе общественного транспорта. – URL: <https://cutt.us/S3ArI>

< Рис. 25. Общий вид на комплекс мавзолея Ходжа Ахметом Ясави. – URL: <https://cutt.us/pyT2o>

В настоящее время опыт Алматы по преобразованию городской среды в русле идей Я. Гейла активно внедряется в ряде других городов Казахстана, вплоть до включения особых предписаний в нормативные документы, обязывающие проектировщиков предусматривать в генеральных планах и проектах детальной планировки систему благоустроенных общественных пространств. Однако некоторая поспешность в этом вопросе и поверхностный административный подход без тщательного изучения местных природно-климатических и социально-экономических условий, проведения серии предпроектных исследований могут произвести обратный эффект – появиться « типовые » общественные пешеходные зоны, невостребованные горожанами в силу отсутствия в них « духа места », исторической подкладки и учета ландшафтного контекста. Особенно опасен такой подход в исторических городах Казахстана – центрах паломничества, отдыха и туризма, например, г. Туркестан с выдающимся памятником Ходжи Ахмету Ясави, включенным в перечень всемирного наследия ЮНЕСКО (рис. 25) [14].

Заключение

Рассмотренные примеры формирования общественных пространств крупного города на примере Алматы показали, что к их проектированию нужно подходить на системной основе, учитывая весь комплекс факторов, определяющих специфику местных условий. Проектные решения на уровнях генерального плана города и проектов детальной планировки отдельных участков городской среды должны опираться на серии предпроектных исследований, в том числе на результаты натурного обследования участков, потенциально пригодных для размещения общественных пространств, на анализ культурно-исторического контекста, национальных и региональных традиций, ландшафта местности.

В современных условиях трудно переоценить роль социально-экологических факторов, формирующих социальное пространство крупного города, его дифференциацию в зависимости от менталитета, образа жизни, наличия свободного времени различных социально-демографических и этнических групп городского населения. Большое значение имеют социологические

исследования в форме анкетного опроса населения, направленные на выявление потребностей и предпочтений горожан в различных типах общественных пространств, их дислокации в структуре городских территорий. Актуальными в последнее время становятся и вопросы обеспечения безопасности подобных пространств.

Важное значение имеет учет местных природно-климатических и экологических условий, ландшафтных характеристик местности, соблюдение принципов устойчивого развития, охраны окружающей среды, энергосбережения и утилизации отходов в процессе реализации социальных процессов в рамках общественных пространств города.

Градостроительные решения должны суммировать весь комплекс факторов, влияющих на качественные и количественные параметры общественных пространств города, опираться на объективные предпосылки, не допускать унифицированного административного подхода, шаблонов и тиражирования типовых заготовок.

Примечания

1. Об изменении численности населения Республики Казахстан с начала 2021 до 1 января 2022 года (по текущему учету): Документы и отчеты официальной статистики/сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT444181&lang=ru> (дата обращения: 11.04.2022)
2. О Генеральном плане города Москвы (основные направления градостроительного развития города Москвы): Закон города Москвы от 27 апреля 2005 г. № 14/сайт MosOpen.ru Электронная Москва. – URL: http://mosopen.ru/document/14_zk_2005-04-27 (дата обращения: 28.04.2020)
3. Отчеты и публикации по научно-исследовательским работам, выполненным в разное время в рамках грантового финансирования от Министерства образования и науки Республики Казахстан:
 - а) Социально-экономические, экологические и архитектурно-планировочные основы развития городских агломераций в республике Казахстан: отчет по НИР (заключительный) 1384/ГФ4/НАО «КазНИТУ имени К. И. Сатпаева», науч. рук. Абилов А. Ж. – Алматы, 2017. – 81 с.
 - б) Повышение конкурентоспособного потенциала республики Казахстан за счет рациональной архитектурно-планировочной и объемно-пространственной организации территорий и инфраструктурных объектов массового отдыха, внешнего и внутреннего туризма: отчет по НИР (заключительный) 1391/ГФ4/НАО «КазНИТУ имени К. И. Сат-

паева», науч. рук. Абилов А. Ж. – Алматы, 2017. – 76 с.

в) Абилов, А., Маметов, А., Карманов, Ш. Некоторые аспекты развития крупных городов Казахстана на примере Шымкента // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2015. – № 2. – С. 20–25 и др.

4. Исследования, публикации:

– Мауленова, Г. Д. Анализ историко-культурного содержания среднего пространства г. Алматы в свете дальнейшего развития его образного потенциала // Многогранный мир традиционной культуры: проблемы изучения, сохранения и современной интерпретации: международная конференция. – Казань, 2015

– Мауленова, Г. Д. Традиционные образы в контексте гуманизации архитектурного пространства крупного города (на примере г. Алматы) // Современные технологии возрождения, сохранения и трансляции культурного наследия этносов: опыт, проблемы, перспективы: международная научно-практическая конференция. – Казань, 2014

– Есенов, Х. И. Формирование пешеходных пространств в контексте сложившейся исторической среды в г. Алматы: в соав. с Бралиной Н. К. // Вестник КазГАСА. – 2017. – № 2 (64). – С. 24–29

– Лим, А. В., Глаудинова, М. Б. Архитектура общественных зданий советского периода г. Алматы: значение и современное состояние. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35009411> (дата обращения: 13.04.2022)

– Ильина, И. Н., Рахметова, Р. У., Жакенова, К. А. Перспективы социально-экономического развития городов Казахстана: монография / под ред. профессора Р. У. Рахметовой. – Астана, 2018. – 225 стр. и др.

Литература

1. Садик-Хан, Д., Соломонов, С. Битва за города : Как изменить наши улицы. Революционные идеи в градостроении / пер. с англ. – Москва : Олимп-Бизнес, 2018. – 416 с.

2. Cities' public spaces: Introduction to fieldwork / Kwiatek-Sołtys Agnieszka; Institute of Geography Pedagogical University of Cracow. – Cracow, 2013. – URL: <http://www.geoolympiad.org/2014/2014FWEintroduction.pdf> (дата обращения: 01.04.2022)

3. Комплект инструментов для решения глобальных проблем общественного пространства : От глобальных принципов к глобальной практике / Программа ООН по населенным пунктам (ООН Хабитат). Найроби, Кения, 2015. – 59 с. – URL: <https://cutt.us/rzFFn> (дата обращения: 02.04.2022)

4. Документы и отчеты официальной статистики / официальный сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. – 2022. – URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 01.04.2022)

5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, Алма-Ата, 1969–1978. – Т. 1 : А–Ангоб. 1969. – 608 с.

6. Абилов, А. Ж., Ходжиков, А. В., Яскевич, В. В., Саржанов, Н. Ж. Повышение конкурентоспособного потенциала республики Казахстан за счет рациональной архитектурно-планировочной и объемно-пространственной организации территорий и инфраструктурных объектов массового отдыха, внешнего и внутреннего туризма. – Алматы : КазНИТУ им. К. И. Сатпаева, 2017. – 76 с.

7. Галуцак, М. С. Стратегия формирования застройки в историческом ядре города Алматы : дис. ... академической степени магистра искусствоведческих наук. – Алматы : Казахский национальный технический университет им. К. И. Сатпаева, 2014. – 104 с.

8. Казахстан : Национальная энциклопедия. – Алматы : «Мәдени Мұра» – «Культурное наследие Казахстана», 2004. – Т. 1. – 560 с.

9. Глаудинов, Б., Сейдалин, М., Карпыков, А. Архитектура Советского Казахстана. – Москва : Стройиздат, 1987. – 319 с.

10. Алма-Ата : энциклопедия. – Алма-Ата : гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1983. – 608 с.

11. РГП «КАЗГИДРОМЕТ» : Министерство экологии, геологии и природных ресурсов республики Казахстан. – Нур-Султан, 2022. – URL: <https://www.kazhydromet.kz/ru/klimat/almaty> (дата обращения: 11.04.2022)

12. WORLD-WEATHER : погодный сервис. – 2022. – URL: <https://world-weather.ru/archive/> (дата обращения: 01.04.2022)

13. Меренков, А. В. [и др.] Социальное пространство современного города : коллективная монография. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 250 с. – URL: <https://search.rsl.ru/>

record/01007997279 (дата обращения: 25.04. 2022)

14. Гейл, Я. Города для людей. – Москва : Альпина Паблишер, 2012. – 276 с. – URL: http://books.totalarch.com/cities_for_people_jan_gehl (дата обращения: 15.02. 2022)

15. Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави (город Туркестан) / сайт UNESCO: World Heritage Convention. – 2022. – URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1103/> (Дата обращения: 06.04.2022)

References

Abilov, A. Zh., Khojikov, A. V., Yaskевич, V. V., Sarzhanov, N. Zh. et al. (2017). Povyshenie konkurentosposobnogo potenciala respubliky Kazakhstan za schet racional'noj arkhitekurno-planirovochnoj i ob`emno-prostranstvennoj organizacii territorij i infrastrukturykh ob`ektov massovogo otdyha, vneshnego i vnutrennego turizma [Improving the competitive potential of the Republic of Kazakhstan through the rational architectural, planning and volumetric organization of territories and infrastructure facilities for mass recreation, international and domestic tourism]. Almaty: KazNRTU n. a. K. I. Satpayev.

Dokumenty i otchety oficial'noj statistiki [Documents and reports of the official statistics] (2022). Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan: official website. Retrieved April 1, 2022, from <https://stat.gov.kz>

Galushchak, M. S. (2014). Strategiya formirovaniya zastrojki v istoricheskom yadre goroda Almaty [Development strategy for the historic core of Almaty]. [Dissertation for the academic degree of Master of Arts] Almaty: Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev.

Gehl, J. (2012). Cities for people (A. Toktonov, Trans.). Moscow: Alpina Publisher. Retrieved February 15, 2022, from http://books.totalarch.com/cities_for_people_jan_gehl

Gludinov, B., Seidalin, M., & Karpikov, A. (1987). Arkhitektura Sovetskogo Kazakhstana [Architecture of Soviet Kazakhstan]. Moscow: Stroyizdat.

Global public space toolkit: From global principles to local policies and practice (2015). United Nations Human Settlements Programme (UN Habitat). Nairobi, Kenya. Retrieved April 2, 2022, from <https://cutt.us/rzFFn>

Kazakhstan: Nacionalnaya enciklopediya [Kazakhstan: National encyclopedia] (2014). (V. 1). Almaty: "Madeni Mura" – "Cultural heritage of Kazakhstan".

Kozybayev, M. K. (Ed.) (1983). Alma-Ata. Enciklopediya. Alma-Ata: Kazakh Soviet Encyclopedia.

Kwiatek-Sołtys, A. (2013). Cities' public spaces: Introduction to fieldwork. Institute of Geography Pedagogical University of Cracow. Cracow. Retrieved April 1, 2022, from <http://www.geoolympiad.org/2014/2014FWEintroduction.pdf>

Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (2022). UNESCO: World Heritage Convention. Retrieved April 6, 2022, from <https://whc.unesco.org/en/list/1103/>

Merenkov, A. V. et al. (2015). Social'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Social space of the modern city] (G. B. Korableva., & A. V. Merenkov, Eds.). [Collective monograph]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. Retrieved April 25, 2022, from <https://search.rsl.ru/record/01007997279>

Prokhorov, A. M. (Ed.) (1969). Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [in 30 volumes] (3rd ed., V. 1. A–Angob.). Moscow: The Soviet Encyclopedia, Alma-Ata.

RGP "KAZGIDROMET": Ministerstvo ekologii, geologii i prirodnykh resursov respubliky Kazakhstan [Ministry of Ecology, Geology and Natural Resources of the Republic of Kazakhstan] (2022). Nur-Sultan. Retrieved April 11, 2022, from <https://www.kazhydromet.kz/ru/klimat/almaty>

Sadik-Khan, J., & Solomonov, S. (2018). Bitva za goroda: Kak izmenit' nashi ulicy. Revolyucionnye idey v gradostroenii [Battle for the city: How to change our streets. Revolutionary ideas in town planning]. Moscow: Olympus–Business.

WORLD-WEATHER (2022). Retrieved April 1, 2022, from <https://world-weather.ru/archive/>

Иногда между альтернативами пролегают настоящие трещины (и даже пропасти), а порой эти границы скорее похожи на швы, соединяющие противоположности. Одна из особенностей архитектурного мышления – это его лоскутность, мозаичность. Шрамы и швы неотъемлемо присутствуют в архитектуре, иногда их пытаются спрятать, а иногда – эстетизировать. Насколько инклюзивна «лоскутность» архитектурного мышления или это эксклюзивный стигмат, рубец на «коже профессии»?

Философские размышления о смысловой и философско-символической интерпретации образа трещины, разлома, разрыва в широком контексте эволюции культуры, и прежде всего в актуальном культурно-методологическом значении, – в статьях Лео Салмина и Петра Капустина.

Административные границы тоже могут превращаться в трещины. Одна из сложнейших задач градостроительства и управления территориями – не допустить «расползания швов» между регионами. Граница между Прибайкальскими субъектами проходит непосредственно по акватории славного моря. А теперь, после переноса Забайкалья в Дальневосточный федеральный округ, это граница между федеральными округами. Однако ясно, что градодокументация, территориальное планирование должны охватывать озеро целиком, вместе с сотнями впадающих в него рек и речек. Невидимые швы мешают полноценному осмыслению всего комплекса – об этом пишет Александр Колесников.

Швы границ внутри Российской империи причудливо изменчивы, это касалось не только губерний, но и городов тоже. Эти изменения на протяжении веков случались по разным причинам, в том числе политическим.

О том, что происходит на линии соприкосновения альтернатив, – подборка материалов этого раздела.

Елена Григорьева
Константин Лидин

трещины, швы и границы / cracks, seams and borders

Sometimes there are real cracks (and even gaps) between alternatives, and sometimes these borders look like seams joining the opposites. One of the peculiarities of architectural thinking is that it is like mosaic or patchwork. Scars and seams are inherent in architecture. Sometimes they are tried to be hidden, while sometimes to be aestheticized. How inclusive is the 'patchwork' of architectural thinking, or is it an exclusive stigma, a scar on the 'profession's skin'?

Philosophical reflections on the semantic and philosophical-symbolic interpretation of the image of crack, rupture or gap in a broader context of cultural evolution, and, above all, in its current cultural-methodological meaning are presented by Leo Salmin and Petr Kapustin in their articles.

Administrative boundaries can also turn into cracks. One of the most difficult tasks of urban planning and territorial management is to prevent 'sprawling' at the seams between regions. The border between the subjects adjacent to Lake Baikal runs directly along the water area of this glorious sea. And now, after the transfer of Transbaikalia to the Far Eastern Federal District, it is the border between the federal districts. But it is clear that the town planning documents should cover the whole lake, together with hundreds of rivers and streams flowing into it. Invisible seams prevent full comprehension of the whole complex. This is what Alexander Kolosnikov writes about.

The seams of the borders within the Russian Empire were fantastically variable, including not only those of its provinces, but also of its cities. Such changes have occurred over the centuries for a variety of reasons, including political ones.

The selection of materials in this section tells what is happening on the line of the collision of alternatives.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Статья представляет опыт смысловой и философско-символической интерпретации образа трещины, разлома, разрыва в широком контексте эволюции культуры и, прежде всего, в актуальном понятийном и культурно-методологическом значении. Трещина рассматривается как альтернатива поверхности, как концепт глубинной оптики, как условие проникающего взгляда на судьбы истории и познания, искусства и просвещения, архитектуры и урбанизма.

Ключевые слова: трещина; поверхность; альтернатива; методология; оптика; цивилизация; культура; познание. /

This article presents the experience of semantic and philosophical-symbolic interpretation of the image of a crack, break or rupture in a broad context of cultural evolution, and, above all, in its contemporary conceptual and cultural-methodological meaning. The crack is viewed as an alternative to superficiality, as a concept of in-depth optics, as a condition of a penetrating view on the destiny of history and cognition, art and education, architecture and urbanism.

Keywords: crack; surface; alternative; methodology; optics; civilization; culture; cognition.

Апология трещины / The apology of crack

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет / text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

Жизнь дает трещины

Картина мира человека начала XXI века подобна огромному куску полированной нержавеющей стали. Ее непрозрачный глянец являет нам торжество идеалов глобального рационализма, стилистического минимализма и тотальной гигиены. Ее зеркальная поверхность есть материальное выражение асимптотического приближения к Богу, каковым это приближение видится сегодня самому Homo Sapiens – адепту всепроникающего научного прогресса, повелителю технологий и заклинателю будущего. Лишенная каких-либо уловимых дефектов, безупречное зеркало картины мира отражает современное человечество во всем блеске его лучших достижений. Незамутненная гладь поверхности стала для планетарной цивилиза-

ции необходимым условием оптимистической оптики, позволяющей ей удовлетворенно, с верой в завтрашний день созерцать свое эпическое селфи на фоне мировой истории. Загипнотизированный магическим мерцанием поверхности, человек начала XXI века путает картину мира с волшебным зеркалом и, следуя сказочному архетипу, взволнованно вопрошает:

– Свет мой, Зеркальце, скажи...

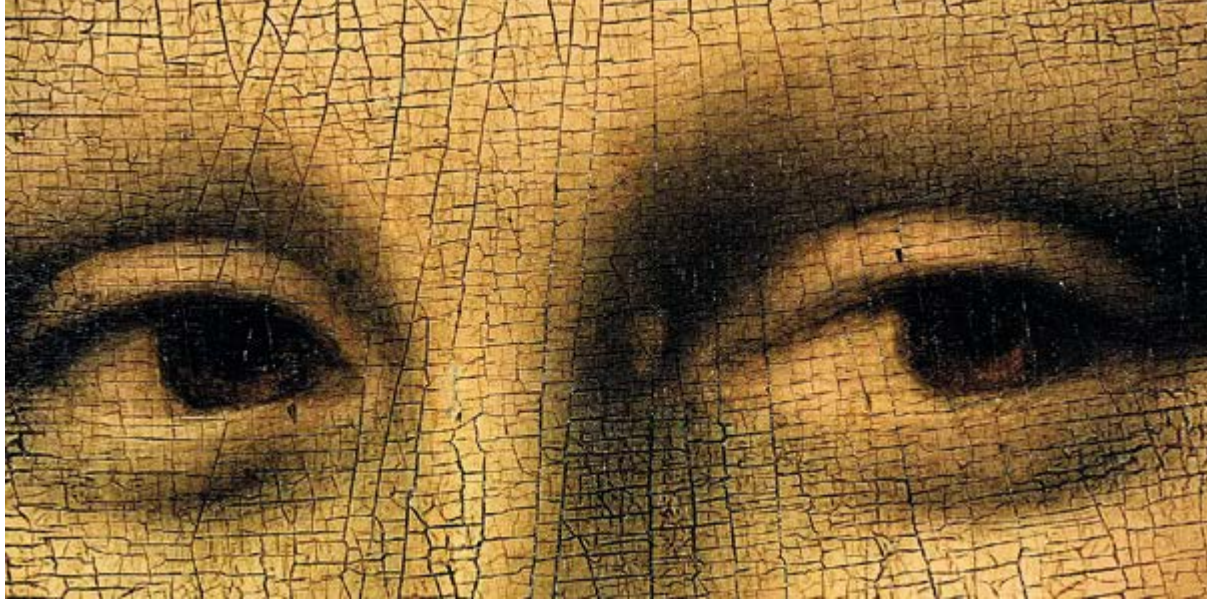
И, конечно же, незамедлительно слышит в ответ уверения в своем полном совершенстве.

– Уф... – выдыхает он удовлетворенно, – жизнь удалась...

И все бы ничего, когда бы эта самая, казалось бы, и впрямь удавшаяся жизнь, время от времени не давала бы вдруг трещины. Обычно первой реакцией нашего современника на возникновение трещины (первоначально, как правило, небольшой) становятся усилия по ее маскировке. Опыт привычки к сплошным, гладким поверхностям мебели и автомобилей, к глянцу тел, отполированных фитнесом и спа-процедурами, к непрерывности архитектурных фасадов и полей для гольфа, к континууму мобильной связи, круглосуточной коммуникации, неразрывного общения и т. д. – этот опыт заставляет воспринимать возникновение любых трещин как нарушение миропорядка (уже успевшего приблизиться к идеальному), как угрозу личному, социальному, экономическому, эстетическому и всякому иному (завоеванному веками цивилизационного прогресса) благополучию. Всякая трещина ломает мифологию благополучия и по мере углубления и роста приводит к кризису картины мира, сформированной методами зашпаклевывания неровностей, шлифовки и полировки поверхности, ее окрашивания, лакировки и т. п. Человек, впрочем, есть существо метасимволическое, выстраивающее собственные поведенческие и деятельностные практики на основе опыта смысловой интерпретации образов и переноса значений из одной области реальности в другую. Его страх перед трещинами как образами нарушения целостности и связности обнаруживается не столько при виде ветшающей стеновой штукатурки, сколько при осознании разрушительных психологических процессов внутри своей культуры, своего социума, своего круга общения и даже своего внутреннего мира – в общем, во всех тех случаях,

> Рис. 1. Петрус Крестус. Портрет девушки

< Рис. 2. Леонардо да Винчи. Мона Лиза (фрагмент)

которые определяют выражением «жизнь дала трещину». Трещина обрела в сознании человека, ориентированного на идеал гладкой и непрерывной поверхности (неважно, чего именно – автомобильного капота, стены дома, человеческих отношений или собственного имиджа), значение однозначно негативного события, масштаб которого варьируется в диапазоне от бытовой неприяности до цивилизационной катастрофы.

Идея нижеследующего размышления заключается в том, чтобы уйти от восприятия трещины как исключительно антиценности, как символа деструкции и фатальной трагедии, чтобы попытаться осмыслить ее, напротив, как продуктивный образ, дающий возможность понимания диалектики общностей и различий, целого и частей, развития и стагнации, красоты и уродства. Речь идет о том, чтобы перевести трещину из мифологической действительности обыденного сознания в разряд категорий философско-методологического дискурса, чтобы представить трещину как органический симптом процесса развития, трансформации, метаморфозы. Иными словами, пора убедительно высказаться в защиту трещины как образа и понятия, пора найти аргументы в пользу всего того, что обнаруживает и помогает понять трещины, веками и тысячелетиями образующиеся на поверхности культуры и цивилизации. Пришло время воспеть трещины и разломы или, по меньшей мере, развернуть их содержательную апологию. Ибо, в отличие от мертвящего визуального и тактильного однообразия полированной нержавеющей стали, по большей части скрывающей под собой пустоту, именно разрывы, разрушения и раны поверхности есть подлинные признаки жизни. Трещина перечеркивает бессмысленное скольжение глаза и ума по поверхности всякого предмета и направляет человеческое познание вглубь, в недра истины. Как пел в одной из своих песен Леонард Коэн:

There is a crack, a crack in everything
That's how the light gets in.
(Во всем есть трещина –
Именно в нее проникает свет).

Магия кракелюра

– Я помню все твои трещинки... – поет, «задыхаясь от нежности», лирическая героиня Земфиры. И миллионы

обывателей, тоже любивших когда-то, ностальгически подхватывают, сидя по своим углам:

– Ну почему?... Лааай-ла-ла...

«Трещинки» для них – знаки любви и памяти, живые иероглифы того, что было дорого и концентрировало подлинную ценность жизни. Трещины и впрямь есть не просто естественное проявление живого; они – мемориальные криптограммы бессмертной человеческой души. Если поверхность твоей жизни не имеет ни единой трещины – значит, ты умер.

Подобно тому, как прожитую жизнь человека мы читаем по морщинам и складкам его лица (а при более глубоком и понимающем взгляде – по трещинам его души), возраст живописного полотна прочитывается нами благодаря паутинке микротрещин, образовавшихся на поверхности красочного слоя и именуемых кракелюром. Кракелюр великих полотен прошлого уже давно стал элементом их поэтики, магически соединившей неизъяснимую эстетику изображения с физической историей жизни живописного артефакта. Сначала картину пишет художник. Но после ее дописывает время. И спустя века их усилия уже неотделимы друг от друга и немислимы друг без друга. Было бы мучительно сегодня смотреть на «Мону Лизу» Леонардо или «Девушку с жемчужной сережкой» Вермеера, не покрытых нежной вуалью кракелюра.

Кракелюр на живописном полотне – бесстрастная мелкаячешуйчатая сеть Хроноса, которой он ловит и сохраняет для будущего сиюминутную красоту жизни. Там, где тончайшие градиенты света и полутонов принадлежат изображаемой натуре и трепетно воспроизводящему их мастеру-живописцу, морщины кракелюра принадлежат времени и истории. Дробящая изображение на мозаичные пазлы, графика кракелюра словно бы специально наложена на живописный континуум полотна, чтобы примирить вечность и мгновение в чарующем хронотопе подлинности.

Почти век тому назад это исключительно точно и глубоко понял один из самых успешных в истории искусства авантюристов – мистификаторов – знаменитый голландский мастер живописных фейков Хан Антониус Ван Меегерен, прославившийся серией виртуозных подделок якобы неизвестных картин Вермеера Делфтского.

^ Рис. 4. Иероним Босх. Сад земных наслаждений (фрагмент)

^ Рис. 5. Африка. Сейсмический разлом земли

Сегодня может показаться странным то безоговорочное признание подлинности, которое подделки Меегерена получали у экспертов-искусствоведов и знатоков Золотого века голландской живописи. Все же современный насмотренный, тренированный глаз не может не ощутить некоторого подвоха в живописной манере выдающегося голландского фальсификатора (за исключением, пожалуй, написанной им в 1925 году «Кружевницы», в которой он, как кажется, действительно максимально виртуозно сумел приблизиться к аутентичному духу вермееровских портретов). Возможно, бдительность экспертов усыпила именно магия кракелюра, для получения которого Меегерен разработал целую сложную технологию. Никому не приходило в голову, что кракелюр, этот несомненный знак возраста, за которым столетия истории жизни полотна, может быть получен в течение нескольких часов или дней старательной лабораторной работы. «Я помню все твои трещинки... Пою твои-мои

> Рис. 3. Хан Ван Меегерен. Автопортрет

песенки»... Это, быть может, с еще большим на то правом мог бы спеть трудолюбивый и безбашенный в своем криминально-артистическом тщеславии Ван Меегерен.

Классической живописи кракелюр к лицу. Трещины вообще к лицу всему настоящему, сумевшему преодолеть время и человеческое безразличие. Они – письмена правды на теле искусства. Трещина не дает соврать, «сделать вид», изобразить не то, что есть на самом деле. Надоевшую жалобную фразу «Жизнь дала трещину» следовало бы читать в обратном порядке – «трещину дала Жизнь», это позволило бы понять трещину как витальный просвет подлинного бытия, как скважину, отверстие в правду жизни. Сложно сказать, понимал ли это еще один великий арт-мистификатор XX века – Казимир Малевич. В отличие от Меегерена, сотворившего миф о неизвестном Вермеере, история мифотворчества Малевича сосредотачивалась на нем самом. Если Ван Меегерен отредактировал отстоявшую от него на три столетия историю загадочного делфтского светописца, то Малевич правил по горячим следам историю себя любимого. Для этого ему не нужно было пользоваться такими сложными средствами достижения аутентичного исторического духа живописи, как кракелюр. Он попросту прибегал к повторению ранее написанных картин (отчасти потому, что многие его работы, вывезенные им в 1927 году для экспонирования в Польшу и Германию, были потеряны). Он не раз давал своим произведениям ложные датировки, желая задним числом подреставрировать и подкорректировать собственную творческую биографию.

Этим стремлением подверстать прошлое к настоящему объясняется и тот известный факт, что знаменитый «Черный квадрат», написанный в 1915 году, Малевич датировал 1913 годом, то есть временем, когда он в сотворчестве с футуристами Михаилом Матюшиным и Алексеем Крученых придумывал оперу «Победа над солнцем» как декларацию «нового театра», как новую концепцию «будетлянского» творчества. В 1913 году состоявшийся из трех участников Первый всероссийский съезд футуристов, как казалось, окончательно надломил спящую поверхность старого искусства и образовал в ней глубокую революционную трещину. Позже, в 1917 году, нагнетая задним числом историческую значимость этого собы-

< Рис. 7, 8. Ян Вермеер.
Девушка, читающая письмо
у открытого окна.
(до и после реставрации
2020 года)

тия, Малевич писал в статье «Театр»: «Звук Матюшина расшибал налипшую, засаленную аплодисментами кору звуков старой музыки, слова, и буквозвуки Алексея Кручёных распылили вещевое слово. Завеса разорвалась, разорвав одновременно вопль сознания старого мозга, раскрывла перед глазами дикой толпы дороги, торчащие и в землю, и в небо. Мы открыли новую дорогу театру» [1]. За экспрессивностью корявой риторики этого пассажа прочитывается не только прилив болезненного тщеславия Малевича, но и действительно важный смысл той художественной и эстетической трещины, которая благодаря творчеству футуристов пролегла по телу русской культуры и определила новые, перпендикулярные («торчащие и в землю, и в небо») векторы творческого зрения.

Интуиция Малевича, по-видимому, подсказала ему, что оформившийся в виде «Черного квадрата» итог футуристического разлома культуры был бы более уместен, эффектен и значим, если бы был зафиксирован не спустя те два года, в которые уложилось действительно сложившееся мир начало Первой мировой войны, а тогда же, в 1913-м, вместе с заявленной «Победой над солнцем». Вероятно, Малевичу казалось, что датировка 1913 годом делает «Черный квадрат» пророчеством, а его самого, соответственно, пророком. Малевич, как положено футуристу, мыслявший исключительно будущим и категорически отрезавший прошлое от настоящего, не допускал мысли о естественной инерционности процессов художественного осмысления и генерирования образов. В его представлении художественная реакция на возникновение в культуре исторической трещины должна быть мгновенной. Пророк не мог говорить о разломе мира постфактум.

Однако же драма Малевича заключалась в том, что при всех притязаниях на место пророка, он все же был живым человеком, писавшим картины реальными кистями на реальных холстах. Прошло время – и «Черный квадрат» покрылся сеткой кракелюра. Трещины красного слоя взломали абсолют черноты, подытожившей историю мировой живописи. И в эти трещины стал пробиваться слабо уловимый (но все же уловимый) свет прошлого. Не только «свет завершившейся эры постсредневековой визуализации мира» [2], но и, по иронии судьбы,

совсем близкое прошлое – творческое прошлое самого автора. И если рукотворный кракелюр Меегерена обманывал экспертов и покупателей фейкового Вермеера, то естественный и неумолимый кракелюр «Черного квадрата» разоблачал фигуру его создателя. В трещины кракелюра «Черного квадрата» просачивалась правда факта, размывающая монументальность и лапидарность мифа о «мире как беспредметности». Трещины «Черного квадрата» прошли не столько по его живописной плоскости, сколько по судьбе самого Малевича, чье мучительное возвращение в начале 1930-х годов к фигуративности и изобразительному реализму, похоже, стало расплатой за манипулирование прошлым в интересах настоящего.

< Рис. 6. М. Матюшин,
А. Крученых и К. Малевич

^ Рис. 9, 10. Романтизированные изображения римских руин в гравюрах XVIII века

Трещина кракелюра дает понять, что время – полноценный соавтор любого художественного произведения, любого артефакта культуры. Идеологи модернизма отказывали прошлому в правах, упрямо повторяя революционный тезис: «Мы наш, мы новый мир построим...». Сквозь все перипетии XX века тезис этот дожил до нашего времени и был исправно усвоен хранителями и реставраторами художественного наследия. С той лишь существенной разницей, что сегодняшний культуртрегер строит свои проекты не на отрицании прошлого, а напротив, на отрицании будущего, на отрицании фактора времени. Показательный пример такого подхода – недавняя реставрация картины Вермеера «Девушка, читающая письмо у открытого окна». Команда реставраторов Дрезденской картинной галереи расчистила позднейшую запись на полотне, обнажив исходный вид стены с висящей на ней картиной, изображающей купидона. Однако невозможно отделаться от ощущения, что под флагом борьбы за аутентичное состояние произведения реставраторы решали свои собственные задачи, рядом с которыми вековой давности эксперименты Ван Меегерена (начинавшего, кстати, свою карьеру реставратором) не выглядят столь уж вызывающе.

Память VS Разруха

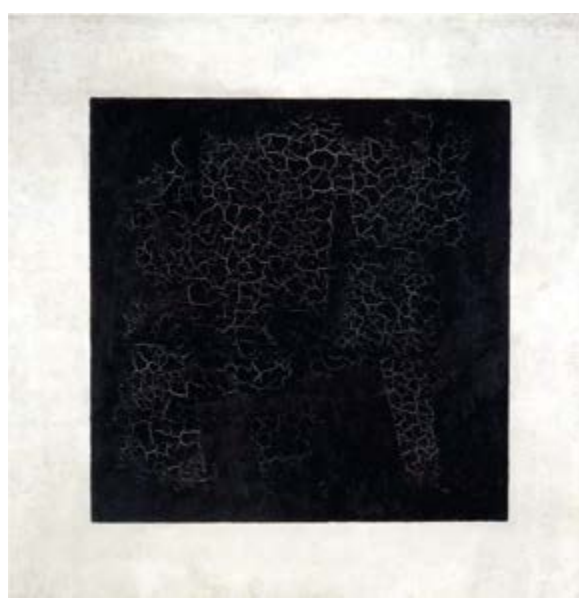
В физике твердого тела есть целый раздел, изучающий образование трещин – механика разрушения твердых тел. Трещины исследуются и описываются наукой не как статичный феномен, но как результат сложных и многообразных процессов. В контексте научного знания разрушение и образование трещин предстают объективными и ценностно нейтральными. Совсем иное происходит там, где в качестве «твердых тел» рассматриваются произведения архитектуры. Архитектурное творение кажется нам изначально противостоящим всякого рода энтропии. Твердость, нерушимость архитектурного сооружения – воплощенный концепт преодоления времени. Древние цивилизации выражали в архитектуре ключевые мифы и идеи мироустройства и возводили архитектурные сооружения «навсегда». Возведенные «твердые тела» либо не подразумевали старения, либо оно понималось как процесс неопределенно долгий, не сопоставимый с временными пределами человеческой

жизни и даже жизни многих поколений. Идея архитектуры и ее тело отождествлялись в культурах, где культ, миф и религиозная интуиция творения безусловно доминировали над практической, инженерной стороной дела. Между тем мир идей и мир вещей со временем обнаруживали существенные различия. Трещины, рано или поздно возникавшие на штукатурке фасадов, затем обнаруживавшиеся в камне стен и даже ломавшие толщу фундаментов, становились знаком бренности всего рукотворного, даже столь прочного, как архитектура. А поскольку оценить эту медленно проявлявшуюся бренность архитектуры былых эпох возможно было лишь в масштабе жизни многих поколений, то трещины естественным образом закрепили за собой значение примет исторической памяти. Превращение Архитектурных сооружений далекого прошлого в руины происходило долго и не вызвало таких резких эмоций, связанных с чувством материальной утраты и общей эфемерности земного мира, какие свойственно переживать современному человеку. Для нашего современника смысл трещины колеблется между двумя семантическими полюсами. С одной стороны – память, письма времени на теле культуры. С другой – разрушение и забвение, «суета сует».

Современная архитектура недолговечна, она не в силах разрешить конфликт памяти и разрухи. Этот конфликт разрешается в руинах, чей возраст измеряется веками и тысячелетиями и в чьих трещинах и застывших формах разрушения мы находим примирение с прошлым. За длительное историческое время руины породили свой особый дискурс, нашедший наиболее яркое и экспрессивное выражение в культуре барокко и романтизма. Руины вошли в европейский литературный текст, в его поэтику; они вросли в иконографию живописи и графики – от одержимости римскими руинами Джованни Баттиста Пиранези до бесконечных мотивов руин в живописи XIX века. Наряду с ростом археологической ценности древних архитектурных останков формировалась актуальная эстетика руин, породившая даже такой архитектурный жанр, как ложные руины (то есть искусственно созданные как бы руинированные постройки, обычно вписанные в среду романтического парка). Трещина стала ценным маркером исторического возраста и предметом почитания, особенно в контексте развития туристической

^ Рис. 11. Группа Сайт. Фасад одного из зданий универсама Бест

^ Рис. 13. Казимир Малевич. Черный квадрат

культуры. Многие города и архитектурные произведения обрели новую жизнь в немалой степени благодаря своей вековой «потертости» и визуальной «ветхости». Сеть исторического кракелюра, естественным образом покрывшая архитектурную ткань многих городов, стала прочитываться как завораживающая магия старины. Так произошло, например, с Венецией, уже сам ландшафт которой образован бесконечными трещинами каналов и напоминает сеть кракелюра на полотнах Каналетто и Франческо Гварди. Фактурный образ Венеции неизменно включает в себя самого разнообразного вида трещины – от трещин старой штукатурки до разломов стен, проседающих под воздействием неумолимой и вездесущей воды.

В памяти всплывает характерная мизансцена, запомнившаяся автору этого текста во время одного из приездов в Венецию. Неизвестная соотечественница, стоящая на вершине горбатого мостика, перекинутого через узкий живописный канал, долго смотрит вперед, скользя взглядом по дрожащей поверхности воды и далее, по исчерченным трещинами и местами беззащитно обнажившим пятна кирпичной кладки стенам. Спустя некоторое время она с романтической задумчивостью, но достаточно громко произносит:

– Да... Это не может не впечатлять...

И, словно очнувшись, добавляет: – Чудовищная разруха!..

XX век с его жестокими историческими катаклизмами и невообразимыми военными разрушениями городов наложил на романтический дискурс древних руин образы новой реальности, в которой возраст руин определяется скоростью ведения войн, технической мощью средств уничтожения и скромным масштабом конкретной человеческой жизни. Драматизм практик молниеносного разрушения актуализировал значение трещин как экзистенциальных разломов того мира, в котором намеревался жить и обрести личное счастье человек конца XIX – начала XX века. Несмотря на то, что модернизм пытался дать ему футуристическую альтернативу в виде образа кристаллически совершенного будущего, реальные практики XX века взломали глубокими трещинами весь европейский культурный ландшафт и озаменовали смысловой кризис жизненной среды.

Позже архитектура постмодернизма по-своему отрефлексовывала опыт трещин и разрушений эпохи модернизма и двух мировых войн. Трещина, разлом стали пластико-символической метафорой, позволившей, например, американской архитектурной группе Сайт разработать в середине 1970-х годов ряд зданий сети универсамов «Бест». Присутствующие во всех зданиях серии мотивы трещины, обрушения – своеобразное ироническое философствование архитекторов об эфемерности мира видимого благоденствия в обществе победившего консьюмеризма и зыбких социальных правил.

Сегодня, в XXI веке, мы живем в беспокойном мире, где множась трещины бытия при всей их болезненности все же дают обнадеживающую смысловую альтернативу нарастающему суицидальному безумию цивилизации бесшовного глянца. Нужно лишь найти силы пристально взглянуть в разломы прежних иллюзий.

Литература

1. Малевич, К. С. Театр (рукопись). – URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_12/ (дата обращения: 30.10.2022)
2. Салмин, Л. Ю. Дом света. Видимое и невидимое в мире визуальной культуры. – Екатеринбург: Студия ГРАФО, 2018. – 160 с.

References

Malevich, K. S. (n.d.). Theatre (manuscript). Retrieved October 30, 2022, from http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_12/

Salmin, L. Yu. (2018). Dom sveta. Vidimoe i nevidimoe v mire vizualnoi kultury [House of Light. The visible and invisible in the world of visual culture]. Yekaterinburg: Studio GRAFO.

Мышление альтернативами и оппозициями – классический ход организации всякой значимой мысли – от греческих аporий до журнала «Oppositions» Питера Айзенмана. Таким приемом можно не только удержать разное в единстве представления, но и сохранять надежду на синтез – третий путь; надежду далеко не всегда иллюзорную. Неисчерпаемым источником, а также базовым механизмом порождения альтернатив и оппозиций является интерпретация – загадочная способность, расположенная за гранью семиологии и чаемой ею «прозрачности знака». В различных масштабах и на различающемся материале в статье проводится оценка основных видов ресурсов развития архитектурно-проектной мысли нашего времени в их наиболее значимых, по мнению автора, альтернативах и оппозициях.

Ключевые слова: «лоскутность» архитектурной мысли; интерпретация; инклюзивность в архитектуре; креативность и индивидуация в архитектуре; архитектурное темпоральное./

Thinking in alternatives and oppositions is a classic way of organizing any meaningful thought – from Greek aporias to Peter Eisenman's journal Oppositions. In this way, it is possible not only to keep the different in the unity of view, but also to keep hope for a synthesis (a third way) alive, a hope which is far from always illusory. The inexhaustible source as well as the basic mechanism for the production of alternatives and oppositions is interpretation, an enigmatic capacity located beyond semiology and the "transparency of the sign" envisioned by it. At different scales and on different materials, the article assesses the main development resources of architectural and design thinking of our time in their most significant, in the author's opinion, alternatives and oppositions.

Keywords: "patchwork" of architectural thought; interpretation; inclusiveness in architecture; creativity and individuation in architecture; architectural temporality.

Швы и шрамы архитектурной мысли / The seams and scars of architectural thought

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Локальные морфологические альтернативы

Готфрид Земпер пишет о «швах» (текстильных, что для него равно архитектурным) как о соединениях различного в целое, подчеркивая действия сшивания, связывания, сопоставления. Но тут же вдруг раздражается длинным этимологическим пассажем, где выясняет родство немецкого Naht (шов) с Noht (нужда), а также и со словами: узел, связь, присоединение, принуждение, близость, совокупление – в разных языках, вплоть до санскрита.

«В шве в наиболее простом, примитивном и вместе с тем понятном виде выражена основная аксиома, которой следует руководствоваться в практической художественной деятельности; речь идет о законе, согласно которому следует нужду превратить в добродетель; следовательно, материалы и средства, имеющиеся в нашем распоряжении и по своей природе могущие быть только штучными, выражая это и своим внешним видом, могут, при сознательном их соединении и сопряжении в целях разрешения общей задачи, образовать вразумительное, сложное, составленное из множества единство, а не нечто единое, совершенно нераздельное целое», – пишет Г. Земпер [1, с. 241–242]. Таким образом, говорит нам немецкий классик, следы совокупления неустранимы, швы между различным не надо прятать, их надо лишь уметь художественно обыграть, ибо неделимое единое нам недоступно. Тем самым швы становятся не только этимологически близки к шрамам, но и этиологически им тождественны: это следы преодоленной нужды, залеченной болезнью, границы повернутого вспять отторжения тканей. Это следы шитья и сварки, битья (Земпер специально анализирует заклепки, сравнивая их с пуговицами на одежде) и порки; это белые нити наших технологий, ставшие плотью – рубцы, которые нам остается лишь художественно оформить и символически осмыслить. И, разумеется, здесь уже заявлено «сложное целое», которое и далее будет сопровождать архитектурную мысль то ли как идефикс и греза, то ли как проклятие. Впрочем, даже у Земпера эта идея появляется не впервые в истории.

Здание не есть пресловутое делезово «тело без органов», даже если это пузырь, облако, флюид. К счастью,

оно не есть и функциональный агрегат, к которому его хотели бы свести функционалисты; у полноценной архитектуры виртуальные или потенциальные применения многообразны, даже когда это применения наиболее утилитарно-узких ее органов. Но последующая история показала, что идеал сверхпластичного здания, формирующего свои функционализации по месту и времени, буде он даже и технически достигим, останется в стороне от собственно архитектурной природы этого здания (или уж станет апофеозом инженерного и/или дизайнерского уничтожения архитектуры). Земпер, кажется, интуитивно нащупал предел или норму: секрет человеческой архитектуры состоит в ее несовершенстве. Нам не нужны неделимые целые объемы, нам противны земные воплощения Единого. Мы сами не едины и пребываем в сложных отношениях со своими органами. Мы и сами во шрамах. Нам ашрамом будет сомасштабное и соприродное нам.

Не оттого ли столь бесплоден трансцендентализм воплощенного технологического совершенства – все эти холодные и никчемные ракушки уползшего из них смысла вроде белоснежных скорлупок Калатравы или Бакинского покрывала Хадид, неспособного никого согреть?

Патрик Шумахер в статье «Параметрические паттерны» (2009) сопоставляет стыки панелей фасада упомянутой постройки З. Хадид (Центр Гейдара Алиева) и традиционные татуировки на лице и теле, распространенные у племени маори [2]. Но камень здесь перестал быть камнем, так и не став пространством, а совершенство рисунка швов лишает субстанциальности и фасад, и тело, и лицо. Если символическая кастрация означает радикальную объективацию тела или органа, то оскотление технологическим совершенством ведет к амбивалентности тела, слиянию органов, к аморфности формы, многими, впрочем, специально искомой. Так что прием замечен, его значимость вполне понята, но... для «актуальной архитектуры» уже поздно: она поддалась соблазну совершенства, границ и смысла которого она не понимает, а оттого совершенство это головокружительное, хотя и невразумительное. Не исключено, что прозрение наступит уж слишком поздно.

< Рис. 1. Фасад здания на Fulham Palace Road. Алекс Чиннек (Alex Chinneck). Лондон, 2017

Опыт «диких племен» в таких вопросах архетипичен, разумеется. Его не обходят стороной ни Г. Земпер, ни А. Лоос, ни Ж. Бодрийяр, ни П. Шумахер. И за словами слышен вечный зов тектоники. Но если Земпер больше пишет об орнаментальном принципе сшивания шкур барсуков и оленей ирокезами, то остальных больше интересуют татуировки и ритуальные шрамы. Адольф Лоос считал, что вся эта архаическая суперграфика сделала свое дело и может уходить, что теперь она ведет к загрязнению поверхностей и объемов, которые лишь в чистоте могут обрести тектоничность и правдивость. «Папуас украшает себя татуировкой, разрисовывает свою пирогу и весло, все, что попадает ему в руки. Он не преступник. Современный человек с татуировкой или преступник, или дегенерат... Потребность первобытного человека покрывать орнаментом свое лицо и все предметы своего обихода является подлинной первопричиной возникновения искусства, первым лепетом искусства живописи. В основе этой потребности лежит эротическое начало – та же потребность привела Бетховена к созданию его симфоний» [3, с. 143].

Бодрийяр же говорит о необходимом символическом травмировании, вскрывающем поверхности и объемы, посредством которого только и можно выявить сущности. «Тело делится не на мужские или женские «символы» – на более глубинном уровне оно образует то место, где разыгрывается и отрицается кастрация; примером является отмеченный Фрейдом в «Фетишизме» китайский обычай уродовать женщине ступню, а затем чтить эту изуродованную ступню как фетиш. Такому маркированию/калечению, за которым следует фаллическое поклонение (эротическое возвышение), поддается и все тело, в самых разнообразных формах. Именно в этом его тайна, а вовсе не в анаморфозе гениталий» [4, с. 195–196].

Принуждение, замеченное еще по-немецки категорично Земпером в «Стиле» («Стиль в технических и тектонических искусствах, или практическая эстетика», 1860–1870-е), есть принуждение к соитию, и тема эротического насилия архитектуру не покидает, хотим мы того или нет. Дело несколько смягчает техника соблазна, хорошо изученная Бодрийяром, что близко и другим французам, но она неизбежно ведет в сторону от архитектуры –

к дизайну: «Новая модель «Ситроена» упала к нам прямо с небес, – писал Ролан Барт, – поскольку она изначально представлена как сверхсовершенный объект... Оттого наибольший интерес в ней вызывают не материалы, а сочленения. Как известно, гладкая поверхность всегда является атрибутом совершенства, – в противном же случае остаются видны следы сборки, технической, сугубо человеческой операции. Как хитон Христа был без швов, так и летательные аппараты научной фантастики делаются из цельного металла без промежутков. «DS 19» не притязает на абсолютную гладкость глазури, хотя в общем ее форма весьма обтекаемая; тем не менее публику больше всего привлекают стыки ее поверхностей. Люди жадно ошупывают пазы для стекол, глядят широкими резиновыми прокладками, соединяющие заднее стекло с его никелированным обрамлением. В «DS» намечается некая новая феноменология технической сборки – из мира спайки и сварки мы словно попадаем в мир деталей, которые просто состыкованы и держатся вместе лишь силой своей волшебной формы; а это, конечно, должно побудить нас мыслить природу как нечто более податливое, чем прежде» [5, с. 192].

Кажется, ответ на вопрос о том, почему «сила волшебной формы» выглядит чем-то угрожающим в случае архитектуры, выше намечен. Угрозы бывают разные, но уж лучше шрамы живой идентичности, нежели бесшовное упокоение заживо.

Региональные инструментальные альтернативы

От шкур барсуков и оленей архитектурное соединение разноприродного постепенно переросло в пресловутый синтетический метод с претензией на владение методом «синтеза всего со всем», как красиво его сформулировал Р. Б. Фуллер. И мы до сих пор точно не знаем, конгруэнтен ли этот синтетический метод тому проектированию, которое пустило корни в архитектурной профессии [6], т. е. не знаем, вполне ли он совпадает с нашим т. н. проектированием, что уже само по себе повышает степень «трещиноватости» профессии во много раз. Трещины теперь везде, но если еще полвека назад (и даже чуть меньше) рост трещин и образование лакун в деятельности сопровождалось нарастающими надеждами

< Рис. 2. Не стоит думать, будто в «классической» архитектуре со швами было все в порядке: чудеса там на каждом шагу. Масштаб деталей размером со спичечный коробок на гигантском и сложном теле Арки Септимия Севера (Рим). «Вся парадоксальная загадочность архитектурного творчества состоит как раз в том, что, имея в виду это виртуальное многообразие, чувствуя его так сказать кожей, архитектор сознательно отвлекается от него и направляет свое внимание на артикуляцию каких-то деталей, которые оказываются точками неизменности в этом колеблющемся мареве изменчивых состояний и переживаний»

(А. Г. Раппапорт. «К новой теории архитектуры»)

на действенный синтез, то сегодня такое сопровождение «сдулось», или, по меньшей мере, заметно приотстало: концептуально оно почти все там же – в 1960–1980-х годах, в «золотом веке» проектной методологии.

Стоит признать: архитектурно-проектное сознание организовано «лоскутно». Оно состоит из гетерогенных фрагментов, «сшитых»... не очень понятно чем. Интуицией? Развитым опытом? Реальным методом (тем же проектированием)? Вопросов гораздо больше, нежели ответов. Уже сама формула «архитектурно-проектное» представляет собой гремящую смесь различного, соединенного совсем не «по природе» (т. е. естественно) и не «по уму» (по методу, т. е. искусственно), а, скорее, посредством привычки к устойчивым фигурам слово-произношения. Эта смесь такова, что достаточно строгий и последовательный анализ ее состава и структуры сам по себе способен оставить всех архитекторов планеты без работы. Или почти всех. Однако такие анализы запрещены и преследуются; проблематизация последовательно изгоняется из всех институтов архитектурной и проектной мысли (в т. ч. образовательных, где она все же остается заявленной и до сих пор тщательно ожидаемой); даже архитектурная «критика» в наше время становится не чем иным, как скрытой (или не столь уж скрытой) рекламой существующего положения дел.

Упомянутая «лоскутность» (вспомним изделия в технике пэчворк) – «естественное» следствие как использования различных по происхождению материалов или элементов, так и – в нашем случае – применения совсем разных методов и приемов их соединения. То есть множественность сохраняется не только на морфологическом, но и на инструментальном уровне. Так что сводить архитектурскую коллажность к одним только стилистическим фигурам и даже к средовым феноменам, намного превышающим по сложности любой ансамбль или стиль, не представляется возможным; она проникла уже в горизонт методов работы.

Как может быть организована общность такой степени разнообразия? Иными словами, как самоорганизуется такое полиморфное и многоуровневое многообразие? Ответ прост, хотя и нетривиален: оно организуется регионами. Регион (в отличие от экономгеографического «рай-

она» [7]) образуется не по карте формально объективных проекций, но по топике значений и смыслов, живущих даже не столько в действительной полифонии методов и форм, сколько в их ценностном осмыслении, то есть в принятии их в качестве несомненных, безусловных и обязательных к «замечиванию», заботе, культивированию, воспроизведению и трансляции ценностей. То есть в мире субъективного.

Регион – общность идей – феномен коллективного сознания, мышления и деятельности. Его ценности уже не могут быть атрибутами собственно архитектурными. И дело не в сентиментальных отсылках к «общекультурным ценностям». Скорее, напротив: такие ценности восстанавливают в памяти смыслы ранних этапов всего «средового», которые уверенно опознавались еще несколько десятков лет назад как «антипрофессиональные» и даже «антиархитектурные» [8]. Опознавались во многом «по бедности»: ради остро осознанной тогда местной идентичности, крайне плохо обеспечиваемой архитектурой и дизайном тех лет, а ныне – для нагулявших жирок проектных профессий, «слились в экстазе энтузиазма» (то есть той самой простоты, которая хуже воровства) со своими противоположностями, с имитациями «чего-то средового» – с симулякрами средовой подлинности.

Регион – суть «территория смыслов», как бы ни было «замылено» (что совсем не случайно!) это выражение. Но не смыслов «вообще» (таковые не существуют), а смыслов в их единственно законном понятии и в их подлинном «теле» – как «сгустков» локально воспроизводимого содержания, воспроизводимого лишь «здесь» и «теперь». Там и тогда, в иных местах и иных временах, живут и воспроизводятся совсем иные содержания. Универсалистские идефиксы «везде и всегда» сегодня стали практически синонимичны констатации «нигде и никогда». Развитие осуществляется только регионально, тотальной может быть лишь деградация. Содержание региона – всегда конкретность, определенность, а потому и оппозиция всему тому, что с региональным содержанием не совпадает.

Поскольку регионов и смыслов *par excellence* много, то уже сама их «сеть» есть готовая система оппозиций,

^ Рис. 3. Татуировки-шрамы маори. Новая Зеландия

^ Рис. 4. Центр Гейдара Алиева. Арх. Заха Хадид. Баку, 2007

игра в поливалентность которых – легкий способ получения плюралистической и пестрой картины, позволяющей себе любые спекулятивные суждения. По сути, именно это и проделал Питер Айзенман с помощью лучших авторов в известном журнале «Oppositions». Пользуясь ироничными фразами Умберто Эко, можно так описать его стратегию: «Интересуясь всеми сущими на свете методами, ни одному не отдавая предпочтения, но стараясь извлечь истинное зерно из их сварливой многоголосицы... Сопоставив результаты многих неудовлетворительных способов, применявшихся другими, он синтезировал из чужих слабых методологий собственную сильную уверенность» («Остров накануне»). Впрочем, и уверенность эта была весьма лабильной, текучей, зависящей от преходящей моды на научные и прочие новинки.

К упомянутой «сети» разрывов сегодня нельзя не отнести нестарееющее несовпадение идей и результатов «Международного стиля» и его наследников» [9]. Поздней рефлексией все тех же скрытых сил может служить оппозиция проектного мышления/архитектурного сознания (в пользу какой бы из сторон их ни трактовали) [10] или оппозиция «рациональных методов» и их реального мифологического наполнения [11]. «Лоскутность» архитектурного самосознания сегодня можно без особого труда продемонстрировать на серии сюжетов его полярных качеств: профессиональных оснований vs творческого начала [12], научного и прогрессистского vs магического и культового [13], утопического vs реального [14], «искусственного» vs «естественного» [15], глобального vs локального [16] ... Перечень остается открытым.

Причины происхождения и благополучного генезиса такой «лоскутности» архитектурного самосознания (включая, разумеется, и представление о «Городеколлаже» [17] и т. п. попытками композиционной и вкусовой ассимиляции множественности) можно видеть в перманентном крахе всяких идей концептуального «объединения» принципов эволюции, всяких попыток построения «всеобщей теории архитектуры», «единой концепции города», а также и всяких попыток разработки «принципов стиля XXI столетия», «третьего глобального стиля» et cetera как стилистических проектов, узурпи-

рующих всякую формо- или стилеобразующую инициативу. И дело не только в том, что таковых инициатив сегодня стало слишком много, чтобы свести их к единому знаменателю. Ложен сам императив «Единого», давно себя дискредитировавший, по сути, провалившийся уже в классической Греции.

Достичь единого в архитектуре удавалось исключительно за счет элиминации всего иного; этот естественнонаучный по происхождению принцип стал «второй природой» нашего проектного метода, не сумевшего до сих пор реально совладать со множественностью и разнообразием, с альтернативами и оппозициями, сколько бы ни культивировали их архитекторы и методологи архитектурного проектирования на словах. Единое вообще не представляется архитекторам проблемой именно потому, что оно давно и надежно упаковано в «стиль», в наборы стилем и т. п. соцелостностей подобного, в то время как античная проблема Единого была именно проблемой соединения не подобного, но различного. Апогей редукций такого рода – стратегия пресловутой «ансамблевости», достигаемой за счет стерилизации принимаемых в нее элементов: дресс-код на входе всегда проще идефиксов «грациозного смешивания» (см. Примечание) или «сложного порядка» [19] – вечных грез архитектурского воображения о подкон-

v Рис. 5. Citroen DS

> Рис. 6. Констант Нивенхейс (Constant Nieuwenhuys), 1969. Символическое представление Нового Вавилона. Теория сложности, теория хаоса, самоорганизации и прочие популярные темы – не более чем «атмосферное» окружение всплеска интереса к гетерогенным построениям в архитектуре и дизайне 1960–1970-х и далее. В проектной культуре хватает и своих сложностей

^ Рис. 7. Коврик в стиле пэчворк

трольной множественности, как правило, остающейся вне операциональной досягаемости. Радикальная попытка художественным, символическим и проектным образом освоить разнообразие без редукции – ранние работы Роберта Вентури [19], от максималистских императивов которых Вентури был вынужден отказаться уже в «Уроках Лас-Вегаса».

Однако инклюзивность все же нашла себе дорогу к началу XXI столетия. По-иному, видимо, и не могло бы быть, ведь стилистическая монотонность уже, кажется, морально невозможна, а «фокус» критичности в отношении всякой поливалентности за прошедшие десятилетия неоднократно сбивался. Да и технологии так или иначе подтянулись. Так что «лоскутное одеяло» городов условно «неоклассических», в т. ч. в районе Большого Сочи, представляет собою не компромисс и не отступление архитектуры; напротив, это архитектурный вариант феномена, известного в технике – отложенной реализации идеи, под которую пока нет технологии и материалов. У Вентури в 1960-х его «инклюзивность» не получилась; ее принципиальную невозможность констатировал на строгом математическом материале Кр. Александер в 1965 году [20], но у М. Атаянца и М. Филиппова через полвека вполне удалась! И это тоже путь архитектурных альтернатив развития: мы живем во многих масштабах, ритмах и временах одновременно, о чем мы скажем ниже.

То, что из «центра» несколько надменно именовалось в 1920–1970 годах «региональными особенностями» или даже «обстоятельствами на местах», становится в наше время ведущим, магистральным трендом; полувековой перелом все-таки произошел. Регионы, места сегодня – не препятствия, не перипетии развертывания чего-то осмысленно целого, но единственный способ действительного достижения общих идей на локации здесь и теперь. «Здесь так принято» (а там – иначе) – это уже бренд, непосредственно используемый в дизайне городской среды, маркетинге. Уже, кажется, пора видеть в этом не только региональные или местные особенности, но и своеобразные конфигурации проектной культуры.

Глобальные теоретические альтернативы

Набросаем некоторую топику, потенциально альтернативную повседневному состоянию архитектуры, ограничившись лишь несколькими проблемными «узлами». Первым таким «узлом» (не по значению, но по упоминаниям) можно, кажется, назвать... магию.

То ли профессия окончательно впадает в инфантильность, то ли за всем этим стоит что-то существенное, но «магический разворот» с 2000-х вполне ощутим. Разумеется, на словах, а не на деле; в жестах, а не в результатах.

Магия – «Золотой Век» архитектуры, несмотря на то, что его никогда не было. Однако, зная историю науки, религии, инженерии, а также и философии с психологией, довольно нетрудно говорить и об утраченной магии, таинственно вихрящейся за всеми этими «данными в ощущениях» типами знания и практики. Не онтологизируя магию в качестве эпохи, этапа или даже инструментальной действительности, мы сегодня вполне можем опираться на комплекс представлений о ней как о синкретической реальности, квазигенетически предшествующей всяческому анализу, синтезам и научным экспериментам. В таком качестве упоминает магию, например, Г. Ревзин, утверждая, что в Новое время архитектура заняла позиции, оставленные магией, отступившей под натиском науки [21].

Однако с нашей точки зрения с магией/наукой в архитектуре все обстоит гораздо хуже, чем описал Григорий Ревзин. Архитекторы не смогли оторваться от пуповины магии сугубо в силу традиции, латентно воспроизводящей в обновленной (сформированной заново) в Новое время профессии. Но новые институты профессии ориентировались на науку – образование, нормирование, управление, теорию и квазитеоретические формы знания, такие как типология. В результате архитектуру разорвало, пуповина отмерла сама, а шизофрения (раздвоенность сознания) стали для архитектора повседневным состоянием. Поскольку сциентистские ориентации уже давно не популярны, а пресловутый кризис профессии заставляет все больше ставить под сомнение привычные методы и средства (в их числе назовем моделирование), то можно ожидать появления в ближайшее время

^ Рис. 8. Представление о городе как коллаже, состоящем из различного, не ново в истории, но закрепилось оно с 1970-х годов, в т. ч. благодаря книге Колина Роу и Фреда Кеттера «Город-коллаж», 1978 [17]. Эта книга, впрочем, не дала операциональных, тем более методических средств работы с городом-коллажем; таковых, по сути, нет и сегодня

^ Рис. 10. То, что городская среда – как метафора, если уж не категория – имеет мало общего с рациональностью и функционализмом, со стандартами и качеством благоустройства, сегодня помнят разве что художники – городские романтики. Акварель петербургского художника Владимира Колбасова

персональных школ архитектурной магии или чего-то им близкого. И это оправдано: практиковать магическое можно лишь одним единственным способом – создав собственный стиль, учение, практику. Всего этого в мировой архитектуре все еще не хватает, все еще сильны рационалистские установки на усреднение и типизацию идей и решений, все еще сильна мода и авторитет коммерческих «звезд». В самом деле, может хоть идефикс магии поможет преодолеть этот застой?

Другой глобальный альтернативный тренд – неумирающая или возрождающаяся, как Феникс из пепла, ставка на безграничную архитектурную креативность. Или все же на креативность проектную? Вопрос отнюдь не невинный. От этой «вилки» начинается деструкция тренда, поскольку Архитектура и Проектирование не только не синонимы: они противостоят, а иногда и враждуют друг с другом [6]. Кстати, традиционные для XX столетия альтернативные архитектурные тренды: Антиархитектура, Проектирование, и даже Среда [22] к нашему времени, по меньшей мере, уже потеряли остроту. В самом деле: в той или иной мере антиархитектурой de facto стала подавляющая часть т. н. «архитектурной практики»; ее уже, кажется, перестают замечать и уж точно – опознавать как что-то чему-то оппозиционное (кстати, та же «беда» после Второй мировой войны случилась и с архитектурой «Современного движения»); проектированием сегодня вообще почти никто не интересуется, кроме пресловутых английских ученых с их знаменитым консерватизмом, заставляющим работать не на дефинициях и различениях, но на подобиях и отождествлениях, что гораздо удобнее (см., например, [23]). Про то, что такое среда, сегодня и вовсе мало кто помнит [8]. В этом печальном свете тренд на креативность – пусть бы она и называлась иначе, например «визионерство» – неустрашаемо напоминает все, случившиеся в XX, а то и XIX вв.: энтузиастические порывы в «светлое будущее» или уж в «героическое прошлое» (кому что ближе), но порывы в равной мере ничем не обеспеченные, кроме самого энтузиазма. Напоминает и... наступает на все те же «грабли».

Форсированная креативность, сколь бы популярна она ни была, представляет реальную опасность полноте и ос-

^ Рис. 9. Лоскутная география игр определяется желанием разработчиков компактно совместить самые разнообразные ландшафты. По мотивам World of Warcraft Classic

^ Рис. 11. Горки-Город

^ Рис. 12. «Тут так не принято». Кофейня на ул. Мира, Воронеж

мысленности деятельности в аспектах культурном, социальном, историческом, экологическом. В. Л. Глазычев, как мало кто знавший соблазны архитектурно-проектной креативности, неустанно боролся с культом творчества в профессии и особенно в образовании. Ценности социального, социально-экологического, социально-культурного служения несравненно выше «красивых жестов» наносной креативности. И в конце концов, разве «новое-чтобы-то-ни-стало» является действительной целью архитектуры? Разве мы служим инновациям, а не подлинности и осмысленности бытия?

Наконец, один из недавних трендов – надежда на индивидуацию в проектных и архитектурных делах. Она имеет все основания быть, ведь долгие десятилетия уравниловки и типизации создали столь мощную «противотягу», что устоять перед ней невозможно. Индивидуация представляется очень привлекательной альтернативой, что бы под ней ни подразумевалось. А подразумевается разное.

Очевидной крайностью, наиболее доступной воображению, а потому и распространенной, является отождествление индивидуации с персональным произволом, со «свободой личности», со всевозможными «освобождениями от чего бы то ни было»: оков традиции, канона, норм, профессиональных стереотипов, паттернов массовой культуры et cetera. Это «романтическая» линия, восходящая к модным представлениям светских салонов XIX – начала XX столетий с их неизменным столоверчением, призывами к эмансипации, к сексуальному равенству и оргиями для посвященных. Герберт Маркузе, один из певцов этой линии, представлял мир как институт подавления, каковым он стал с момента принятия идеи рационализма: «Когда философия определяет сущность бытия как Логос, это уже Логос господства – преодолевающий, направляющий, захватнический разум, которому должны подчиниться человек и природа» [24, с. 113]. (Почему при этом архитекторам вспоминается Адольф Лоос?) Соединение марксистских представлений с сюжетом персонального сознания, пропущенного сквозь фрейдистские «фильтры», породило болезненный идефикс индивидуализма: революционные интенции оказались «упакованы» в персональное сознание, «негативным

субъектом» истории теперь выступаю «Я, любимый». И сколько бы ни увещевали философские хрестоматии, различить такой индивидуализм с персонализмом (при всех его «божественных» аргументах) не представляется возможным. В архитектуре все сказанное – чистый модернизм со всеми своими известными героями в первых рядах. Однозначность этой линии, пожалуй, уже нет смысла доказывать. И, кстати, чего-чего, а индивидуации модернистам достичь так и не удалось, скорее – унификации и стандартизации.

Прервать эту натуралистическую традицию смогли постструктуралисты, прежде всего Мишель Фуко, показавший, что идефикс «свободы» сам есть ловушка сложившегося дискурса. К концу XX в. формируется совсем иная линия философско-теоретической разработки понятия индивидуации (ведь альтернативы без особого труда обнаруживаются и внутри любых идей и даже идеологем). Так, Жильбер Симондон изучал индивидуацию в эволюции технических систем: у него индивидуальное есть результат воздействия среды, но не результат некоего «авторского произвола». Индивидуация – это не про нашу волю, желание или способности, это не про персонализм [25].

Индивидуация – это не «Я – начало миров», это не врожденная индивидуальность пресловутого ивановича, это не право на место под солнцем, которое индивид наконец себе завоевывает. Все эти образы – миражи и обманки. Индивидуация – это вообще не о человеках, что непросто понять и принять. В этом и проблема. В этом и состоит опасность нового витка «троянских теорий», которые в очередной раз способны надолго отравить профессию.

Индивидуация, повторим, это не о людях и их достижениях, это о феноменах эволюции по ту сторону чей-то персональной воли или желания. Так, Симондон исследовал индивидуацию радиоламп, например. Однако такое понимание индивидуации возвращает нас к проблематике не вполне усвоенной профессией идеи среды. Но идея среды, увы, легко заместилась в профессиональном сознании своими морфологическими симулякрами [8], никаких теоретических и действительно практических выходов из которых уже не стоит ожидать.

Радикальные темпоральные альтернативы

Всякая альтернатива ценна, вроде бы, уже своей оппозиционностью всему существующему и устоявшемуся. Известна стойкая прогрессистская установка, согласно которой всякое новое обладает каким-либо преимуществом перед существующим. Однако сей прогрессистский принцип работает не всегда. Возможны – и не раз случались в истории – случаи фатальной запоздалости нового. Это, разумеется, парадоксально: «устаревание нового», как и, напротив, «новации старого», при всей неожиданности в обсуждаемой топике, есть логически допустимые и фактически неустраняемые вариации потока под условным именем «развития».

Ускоренное устаревание нового – тенденция, которой всякий прогрессизм ничего не способен противопоставить. Пожалуй, впервые такое случилось с модерном (ар-нуво etc. – имен у явления много). Он пал жертвой ускорения исторического процесса, которое никак не мог предположить, будучи продуктом века XIX – века, рассматривавшего происходящее в современном ему мире как театральное действие, а значит, действие в предзаданных декорациях и по прописанному где-то сценарию. Проектно-художественной рефлексией, оппозиционной всем этому натурализму, стало вовсе не «Современное движение», но ар-деко (см. об этом, например, [26; 27]) – квазистиль, не очень-то склонный к окончательным формулировкам или хотя бы к сколь-либо последовательному дискурсу. В отличие от ар-нуво, форсировавшего (правда, больше в манифестах) свою инновационность и разрыв с прежним опытом (что неосмотрительно подхватило и «Современное движение»), ар-деко, в немалой степени формально с ар-нуво связанный, все же явил противоположные качества темпоральных интенций: он реализовал новации посредством «старого», известного.

Актуализация старого – и вовсе есть эффект действия «нормальных» исторических сил, беда, но не вина которых состоит в том, что мы слишком долго им не доверяли, привычно, в прогрессистской логике, делая ставку на новации, происходящие как бы «ниоткуда»: из самой сути вещей или из «духа времени». Стоит ли говорить, что вся без исключения неоклассика XIX, XX, XXI столетий опирается непосредственно на эти силы, которые лишь стоит отпустить, которым лишь стоит дать «сказаться», не перебивая их ангажированным квазиноваторским дискурсом.

Коль уже достаточно давно можно констатировать наступление «кризиса темпорального воображения» [28], то и представляемые им альтернативы грех не использовать в целях управляемого эволюционного движения архитектурной мысли. Мы живем одновременно в различных временах (и это едва ли не единственное симультанное переживание, оставшееся нам доступным (ср.: [29]), в различных темпоральных ритмах, векторах, установках. Пока все это – инертный балласт, даже обуза нашему переживанию актуального. Но это же и потенциал: стоит лишь сменить угол зрения, научиться управлять темпоральными интенциями или хотя бы отслеживать и классифицировать их с адекватными выводами в сторону стратегий отношения к различным сущностям.

Достаточно ответственная рефлексия опыта поисков XX века явственно, на наш взгляд, свидетельствует: осмысленным и перспективным является, скорее, путь обращения к неисчерпаемому наследию «прошлого», нежели черпание из пустот вымышленного «будущего» с неизбежными и ничем не обеспеченными визионерскими претензиями и неустраняемыми тяжелыми социальными, культурными и прочими издержками. Концептуальная сила и креативная мощь ни самой архитектуры, ни присущей ей проектности сегодня уже не могут быть отождествлены с плоским эффектом «новаций», не могут

быть направлены в гулкую пустоту концепта «будущее», изобретенного Новейшим временем для отвлечения масс от истины бытия, для возгонки выморочного революционного энтузиазма по иллюзорной шкале тенденциозно выстроенных «времен».

В частности, ложно сформулированная оппозиция двух «суперстилей» – «классики» и «авангарда», не выдерживающая сегодня критики, очевидно должна быть сменена на альтернативу динамично меняющихся рамок, интерпретаций, времен. Один уже феномен ар-деко не оставляет камня на камне от апологетики поступательного развития «Современного движения», его строительного доминирования и его идейной монополии. Достаточно очевидно (и эта тенденция вполне оформилась в немалой мере благодаря публикациям авторов журнала «Проект Байкал»), что пресловутый «русский авангард» не обладал ни полнотой власти над умами начала XX века, как этого бы хотелось его апологетам, ни доминированием на строительном рынке, ни внятным единством идей и принципов, ни единоличным владением комплексом идей развития, прогресса et cetera, столь, вроде бы, существенным для эпохи социальных и прочих революционных потрясений. Он не обладал даже сколь-либо артикулированным набором представлений обо всех вышеупомянутых вещах. Авангард, в т. ч. «русский авангард», был тем самым пресловутым Хамом Истории; подростком с рогаткой, переполненным ювенильными комплексами. Чем скорее мы это признаем, тем скорее войдем в совершеннолетие.

Но переосмысление «авангарда» начала XX века – всего лишь один из аспектов открывающихся в последнее время исторических альтернатив. Согласно М. Фуко, нет никаких истин, зафиксированных в знаках (сколь бы навязчивыми и общеизвестными они не были); есть бесконечная интерпретация интерпретируемого [30].

в Рис. 12. Площадь Тосканы. Пьер Карло Бонтемпи, Валь д'Эроп. 2002

^ Рис. 14. Особняк Г. Ф. Трестера, Ростов-на-Дону. Ускоренное устаревание нового

^ Рис. 15. Морская Колония (Rosa Maltoni Mussolini). А. Маццони (Angiolo Mazzoni), Каламброне. 1933. Актуализация «старого»

Альтернативы истории, этой сферы вечной интерпретации, заново открылись нам. Сама альтернатива иначе мыслить историю архитектуры XX века – и мыслить достаточно концептуально – уже есть значительное достижение новейшей историографии. И это, повторим, – лишь малая часть разворачивающихся перед нами сегодня альтернатив иного прочтения темпорального. По сути, вся так называемая история – огромный «пирог» складок разновременного, где в каждом «слое» и на каждом «повороте» таится альтернативная история не случившегося, но оттого не менее действенного в мире, «данном нам в ощущениях».

Итого...

Наш текст, увы, получился не менее «локутным», чем описываемая им реальность. Однако это не есть сугубый недостаток текста. Такое не только неизбежно, но и методологически верно: принцип оборачиваемости содержания на форму в случае текстов об архитектуре и проектировании становится центральным. Но специально следовать данному принципу нам и не пришлось: он осуществляется сам собой, квазиестественным образом. Это не удивительно: такова реальность, и таков дискурс о ней. Дискурс всякий раз стремится – и эту греческую интенцию ему, кажется, не преодолеть – к завершенности и целостности, но сегодня они достижимы исключительно как локусы мысли и деятельности, т. е. как частные регионы в безбрежном поле Иного. Мы живем в тотальном, но фрагментированном мире. Пусть бы он и не был сегодня шит исключительно из шкур диких зверей, швы и шрамы свои ему не избыть. И нам остается лишь стратегия «шитья», стратегия игры с альтернативами и игрового же снятия оппозиций.

Примечание

«Мы грациозно смешиваем изнеженное с суровым, легкое с сильным, благородное с простым. Но никогда мы не отдаемся от правдивого и естественного. Так именно распространяется по различным зданиям города это приятное разнообразие и эта трогательная гармония, которые и составляют (всю) прелесть убранства», – писал Франческо Милиция о чаемом идеальном способе работы с городом в 1781 г. (цитир. по [18, с. 177]). С тех пор идея управляемой сложности не покидает архитектурное воображение, лишь на время и в силу своей

трудоемкости отступая на позиции минимализма и прочего «arte povera».

Литература

1. Земпер, Г. Практическая эстетика. – Москва : Искусство, 1970. – 320 с.
2. Schumacher P. Patterns of Architecture // AD Architectural Design. – Vol. 79. – No. 6, November / December 2009
3. Лоос, А. Орнамент и преступление // Мастера архитектуры об архитектуре – Москва : Искусство, 1972. – С. 143–148
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Барт, Р. Мифологии. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 190 с.
6. Капустин, П. В. Существовало ли «архитектурное проектирование»? // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии : сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 75–87
7. Левинтов, А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – 1991. – № 3. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html> (дата обращения: 06.09.2022)
8. Капустин, П. В. Среда versus архитектура: коллизия профессионального самосознания // Архитектура и строительство России. – 2021. – № 2 (238). – С. 15–20
9. Johnson Ph. Reflections: On Style and International Style; On Post-modernism, On Architecture. – Oppositions, 1977, N.10.
10. Капустин, П. В. Проектное мышление и архитектурное сознание : Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 с.
11. Kapustin, P. Notes on the System Typology of Ontological Forms of Design Thinking // R. Trappl (ed.) Cybernetics and Systems, Proceedings of the EMCSR`96. – Vienna, 1996. – Pp. 367–372
12. Капустин, П. В. О типах профессионализма в архитектурном образовании // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 50–53
13. Раппапорт, А. Г. Культ и магия в архитектуре // Блог А. Г. Раппапорта «Башня и лабиринт». – URL: <http://rapardes.blogspot.com/2014/11/83.html> (дата обращения: 06.09.2022)
14. Капустин, П. В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть III. Изображая утопию // Архитектон: известия вузов. – 2012. – № 1 (37). – URL: http://archvuz.ru/2012_1/1/ (дата обращения: 06.09.2022).

15. Капустин, П. В. К проблеме «искусственного» и «естественного» в проектировании // Архитектурные исследования. Научный журнал. – Воронеж : ВГТУ. – 2021. – № 4 (28). – С. 4–9
16. Капустин, П. В. Парадоксы и перспективы глокального // Проект Байкал. – 2021. – № 3 (69). – С. 32–37
17. Рой, К., Кеттер, Ф. Город-коллаж. – Москва : Strelka Press, 2019. – 208 с.
18. Саваренская, Т. Ф. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков. Эстетические и теоретические предпосылки. – Москва : Стройиздат, 1987. – 191 с.
19. Вентури, Р. Из книги «Сложности и противоречия в архитектуре» // Мастера архитектуры об архитектуре. – Москва : Искусство, 1972. – С. 543–558
20. Alexander C. A City is Not a Tree // Architectural Forum. – Vol 122. – No 1, April 1965. – pp 58–62
21. Ревзин, Г. Наука и магия. Почему архитекторы перестали быть креативным классом? – URL: <https://archi.ru/russia/94608/nauka-i-magiya> (дата обращения: 06.09.2022)
22. Капустин, П. В. «Антиархитектура» – Проектирование – Среда : «Отсутствующее» и его отражения // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии : сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 52–57
23. Christensen B.T., Ball L.J. Building a discipline: Indicators of expansion, integration and consolidation in design research across four decades // Design Studies. – 65 (November 2019). – Pp. 18–34
24. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого индустриального общества. – Москва : Изд-во АСТ, 2002. – 526 с.
25. Симондон, Ж. О способе существования технических объектов. – URL: <https://www.academia.edu/15414715/> (дата обращения: 06.09.2022)
26. Багина, Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 120–125
27. Капустин, П. Ар-деко: терпкие плоды забытого сада // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 142–148
28. Капустин, П. В. Кризис темпорального воображения и новые возможности теории архитектуры // Теория и история архитектуры. Выпуск 1 : XI Иконниковские чтения : материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И. А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2020. – С. 238–250. – URL: http://www.sectioareseries.org/uploads/releases_PDF/001/ТИА1_Капустин.pdf (дата обращения: 06.09.2022)
29. Капустин, П. В. Теория архитектуры: от проблем понимания к идеям организации // Архитектура и строительство России. – 2019. – № 4 (232). – С. 22–27
30. Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–56. – URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 06.09.2022)
- References
- Alexander, C. (1965, April). A City is Not a Tree. Architectural Forum, 122(1), 58–62.
- Bagina, E. (2019). Art Deco: The Western Hedonism and the Soviet Romance. Project Baikal, 16(62), 120–125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Barthes, R. (2000). Mythologies. Moscow: Sabashnikov Publishing House.
- Baudrillard, J. (2000). Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet.
- Christensen, B. T., & Ball, L. J. (2019, November). Building a discipline: Indicators of expansion, integration and consolidation in design research across four decades, Design Studies, 65., 18–34.
- Foucault, M. (1994). Nietzsche, Freud, Marx. Kentaвр, 2, 48–56. Retrieved September 6, 2022, from <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt>
- Johnson, Ph. (1977). Reflections: On Style and International Style; On Post-modernism, On Architecture. Oppositions, 10.
- Kapustin, P. (1996). Notes on the System Typology of Ontological Forms of Design Thinking. In R. Trappl (Ed.), Cybernetics and Systems, Proceedings of the EMCSR'96 (pp. 367–372). Vienna.
- Kapustin, P. V. (2012a). Proektnoe myshlenie i arkhitekturnoe soznanie: Kriticheskoe vvedenie v ontologiyu i fenomenologiyu arkhitekturnogo proektirovaniya (monografiya) [Design Thinking and Architectural Consciousness: A Critical Introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Design (monograph)]. Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing.
- Kapustin, P. V. (2012b). Utopia in the evolution of architectural design. Part III. Depicting Utopia. Architecton: Proceedings of higher education, 1(37). Retrieved September 6, 2022, from http://archvuz.ru/2012_1/1/
- Kapustin, P. V. (2017a). “Antiarkhitektura” – Proektirovanie – Sreda: “Otsutstvuyushchee” i ego otrazheniya [“Anti-Architecture” – Designing – Environment: The “absent” and its reflections]. In I. A. Dobritsyna (Ed.), Problems of the Theory of Architecture. Architecture: Modern Experience of Professional Self-Reflection: Collection of scientific papers and reports at the Ninth and Tenth Ikonnikov Readings (pp. 52–57). Moscow: LENAND.
- Kapustin, P. V. (2017b). Sushchestvovalo li “arkhitekturnoe proektirovanie”? [Did “architectural design” exist?]. In I. A. Dobritsyna (Ed.), Problems of the Theory of Architecture. Architecture: Modern Experience of Professional Self-Reflection: Collection of scientific papers and reports at the Ninth and Tenth Ikonnikov Readings (pp. 75–87). Moscow: LENAND.
- Kapustin, P. V. (2017c). The types of professionalism in architectural education. Project Baikal, 14(53), 50–53. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1211>
- Kapustin, P. V. (2019). Theory of architecture: From problems of understanding to organization ideas. Architecture and Construction of Russia, 4(232), 22–27.
- Kapustin, P. (2020a). Art Deco: Harsh fruits of a deserted garden. Project Baikal, 17(63), 142–148. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1610>
- Kapustin, P. V. (2020b). Krizis temporalnogo voobrazheniya i novye vozmozhnosti teorii arkhitektury [The crisis of temporal imagination and new possibilities of the theory of architecture]. In I. A. Dobritsyna (Ed.), Theory and History of Architecture. Issue 1: Proceedings of the Eleventh Ikonnikov Readings (pp. 238–250). Branch of FGBU “TsNIIP Ministroya Rossii”, Research Institute for Theory and History of Architecture and Urban Planning. Moscow; Saint Petersburg: Kolo. Retrieved September 6, 2022, from http://www.sectioareseries.org/uploads/releases_PDF/001/ТИА1_Капустин.pdf
- Kapustin, P. V. (2021a). Environment versus architecture: collision of professional consciousness. Architecture and Construction of Russia, 2(238), 15–20.
- Kapustin, P. V. (2021b). K probleme “iskusstvennogo” i “estestvennogo” v proektirovanii [To the problem of the “artificial” and “natural” in design]. Architectural Research. Scientific journal. Voronezh: Voronezh State Technical University, 4(28), 4–9.
- Kapustin, P. V. (2021c). Paradoxes and prospects of the glocal. Project Baikal, 18(69), 32–37. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1842>
- Levitov, A. E. (1991). Ot raiona k region: na puti k khozyaistvennoi geografii [From a district to a region: On the way to economic geography]. Voprosy metodologii, 3. Retrieved September 6, 2022, from <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html>
- Loos, A. (1972). Ornament i prestuplenie [Ornament and a crime]. In Masters of Architecture about architecture (pp. 143–148). Moscow: Art.
- Marcuse, H. (2002). Eros and civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Moscow: AST Publishing House.
- Rappaport, A. G. (2014, November 27). Kult i magiya v arkhitekture [Cult and magic in architecture]. A. G. Rappaport’s blog “The Tower and the Labyrinth”. Retrieved September 6, 2022, from <http://papardes.blogspot.com/2014/11/83.html>
- Revzin, G. (2021, October 31). Nauka i magiya. Pochemu arkhitektory perestali byt kreativnym klassom? [Science and Magic. Why architects ceased to be a creative class?]. ARCHI.RU. Retrieved September 6, 2022, from <https://archi.ru/russia/94608/nauka-i-magiya>
- Rowe, C., & Ketter, F. (2019). Collage City. Moscow: Strelka Press.
- Savarenskaya, T. F. (1987). Zapadnoevropeiskoe gradostroitelstvo XVII–XIX vekov. Esteticheskie i teoreticheskie predposylki [Western European urban planning in the 17th and 19th centuries. Aesthetic and theoretical preconditions]. Moscow: Stroyizdat.
- Schumacher, P. (2009, November/December). Patterns of Architecture. AD Architectural Design, 79(6).
- Semper, G. (1970). Prakticheskaya estetika [Practical aesthetics]. Moscow: Art.
- Simondon, G. (n.d.). On the mode of existence of technical objects. Academia. Retrieved September 6, 2022, from <https://www.academia.edu/15414715/>
- Venturi, R. (1972). From the book “Complexity and Contradiction in Architecture”. In Masters of Architecture on Architecture (pp. 543–558). Moscow: Art.

Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край входят в Байкальский макрорегион. Без понимания расселенческих задач в зоне озера Байкал невозможно в полной мере реализовать комплекс мер, предусмотренных Законом об охране озера Байкал от 1 мая 1992 г. № 94-ФЗ [4] и ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы» [5]. Определение основных принципов организации градостроительных систем Прибайкалья и Забайкалья и, прежде всего, их системного ядра – Байкальской природной территории представляет собой сверхактуальную градостроительную проблему.

Ключевые слова: озеро Байкал; макрорегион; пространственное развитие; территориальное планирование; Байкальская природная территория. /

The Irkutsk region, the Republic of Buryatia and Zabaikalsky Krai are part of the Baikal macroregion. Without understanding the settlement tasks in the area of Lake Baikal it is impossible to fully implement the complex of measures provided by the Law on the Protection of Lake Baikal dated May 1, 1992 № 94-FZ [4] and the FTP "Protection of Lake Baikal and the socio-economic development of the Baikal natural territory for 2012-2020" [5]. Defining the basic principles of the organization of urban planning systems of the Baikal and Transbaikalian region and, above all, their systemic core, the Baikal natural territory, is a highly topical urban planning issue.

Keywords: Lake Baikal; macroregion; spatial development; territorial planning; Baikal natural territory.

Градостроительное проектирование Байкальской территории / Urban planning for the territory of Baikal

текст

Александр Колесников
Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» /

text

Alexander Kolesnikov
Russian Institute of Urban Planning and Investment Development "Giprogor"

Введение

На современном этапе развития расселения в восточных районах РФ возникла необходимость совершенствования применяемого комплексного подхода к изучению, планированию и прогнозированию целостного развития регионов РФ, в том числе Байкальской природной территории как важнейшей составляющей трех субъектов Российской Федерации.

Вопросы, связанные с размещением производительных сил страны и обоснованной стратегией их пространственного развития к 2018 году, вышли на первый план в государственных программах расселения на территории Российской Федерации. Принята концепция стратегии пространственного развития страны до 2035 года с перспективой до 2050 года [2].

По предложениям Минэкономразвития, Россия делится на 14 макрорегионов; каждый из них отражает и содержит даже в названиях суть его территориальной и, возможно, расселенческой стратегии.

Еще 20 лет назад академик РААСН И. М. Смоляр отмечал, что в Конституции Российской Федерации градостроительство не включено в перечень предметов ведения федерального уровня государственной власти, а также в перечень предметов совместного ведения федеральной власти и субъектов Федерации [3].

В настоящее время проблема расселения осознана на государственном уровне и, наконец, был принят важный документ о концепции стратегии пространственного развития России.

Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав субтерриториального блока – Байкальского макрорегиона. Они объединены близостью к озеру Байкал, особой спецификой социально-экономического и этнокультурного развития и взаимовлияния.

Регионы, входящие в Байкальский макрорегион, обладают всеми признаками ландшафтно-экологической и хозяйственно-культурной целостности, что позволяет рассматривать сложившееся формирование как условно единое территориальное образование.

Объединяющие территорию факторы:

- наличие значительного природно-ресурсного потенциала;

- общая транспортная и энергетическая инфраструктура;
- существенные экологические требования и ограничения на ведение хозяйственной деятельности в зоне влияния на экосистемы озера Байкал;
- близость к активно развивающимся странам Восточной Азии (Монголия, Китай, Южная Корея) – основным перспективным рынкам сбыта и будущим источникам крупных инвестиций.

1. Субъекты Российской Федерации в составе Байкальского макрорегиона

Объединение Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края в единую территориальную общность – Байкальский макрорегион обосновано, с одной стороны, необходимостью и возможностью совместного участия субъектов в решении общегосударственной задачи возрождения на востоке страны промышленно-хозяйственного комплекса, так как далее к востоку и северу расположены лишь отдельные, большей частью отраслевые промышленные узлы. Поэтому субъекты Байкальского региона по праву выступали и выступают мощной базой освоения дальневосточных и северных районов России. С другой стороны, требуются программы и совместные действия государственных и региональных институтов по преодолению [4]:

- территориальной разобщенности и ликвидации инфраструктурных «разрывов»;
- несогласованности в подготовке отраслевых схем территориального планирования отдельных субъектов и их частей (агломераций) между собой;
- неравномерности и низкой плотности расселения;
- «периферийного» подхода к проблемам охраны и реабилитации прибрежных территорий Байкала и самого озера в целом в схемах территориального планирования Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия, то есть важных стратегических документах развития субъектов РФ.

Разработанные в современных условиях материалы территориального планирования для всех трех субъектов Байкальского макрорегиона отличает наличие общих недостатков.

< Рис. 1. Байкальский макрорегион в составе СФО РФ

– «Внутрирегиональный» подход к разработке схем территориального планирования, недофинансирование заложенных в федеральные и региональные целевые программы мероприятий по улучшению социально-экономической и природно-экологической ситуации Байкальской природной территории, неэффективность и нескоординированность мероприятий усугубляют неблагоприятную ситуацию в каждом из субъектов РФ по отдельности.

– СТП Иркутской области – иллюстрация «периферийного» подхода к решению вопросов, связанных с реабилитацией и развитием прибрежных территорий озера Байкал. Административные границы СТП субъекта РФ ограничивают пространство рассмотрения, исключают необходимый учет влияния озера Байкал и соседних субъектов РФ на градостроительную систему в целом [5].

– Нескоординированность мероприятий, усугубляют неблагоприятную ситуацию в каждом из субъектов РФ по отдельности [5].

2. Байкальская природная территория как целостный объект исследования и территориального планирования

В рамках действующего Градкодекса РФ разработана планировочная стратегическая документация промежуточного характера – схемы территориального планирования части субъекта федерации. Этим положением пользуются российские градостроители-проектировщики при разработке крупных городских агломераций. В нашем случае рассмотрены действующие схемы территориального планирования Иркутской, Читинской и Улан-Удэнской городских агломераций.

Специалисты-градостроители утверждают, что необходима разработка промежуточных, переходных документов планирования развития градостроительных систем – от схемы территориального планирования, верхнего уровня рассмотрения – к нижнему уровню, генеральному плану поселения и далее – к проектам планировки территории поселений.

Оформление Байкальской природной территории на основании Закона об охране озера Байкал как самостоятельного объекта социально-экономического регулирования необходимо для реализации положений

ФЦП «Охрана озера Байкал и программы социально-экономического развития Байкальской природной территории на 2012–2020 годы» [4].

Оформление Байкальской природной территории на основании Закона об охране озера Байкал как самостоятельного объекта социально-экономического регулирования, закрепленного положениями ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы» предполагает, в нашем случае, формулировку градостроительных, расселенческих подходов как к самостоятельному объекту исследования. Только на берегах Байкала проживает более 200000 населения.

Объем негативного воздействия на Байкальскую природную территорию в год (2018–2020) субъектами Российской Федерации характеризовался следующими показателями:

Иркутская область:

Выбросы – 391,5 тыс. т

Сбросы – 30,1 млн м³

Отходы – 275,7 тыс. т

Республика Бурятия:

Выбросы – 119,6 тыс. т

Сбросы – 495,4 млн м³

Отходы – 11712 тыс. т

Забайкальский регион:

Выбросы – 10,9 тыс. т

Сбросы – 1,3 млн м³

Отходы – 366,6 тыс. т

Темпы прироста указанных показателей растут и по экспертным оценкам составляют в среднем 15–17% в год как по выбросам, так и по сбросам и 4,5% – образованию отходов [6].

Становится очевидным, что разработка отдельных субъектных мероприятий при имеющейся методике их согласований обречена на получение низкоэффективного или даже отрицательного результата.

Байкальская природная территория рассматривается нами как целостный и самостоятельный объект исследования и территориального планирования.

Три зоны Байкальской природной территории формируют три типа градостроительных подходов.

^ Рис. 3. Схема территориального планирования Республики Бурятия и Забайкальского края

Центральная зона:

- природоохранные мероприятия;
- стабилизация расселения и повышение качества социально-экономических и экологических условий жизни населения: транспортные связи, рабочие места (рыбоводство, рыболовство, туризм и рекреация).

Зона атмосферного воздействия:

- внедрение и развитие всех видов современных технологий в производстве, исключающих вредные выбросы в атмосферу;
- переход на газоснабжение и газификацию общественного и личного автотранспорта.

Буферная зона:

- развитие технологий и производств промышленности и сельского хозяйства, резко снижающих сброс вредных веществ.

Специалистами ранее отмечалась необходимость учета процессов преобразований и изменений в трансграничных и прилегающих заграничных территориях.

На дальнейшее формирование буферной зоны озера Байкал решающее влияние имеют стоки речных систем приграничных районов Монгольской Народной Республики: 70% протяженности реки Селенга приходится на территорию Монголии и 50% объема водных поступлений озера Байкал.

Река остается основным «поставщиком» контролируемых вредных веществ в озеро Байкал. Через «закрывающий створ» Селенги в год поступает 87,6% взвешенных веществ, трудноокисляемых и легкоокисляемых органических веществ – по 7,0% от всего количества поступлений этих веществ с водой.

Главным источником загрязнения воздуха являются предприятия энергетики и автотранспорта

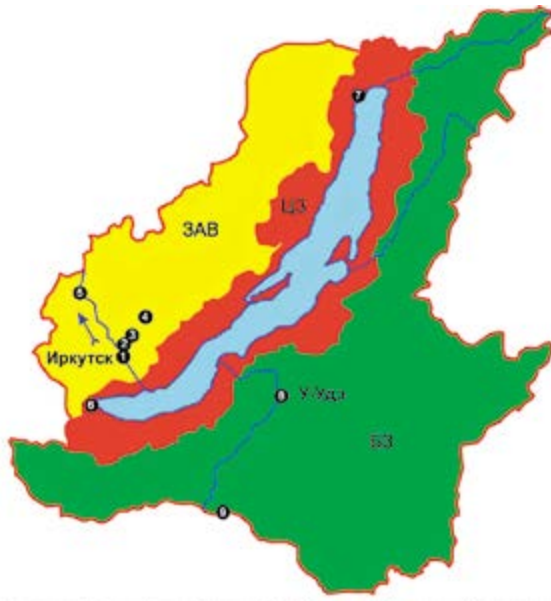
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ 2025 г. – 187 проектов

Карта пространственной организации территории

> Рис. 2. Схема территориального планирования Иркутской области

^ Рис. 4. Байкальская природная территория

^ Рис. 5. Территория Монголии в зоне влияния на Байкальскую природную территорию

как в Монголии, так и в России, а также расположенный в непосредственной близости от озера Селенгинский ЦКК.

3. Инфраструктурные предпосылки реабилитации и развития Байкальской природной территории

Минтранс РФ сегодня сформулировал свои приоритеты: «В рамках реализации Стратегии будет обеспечено опережающее развитие транспортной сети на территориях нового освоения Дальнего Востока и Байкальского региона, в том числе, в северо-восточной части Дальнего Востока» [1]. Эту позицию разделяют и другие ведомства и госкорпорации, имеющие свои «отраслевые» и целевые программы, ориентированные, как правило, на извлеченные прибыли.

Академик С. Д. Валентай отмечает, что современные проблемы экономики вызваны ошибочностью политики минимизации участия государства в технологическом обновлении отечественной промышленности; в регулировании системы трудовых отношений; в подготовке кадров в соответствии с вызовами XXI века.

Ведущий научный сотрудник ЦНИИП Минстроя РФ Э. О. Товмасын продолжает эту мысль и в градостроительном отношении отмечает, что совершенствование социально-экономического состояния общества на основе общенациональной политики невозможно без активного государственного регулирования пространственных особенностей этого процесса. В противном случае в развитии транспортной инфраструктуры Байкальского макрорегиона в целом и Байкальской природной территории в частности возникают следующие недочеты:

- приоритетное развитие северо-восточных и дальневосточных направлений;
- «транзитная» роль территорий Байкальского макрорегиона;
- до 2035 года целевыми программами РФ не предусматривается развитие ВСМ и СМ в зоне Байкальского макрорегиона;
- не учтена перспективность «вертикальных» входов в районы Монголии и Китая.

Почти критическая ситуация сложилась в электрификации территорий, прилегающих и влияющих на экосистему озера Байкал;

- магистрализация основных направлений электрических сетей, ориентация на экспорт энергоресурсов приводят к дефициту электроэнергии в субъектах макрорегиона, неразвитости общей сети энергоснабжения;
- перекосы ценообразования в отрасли и монополизм госкорпораций на внешних рынках привели к идее разработки в Монголии концепции создания в буферной территории озера Байкал гидроэнергетического комплекса, состоящего из трех гидроэлектростанций на реке Селенга и двух ее притоках;
- по предварительным оценкам, общий объем вывоза энергоресурсов в 5–6 раз превышает собственное энергопотребление региона.

Отраслевая незаинтересованность профильных министерств и корпорации Газпром в острой необходимости газификации Байкальской природной территории, недостаточный объем и количество потребителей делают нерентабельной, на их взгляд, газификацию районов Прибайкалья и Забайкалья вплоть до 2035 года. При этом основные источники энергии (ТЭЦ и крупные котельные работают на буром угле и мазуте).

Возникла проблема внутренней цены: местные (российские) сырьевые ресурсы и энергосистемы на 30–50% выше мировых при таком же их занижении при выводе за границу, что тормозит развитие отечественного производства и является почти «экономической диверсией» против нашей страны в интересах геополитических конкурентов.

Именно единая государственная стратегия собственного освоения и переработки ресурсов Байкальского региона должна иметь первостепенное геополитическое значение.

Заключение

В итоге можно с полным основанием утверждать, что Байкальская природная территория наделена всеми признаками целостного объекта изучения, территориального планирования и градостроительного проектирования.

Озеро Байкал – ядро комплекса градостроительных предпосылок для развития, совершенствования и регулирования системы расселения.

^ Рис 6. Развитие транспортной инфраструктуры Байкальского и Дальневосточного региона

^ Рис 7. Предлагаемая схема развития электрических сетей Байкальского региона

Литература

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года: разработан Минэкономразвития РФ. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 21.11.2018)
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 19.03.2018).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2018)
4. Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2002)
5. ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы
6. Концепция Стратегии пространственного развития до 2035 г.
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016): Принят Государственной Думой 22.12.2004 года. Одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 20.08.2017)
8. Вильнер, М. Я. Об аспектах пространственного развития в методологических основах подготовки долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации // Управление развитием территории (Юбилейный выпуск). – 2018. – № 1. – С. 29–32
9. Постановление Правительства РФ от 30 августа 2001 г. № 643 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории». – URL: <https://base.garant.ru/2158203/> (дата обращения: 20.08.2004)
10. Доклад «О состоянии окружающей среды бассейна озера Байкал». 2012–2013 / [GEF, М-во природных ресурсов и экологии РФ и др.]. – Улан-Удэ : Пульс радио, 2015. – 136 с. : цв. ил., карты, табл.

References

- Concept of the Spatial Development Strategy up to 2035 (2019).
- Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Development Objectives of the Russian Federation for the period up to 2024 (2018, May 7). Retrieved October 20, 2018, from <http://publication.pravo.gov.ru/>
- Federal Law of 01.05.1999 No. 94-FZ “On Protection of Lake Baikal” (1999, May 1). Retrieved August 20, 2002, from <http://www.consultant.ru/>
- Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030: (Developed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation) (2013, March). Retrieved November 21, 2018, from <https://base.garant.ru/>
- FTP “Protection of Lake Baikal and Socio-Economic Development of the Baikal Natural Area for 2012–2020” (2012).
- Report “On the state of the environment of the Lake Baikal basin”. 2012–2013 (2015). [GEF, Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation et al.]. Ulan-Ude: Puls Radio.
- Resolution of the Government of the Russian Federation of August 30, 2001, No. 643 “On Approval of the List of Activities Prohibited in the Central Ecological Zone of Baikal Natural Territory”. Retrieved August 20, 2004, from <https://base.garant.ru/2158203/>
- Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020: Decree of the Government of the Russian Federation of 08.12.2011 No. 2227-r. On the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020 (2018, October 18). Retrieved March 19, 2018, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/
- Urban Planning Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2004 No. 190-FZ (revised on 03.07.2016) (as amended and supplemented, in force from 01.09.2016): Adopted by the State Duma on 22.12.2004. Approved by the Federation Council on 24 December 2004 (2004). Retrieved August 20, 2017, from http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
- Vilner, M. Ya. (2018). On the aspects of spatial development in the methodological foundations of preparing a long-term forecast of socio-economic development of the Russian Federation. Territory Development Management (Jubilee Issue), 1, 29–32.

В статье на основе большого архивного, мемуарного и исторического материала проводится описание процессов, происходивших в конце XVIII века в устройстве Российской империи на примере изменений в территориальном устройстве Тамбовской губернии. Анализируются принципы, на основе которых эти изменения происходили, границы отдельных расселенческих территорий и, в особенности, – городов. Проводится сравнение российских и западноевропейских городов, подчеркиваются разные причины их возникновения, политические мотивы изменений.

Ключевые слова: Тамбовская губерния; XVIII век; город; столица; провинция; уезд; система расселения; внутренние границы. /

Using an extensive archival, memorial and historical material, the article describes the processes that took place in the late 18th century in the organization of the Russian Empire through the example of the changes in the territorial organization of the Tambov Province. The author analyzes the principles underlying these changes, as well as the boundaries of settlement territories and, in particular, cities. Russian and Western European cities are compared and different reasons for their emergence and the political motives of their changes are emphasized.

Keywords: Tambov Province; 18th century; city; capital; province; uyezd; settlement system; internal borders.

Швы границ и сети городов: Россия в конце XVIII века / Seams of borders and networks of cities: Russia in the late 18th century

В последней четверти XVIII века на территории Российской империи начались впечатляющие по масштабу и размаху преобразования, осуществляемые на территориальном уровне. Инициатором перемен было государство, точнее, императрица Екатерина II. Несмотря на то, что эти изменения проводились без участия профессиональных архитекторов, они были настолько значительны, что создали на территории всей страны принципиально новую систему расселения. Мы попытаемся рассмотреть причины этих перемен, процесс их проведения и результаты на примере Тамбовской губернии.

Необходимо отметить, что, когда говорится о расселенческих процессах на территории Тамбовской губернии, имеется в виду та территория, которая сложилась в результате реализации губернской реформы 1775 года. До 1779 года Тамбовской губернии как административной единицы не существовало: в качестве Тамбовской провинции; совсем в других границах она входила в Воронежскую губернию. Чтобы представить картину перемен, вызванных губернской реформой 1775 года, необходимо описать количество и качество городов, уже существовавших к этому времени на территории будущей Тамбовской губернии.

История их возникновения была различна. Только три города на севере губернии можно назвать «старыми» – Кадом (1209), Елатьма (1381) и Темников (1381). «Древность» их образования можно отнести за счет близости к Рязанскому и Владимирскому княжествам. Большая же часть городов была построена в XVII веке для укрепления южных границ Российского государства. Основание таких городов, как Шацк (1553), Козлов (1635), Тамбов (1636) проводилось по царскому указу. Это было выдвижением на юг границ Российского государства и продолжением строительства линии оборонительных укреплений, известных под названием «Белгородская засечная черта». Возможно, с этой же целью была основана в 1617 году Лебедянь, хотя она и не упомянута среди городов Белгородской засечной черты (рис. 1; 2).

Соединение восточной части этой цепи с западной – Воронежем – потребовало создания промежуточного звена, и позднее были основаны города Усмань

(1642), Сокольск (1672), Доброй (1672), Романов (1681). Основание городов Борисоглебск (1708) и Демшинск (1708), возможно, было связано с общим развитием края, начало которому положили Азовские походы Петра I, и развернувшееся в Воронеже корабельное дело. Кроме этого, на территории будущей губернии существовал целый ряд небольших «городков» – Красногорский, Лысогорский, Кашматский, Бельский, Челнавский и других, построенных в XVII веке в качестве «крепостиц» вдоль линии засечной черты. Но уже в середине XVIII века, с резким выдвижением государственных границ на юг, эти «крепостицы» теряют оборонительные функции и переходят в разряд слобод. В указе от 11 октября 1764 года «в списке городам и пригородам в штат положенным» ни один из них в качестве города не значится.

Таким образом, к моменту реформы 1775 года на территории будущей Тамбовской губернии существовало тринадцать городов. Линия Белгородской засечной черты стала для них структурообразующей, и почти все города (за исключением Борисоглебска) вписывались в дугу, проходившую с юго-запада на север по территории будущей губернии. Специфика этой кривой была в том, что она охватывала только часть тамбовских земель, большая же, восточная часть губернии, городов практически не имела.

Что касается качества дореформенных городов, то об этом можно судить по той картине, которую нарисовал историк Н. Д. Чечулин, опираясь на литературное творчество современников – А. Т. Болотова, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, В. Кокса и других: «Большинство тогдашних городов почти не отличались от деревень; иные, даже обращенные потом в губернские, состояли всего из одной улицы и имели по одной церкви; случалось, что город стоял на болоте – и ничего не предпринималось для осушения его; встречались в городах такие буераки, мимо которых опасно было проезжать <...>, улицы, конечно, не были мощены <...>, большинство строений составляли жалкие лачуги, крытые соломою; под соломенной крышею помещался иногда даже магистрат; во многих городах не было ни рынка, ни лавок, ни аптек, ни почтовых контор. Городское сословие находилось еще в очень жалком положении, и во многих

текст
Надежда Грязнова
Российская академия архитектуры и строительных наук; Московский архитектурный институт / text
Nadezhda Gryaznova
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; Moscow Architectural Institute (State Academy)

Исследование выполнено по плану фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год (тема № 1.1.6.1). / Acknowledgements: The research was carried out according to the Basic Research Plan of the RAACS and the Ministry of Construction of Russia for the year 2022 (Theme № 1.1.6.1).

> Рис. 2. Графическая реконструкция вида Белгородской засечной черты. – URL: <https://www.culture.ru/s/bolshaya-zasechnaya-cherta/>

местностях горожане занимались, главным образом, хлебопашеством, и общий уровень их знаний был почти такой же как у крестьян <...>. Такова была масса городского населения; представители администрации, весьма немногочисленные, были также весьма плохи; единственные административные органы, находившиеся в провинции до 1770-х годов – воеводские или провинциальные канцелярии – не сосредоточивали в себе людей даже по тогдашнему сколько-нибудь интеллигентных: только воеводы были из дворян, да и то преимущественно из местных и не пользовавшихся уважением своих собратьев; приказные долгое время были всеми презираемы за свою алчность, недобросовестность и грубость» [1, с. 27–29].

С полным основанием можно все вышеописанное отнести и к городам Тамбовской губернии. Утратив в начале XVIII века оборонительные функции, они не приобрели

иных (промышленных или торговых), кроме сельскохозяйственных. Подобное положение российских городов было вызвано политикой, проводимой в государстве со времени правления Петра I. Можно сказать, что именно в этот период, до некоторой степени искусственно, было создано разделение российских городов на столичные и провинциальные. Понятие «провинция», взятое Петром I из западноевропейского лексикона для обозначения административного статуса территории, в скором времени приобрело совершенно иной, качественный смысл.

В западноевропейском смысле провинция – это автономная территориальная единица, которая возникла и сформировалась исторически на основе феодальных владений. Объединение самостоятельных провинций в государство стало необходимым по причине разорительных междоусобных войн. Но это было равноправное объединение с целью совместного охранения мира (во Франции, например, в период создания государства должность короля была выборной, и он был только «первым среди равных»). Государству делегировались только функции защиты границ и отправление правосудия, все остальные права оставались в провинциях.

В русском же понимании «провинцией» называлось все, что не было столицей. «Жить в провинции – не в столице», – так объяснено это понятие В. И. Далем в Толковом словаре, и это определение не только географическое. Если Париж, подобно феодальным королям, был всего лишь «первым среди равных», то Петербург середины XVIII века во всех отношениях не вписывался в общий характер российских городов, и это отличие заключалось в качестве жизни (рис. 3).

Провинция и столица существовали на контрастах. Все вопросы внутренней и внешней политики государства решались в Петербурге. Здесь были созданы мощные административные светские и духовные органы – Сенат, Синод, Коллегии, Комиссии и прочие. Управленческого аппарата на местах практически не существовало: «<...> один воевода с товарищем управлял целую губернию, в делах была большая проволочка и неудобность». Обязанность службы, введенная указом Петра I, собирала в Петербурге дееспособное дворянство со всей страны, из которого составлялись двор и гвардия, оставляя в про-

v Рис. 1. Белгородская засечная черта. – URL: http://paracoma.narod.ru/maps-reconstruction/reconstruction-images/lomako_belgorod_cherta_b.jpg

винции «людей со сведениями <...> весьма не много» [3, С. 102], – писал князь Ф. Н. Голицын в своих Записках.

В начале екатерининского правления «<...> в сей роскошной столице, при блистательном тогдашнем дворе, в раю, можно сказать, переполненном всех родов забавами, утехами и веселостями» [3] была сосредоточена жизнь всего государства. Это выражалось не только в наличии академий, театров, журналов, но и в образе мыслей, в широких интересах, интеллектуальных увлечениях, любви к чтению, свободе суждения – словом, во всем том, что называлось «светская жизнь» и «тонкий вкус». Отлучение от столицы служило своего рода наказанием. Равных Петербургу в России не было, даже Москву, «эту древнюю и дряхлую столицу» Екатерина II называла в сердцах «дурищей».

Не только жизнь в Петербурге, но и сам вид его был иным, западным, европейским. Подобных городов в России не было, а статус императорской резиденции обязывал ко многому. Поэтому сюда, согласно петровским указам, съезжались лучшие каменщики, плотники, резчики, печники, художники со всей страны, оседая здесь уже навсегда; сюда привозились лучшие материалы, в то время как каменное строительство в других городах было запрещено. Практически вся первая половина XVIII века в России проходила под знаком централизации государства, в котором все усилия были направлены на создание процветающей новой столицы. Такие самодостаточные культурные центры, какими были Ярославль, Кострома, Тверь, Рязань с оттоком людей, средств, а главное – с удушением местного самоуправления хиреют, и гордость жителей за свой богатый и красивый город уступает место тому, что можно было бы назвать комплексом неполноценности.

Можно с уверенностью сказать, что в России к 1770-м годам провинции в западноевропейском смысле слова не существовало; здесь были только государственные окраины, а вместо городского общества было только городское сословие. Единственными интересами здесь оставались хозяйственные, и смысл существования губерний сводился к чисто податной функции – сбору налогов. Процесса формирования национальных или гражданских интересов не было и не могло быть: государство не заботилось об этом. По замечанию современников, «<...> народ или крестьяне не имели понятия о некотором общем порядке» [2]. Народное (провинциальное) самосознание, в силу информационной изоляции, складывалось без влияния государственных идей и в итоге оказалось в оппозиции к самосознанию государственному (столичному). Единственным связующим звеном в системе государство (столица) – народ (провинция), куда доходили слабые отзвуки государственной идеологии, были города, так как здесь были сосредоточены основные внутригосударственные функции – административные и фискальные.

Структура размещения государственной власти на территории страны определялась характером размещения городов, то есть той структурой расселения, которая сложилась к этому времени исторически и была различной в разных регионах государства. Большей плотностью отличались центральные районы, ближе к периферии количество городов значительно снижалось. На территории Тамбовской губернии города были расположены в северной и западной частях, восточная часть губернии городов практически не имела. Еще более разреженной была сеть городских поселений в соседней Саратовской губернии, а далее в заволжских и оренбургских степях городские поселения единичны, и говорить о связанной сети городов просто не приходилось. Не случайно именно здесь противостояние между столицей и провинцией вылилось в кровавый конфликт – крестьянское восстание

^ Рис. 3. Проспект Летнего дома императрицы Елизаветы Петровны (1751–1753). Лист из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов». Гравюра по рисунку М. И. Махаева

1773–1774 годов под руководством Емельяна Пугачева. Это противостояние отразилось и в звании Пугачева: не освободитель крестьянства, не вождь или другой громкий титул. Вызовом столице было брошено – император Петр Федорович.

В этот момент именно города были пусть слабой, но единственной и последней опорой государственной власти. Провинциальные города проявили ту государственную идеологию в отстаивании имперских и сословных интересов, о распространении которой не заботилось само государство. После крестьянского восстания политическое значение городов вышло на первый план, оставив позади экономическое и утилитарное. С точки зрения «непоколебимой верности» оценила их роль и Екатерина II. Показателен тот факт, что еще до губернской реформы императрица повелела «Ирбитскую свободу учредить городом на основании прочих Российских городов» по той причине, что жители ее не присоединились к восставшим, а оказали им активное сопротивление. Звание города стало знаком политической зрелости и расценивалось как награда.

Политические выводы в этой ситуации очевидны: необходимо было коренным образом изменить количество и главное – качество российских городов. Вот почему сразу же после казни Пугачева Екатерина II занялась разработкой документа, которым впоследствии очень гордилась – «Учреждениями для управления губерний». Этот закон Екатерина II писала в Москве в течение пяти месяцев. Работая над ним, она сообщала Гримму в декабре 1774 года: «Узнайте новость. Явилась болезнь именуемая легисломанией, и говорят, что императрица Российская сильно заболела ею во второй раз, в первый раз она устанавливала только принципы, теперь пошло само дело. О бедная женщина! она умрет от этого или доведет дело до конца» [4, с. 13]. И позднее, в ноябре 1775 года, по завершении работы над законом: «Я страшно много нацарапала с тех пор, как я здесь. Мои последние законы от 7 ноября заключают 250 печатных страниц in-quarto, но клянусь вам, за то я никогда ничего лучшего не производила, и перед этим трудом Наказ мне в эту минуту представляется пустой болтовней» [4, с. 39].

Таким образом, по признанию самой императрицы, в ее увлечении легисломанией наступил второй этап. Вначале был Наказ (труд в большей мере целеполагающий, чем правовой) и созыв Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, которая безуспешно пыталась путем компиляции депутатских наказов составить законодательную базу для дальнейшего развития страны. Теперь пришло время решительных действий. В сложившейся политической ситуации создание умозрительной модели благоденствующего государства далее продолжаться не могло, пора было перейти к ее реализации. Политическая необходимость привела в движение политическую модель. Этим поворотным моментом стало появление 7 ноября 1775 года закона «Учреждения для управления губерний». Этот законодательный акт был настолько важен, что был выпущен отдельным изданием в 1786 году огромным для того времени тиражом 1200 экземпляров, и затем несколько раз переиздавался.

С градостроительной точки зрения выход этого законодательного акта чрезвычайно интересен по той причине, что именно его появление вызвало к жизни новое административно-территориальное деление Российской империи, произвело на свет (большей частью волевым путем) около двухсот новых городов и тем самым определило систему городского расселения, сохраненную в определенной степени и до сегодняшнего дня. В этой связи представляет интерес не только сам закон, но и процесс введения его в действие в провинциальных районах империи, а также роль в этом процессе некоторых государственных чиновников.

В «Учреждениях для управления губерниями» Екатерина II заложила достаточно мелкую по тем временам административно-территориальную структуру, размеры которой определялись количеством населения. Единицей этой структуры стал уезд; губерния складывалась из 10–15 уездов.

Интересно, что такое огромное по масштабу и значимости мероприятие, как создание новой сети городских поселений, было осуществлено на основании всего лишь двух пунктов этого закона, состоящего из 250 страниц. Так, первый параграф главы 1 регламентировал: «Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». И далее в параграфе 17: «В уезде, или округе считается от двадцати до тридцати тысяч душ». Эти два пункта стали единственным законодательным требованием не только для создания сети новых городов, но и для формирования границ губерний.

Тем не менее совершенно очевидно, что в умозрительной модели идеального государства, созданной Екатериной II, уже существовала идеальная модель городского расселения, именно на нее должны были опираться государственные чиновники при назначении городов. В основу этой модели был положен принцип равномерного охвата всего пространства империи элементами цивилизации – городами. Желание создать равномерное управляемое пространство на территории всей страны определило схему городского расселения: «от губернского города, как от центра, шли лучами, по разным направлениям уездные города».

То, что пространственные преобразования проводились именно по этой схеме, доказывается порядком введения губернской реформы. Примерные границы территории губернии определялись, видимо, в Петербурге: губернским городом назначался тот, который находился ближе к геометрическому центру, и уже получив звание Тамбовского генерал-губернатора еще не существующей губернии, наместник ехал осматривать территорию, устанавливать границы и учреждать города. Возможно, процесс был обратный: вначале выбирался губернский

город и примерным радиусом очерчивались границы губернии, что не меняло существа подхода. В любом случае приписывание территории к городу, а значит, и выбор губернского центра происходило раньше осмотра самих городов, то есть качественные критерии при решении этого вопроса не принимались во внимание так же, как и численное «равенство населения» оставалось более на бумаге.

В задачи наместников входило: на основе регулярной лучевой схемы екатерининского идеала создать равномерную сеть городских поселений. Постоянные ссылки генерал-губернаторов на «регулярность» и «равномерность», встречающиеся в их рапортах, убедительно доказывают их установку на императорский образец, полученную, видимо, еще в Петербурге. Поэтому при назначении городов государственные чиновники «более заботились о равенстве расстояния уездных городов от губернского, уездного округа от своего центра», как верно заметил А. В. Лохвицкий. То, что Екатерина II лично инструктировала будущих наместников, подтверждают и исследования современных историков. Так, А. В. Белов приводит в пример рапорт ярославского наместника А. П. Мельгунова Екатерине II: «Расположа объезд мой по тем местам, о коих наперед я удостоверен был, что они перед другими имеют больше таких способностей, какие Ваше Императорское Величество изустно (выделено мной – Г. Г.) [5, С. 62].

Таким образом, впервые в практике русского градостроительства (вероятно, и мировой практике) в полной мере осознанно и целенаправленно проводилось мероприятие по созданию единой сети городских поселений в масштабе всей страны. Конечно, в разное время в российской истории существовали этапы активного строительства городов, преследовавшие политические или экономические цели – строительство Большой засечной черты, Белгородской засечной черты, освоение Сибири. Даже Азовские походы и освоение Балтики Петром I привели к появлению ряда новых поселений. Но все эти градостроительные акции были направлены, как правило, на территориальное расширение границ и укрепление оборонных функций государства, а главное – они касались только отдельных его частей. Целью екатерининских реформ было не создание новых городов, а переформатирование существующей системы расселения всей Российской империи в целом.

Формирование новой системы происходило не спонтанно: для ее осуществления была рекомендована идеальная модель, разработанная самой императрицей. Эта модель была выполнена вполне в духе логической системы Декарта. Ее целостность складывалась из отдельных элементов, имевших между собой четкую иерархию и расположенных в определенном порядке, некоей классицистической закономерности. В материализованном виде она приобретала вид геометрической схемы, в центре которой находился губернский город, от него радиально на равном расстоянии отстояли уездные города, являющиеся, в свою очередь, центрами формируемых ими округов. Вокруг них располагались сельские поселения и дворянские усадьбы. Такой центробежный характер элементов идеальной модели должен был уравновешиваться центростремительным движением дорог, возвращавших все периферийное в центр, к началу, к губернскому городу. Так регулярность как главный принцип классицизма была положена в основу создания единой системы городского расселения Российской империи. Используя этот принцип в расселенческих процессах, Екатерина II рассчитывала получить в итоге равномерно-регулярное, управляемое национальное пространство.

< Рис. 4. Портрет графа Р. И. Воронцова. Неизвестный художник арзамасской школы живописи А. В. Ступина. 1781–1782. Арзамасский историко-художественный музей

< Рис. 5. Схема сети городов в границах будущей Тамбовской губернии. 1775. Графическая реконструкция автора

Проведение губернской реформы 1775 года было возложено на генерал-губернаторов. Именно их представления о городе, о сети городов, соединенных между собой, и о пространстве в целом сформировали структуру расселения, сохраненную в большей части до сегодняшних дней. Мнение генерал-губернатора при определении статуса городов имело практически законодательные последствия. Условия географические, экономические, хозяйственные и другие принимались во внимание в зависимости от субъективных представлений наместников, которым было поручено определить границы губернии и сделать предложения о назначении городов после их личного осмотра.

Генерал-губернатор Тамбовской и Владимирской губерний граф Роман Илларионович Воронцов (рис. 4) докладывал Екатерине II: «Во исполнение высочайшего указа <...> об обозрении вновь учреждаемой и всемирно известнейше вверяемой мне Тамбовской губернии имею щастие <...> донести, что всю оную губернию я на месте освидетельствовал, старая все города осмотрел и новые города, где оных нет для приписания к ним уездов назначил» [6. Оп. 1. Д. 636. Л. 8 об.].

Логика генерал-губернатора в процессе упразднения городов была достаточно очевидна. К 1780-м годам многие города Тамбовского края, строившиеся как укрепленные пункты Белгородской засечной черты, не получили затем экономического развития и пришли в упадок. В лучшем случае за ними сохранялись некоторые административные функции, но из-за близости городов друг к другу, и они порой теряли смысл. Существование подобных поселений в конце XVIII столетия было явным анахронизмом (рис. 5).

Это сразу же было отмечено Р. И. Воронцовым: «Из старых городов по удобности их положения к составлению округ оставлены следующие: Танбов, Шатск, Козлов, Хоперская крепость, Усмань, Борисоглебск, Лебедянь, Темников и Кадом, а по неспособности из старых городов к уничтожению назначены: Доброй, Сокольск, Демшинск и Романов, которые будучи по большей части строены в защищение от набегов татарских лежат в одну линию в весьма близком один от другого раз-

стоянии, строением и жителями весьма бедны и не имеют никакой удобности к составлению округов» [6].

Интересно, что ни в одном из упраздненных городов Р. И. Воронцов не нашел потенциала для дальнейшего развития, а увидел его в слободе Липецких железных заводов, расположенных между этими городами: «<...> которая на место всех к уничтожению назначенных мною городов удобнейшим признал я быть городом. Ибо имеют они положение свое между Сокольском и Романовым, на реке Воронеж и сверх того все романовские купцы основали там свои жилища и построили некоторые каменные дома и лавки и отправляют с немалой выгодой торги, да и заводам тамошним никакого помешательства произойти не может и они могут оставаться на прежнем своем основании беспрепятственно» [6. Л. 9]. Решение было принято с завидной исторической проницательностью: впоследствии Липецк перерос даже значение уездного центра.

Но если на западе губернии был учрежден только Липецк и характерным моментом был процесс упразднения существовавших городов, то в восточной части Тамбовской губернии необходимо было создать сеть городских поселений из поднимавшихся в экономическом отношении сел и слобод. И здесь возникал ряд условий, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, поселение должно в качестве уездного города «составить округу», т. е. собрать вокруг себя необходимое число жителей; оно должно иметь экономические перспективы для дальнейшего развития, возможность для создания здесь административных учреждений, развития общественной жизни, для приведения в действие всех пунктов закона. И последнее: на роль уездного центра рекомендовалось выбирать государственные (дворцовые, экономические или однодворческие) поселения, а не помещичьи села, потому что в таком случае село могло перейти в статус уездного города только путем выкупа его у владельца. Формально такая возможность оставалась, но по понятным причинам не приветствовалась. Необходимо было также соблюсти регулярную схему екатерининского идеала.

В восточной части Тамбовской губернии в новое качество уездного центра должны были перейти четыре

сельских поселения. Первым было предложено село Морша ведомства Дворцовой канцелярии, находившееся в 80-ти верстах к северу от Тамбова. Оно «<...> удобно может переименовано быть городом, – доказывал Р. И. Воронцов, – ибо не токмо судовою ход по реке Цне (имеет – Н. Г.), способствующий в том селе не малому хлебному торгу, но и состояние жителей, довольные выгоды от сей торговли получающих в таком положении, что может оное село со временем изрядным быть городом» [б. л. 34 об.]. Предположения эти оправдались, и очень скоро Моршанск вырос в значительный торгово-промышленный центр.

Городами должны были стать также дворцовое село Кирсаново «<...> на реке Вороне, которое имеет весьма изрядное положение, довольно населено и где бывают разные торги, коими жители тамошние пользуются», экономическое село Спасское «на реке Леплейке, <...> которое также для округи весьма удобное положение имеет и в коем разные бывают торги» и однодворческое село Гвазды, которое генерал-губернатор «за нужное признал назначить по дальности разстояния» между городами Усманью и Хоперской крепостью. Границы губернии определялись в соответствии со следующими принципами: «<...> не столько наблюдал я регулярную фигуру (выделено мной – Н. Г.) округи, сколько старался, чтоб во всякой округе было довольно число дворян, могущих отправлять уездные и земские службы, чтоб одного помещика деревни не были разделены по разным уездам, и чтоб предписанное количество душ наполнено было» [б. л. 16 об.].

Действительно, в отсутствие внутренних исторических границ, жестких хозяйственных и другого рода связей губерния могла принимать любую «фигуру», и подчас личные интересы наместников играли решающую роль. Так, будучи генерал-губернатором двух отдельно лежащих Тамбовской и Владимирской губерний, Р. И. Воронцов решил вопрос их соединения следующим образом: «А как в рассуждении положения границ Володимирской и Тамбовской губерний препятствует токмо один

Рязанской губернии город Елатьма с его уездом <...> и Володимирскую губернию от Тамбовской отделяет, <...> указать оной город с уездом его для соединения обоих губерний от Рязанской отдела, причислить к Тамбовской» [б. л. 16 об.]. В этом случае две губернии соединились в одно наместничество через тонкий перешеек шириной всего в несколько верст. Через год смысл этого нововведения был потерян: Тамбовская губерния была переведена в одно наместничество с Рязанской, но Елатомский уезд остался в Тамбовской губернии как генерал-губернаторская прихоть Романа Илларионовича.

Политическое мышление соединялось с пространственным, когда территория воспринималась чистой, свободной от связей и организовывалась только исходя из удобства управления или из желания иметь единое подвластное пространство. Широта пространства, соединенная с широтой власти, формировала хозяйственно-покровительственное отношение к вверенным территориям. Возможность присоединять и «отрезать» уезды, учреждать и «уничтожать» города, создавать не только управленческий аппарат, но и городское общество формировала чувство не просто хозяина, полновластного владельца, но развивало ощущение создателя, творца. Входившие в моду идеалы классицизма, ориентированные на античные ценности, влияли не только на архитектурную «манеру», но меняли и поведенческие стереотипы, определяли манеру управления. Опека некоторых генерал-губернаторов над вверенными им провинциями была порой весьма схожа с покровительственным отношением римских прокураторов. К сожалению, у Р. И. Воронцова хозяйское отношение к вверенным губерниям проявлялось слишком буквально, и он часто путал государственный карман со своим собственным.

Тем не менее предложения Р. И. Воронцова о новой сети городских поселений оказались весьма дальновидными. Правительство одобрило мнение наместника, и согласно указу от 18 сентября 1779 года Тамбовская губерния как административная единица была утверждена в составе 15 уездов. Губернским городом был назначен Тамбов. 30 сентября 1779 года в Сенате вышел указ: «Всемиловейше повелеваем Нашему Генералу, Володимирскому и Тамбовскому, графу Воронцову по изданным от нас в 7 день ноября 1775 года учреждениям исполнить равномерно (выделено мной – Н. Г.) и в Тамбовской губернии, составляя сие наместничество из пятнадцати уездов, а именно: Тамбовского, Шатского, Кадомского, Темниковского, Козловского, Лебедянского, Усманского, Новохоперского, Борисоглебского, Елатомского, Кирсановского, Моршанского, Спасского, Липецкого, и Гваздинского. В следствии чего переименовать городами ведомства Главной Дворцовой Канцелярии села Кирсанова и Моршу, ведомства Коллегии Экономии село Спасское, Липецкие железные заводы под названием Липецк, и однодворческое село Гвазды. Город Елатьму с уездом от Рязанской губернии причислить к сему Наместничеству, а от онаго отдать к Рязанской из уездов Шацкого, Козловского, Добрынского и Лебедянского до 18000 душ по способности; а в прочем назначение границ онаго Наместничества с прикосновенными ему преоставляем на соглашение Генерал-Губернаторов и правящих ту должность <...>» [7] (рис. 6).

4 февраля 1780 года в Тамбовском наместничестве были открыты присутственные места, а уже 10 февраля вышел указ, на основании которого город Новохоперск с уездом передавался Саратовскому наместничеству. Выполнение указа растянулось на два года, процесс формирования границ губернии продолжался. Весной 1782 года преемнику Р. И. Воронцова новому генерал-губернатору Михаилу Федотовичу Каменскому (рис. 7) поступило именное Ее императорского величества повеление, согласно которому территория губернии вновь меняла свои границы: Новохоперский уезд

> Рис. 6. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1779 и 1782. Графическая реконструкция автора

передавался Саратовскому, а Гваздинский Воронежскому наместничествам. При этом часть Борисоглебского уезда вместе с уездным городом «отрезалась» от Тамбовской губернии. Генерал-губернатор предложил следующее решение: «<...> дерзну испрошать <...> не повелите ли отчислить в Саратовское наместничество не только город Новохоперск, да и город Борисоглебск с частью обоих сих уездов? А в случае высочайшей апробации не повелите ли из остающихся частей обоих сих уездов да из части Гваздинской округи составить новый город на реке Савалле <...>, в самом том месте, где на карте назначено село Русаново, назвав оное село городом <...> А таковой перемене послужит и то, что во всех оных трех городах никакого строения каменного еще не заведено» [8. Оп. 1, д. 968, лл. 39 об. – 40].

На этом Михаил Федотович не остановился. Его инициатива пошла дальше: «А как <...> губернский город Тамбов находится будет уже не в середине губернии (выделено мной – Н. Г.), да и как он положение

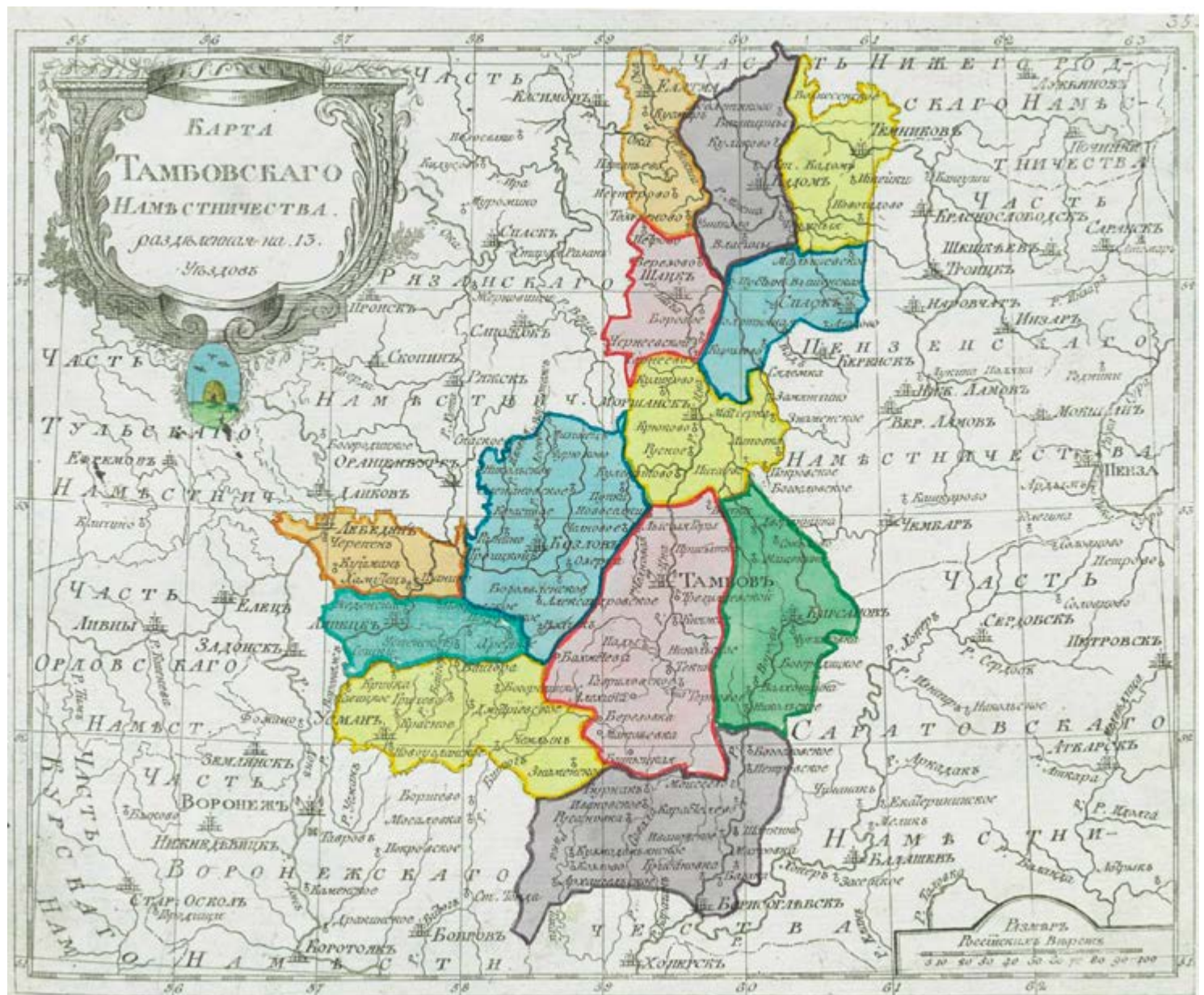
свое имеет в таком месте, где здоровой воды найти нельзя, и лесу по близости нет и дровяного, а к тому ж из казенных строений ничего еще не зачато; город же Морша на той же реке Цне лежащий <...> изобилует уже дровами и водою, так что в оном всякую весну стругов до осьмидесяти новых с хлебом отправляются на Волгу; притом во все лето строевой лес пригоняется с Оки да с Mokши; из чего предвидится, что если б назначить оный под губернский город, и построя все принадлежавшее, исподволь перевести потом губернское правление в оный город из Тамбова, то б оный город без всякой разстройки течению дел и обывателям увеличился б, да и находился б в середине губернии. А потому дерзну испрошить повеления о назначении губернского города в Морше, вместо Тамбова» [8. Лл. 37–38].

М. Ф. Каменский пытался формировать губернию по своим личным представлениям, основанным на абстрактной схеме екатерининского идеала: именно желание буквально следовать этой схеме родило

▲ Рис. 7. Каменский Михаил Федотович, граф, генерал-фельдмаршал

▼ Рис. 8. Карта Тамбовского наместничества, разделенная на 13 уездов. 1792. – URL: <http://portulan.ru/maps/rusmapping/tambovmaps/karta-tambovskogo-namestnichestva-1792-goda/>

предложение по переносу губернского центра в геометрический центр. Михаил Федотович был не одинок в своем художественном пристрастии к геометрическим решениям. Воронежский губернатор И. А. Потапов также высказывал желание оставить несколько тамбовских поселений «в здешнем (Воронежском – Н. Г.) наместничестве, хотя бы новая карта и не делала лутчаго по мнению вашему циркуля» [9, С. 85]. Члены воронежской межевой экспедиции тоже выразили мнение, что после отдачи Хоперской крепости в Саратовское наместничество город Гвазды будет «совсем неспособен к Тамбовскому наместничеству и карта Тамбовская будет очень дурна» [9, С. 87]. Забавно, что качество территории Тамбовской губернии оценивалось не возможностью оперативного управления, доступностью пространства или наличием хозяйственных связей, а художественной формой, изображенной на бумаге, которую им хотелось бы провести по циркулю.

Ни одно из предложений генерал-губернатора Каменского императрица не поддержала. Согласно указу от 3 августа 1782 года было «повелено от Тамбовского наместничества отделить к Воронежскому город Гвазды с уездом или частью оного, а к Саратовскому часть Борисоглебской округи, от Воронежского же приписать к Тамбовскому часть Задонской округи». Новую границу провели таким образом, что отделения Борисоглебска от Тамбовской губернии не произошло. А при назначении губернского города Екатерина II не всегда стремилась искать геометрический центр округи и при необходимости оставляла возможность отступать от идеализированной схемы. Даже перспективы экономического развития в этом вопросе отходили на второй план.

Судя по законодательному акту, губернский центр, с целым рядом административных и общественных учреждений, виделся Екатерине II прежде всего средоточием активной жизни, где провинциальное общество, развивая свои способности, смогло бы выйти из сферы частно-семейных отношений и перенести свои интересы в сферу общественно-государственную. Основой общества могло стать только дворянство как сословие наиболее образованное и состоятельное. Бывшее дворцовое село Морша, где основными сословиями были купцы и крестьяне, никогда не смогло бы сформировать общественной жизни, потому что, как верно заметил А. В. Лохвицкий, «<...> там, где не было дворянства, общество не существовало: были только чиновники и безразличная масса, в которой и городское сословие было мужиком». Поэтому губернским городом был оставлен дворянский город Тамбов. К расположению уездных центров на своих территориях государственные чиновники отнеслись более равнодушно, и ряд городов Тамбовской губернии – Борисоглебск, Спасск, Темников, Усмань и Елатьма – оказались почти на границах своих уездов (рис. 8).

Формирование границ Тамбовской губернии было процессом длительным и непростым. После семи лет ее существования они были еще не до конца определены. В 1786 году губернатор Тамбова Г. Р. Державин в письме к генералу-губернатору И. В. Гудовичу в числе главных своих забот называл «не основательную известность пределов губернии и число в одной душ, ибо по сие время оказывается в ревизию прописанные такие селения, с которых мы рекрутов требуем, а они принадлежат к другим губерниям, или с которых не требуем, а они наши» [10]. Землемерами были проведены определенные работы, но в данном случае речь шла только об уточнении границ губерний. В 1796 году город Кадом был выведен за штат, и территория его уезда была поделена между соседними, но почему-то и до его ликвидации Кадомский уезд часто не указывался на губернских картах 1780-х – начала 1790-х годов.

Коренному пересмотру сеть городов Тамбовской губернии и ее границы подверглись вновь только в 1798 году, когда по указу Павла I вся территория государства была заново переделана. Причины этого нововведения понять трудно. Возможно, в большом количестве городов Павел I увидел определенную опасность: по екатерининскому законодательству именно здесь были сосредоточены структуры, формировавшие гражданские позиции нации. Идея участия городского общества в управлении, заложенная в законодательных актах Екатерины II, ее сыном поддержана не была. В 1800 году Павлом I были учреждены ратгаузы. Местное самоуправление полностью попадало под их контроль. И. И. Дитятин так прокомментировал эти начинания: «<...> можно подумать, что если бы царствование императора Павла было бы более продолжительно, зачатки городского самоуправления были бы истреблены в корне» [11, с. 170].

Рост общественной активности не входил в планы императора, и процесс «уничтожения» городов можно расценить в данном случае как процесс нивелирования общественного мнения. Хотя, по мнению историков, деятельность императора, «<...> носившая весьма часто случайный характер, направлялась иногда к тому, как бы пойти в противоположном направлении по отношению к направлению матери».

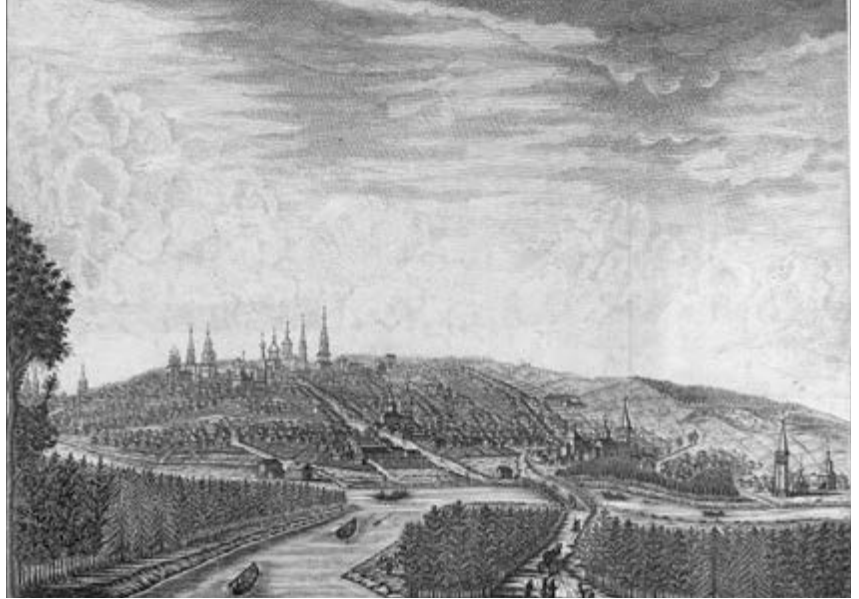
В начале 1797 года Тамбовским губернским правлением был получен приказ из правящего Сената, в котором назначался новый штат губернии из десяти городов, то есть два города предполагалось «уничтожить». Должность губернатора Тамбова в этот момент была вакантна, и вопрос пришлось решать вице-губернатору Ушакову. 1-го марта он докладывал в Сенат: «<...> Во исполнение чего, рассматривая по губернской карте, сколько известно мне местное положение, за удобное почитаю из числа двенадцати городов, состоящих в Тамбовской губернии уничтожить города: 1-й Спасск <...>, учрежденный городом при открытии сей губернии в 1779 году из экономического села потому, что оной лежит близ границ Пензенской губернии, в конце своего уезда и образования города никакова не имеет кроме построенных деревянных малых связей для присутственных мест <...> и плана как на строение его, так и выгонной земли конфирмованного не имеет. 2-ой город – Усмань, <...> сей город хотя и давней и при учреждении губернии в 1779 году вошел городом, но, равно как и Спасск образования городского плана как о построении так и выгонных земель не имеющий, вид его составляется только из малого построения казенных деревянных присутственных мест, соляных анбаров и нескольких купеческих и мещанских домов» [12].

Но не успели еще в губернском правлении перераспределить территорию упраздненных уездов и составить новую карту, как в Петербурге было принято новое решение: сократить количество губерний с 50 до 41. Часть из них была расформирована, оставшиеся значительно укрупнялись. К Тамбовской губернии было присоединено четыре уезда от упраздненной Пензенской. Тем не менее, в новой губернии должно было оставаться все так же только десять городов; Павел I, видимо, придерживался арифметического постоянства (рис. 9).

В письме к тамбовскому губернскому землемеру вице-губернатор М. Ушаков писал: «В <...> указе предписано, отделить от бывшей Пензенской губернии к здешней четыре уезда, и именно: Чембарской, Верхнеломовской, Нижнеломовской, и Керенской, и приняв оные в свое ведомство постановить какия города сообразно числу уездов во вверенной мне губернии удобнее оставить и какия упразднить. А как по вновь изданному и высочайше конфирмованному на здешнюю губернию штату назначено в губернии десять уездов, хотя Чембар и Верхний Ломов и упразднены, но два другие Нижний Ломов и Керенск ныне существуют, а потому дабы привести уезды в поло-

^ Рис. 9. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1798. Графическая реконструкция автора

^ Рис. 10. Вид города Пензы на Суру р. к северо-востоку. Гравюра 1760-х. Художник М. И. Махаев

женное по штату число, нужно будет из прежних городов, или который из новоприсоединяемых уничтожить» [13]. Судя по тону документа, смысл правительственных указов не был понятен на местах; и если в докладах Р. И. Воронцова и М. Ф. Каменского прослеживается определенная логика и осмысленность действий, то здесь чувствуется явное непонимание мотиваций нововведений и механическое их выполнение.

В создании екатерининского пространства в качестве идеала выдвигалась геометрическая регулярно-лучевая схема; судя по павловским указам, к пространству был применен количественный подход, и значительно увеличенная по размерам Тамбовская губерния должна была иметь по-прежнему только десять уездов. Сеть городских поселений оказывалась значительно более разреженной. Предполагалось упразднить бывшей Пензенской губернии город Керенск, «селения же его так как и бывшего города Верхнего Ломова, присоединить по удобности к Нижнему Ломову, и составить из них один под названием Нижне-Ломовского, а Чембарский уезд, отделив от него присоединить к Кирсанову <...>, а к уничтожению из составляющих Тамбовскую губернию городов, Елатью; прочие сей Губернии уездные города Козлов, Лебедянь и Липецк с их округами, остаются в тех самых границах, как они при устройении оной, по Высочайше подтвержденному штату были составлены. Однакож не приступая по сему к исполнению (гражданский губернатор Лаптев – Н. Г.) передает в благоразсмотрение Сената, прилагая и карту Тамбовской Губернии по нынешнему ее разделению из 10 уездов составляемой, с показанием при том и прежних границ уездов ея <...>» [14, с. 201].

В период павловских перемен роль Тамбова как губернского центра снова стала вызывать сомнения, теперь их высказывал новый губернатор Н. Лаптев, вступивший в должность в июне 1797 года. В донесении генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину он писал: «<...> проезжая по тракту лежащие города, да и в самом губернском городе Тамбове нашел я или одни только почти разваленные казенные строения, или же совсем недостаток, так что почти все присутственные места замещены в разные обывательские дома. В уездных городах тюрьмы, а в губернском городе острог угрожает совершенным

падением, опасно, чтобы колодники не разбежались или бы их не задавило».

Губернатор просил помочь ему «исходотайствовани-ем довольно знаменитой суммы на заведение каких бы то ни было казенных строений», но, вероятно, понимая тщетность своих просьб и «в предохранении казны от напрасных убытков», рассуждал так: «<...> деревянное строение в Тамбове <...> за неимением лесу, при всей его непрочности, будет стоить очень дорого, а каменное не скоро поспеть может, ибо камень для фундаменту и известь в Тамбов привозят не ближе как за 80-ти верст и все материалы доставляются зимним путем и готового нисколько найти невозможно, то осмеливаюсь еще присовокупить мнение мое: как в ближайшей губернии городе Пензе все присутственные места равно и губернаторский и вице-губернаторский дом построены каменные, с употреблением на их постройку немало-го казенного издержания, то не благоугодно ли будет вашему сиятельству <...> вместо тамбовской возстановить бывшую пензенскую губернию, учредив губернским городом город Пензу».

Далее Лаптев объяснял, как можно поделить территорию тамбовской губернии между соседними, и заключал экономическим аргументом: «<...> через его самое казна сбережена быть может, а потерпеть должны чиновники только в переезде, но по недалекому Тамбова от Пензы разстоянию не может быть для них много затруднений. Впрочем, предаю все сие Вашего сиятельства благоразсмотрению и в разсуждении обстоятельств побуждаю Вас, м-гос-дрь, всепокорнейшее просить приказать меня известить предварительно будет ли существовать Тамбовская губерния или должна уничтожиться» [15] (рис. 10).

В правительственных кругах предпочтение вновь было высказано в пользу Тамбова, а губернию составили 10 следующих уездов: Тамбовский, Козловский, Лебедянский, Липецкий, Кирсановский, Нижне-Ломовский, Моршанский, Шацкий, Темниковский и Борисоглебский; прочие города были заштатными. И хотя в таком виде она просуществовала относительно недолго, тем не менее на новую территорию успели выполнить карту (рис. 11).

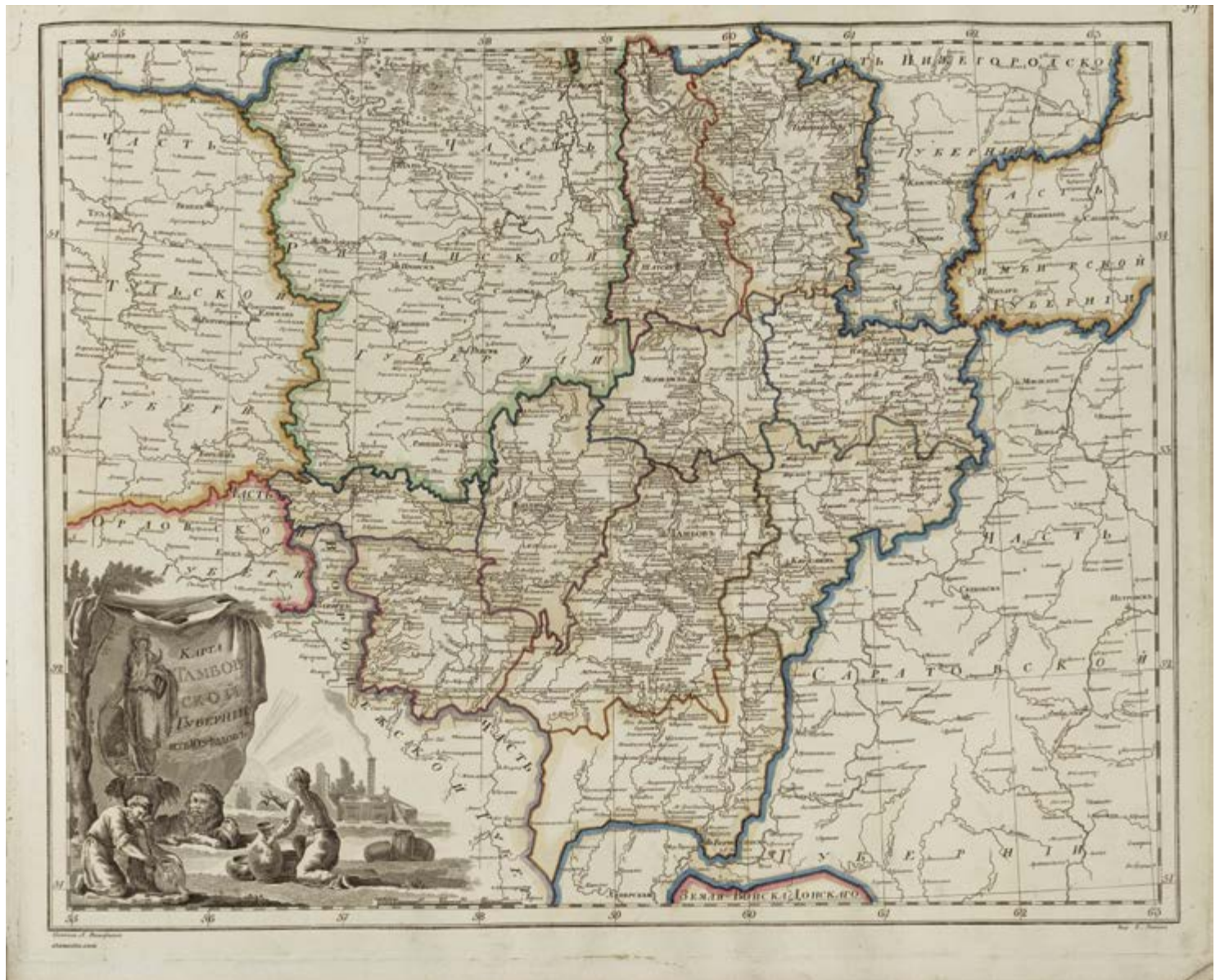
в Рис. 11. Карта Тамбовской губернии из 10 уездов из книги «Российский Атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий»

Это отношение к подчиненному пространству со стороны генерал-губернаторов и губернаторов напоминает игру. Такой переворот масштаба, когда территория в несколько сот квадратных километров легко умещалась на губернаторском столе, подталкивал к свободному обращению с пространством. Чувство реальности терялось, и два-три дюйма, ничего не значащие в масштабе человека, свободно применялись к масштабу губернской карты. Возникает впечатление, что перенос границ губернского центра, «уничтожение» и создание городов и вся эта игра пространством – всего лишь дело губернаторского карандаша. Такое влияние государственных чиновников на решение территориальных вопросов было в российской истории впервые.

Правление Александра I вновь изменило «карточный расклад»; карты губерний подверглись очередному пересмотру. Император заявил о своем желании управлять «<...> народ по законам и сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы

Екатерины Великия». Екатерининское законодательство было восстановлено: губернии, уезды, а вместе с ними и все городские органы приобрели свой прежний вид [16]. В апреле 1802 года были восстановлены в качестве уездных городов стоявшие за штатом Елатьма, Спасск и Усмань, а в мае 1803 года был издан новый штат Тамбовской губернии, по которому был подтвержден статус Тамбова как губернского города. В карте Тамбовской губернии, сложившейся в условиях екатерининской реформы, произошли частичные изменения, но они были весьма незначительны и касались передачи нескольких сел из одной округи в другую.

Поражает легкость этих карточных манипуляций (имеются в виду губернские карты). Екатерина увеличила число губерний, Павел I сократил, Александр I снова увеличил. Безболезненно подобные операции могли происходить только в России и только в это время, при отсутствии исторических границ, жестких экономи-

ческих связей, неразвитом гражданском самосознании и огромных плохо освоенных территориях.

Во Франции, например, для уничтожения границ исторических провинций и создания новых понадобилась революция и решение Национального собрания. В русской ментальности понятие «внутренняя граница» практически отсутствовало. Исторически сложилось так, что в России административная граница всегда была линией условной и неустойчивой. Земли, принадлежавшие городу или князю, с его падением сразу же распались, а позднее ее роль заключалась только в разделе государства на податные округа. И к моменту губернской реформы 1775 года «страна была совершенно гладкая не только в орографическом (рельефом – Н. Г.), но и в социальном смысле слова, – ее можно было делить как угодно». Это дало возможность положить в основу губернской реформы механический способ деления, к которому безуспешно стремились государства Западной Европы.

Здесь же уместно заметить, что в Западной Европе – Франции, Италии, Германии – провинции имели свое собственное историческое имя, независимое от имени главного города: Прованс, Анжу, Нормандия, Ломбардия, Тоскана, Бавария, Швабия. В период революционных событий 1789 года во Франции Национальное собрание в пылу борьбы с прошлым уничтожило историческое деление территории, существовавшее в стране и, «вводя геометрическое, дало новым частям особое имя, взятое не из истории, а из природы – рек или гор, – департаменты Сены, Сены и Марны, Жиронды и прочее. Но <...> не от имени губернского города, потому что там не существовало приписного начала» [17, с. 97–98].

В русском национальном самосознании земли, окружавшие город, традиционно связывались с названием этого города. Приписной характер русских земель, а еще прежде – полное подчинение деревни городу было общим фактом; территория носила название по имени города, которому она подчинялась: земля Новгородская, Суздальская, Московская и т. д. Этот же принцип был перенесен Екатериной и в «Учреждения для управления губерний». Он был настолько очевиден, что законодательница даже не сочла нужным о нем упомянуть, просто все административные единицы получили названия по своим административным центрам: Тамбовская губерния, Кирсановский уезд. Исключение составила только Таврида – дань античной страсти Екатерины II.

В основу механического деления территории мог быть положен любой принцип: и регулярно-лучевой идеал Екатерины II, и количественный подход Павла I, а отсутствие жестких ограничений вносило элемент творческой свободы со стороны государственных чиновников. Проведение административной границы было делом только государственным. Оно не затрагивало интересов населения и не влияло на его жизненный уклад, поэтому столь частые изменения проходили безболезненно. Безразличие к внутренним границам сохранялось у нашего народа и в советский, и в постсоветский периоды вплоть до сегодняшних дней, и печальный результат его последствий мы видим в современных геополитических процессах, когда незначимые, как ранее казалось, внутренние границы оказались межгосударственными.

Таким же искусственным порождением екатерининских реформ были и города, которые создавались не в результате общественного развития, не с целью захвата территории, укрепления границ или освоения природных ресурсов, не под влиянием промышленного производства или торговли, а «назначались» правительством искусственно. Для создания города было достаточно объявить то или иное место городом, а его жителей городским обществом. Определяющим моментом в этом процессе была правительственная инициатива. Вот почему на основе одной и той же сети населенных

пунктов с каждой новой правительственной инициативой создавалась новая система городского расселения. С 1775 года по 1802, то есть за 27 лет, официальная сеть городских поселений всей страны поменялась законодательно четыре раза!

Политическая необходимость и законодательный идеал в конце XVIII века внесли в понятие «город» новый смысл. Причина этого – при создании единой системы городского расселения Российской империи во главу угла был поставлен классицистический принцип регулярности, отождествляемый на территориальном уровне с равномерностью. Его появление выдвинуло на первый план такие градообразующие факторы, которые ранее в русском градостроительстве просто не существовали.

Зарождение понятия «город» в русском языке этимологически было связано с укреплением, огораживанием какого-либо места. Но, выполняя функции обороны, он закономерно приобрел функции управления, и под «городом» стала подразумеваться городская община. Выражение «Господин Великий Новгород», безусловно, имело общественный смысл и относилось к городскому обществу. А впоследствии, когда общинная сущность русских городов была утрачена, статус поселения определялся органом государственного управления – своеобразным рудиментом городской общины. Для российских городов этим органом была воеводская канцелярия. В XVII веке при строительстве новых поселений именно административная должность человека, возглавлявшего строительство нового города, определяла статус будущего населенного пункта. Тамбов, например, был основан городом потому, что во главе дружины, отряженной на его строительство, стоял воевода Роман Боборыкин, и статус еще не существовавшего поселения уже был определен в Москве воеводской должностью боярина. А выбор конкретного местоположения производился потом, и на статус поселения никакого влияния не оказывал, так как был до некоторой степени случаен.

Но губернская реформа Екатерины II строилась на иных принципах: при реализации ее было важно равномерно охватить всю территорию страны элементами управления – городами. Отсутствие в этот период принципиальных различий между городом и сельским поселением в экономическом, общественном, архитектурном и иных смыслах до некоторой степени уравнивало их шансы. И в этих условиях впервые в русском градостроительстве стало возможно, чтобы статус поселения определялся местом его расположения в общей системе расселения и при равных условиях предпочтение отдавалось тому, который находился ближе к геометрическому центру округа. Именно место поселения в общей системе расселения стало в конце XVIII столетия одним из главных градообразующих факторов. Численность населения уездов и губерний, то есть количественная характеристика, впервые введенная в русское градостроительство Екатериной II, вносила определенную систему в формирование единой сети городских поселений.

Новые принципы предоставления поселению городского статуса на первых порах вызывали у современников недоумение. Генерал-губернатор Пензенский и Нижегородский А. И. Вяземский записал на полях своих бумаг: «Неудобство от самого существа вещи: деревни городами названы, крестьяне также должны имя, а не всегда существо переменить т. е. место к. (крестьянина – Н. Г.) мещанином. Выправится впротчем» [18, с. 78]. Так, несмотря на появление нового градообразующего фактора, город в ментальности людей XVIII века оставался понятием, связанным с особым качественным положением. В этом было его принципиальное отличие от современного понятия, идущего от количественных характеристик в определении статуса поселения.

Необходимо отметить, что в период реализации екатерининской губернской реформы, наряду с назна-

> Рис. 12. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1802. Графическая реконструкция автора

чением новых городов, проходило и упразднение целого ряда старых. Эти процессы существовали одновременно, параллельно, в зависимости от региона страны преобладал тот или иной, или они уравнивались. И если для регионов Урала и Сибири основным направлением было учреждение городов из слобод и сел и даже строительство новых, то в центральных районах большое количество городов было «уничтожено». В Московской губернии, например, где до реформы 1775 года существовало 52 города, в итоге ее осталось только 15. Поэтому можно определенно утверждать, что целью губернской реформы 1775 года было не механическое увеличение количества городов, как это иногда трактуется в истории градостроительства [19, с. 65], а создание единой системы городских поселений. В этой системе существовала определенная логика и закономерность, а то, что не подчинялось ее законам, уничтожалось.

Так политическая воля и политический идеал Екатерины II впервые в истории русского градостроительства сформировали на классицистических принципах равномерности и регулярности единую сеть городских поселений в масштабе всей страны. На этих же принципах была сформирована сеть городских поселений Тамбовской губернии. В итоге губернской реформы 1775 года на ее территории из 13 дореформенных городов осталось только 9, и 4 новых города было учреждено из слобод и сел. Таким образом, общее количество городов не изменилось. Губернским центром был назначен Тамбов; города Борисоглебск, Усмань, Кирсанов, Липецк, Козлов, Лебедянь, Моршанск, Шацк, Спасск, Кадом, Темников, Елатьяма считались уездными. Город Кадом в последствии остался «за штатом», то есть собственного уезда не имел.

Губерния, как и вся Россия, оказалась затянута равномерной сетью городских поселений, тем самым был создан механизм для государственного управления, экономического и хозяйственного регулирования, для полицейского надзора, для общественного и культурного развития провинции. Как территориальное образование Тамбовская губерния оказалась элементом достаточно жизнеспособным и новые изменения претерпела уже при Советской власти.

Литература

1. Чечулин, Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века : ист. очерк. – Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1889. – 115 с.
2. Мое время (Записки Г. С. Винского) // Русский архив. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 76–123 Л. 158???
3. Голицын, Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына. // Русский архив. – Кн. 1–5. – 1874. – 530 с.
4. Грот, Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1879–1884. – 3 тт.
5. Цит. по: Белов, А. В. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). – Москва : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 613 с. : ил.
6. РГАДА. Ф. 16
7. РГАДА. Ф. 292. Кн. 9. Д. 35. Л. 204
8. РГАДА. Ф. 16
9. Цит. по: Шевченко, Е. А. Определение границ Воронежской губернии в начале 1780 гг. / Из истории Воронежского края: Сборник статей. Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С. 80–96
10. ОР ГНБ. Ф. 247. Т. 14. Л. 32 об.
11. Дитятин, И. И. Устройство и управление городов России. – Санкт-Петербург : тип. П. П. Меркульева, 1875–1877. – Т. 1. – 563 с. – Т. 2. – 111 с.
12. РГАДА. Ф. 248. Кн. 4837. Л. 572 об.
13. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 46. Л. 392
14. ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18482
15. Там же. Лл. 2–2 об.
16. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 20004. С. 775–778
17. Лохвицкий, А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Изд. 2-е с изм. – Санкт-Петербург : А. Ф. Базунов, 1864. – Ч. 1. – 224 с.
18. Архив князя Вяземского. – Санкт-Петербург : Изд. Шереметева, 1881. – LXII, 369 с.
19. См., например, Шквариков, В. А. Планировка городов России XVIII – начала XIX века. – Москва : Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1939. – 256 с., 1 вкл. л. план. : ил., схем., план

References

- Arkhiv knyazy Vyazemskogo [Archive of Prince Vyazemsky] (1881). LXII. St. Petersburg: Sheremetev Publishing House.
- Belov, A. V. (2019). Reforma goroda Ekateriny II (po materialam gubernii Tsentralnoi Rossii) [City Reform of Catherine II (on the materials of the provinces of Central Russia)]. Moscow: Institute of Russian History RAS; Center for Humanitarian Initiatives.
- Chechulin, N. D. (1889). Russkoe provintsialnoe obshchestvo vo vtoroi polovine XVIII veka [Russian provincial society in the second half of the 18th century]. St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House.
- Dityatin, I. I. (1875-1877). Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii [Arrangement and Management of Russian Cities]. St. Petersburg: P. P. Merkuliev Printing House.
- GATO (State Archives of the Tambov Region). F. 29. Inv. 1. File 46. L. 392.
- Golitsyn, F. N. (1874). Zapiski knyazy Fedora Nikolaevicha Golitsyna [Memoirs of Prince Fedor Nikolaevich Golitsyn]. In Russian archive (Book 1-5).
- Grot, Ya. K. (1879-1884). Ekaterina II v perepiske s Grimmom [Catherine II in correspondence with Grimm]. St. Petersburg.
- Lokhvitsky, A. V. (1864). Guberniya, ee zemskie i pravitelstvennye uchrezhdeniya [The province, its zemstvo and government institutions] (2nd ed., Part 1). St. Petersburg: A. F. Bazunov.
- OR GNB (Manuscripts Department of the State Scientific Library). F. 247. Vol. 14. L. 32 rev.
- PSZRI-1 (Complete Collection of Laws of the Russian Empire-1) (n.d.), Vol. XXV, No. 18482.
- PSZRI-1 (n.d.), Vol. XXV, No. 18482, ll. 2-2 rev.
- PSZRI-1 (n.d.), Vol. XXVI, No. 20004, pp. 775-778.
- RGADA (Russian State Archives of Ancient Acts). F. 16.
- RGADA. F. 16.
- RGADA. F. 248. B. 4837. L. 572 rev.
- RGADA. F. 292. B. 9. File 35. L. 204.
- Shevchenko, E. A. (2004). Opredelenie granits Voronezhskoi gubernii v nachale 1780 gg. [Defining the borders of Voronezh province in the early 1780s]. In From the history of the Voronezh region: Collection of articles (Issue 12, pp. 80-96). Voronezh.
- Shkvarikov, V. A. (1939). Planirovka gorodov Rossii XVIII – nachala XIX veka [Layout of the cities of Russia in the 18th – early 19th centuries]. Moscow: All-Union Academy of Architecture.
- Vinsky, G. S. (1877). Moe vremya (Zapiski G. S. Vinskogo) [My time (G. S. Vinsky's memoirs)]. In Russian archive (Book 1, issue 1, pp. 76-123, l. 158).

Есть такие темы, которым вроде бы не должно быть альтернатив. Вопрос о том, надо ли беречь и изучать культурно-историческое наследие, – это не вопрос. Здесь не должно быть каких-либо альтернатив.

Мы продолжаем публиковать материалы о наследии разных периодов истории и разных районов мира. Русско-китайская тема последовательно продолжается в работах ученых Тихоокеанского университета.

Даже в тех случаях, когда недобросовестные чиновники выводят памятники культуры из списков, свое слово говорит общественность и профессиональное сообщество. В этот раз под угрозой оказался целый исторический квартал в Иркутске. На защиту двух старейших каменных зданий встали студенты и профессионалы. Свою позицию они подкрепили развитием ансамбля и созданием новой системы общественных пространств, инкрустированных в исторический центр города.

Елена Григорьева

наследие без альтернатив / heritage without alternatives

There are subjects for which there should be no alternatives. It is not a question whether it is necessary to protect and study cultural and historical heritage. There should not be any alternatives.

We continue to publish materials on the heritage of different periods of history and different parts of the world. The Russian-Chinese theme is consistently studied in the works of Pacific University scholars.

Even when careless officials remove cultural monuments from the lists, the public and the professional community speak up. This time, an entire historic quarter in Irkutsk is under threat. Students and professionals stood up to defend two old stone buildings. They backed up their position with the development of the ensemble and the creation of a new system of public spaces inlaid in the historic centre of the city.

Elena Grigoryeva

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00316 / Acknowledgements: The research was supported by RFBR, project No. 20-012-00316

Статья посвящена развитию архитектуры зданий Русско-Китайского банка в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. Дается краткий экскурс в историю строительства данных объектов в Инкоу, Тяньцзине, Харбине, Даляне, Чанчуне, Маньчжурии, Цицикаре и Хайларе. Рассматриваются особенности размещения зданий банка в структуре городской застройки, а также их архитектурно-планировочные и стилистические решения. Приводится информация об архитекторах и инженерах, занимавшихся строительством зданий Русско-китайского банка. Представлено ранжирование построек, позволившее автору установить общие принципы планировочной организации и декоративного оформления зданий филиалов Русско-китайского банка в городах Маньчжурии.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; Русско-Китайский банк; архитектура; проект; архитектор; здание./

The article is devoted to the development of the architecture of the buildings of the Russian-Chinese Bank in Manchuria in the late XIX – early XX centuries. It provides a brief excursion into the history of the construction of these facilities in Yingkou, Tianjin, Harbin, Dalian, Changchun, Manchuria, Qiqihar and Hailar. The author considers the features of the placement of bank buildings in the structure of urban development, as well as their architectural, planning and stylistic solutions. The article gives information about the architects and engineers involved in the construction of the buildings of the Russian-Chinese Bank. It presents the ranking of buildings, which allowed the author to establish the general principles of the space-planning and decorative design of the buildings of the branches of the Russian-Chinese Bank in the cities of Manchuria.

Keywords: China; Manchuria; Russian-Chinese Bank; architecture; project; architect; building.

Архитектура зданий Русско-Китайского банка / The architecture of the buildings of the Russian-Chinese Bank

текст

Дмитрий Целуйко

Тихоокеанский государственный университет /

text

Dmitry Tseluiko

Pacific National University

Введение

Русско-Китайский банк является первым и одним из крупнейших банков, функционировавших в Маньчжурии. Организация основана в 1896 году с целью содействия развитию экономических связей между Россией и Китаем. В 1910 году, после слияния с северным банком и вливанием капитала из иностранных государств, банк обрел новое название и стал именоваться Русско-Азиатский банк, однако его название на китайском языке оставалось прежним: Хуа – русский, Даошен – банк (華俄道勝銀行/Huá é dào shèng yí háng). Филиалы банка располагались в разных точках мира, в том числе в США, Франции, Китае, а также во многих регионах России. В Маньчжурии банк занимался финансированием Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), объектов инфраструктуры и промышленности, административных и жилых зданий. Организация просуществовала до 1929 года, оставив после себя большое количество зданий. Некоторые из них были разрушены в результате военных действий или полного износа несущих конструкций и отсутствия обслуживания, но сохранившаяся архитектура построек транслирует величие компании, являясь свидетелем более чем вековой истории.

Основной целью исследования является выявление и изучение зданий Русско-Китайского банка в Маньчжурии, поиск архитекторов, которые занимались проектированием, а также сравнение стилистических, конструктивных и архитектурно-планировочных решений. Сохранившиеся объекты русского историко-архитектурного наследия в Маньчжурии крайне немногочисленны и потому представляют особый интерес для историко-архитектурной науки.

Источниковая база

Предпосылки, история создания, деятельность, а также финансовое и политическое значение Русско-Китайского банка рассматривались в трудах С. Ю. Витте, Л. В. Кальминой и Л. В. Кураса [2], И. В. Лукьянова [3], Яго Казухико [4], O. Crisp [5], R. Quedsted [6] и др.

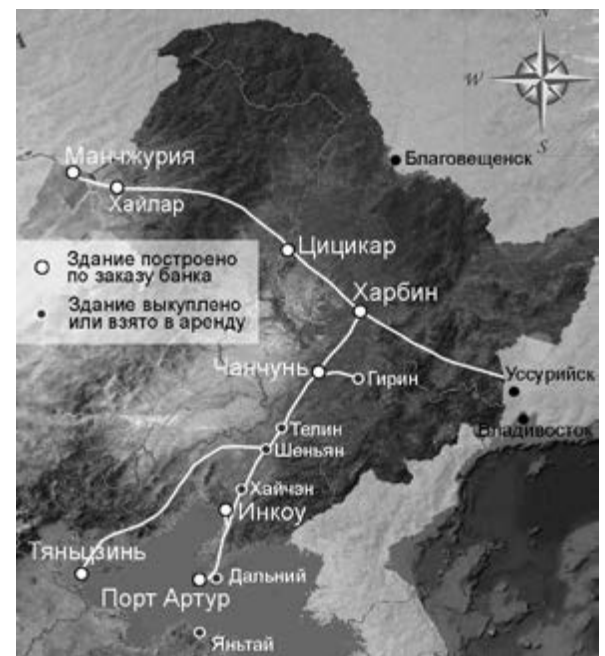
Авторов, исследовавших архитектуру Маньчжурии периода конца XIX – начала XX в., значительно меньше. Основные работы написаны Н. П. Крадиным [1],

С. С. Левовшко [2], М. Е. Базилевичем [3], А. А. Кимом и Т. А. Смольяниновой [4].

Опубликованные труды точно описывают историю и внешний облик здания. Здания Русско-Китайского банка рассматриваются в контексте архитектуры района или города, но не сравниваются с другими филиалами Маньчжурии. Не проводилось комплексного анализа архитектурно-планировочных решений зданий в отдельных регионах, а также всех филиалов.

География размещения зданий филиалов банка

В результате изучения исторических и архивных источников было выявлено, что Русско-Китайский банк имел в Маньчжурии 16 филиалов в населенных пунктах: Инкоу (營口/Yíngkǒu), Тяньцзинь (天津/Tiānjīn), Яньтай (烟台/Yāntái), Харбин (哈尔滨/Hā'ěrbīn), Порт Артур/

> Рис. 1. Расположение зданий Русско-Китайского банка в Маньчжурии

^ Рис. 2. Здание Русско-Китайского банка в Инкоу, 1897

^ Рис. 3. Здание Русско-Китайского банка в Инкоу, 1907

Луишикоу (旅顺口/Lǚshùnkǒu), Дальний/Далянь (大连/Dàlián), Чанчунь (长春/Chángchūn), Маньчжурия (满洲/Mǎnzhōu), Хайлар (海拉尔/Hǎilā'ěr), Гирин/Цзилинь (吉林/Jílín), Хайчэн (海城/Hǎichéng), Шэньян/Мукден (沈阳/Shěnyáng;), Телин (铁岭/Tiělíng) и Цицикар (齐齐哈尔/Qíqíhā'ěr) (рис. 1). Все они были расположены на крупных станциях КВЖД.

Из-за небольшого размера населенного пункта филиал мог размещаться в помещении, которое сдавалось в аренду, или выкупить уже существующую постройку. В крупных городах компания возводила новые здания, что вызвалось большим объемом различных финансовых операций и, как следствие, требованием к особому планировочному устройству, которому не соответствовало большинство существующих сооружений. Постройки банка располагались в городах: Инкоу, Тяньцзинь, Харбин, Порт Артур, Чанчунь, Маньчжурия, Цицикар, Хайлар. В исследовании будут рассмотрены именно они.

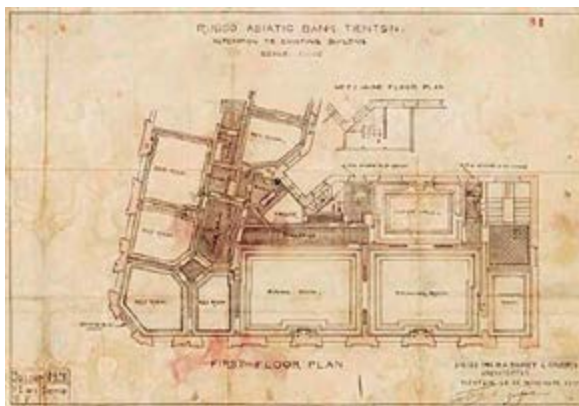
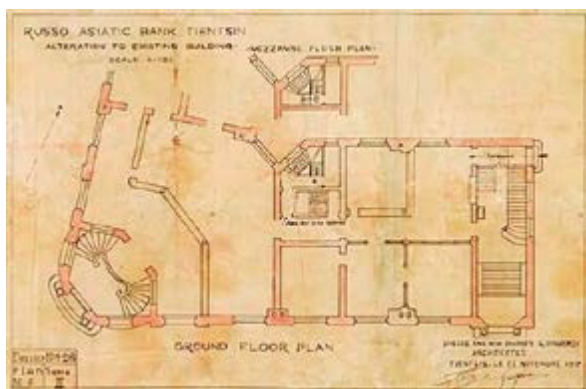
Проекты сохранившиеся и утраченные. Здания банка в городах Маньчжурии

Инкоу. Русско-Китайский банк в Инкоу имел два здания. Первое из них построено в 1897 году на территории старого города (рис. 2). Объект располагался на отдельном участке, огороженном кирпичным забором, и имел проезд к главному входу. Двухэтажное кирпичное здание

с деревянными перекрытиями имело простые лаконичные формы. Лишенные декора стены украшали лишь деревянные наличники и оконные ставни. Главный вход акцентировал скругленный фронтоном, украшенный часами с крупным циферблатом. Со стороны уличного фасада к зданию была пристроена деревянная открытая терраса. Здание не сохранилось [5].

Увеличение финансового оборота и числа клиентов требовали расширения банка и пересмотра планировочной структуры и внешнего вида его здания. Так, в 1907 году на улице храма Саньи (三义庙街) было построено новое здание для размещения филиала Русско-Китайского банка (рис. 3). Постройка в стилистике неоклассицизма была выполнена из кирпича и дерева, двухэтажное здание имело размеры 11 × 15 м. Симметричный уличный фасад украшали декоративные элементы и сплошная рустовка. В 1926 году банк продал здание новым владельцам, а позже оно было разрушено во время военных действий.

Тяньцзинь. Русско-Китайский банк открыл свой филиал в городе в 1886 году. Первоначально организация размещалась в арендованных помещениях, а в 1917 году переехала в новое здание, специально построенное для банка по проекту французских архитекторов Анри Шарри и Марсея Конверси бюро «M. M. Charrey & Conversy Architects» (рис. 4; 5). Основным направлением

< Рис. 4. Здание Русско-Китайского банка в Тяньцзинь. План первого этажа. М. М. Charrey & Conversy Architects

< Рис. 5. Здание Русско-Китайского банка в Тяньцзинь. План второго этажа. М. М. Charrey & Conversy Architects

^ Рис. 7. Здание Русско-Китайского банка в Харбине. Историческое фото

^ Рис. 6. Здание Русско-Китайского банка в Тяньцзине. Современное состояние

деятельности этого бюро являлось проектирование банковских и консульских зданий, а также сопутствующих сооружений во всей Маньчжурии. Большая часть построек расположена на территории французской концессии в городе Тяньцзинь, где с 1902 по 1907 годы располагался офис компании [6].

Сохранившееся двухэтажное здание с цокольным этажом общей площадью 700 м² расположено на пересечении улиц Северной Цзифанг и Датонг, напротив здания Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации на территории Британской концессии (рис. 6). Постройка имеет Г-образную форму плана с центральным цилиндрическим объемом, который является главным элементом архитектурной композиции, дополненным симметричными прямоугольными объемами, вытянутыми вдоль улиц. Основным конструктивным материалом – кирпич, однако в здании также используются элементы из бетона, металла и дерева.

В 1926 году тяньцзинский филиал банка приостановил свою деятельность. Здание было передано Банку связи гоминдановского правительства; в дальнейшем в нем располагались различные организации. В настоящее время здание поставлено на государственную охрану и является украшением исторического центра города [7].

Харбин. Первый филиал Русско-Китайского банка в Харбине открыт в июле 1898 года на улице Анбу района Сянфан. В связи с растущими объемами работ в финан-

совой сфере 28 мая 1902 года открылось новое здание. Филиал располагался по адресу улица Хунцзюнь, дом 77, район Наньган (рис. 7). Сооружение имеет сложное пластическое решение уличных фасадов, отражающее характерные мотивы ренессанса и позднего классицизма.

Отличительной особенностью постройки является прямоугольный эркер с куполом и высоким шпилем, выступающий из плоскости уличного фасада в уровне второго этажа. Входная группа расположена в левом прямоугольном блоке и имеет оформление в общей стилистике здания. Стены здания декорированы гладким рустом, имеющим различные прорезы на первом и втором этажах, фриз обильно украшен лепным декором, а широкий многоступенчатый карниз поддерживается рядами сухариков. Еще одной особенностью здания является проработанность боковых фасадов, что связано с его местоположением. Находясь на открытом участке, оно воспринимается с разных сторон и является фокусной точкой окружающего пространства [8]. Филиал был закрыт в 1926 году. До наших дней сооружение сохранилось в отличном состоянии и является выразительным акцентом на фоне современной застройки.

Порт-Артур. Первый филиал Русско-Китайского банка в Порт-Артуре располагался в арендуемом особняке. Свое здание организация построила в 1902 году (рис. 8). Оно расположено на центральной градостроительной оси европейского квартала, который спроектирован архитектором А. И. фон Гогеном, он также мог являться и автором проекта банка [9]. Двухэтажное кирпичное здание имеет заметно меньше декоративных элементов по сравнению с филиалами в Харбине и Тяньцзине. У здания нет четкой «фасадной» ориентации, все стороны объема проработаны в одинаковой степени. В стилистике читаются смешанные мотивы русского и западных архитектурных стилей. В образе преобладают массивные детали: наличники, сандрики, декоративные пояса, русты. Портальная группа, расположенная по центру фасада, акцентирована бетонным козырьком, украшенным лепниной и фронтонном со шпилем. Венчает объем здания прямоугольный в плане открытый бельведер. Цветовая гамма представлена светло-желтым кирпичом и серым цветом декоративных элементов из бетона.

> Рис. 8. Здание Русско-Китайского банка в Порт-Артуре. Современное состояние

^ Рис. 9. Русско-Китайский банк в г. Чанчунь. Фотография сделана после закрытия банка. К этому времени был изменен материал кровли и утрачена часть декоративных элементов

^ Рис. 10. Здание Русско-Китайского банка в Маньчжурии. Фото 2004

В 1904 году во время Русско-японской войны здание было повреждено в результате боевых действий, визуальный облик был полностью восстановлен. Однако в 1915 году в здании расположился выставочный зал, и планировка был изменена. Постройка сохранилась до наших дней практически в первоизданном виде. В последующие годы здесь располагались общественные и военные организации, сейчас внутри работает музей. Здание имеет статус архитектурного памятника.

Чанчунь. Филиал в Чанчуне открылся в 1900 году. В ноябре 1906 года было построено новое здание (сейчас это северо-восточный угол перекрестка Минканг на улице Сисандао) (рис. 9). Дом спроектирован русским инженером Николой Мистовым в традиционном русском архитектурном стиле. Основными конструктивными материалами для двухэтажного здания с подвалом являлись кирпич и дерево. На углах главного фасада располагаются две башни высотой около 5 метров, покрытые металлической черепицей, в верхней точке кровли установлены флагштоки. Эти два элемента с необычной формой крыши придают прямоугольному зданию с большим объемом декора своеобразие не только в контексте архитектуры Чаньчуна, но и по сравнению с другими постройками Русско-Китайского банка [10].

После Октябрьской революции 1917 года головной офис и 85 отделений национализированы советским режимом. На этом фоне филиал в Чанчуне был закрыт в 1919 году. Впоследствии здесь располагалась городская библиотека. Во времена Маньчжурии здание стало Маньчжурским государственным правовым институтом. После 1949 года постройку занимали Бюро общественной безопасности и Бюро легкой промышленности. В 1981 году в доме располагался детский театр, а в 1985 здание было снесено [11].

Маньчжурия. Филиал является одним из самых малых по размерам и простым объемно-пространственным решением построек Русско-Китайского банка несмотря на то, что через Маньчжурию проходили торговые пути, ведущие в Забайкальский край и приграничное расположение с Российской империей.

Отделение было открыто в 1903 году в районе Даобэй. Кирпичное одноэтажное, прямоугольное в плане здание

выстроено в лаконичных формах и по своей архитектуре, скорее, напоминает казарму или склад. Пластика стен строится на ритме лучковых оконных проемов с деревянными ставнями. Главный фасад обращен на торговую улицу. Входная группа сдвинута от центральной оси и не имеет декоративного оформления. Отличительной особенностью постройки является трехчастный аттик, акцентирующий композиционный центр объема (рис. 10). В 1926 году филиал закрыт, после чего здание занимало Японское консульство в Маньчжоу-Го, японская полиция и японская спецслужба. Объект был снесен в 2004 году [12].

Цицикар. Филиал Русско-Китайского банка в Цицикаре был открыт между 1902 и 1905 годами (рис. 11). Его двухэтажное прямоугольное в плане здание имеет узкий уличный фасад. Его сложная пластика диктовалась плотная блокированная застройка района, при которой здание может читаться только с одной стороны. По бокам симметричного фасада расположены выступающие объемы, имеющие форму прямоугольника в плане. В левом блоке размещается основной вход, который не имеет выразительных черт и композиционной поддержки. Сбоку с двух сторон здания расположены два прямоугольных эркера во всю высоту. На первом этаже они имеют два узких окна, на втором одно широкое, которое обрамляют пилястры. Центральная часть здания имеет три оконных проема на первом этаже и три более узких окна на втором, дополненные декором и завершающиеся балюстрадами на кровле. Первый этаж рустован. Визуально прослеживается сходство в стиле и объеме с филиалом в Инкоу [13].

В 1920-е годы часть здания начали сдавать в аренду городской больнице для лечения заболеваний дыхательных путей. Здание сохранилось и до наших дней, сейчас в нем располагается филиал Банка Китая.

Хайлар. Здание хайларского отделения Русско-Азиатского банка было построено в 1914 году (рис. 12).

Здание утрачено, а о его внешнем облике можно судить лишь по фрагменту проекта, сохранившегося в Российском государственном историческом архиве. Несимметричный объем состоял из трех разновеликих блоков. Боковые части сооружения выступали вперед

^ Рис. 11. Русско-Китайский банк в г. Цицикар.
Фото сделано в 1980-х

^ Рис. 12. Проект филиала Русско-Китайского банка в Хайларе.
Фасад и план

на несколько метров, образуя по центру крытую веранду. В качестве декоративных элементов выступают карниз, наличники, сандрики, фасадный пояс, каменная отделка цоколя и деревянный декор веранды.

Результаты анализа

Девять построек, расположенные в восьми населенных пунктах разных частей Маньчжурии, были проанализированы по следующим критериям: расположение, архитектурно-планировочное решение, а также стилистика и декор.

Говоря о местоположении в городе, можно отметить выбор участка в финансовых кварталах или на территориях иностранных конфессий, в близости к банкам остальных фирм. Еще одним немаловажным фактором являлась пешая доступность от железнодорожного или речного вокзала. Практически всегда здание стоит отдельно от соседних построек на собственном участке, главный фасад обращен к дороге.

В основном все исследованные объекты – двухэтажные здания, за исключением филиалов на станциях Маньчжурия и Хайлар. Они имеют четко выраженную порталную группу, которая в некоторых случаях является и доминантой архитектурного объема. В большинстве случаев это постройки прямоугольного объема, однако каждый имеет свои выразительные детали. В Чанчуне – две башни с пирамидальной формой кровли, в Харбине выделяется эркер на втором этаже здания, поддерживаемый фронтоном. Отдельно стоит рассмотреть филиал в Тяньцзине, имеющий г-образную форму и отделение в Инкоу (1897), сформированное двумя параллельно смещенными параллелепипедами. В анализе планировочных решений не найдено единообразия; выделить можно только минимальный набор планировочных блоков: входная группа с административным персоналом, зона администрации и зона банковских операций. В небольших постройках каждый блок мог состоять из 2–3 комнат, а, к примеру, в Тяньцзине было предусмотрено большое количество служебных и жилых помещений и подвальная зона хранилища. Возможно предположить, что в крупных отделениях располагалась типография, так как каждый банк печатал свои деньги. Архитектурная стилистика, тип

декора и его количество сильно варьируются в зависимости от конкретного здания.

Все объекты были объединены в четыре группы по архитектурной специфике.

1. Одноэтажные кирпичные здания в русском стиле: Маньчжурия (1903) и Хайлар (1914). Представлена одноэтажными простыми объемами с небольшим количеством декора. В архитектуре преобладают мотивы неорусского стиля. Простое планировочное решение: входная группа и 2–3 кабинета. Основной материал – дерево и кирпич.

2. Сложные деревянные здания: Инкоу (1897) и Чанчунь (1906) Двухэтажные постройки с выразительной архитектурой. Основной материал – дерево. За счет большей площади имеется более развитая планировочная структура.

3. Кирпичные постройки в стилистике неоклассицизма: Инкоу (1907) и Цицикар (1905). Кирпичные двухэтажные здания с подвальным помещением. Имеются хранилища и множество помещений административного и финансового блока. Фасады окрашены в белый цвет, присутствует небольшое количество декора.

4. Кирпичные постройки со смешением архитектурных стилей: Харбин (1902), Порт Артур (1902) и Тяньцзинь (1917). Сложная пластика фасада с выразительной порталной группой. Архитектурный образ представлен смешением русского и западноевропейских стилей. Развитая планировочная структура с множеством служебных, а также жилых помещений. Основные цвета фасада – светло-желтый и серый, кровля выстелена коричневыми металлическими листами.

Заключение

За небольшой период в Маньчжурии Русско-Китайский банк оставил богатое архитектурное наследие, часть которого сохранилась и до наших дней. Выразительные здания являются не только доминантами в современной застройке, но и центрами притяжения туризма. Архитектура банков зачастую развивала лейтмотивы окружающей застройки в каждом из городов. Однако она имела свои постоянные отличительные черты, представленные не только объемно-планировочным решением, но и со-

вмещением архитектурных стилей, особенно использованием русского архитектурного стиля.

Здания Русско-Китайского банка через архитектуру транслировали не только значимость организации, но и популярные архитектурные направления того времени. В зависимости от того, с какими финансовыми фирмами Маньчжурии того периода он сопоставлял свой облик – Йокогама банк, Чосен банк, Банк Нью-Йорка и т. д. – внешний вид и планировочное решение зданий менялось. В больших городах, где здания были расположены по соседству с иностранными компаниями и консульствами, проекты были более «помпезными», выразительная форма с большим количеством деталей выделяла банк в окружающей застройке.

В рамках исследования не было выявлено единого архитектурного стиля, в то время как множество объектов транспортной инфраструктуры и сопутствующих отраслей транслировали единый архитектурный образ по всей КВЖД. Существуют схожие мотивы между несколькими отделениями, которые можно объединить в четыре группы, описанные выше. Это говорит об автономности каждого из отделений, ведь даже небольшие здания на станции Маньчжурия и в Хайларе имеют отличия, хотя могли быть построены по одному типовому проекту. Архитектурное разнообразие построек может иметь корни в нехватке кадров не только архитекторов, но и строителей, а также неразвитости гражданского строительства Маньчжурии в целом. От этого индустрия развивалась по своему пути в каждом из населенных пунктов. К сожалению, даже при наличии проекта не всегда удается установить авторство постройки и, хотя в данной работе представлены ранее не опубликованные архивные данные и выявлены новые имена архитекторов, многие филиалы Русско-Китайского банка пока остаются без авторов.

Литература

1. Крадин, Н. П. Русские города в Китае // Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Вып. 1 : Города Дальнего Востока : сб. науч. ст. / Науч.-исследоват. ин-т теории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) Рос. акад. архитектуры и строительных наук ; Хабаровский филиал НИИТИАГ РААСН ; Хабаровский гос. техн. ун-т. – Хабаровск, 2002. – С. 109–142
2. Левовшко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии : конец XIX – первая половина XX века. – Хабаровск : Част. коллекция, 2003. – 174 с.
3. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Русские инженеры – строители банков Маньчжурии // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 147–151
4. Smolianinova, T. A., Kim, A. A. The formation of European settlements in China in the second half of the 19 – the first half of the 20th century and the features of their development in Manchuria // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. – 2021. – Vol. 1079
5. Старая тень Инкоу. – URL: https://www.997788.com/pr/detail_191_79808354.html (дата обращения: 28.07.2022)
6. Cameron, M. W. H. Present Day Impressions of the Far East and Prominent and Progressive / W. H. Morton Cameron, W. Feldwick – Globe encyclopedia Company, 1917
7. ГАХК. Ф. 830. О. 3. Д. 15786. Л. 9
8. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Особенности архитектуры банковских учреждений Харбина первой трети XX века // Архитектон : известия вузов. – 2020. – №3(71). – URL: http://archvuz.ru/2020_3/9/ – doi: 10.47055/1990-4126-2020-3(71)-9
9. Базилевич, М. Е., Целуйко, Д. С. Архитектура зданий Русско-Китайского в Даляне // Архитектон : известия вузов. – 2021. – №3(75). – URL: http://archvuz.ru/2021_3/13/
10. Tseluiko, D. S. The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945) // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. – 2020. – Vol. 962.
11. Smolianinova, T. A., Bazilevich, M. E. Architecture of consular buildings in Manchuria (Lubin) during the first half of the 20 century // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. – 2020 – Vol. 753

12. Оглядываясь назад на историю открытия порта в Маньчжурии. – URL: <http://www.mzlakn.com/cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=8&id=10856> (дата обращения 30.07.2022)

13. «Прошлое и настоящее» первой больницы Цицикара. – URL.: <https://www.163.com/dy/article/F7CGV4EU0534C1ZB.html> (дата обращения: 30.07.2022)

References

- Bazilevich, M. E., & Kim, A. A. (2020). The architecture of banking institutions in Kharbin in the first third of the XX century. *Architecton: Proceedings of higher education*, 3(71). DOI: 10.47055/1990-4126-2020-3(71)-9. Retrieved from http://archvuz.ru/2020_3/9
- Bazilevich, M., & Kim, A. A. (2021). Russian engineers – builders of banks in Manchuria. *Project Baikal*, 18(68), 147-151. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1816>
- Bazilevich, M. E., & Tseluiko, D. S. (2021). The architecture of the Russo-Chinese bank's buildings in Dalian. *Architecton: Proceedings of higher education*, 3 (75). DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-13. Retrieved from http://archvuz.ru/2021_3/13/
- GAHR. Fund 830. Inv.3. File 15786. L. 9.
- Kradin, N. P. (2002). *Russkie goroda v Kitae [Russian cities in China]*. In *Architecture of Eastern Siberia and Far East (Issue 1, pp. 109-142)*. Khabarovsk.
- Levoshko, S. S. (2003). *Russkaya arkhitektura v Manchzhurii: konets XIX – pervaya polovina XX veka [Russian architecture in Manchuria: the end of the 19th – the first half of the 20th century]*. Khabarovsk: Chast. kolleksiya.
- Looking back at the history of opening a port in Manchuria (n.d.). Retrieved July 30, 2022, from <http://www.mzlakn.com/cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=8&id=10856>
- Morton Cameron, W. H., & Feldwick, W. (1917). *Present Day Impressions of the Far East and Prominent and Progressive Chinese at Home and Abroad*. Globe encyclopedia Company.
- Old shadow of Yingkou (n.d.). Retrieved July 28, 2022, from https://www.997788.com/pr/detail_191_79808354.html
- “Past and present” of the first hospital of Qiqihar (n.d.). Retrieved July 30, 2022, from <https://www.163.com/dy/article/F7CGV4EU0534C1ZB.html>
- Smolianinova, T. A., & Bazilevich, M. E. (2020). Architecture of consular buildings in Manchuria (Lubin) during the first half of the 20 century. *IOP Conf. Ser.: Mater. sci. Eng. (Vol. 753)*.
- Smolianinova, T. A., & Kim, A. A. (2021). The formation of European settlements in China in the second half of the 19th – the first half of the 20th century and the features of their development in Manchuria. *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. (Vol. 1079)*.
- Tseluiko, D. S. (2020). The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945). *IOP Conf. Ser.: Mater. sci. Eng. (Vol. 962)*.

Представлен проект ревитализация 36-го квартала исторического центра Иркутска, ключевой объект которого – бывшая усадьба купцов-меценатов Медведниковых, расположенная на углу улиц Халтурина и Декабрьских Событий. Сохранившиеся здания, построенные в начале XIX века в классическом стиле, выведены из перечня объектов культурного наследия и находятся в аварийном состоянии, фрагментами руинированы. Цель проекта – восстановление историко-культурной ценности объекта и приспособление знаний под культурно-творческий центр. Назначение объектов определено на основании проведенного анализа существующей ситуации, сложившейся культурно-образовательной функции прилегающей территории и запросов жителей города. Границы проектирования расширены для решения комплексного развития городской среды. Проект отмечен дипломами МООСАО и СМА на Международном смотре-конкурсе лучших выпускных квалификационных работ по архитектуре, дизайну и искусству (Казань) и дипломом Союза архитекторов России на XXX Международном архитектурном фестивале «Зодчество» (Москва).

Ключевые слова: исторический центр; реконструкция; реновация; градостроительное планирование; городское развитие, исторический квартал. /

The main site of the project for the revitalization of the 36th quarter of the historical center of Irkutsk is the merchant estate of the Medvednikovs. The buildings are located at the corner of Khalturin Street and Dekabrskikh Sobytyi Street. Built in the classical style in the early 19th century, the surviving houses have been excluded from the list of cultural heritage sites and are in a ruined state. The goal of the project is to restore the historical and cultural value of the site and to adapt it for a cultural center. The choice of function for the object was determined after analyzing the situation and justified by the cultural and educational function of the territory and the needs of residents. The boundaries of urban planning were increased to ensure integrated urban development. The project is the winner of the International Graduation Competition (Kazan) and the XXX International Architectural Festival "Zodchestvo" (Moscow).

Keywords: historical center; reconstruction; renovation; urban planning; urban development; historical quarter.

Ревитализация квартала меценатов Медведниковых в Иркутске / Revitalization of the quarter of the Medvednikov patrons in Irkutsk

текст

Павел Пуляевский

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Евгения Пуляевская

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Pavel Pulyaevsky

Irkutsk National Research Technical University

Evgenia Pulyaevskaya

Irkutsk National Research Technical University

Введение

Тема ревитализации исторического центра города в последнее десятилетие привлекает все больше специалистов в области градостроительного планирования и развития территорий. Бережное отношение к архитектурному наследию, как материальному, так и нематериальному, стало сегодня международным трендом [1]. Процесс воссоздания и оживления городского пространства, возобновление жизнеспособности городской среды – одна из актуальных задач при реконструкции и реновации исторических кварталов. При этом приспособление исторического квартала к новым реалиям и социально-экономическим условиям нередко ведет к трансформации сложившейся планировочной структуры и разрушению морфологии городской застройки.

Поляризация интересов при инвестиционной привлекательности территории при аварийном состоянии объектов культурного наследия приводит к противоречиям между городскими сообществами и стагнации развития исторического центра города. Поиск решения обозначенной проблемы может быть найден при комплексном подходе к анализу и проектированию территории исходя из целей преемственного развития исторической среды, поисков методов сохранения объектов культурного наследия и приемов ревитализации городских кварталов

в соответствии с потребностями городского сообщества и актуальными функциями места. Изученный опыт отечественной и зарубежной практики ревитализации подтверждает, что необходим «широкий спектр мероприятий – от реставрации фасадов и очистки от разного рода диссонирующих элементов до восстановления и развития планировочной и пространственной структуры» [2]. Эти же задачи были обозначены автором в процессе подготовки выпускной квалификационной работы бакалавра на тему «Реконструкция застройки исторического квартала с предложением по возрождению историко-культурной ценности и реставрации усадебного комплекса купцов-меценатов Медведниковых в Иркутске» (автор П. Пуляевский, руководители В. Стегайло, А. Прокудин, консультанты Е. Шулятьева, А. Петров, 2022).

Методы

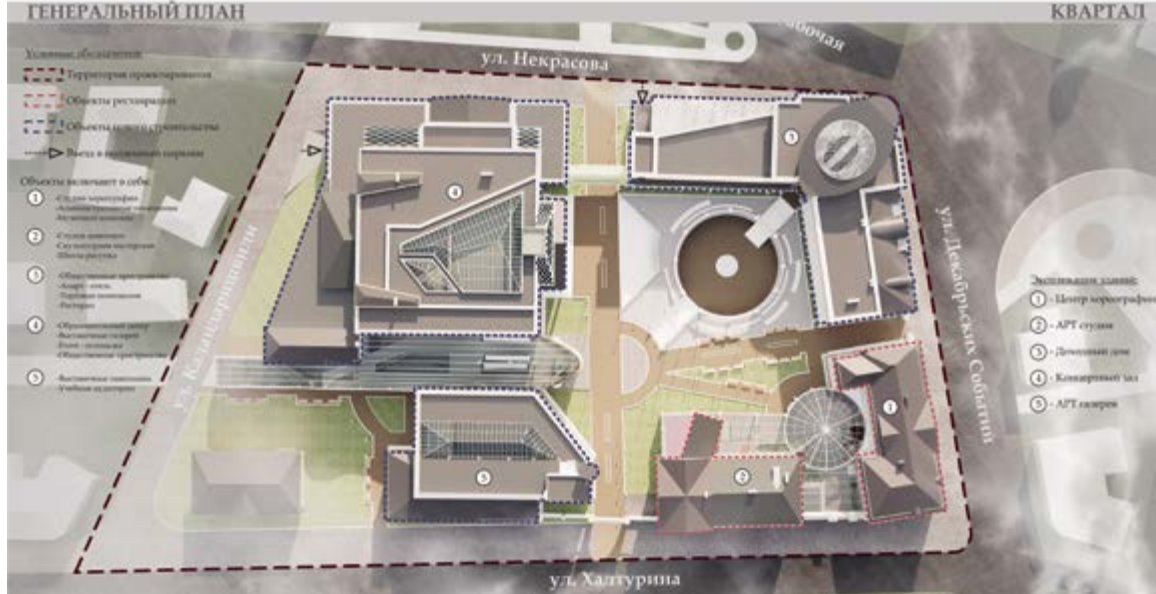
Использованные методы предпроектного анализа включали картографический анализ территории проектирования, изучение архивных, ранее выполненных научно-исследовательских и проектных материалов, натурные исследования и фотофиксацию объекта проектирования, анализ градостроительной и нормативно-правовой документации. Проектное предложение по ревитализации квартала и объемно-пространственная модель разработаны с использованием программного комплекса для автоматизированного проектирования, реализующий принцип информационного моделирования зданий (Building Information Modeling, BIM) – Autodesk Revit.

Результаты

Градостроительный анализ и общественный статус территории. Выбранный квартал, несмотря на свое «привилегированное» местоположение в структуре города, находится в частной собственности и используется под автопарковку и хозяйственно-складские функции. Согласно публичной кадастровой карте, площадь территории составляет 12628 м², в настоящий момент она разделена на три кадастровых участка [3]. В соответствии с правилами землепользования и застройки, территория расположена в зоне делового, общественного и коммерческого назначения (рис. 1). Градостроительный регламент закреплен 67-й статьей Правил землеполь-

в Рис. 1. Ситуационный план. Авторская схема

< Рис. 2. Схема генерального плана и прилегающей территории с выделением опорной застройки, значимых объектов культурно-образовательного назначения и формированием новых планировочных элементов (проектное предложение)

зования и застройки [4]. До 2017 года объект «Бывшая усадьба иркутских купцов-меценатов Медведниковых, позднее военного ведомства: два дома, ворота» (конец XVIII в., 1880-е гг., два каменных дома и ворота, Иркутск, ул. Халтурина, 13, постр. 1, 2/Декабристов Событий) был включен в «Сводный список вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Предметом охраны являлись объемно-планировочные решения здания в габаритах капитальных конструкций и элементы оформления фасадов и интерьеров.

Развитие 36-го квартала происходило на рубеже XVII – XVIII веков, когда вокруг Иркутского острога стал селиться посадский люд. Одной из первых заселялась местность вниз по течению Ангары, между острогом и устьем Ушаковки. Центрами, вокруг которых формировался иркутский палисад, были первые православные храмы [5]. Квартал зафиксирован на картах Иркутска с 1730 года и развивался как рядовой элемент планировочной структуры [6]. На плане 1792 года, наряду с отмеченными каменными зданиями (религиозными, административными, торговыми и частными строениями), обозначен каменный дом в исследуемой усадьбе, который был расположен по красной линии ул. Медведниковской (ныне ул. Халтурина) [7].

Высокий общественный статус исследуемой части территории, располагающий к деловой активности, определялся близостью с одной стороны центра города с купеческим и мещанским гостиными дворами, с другой – набережных рек Ангары и Ушаковки, где были сконцентрированы пристани, рыбные ряды, торговые склады разного назначения, а также начинались Московский и Якутский тракты.

В XIX веке возросло количество торговых, казенных, общественных и учебных учреждений; в 1811 году рядом с Владимирской церковью были возведены Московские ворота (на одном из четырех главных выездов из города, ведущем в европейскую часть России). В XX веке эта территория сохранила свою высокую социально-административную позицию [8].

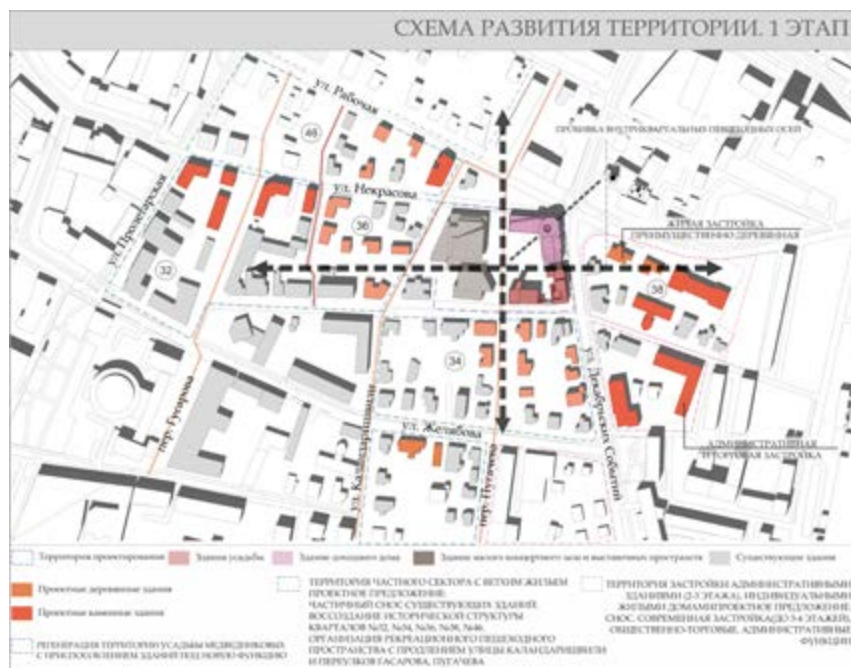
Начиная с 1940-х годов на прилегающей территории в границах пешеходной доступности формируются

городские музейные, образовательные и культурно-просветительские функции, сохранившиеся до настоящего времени [9]. В современных градостроительных условиях это Областная детская школа искусств (ул. Желябова, 10), Художественный колледж (дом Файнберга), Дом офицеров и кинотеатр «Пионер», средняя образовательная школа (ул. Рабочая, 17а) и Православная женская гимназия (ул. Декабристов Событий, 3), Педагогический институт (Нижняя набережная, 8) и др.

Концепция реновации территории. Реконструкция застройки квартала. Развитие территории предполагает несколько проектных стадий: реконструкция квартала с сохранением и реставрацией выявленных объектов культурного наследия (первый этап); реконструкция и развитие прилегающей территории (второй этап) (рис. 2, 3).

В проектом предложении были рассмотрены следующие вопросы: проблема сохранения культурного наследия в Иркутске; туристический маршрут по исторической части Иркутска; нехватка учебных и выставочных пространств, которые частично либо полностью сможет предоставить культурно-творческий центр; отсутствие рекреационных зон, благоустройства и озеленения.

В планировке генплана закладываются новые пешеходные связи, формируемые исходя из морфологии сложившейся территории. Предлагается продлить переулок Пугачева до ул. Карла Маркса с выходом на кинотеатр «Пионер», разделив прилегающий 34-й квартал на два планировочных элемента для организации входной зоны в проектируемый культурно-досуговый центр; 36-й квартал также разбить на два планировочных элемента, продлевая ул. Каландаришвили до ул. Рабочей, тем самым выделяя функции проектируемой территории развития. Застройка с ориентацией на перекресток с пятилучевой транспортной развязкой акцентируется эллипсовидным по форме элементом здания (лестнично-лифтовой узел с видовыми площадками) и дополняется внутренней пешеходной и визуальной связью, которая организует сложную входную группу. Для уменьшения влияния шума в планировке внутреннего двора предусмотрено понижение уровня земли и создание атриума. Пространственно-планировочная организация территории разработана

^ Рис. 3. Схема развития территории. Первый этап (проектное предложение)

с учетом внешних и внутренних пешеходных и социально-культурных связей и может быть использована для туристических и образовательных коммуникаций (рис. 4).

Архитектурные решения. Проектируемый культурно-творческий центр включает в себя несколько отдельных стоящих объектов, связанных теплыми надземными и подземными переходами:

- Центр хореографии и музей: существующее двухэтажное здание приспособляется под Центр хореографии, который включает в себя танцевальные классы, административные помещения, музейный комплекс в подвальном этаже.
- Арт-студия: приспособление существующего трехэтажного здания; включает в себя скульптурную мастерскую на первом этаже, студии живописи и графики на втором и третьем этажах.
- Стекланный переход: обеспечивает связь существующих зданий на уровне первого этажа, перекрывая входную зону, служит теплым переходом между корпусами в зимний период времени.
- Доходный дом: новое строительство с размещением на первом этаже торгового пространства, на втором и третьем этажах – апартаментов для артистов, преподавателей и гостей города.
- Ресторан с открытой террасой и видовой точкой на набережную Ангары и Московские триумфальные ворота, расположен на четвертом этаже доходного дома.
- Здание концертного зала: состоит из двух отдельно стоящих зданий, которые соединены между собой стеклянным переходом, формирующим общественно-рекреационное пространство и обеспечивающим транзит между объектами. В этой зоне также расположены учебные помещения, выставочные площадки, конференц-залы (рис. 4–6).

Решение фасадов предполагает использование элементов классического стиля, а также элементов, выполненных с применением современных материалов, что позволит продолжить преемственное развитие эклектики данного квартала.

Концепция реставрации и приспособления зданий, обладающих признаками объекта культурного наследия. Внешний облик зданий восстанавливается по архив-

^ Рис. 8. Объемно-пространственная модель реконструкции квартала. Вид с улиц Декабрьских Событий и Халтурина. Реконструкция застройки исторического квартала с предложением по возрождению историко-культурной ценности и реставрации усадебного комплекса купцов-меценатов Медведниковых в Иркутске. Автор П. Пуляевский, руководители В. Стегайло, А. Прокудин, консультанты Е. Шулятьева, А. Петров. 2022 (QR-код на видеопрезентацию проекта)

ным снимкам, сделанным в разные периоды эксплуатации зданий, и по образцовым фасадам из «Собрания фасадов его Имперским Величеством высочайше опробованных для частных строений в городах Российской империи», датированного 1809 годом [10].

На главном фасаде двухэтажного здания по адресу: ул. Халтурина, 13, лит. А, предлагается восстановить существующий ризалит и добавить медальоны над оконными проемами, поднять фриз. Также планируется провести частичную реконструкцию пристроя с доведением его до уровня нового карнизного пояса, под единую плоскость проектируемой крыши. В этом объеме в проектом предложении предусмотрены лестничный марш с лифтом для маломобильных групп населения и световой фонарь, который визуально выравнивает уровень карниза. Трехэтажное здание по адресу: ул. Халтурина, 13, лит. Б, восстанавливается в соответствии с нынешними объемами и пропорциями. Для создания целостности восприятия и поддержания объекта стилистически предлагается обрамление оконных проемов в виде наличников. Аналогом послужили наличники соседнего здания по ул. Халтурина, на которой и стоит данный объект реставрации. Этот тип наличников был разработан с учетом внешнего облика и стиля здания, что подчеркивает и сохраняет его внешний вид (рис. 7).

Заключение

В ходе работы над проектом были представлены ретроспективный анализ формирования застройки исторического квартала и градостроительное развитие прилегающей к нему территории. Для повышения качества городской среды, улучшения пешеходной связности и инфраструктуры, существующих и формируемых общественных пространств были предложены новые пешеходные внутриквартальные маршруты, упорядочивающие планировочную структуру территории, при условии поляризации сложившихся городских функций. Восстановление периметра застройки вдоль основных городских магистралей разрабатывалось на основе принципов сохранения генетических и морфологических особенностей формирования планировки территории с учетом масштаба существующих и проектируемых объектов.

в Рис. 4. Генеральный план культурно-творческого центра развития: 1 – центр хореографии, 2 – арт-студия, 3 – доходный дом, 4 – концертный зал, 5 – арт-галерея

Визуальную связность между объектами культурно-творческого центра развития предлагается обеспечить за счет атриумных и галерейных планировочных решений, а также лаконичного использования современных материалов. Визуальная коммуникация с существующими градостроительными объектами обеспечивается посредством асимметричности планировочного решения застройки, повышения этажности на пересечении транспортных магистралей и интеграции входной зоны с видовыми площадками при решении лестнично-лифтовых узлов здания. Представленный проект предполагает комплексное развитие территории с учетом всех этапов градостроительного, архитектурного и реставрационного проектирования для повышения качества городской среды и инвестиционной привлекательности исторической территории.

Литература

1. Индустрия ревитализации [Электронный ресурс]. – URL: https://tatlin.ru/articles/industriya_revitalizacii (дата обращения: 15.10.2022)
2. Ревитализация Апраксина и Щукина дворов [Электронный ресурс]. – URL: <https://studio44.ru/projects/project148> (дата обращения: 27.09.2022)
3. Публичная кадастровая карта Иркутска (Иркутская область) 2022 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://egrp365.org/map/?id=g43e3Q> (дата обращения: 27.09.2022)
4. Правила землепользования и застройки части территории города Иркутска, включающей территорию в границах исторического поселения город Иркутск // ADMIRK [Электронный ресурс]. – URL: <https://admirk.ru/authority/documents/element/113875> (дата обращения: 16.10.2022)
5. Калинина, И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX в. – Москва : Галарт, 2000. – С.108,114
6. План города Иркутска, 1730 год. Фрагмент листа с планами городов Иркутской губернии / составитель И. К. Кирилов [Электронный ресурс]. – URL: http://retromap.ru/141903_52.300250,104.24685 (дата обращения: 16.10.2022)
7. Старые карты Иркутска и Иркутской области. 1792. План губернского городу Иркутску [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.retromap.ru/m.html#l=14179232> (дата обращения: 21.09.2018)
8. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Бывшая усадьба иркутских меценатов Медведниковых, позднее военного ведомства: два дома, ворота»,

в Рис. 7. Визуализация проектного предложения со стороны внутреннего пешеходного пространства и ул. Декабрьских Событий

конец XVIII века, 1880-е гг. расположенного по ул. Халтурина,13, постр 1, 2 / ул. Декабрьских Событий

9. План города Иркутска 1:15K 1940 г. Масштаб 1:15 000. Составлен по материалам съемки главного городского архитектора Иркутского горсовета. – Иркутск : ОГИЗ, 1940. – 1 л.

10. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 284. Л. 2–3. Собрание фасадовъ. Его Императорскимъ Величествомъ высочайше апробированныхъ для частныхъ строений въ городахъ Российской Империи.1809 года. Части 1–5.

References

- Act of the state historical and cultural expertise of the identified object of cultural heritage “the former estate of the Irkutsk Medvednikov patrons, later the military department: two houses, a gate” end of the 18th century, 1880s. located on Khalturin Street, 13 building 1,2 / Dekabrskikh Sobytiy Street.
- Collection of facades. His Imperial Majesty highly approved for private buildings in the cities of the Russian Empire (parts 1-5) (1809). Russian State Historical Archive. F. 1286. Inv. 2. File. 284. L. 2-3.
- Industriya revitalizatsii [Industry of revitalization] (2020, October 30). Tatlin. Retrieved October 15, 2022, from https://tatlin.ru/articles/industriya_revitalizacii
- Kalina, I. V. (2000). Pravoslavnye khramy Irkutskoi eparkhii XII – nachala XX v. [Orthodox churches of the Irkutsk diocese of the 17th – early 20th centuries]. Moscow: Galart.
- Kirilov, I. K. (1730). Plan goroda Irkutsk. Fragment lista s planami gorodov Irkutskoi gubernii [Plan of the city of Irkutsk. Fragment of a sheet with city plans of the Irkutsk Province]. Retrieved October 16, 2022, from http://retromap.ru/141903_52.300250,104.24685
- Plan for the provincial city of Irkutsk [Plan gubernskomu gorodu Irkutsku] (1792). Old maps of Irkutsk and the Irkutsk region. Retrieved September 21, 2022, from <http://www.retromap.ru/m.html#l=14179232&z=15&y=52.290566&x=104.28256>
- Plan of the city of Irkutsk 1:15K. Scale 1:15000. Compiled based on the photographic materials of the Chief City Architect of the Irkutsk City Council (1940). Irkutsk: OGIZ.
- Public cadastral map of Irkutsk (Irkutsk region) (2022). Retrieved September 27, 2022, from <https://egrp365.org/map/?id=g43e3Q>
- Revitalizatsiya Apraksina i Shchukina dvorov [Revitalization of Apraksin and Shchukin yards] (n.d.). Studio 44. Retrieved September 27, 2022, from <https://studio44.ru/projects/project148/>
- Rules for land use and development of a part of the territory of the city of Irkutsk, including the territory within the boundaries of the historical settlement of the city of Irkutsk (2022, April 1). ADMIRK. Retrieved October 16, 2022, from <https://admirk.ru/authority/documents/element/113875/>

^ Рис. 5. Поэтажные планы

Университетский кампус, построенный в зоне пустыни и полупустыни в стране с жарким климатом, приобретает важное значение для устойчивого градостроительного развития региона и для решения глобальных задач, связанных с изменением климата и уменьшением углеродного следа. В статье рассматривается история создания кампуса частного университета Каламун, которая показывает, как университет оказывает влияние на градостроительное развитие г. Дейр Атия и прилегающих территорий. На фоне сложной геополитической ситуации кампус университета Каламун стал «оазисом в пустыне» и в настоящее время представляет современный университетский архитектурно-ландшафтный комплекс с комфортной и доступной средой, являющий пример эффективного освоения территорий в условиях жаркого климата и одного из «якорных элементов» градостроительной системы региона Аль-Каламун. /

Ключевые слова: оазис в пустыне; университетский кампус; архитектурно-ландшафтный комплекс; зеленый каркас; зеленая инфраструктура; ландшафтный урбанизм; социально-экономическое развитие; градостроительное развитие.

The university campus built in the desert and semi-desert zone in countries with a hot climate is becoming important not only for the sustainable urban development of the region, but also for solving global problems associated with climate change and reducing carbon footprint. The article discusses the history of the creation of the campus of the private Kalamoon University in Syria, which shows how the university has an impact on the urban development of the city of Deir Atiyah and the surrounding areas. Against the backdrop of a difficult geopolitical situation, the Kalamoon University Campus has become an “oasis in the desert” and currently represents a modern university architectural and landscape complex with a comfortable and accessible environment, which is an example of effective development of territories in a hot climate, as well as one of the “anchor elements” of the urban planning system of the Al-Kalamoon region.

Keywords: oasis in the desert; university campus; architectural and landscape complex; green frame; green infrastructure; landscape urbanism; socio-economic development; urban development.

Кампус Университета Каламун: оазис в пустыне / The Kalamoon University Campus: An oasis in the desert

текст

Элина Красильникова
Севастопольский государственный университет
Владимир Стручков
Севастопольский государственный университет
Салим Даабуль
Университет Каламуна
Влада Мельник
Университет Каламуна /

text

Elina Krasilnikova
Sevastopol State University
Vladimir Struchkov
Sevastopol State University
Salim Daaboul
University of Kalamoon
Vlada Melnik
University of Kalamoon

Университетский кампус в пустыне – миф или реальность? Это реальность, обоснованная процессом освоения экстремальных для жизни территорий в зонах пустынь и полупустынь, которое в XXI веке имеет важное значение для градостроительного развития регионов и не менее важное значение для усиления процесса декарбонизации и адаптации городов к изменению климата. Например, проект экогорода Масдар Сити (Masdar City) [1] с нулевым потреблением энергии, разработанный компанией Нормана Фостера (Foster and Partners), расположенного недалеко от Абу-Даби, представляющий масштабный и амбициозный проект Арабских Эмиратов, реализуется с большими трудностями, связанными с глобальным экономическим кризисом. В Масдар Сити, по замыслу авторов, ключевое значение имеет кампус Института Масдара, который определен флагманским исследовательским институтом Университета Халифы, ориентированным на устойчивое развитие. К сожалению, за последние 12 лет была построена только первая фаза города и высажено менее 5% зеленых насаждений, формирующих его зеленый каркас, проектная площадь которого составляет шесть квадратных километров и была задумана как модель уникального зеленого оазиса в пустыне. Поэтому в современных условиях нового периода развития урбанизации, связанного с изменением

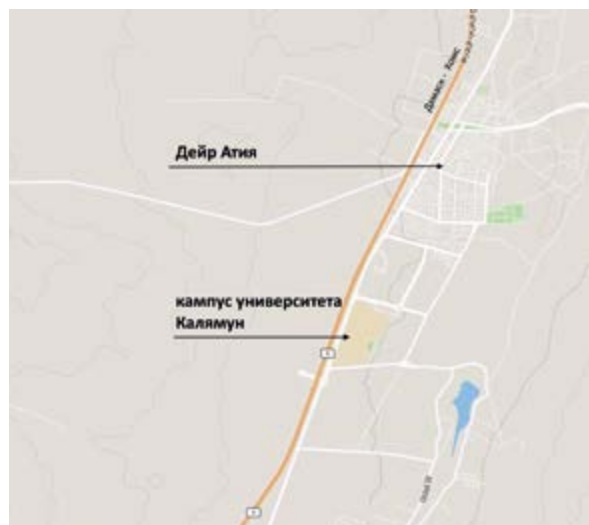
геополитической ситуации, актуальным направлением в создании экогородов, городов-садов – университетских кампусов в условиях жаркого климата, создаваемых на основе концепции «оазиса в пустыне», являются небольшие по площади территории кампусов университетов. Пространственная организация таких кампусов позволяет создавать закрытую экосистему, удобную для жизни, работы, обучения и внедрения современных технологий по снижению потребления углерода.

Анализ некоторых университетских кампусов, имеющих пространственную организацию «закрытого типа» [2] и созданных в период с 1940-х годов по настоящее время в странах с жарким климатом (Technology School of Guelmim в Марокко, Middle East University в Ливане, Zayed University в Дубаи, College of Desert Visual Arts Building в Калифорнии, Texas A&M University в Катаре, Samundra Institute of Maritime Studies в Индии, Agostinho Neto University в Анголе [3]) позволяет сделать вывод о том, что сегодня современный университетский кампус закрытого типа с экологически эффективной системой ландшафтной организации территории формируется в архитектурно-ландшафтный комплекс, оказывающий влияние на градостроительное развитие города или региона.

Уникальным примером создания города-сада, «оазиса в пустыне», является кампус первого частного университета Каламун в Сирии, основанного в 2003 году. Кампус университета расположен в 88 километрах к северу от Дамаска, рядом с городом Дейр Атия между горами Каламун и горами Восточного Ливана. Микроклиматические условия этой территории Сирии отличаются умеренными температурами в летнее время и холодной зимой, поскольку она находится высоко над уровнем моря и вблизи к пустыне. Поистине – райское место: на этой территории и на территории кампуса выращивают виноград, абрикосы, вишню, инжир и другие фрукты, многие из которых не растут в других регионах Сирии. Когда попадаешь на территорию университетского кампуса, вспоминаются сады-парадизы Ассирии и Древней Персии, образы которых дошли до нас в рисунках персидских ковров [4] (рис. 13), а также и уникальные пейзажные античные сады, искусно изо-

> Рис. 1. Расположение г. Дейр-Атия, Сирия

^ Рис. 2. Ситуационная схема размещения кампуса университета Каламун и г. Дейр Атия, Сирия

^ Рис. 3. Регион Аль-Каламун

браженные на минойских фресках, найденных на острове Санторин [5]. Обоснованием таких ментальных аллегорий является понимание принадлежности большей части территории Сирии к региону Большого Средиземноморья.

История

История создания университетского кампуса Каламун тесно связана с историей развития города Дейр Атия. Это обусловлено тем, что архитектура и градостроительство Сирии сохраняет следы различных исторических периодов – арамейского, ассирийского, античного, османского, французского и социалистического. Понимание особенностей исторического контекста градостроительного развития территории, прилегающей к кампусу университета Каламун, дает ответ на вопрос, «как и почему возник современный архитектурно-ландшафтный комплекс университета, этот уникальный «оазис в пустыне»?»

Город Дейр Атия (население около 22000 жителей) удобно расположен в сельской местности на международной автомагистрали между Дамаском и Хомсом (рис. 1; 2) на высоте 1250 метров над уровнем моря. Такое расположение сделало город Дейр Атия важным перекрестком дорог между востоком и западом, севером и югом Сирии.

Дейр Атия прошла через множество этапов градостроительного и социально-экономического развития, сопровождавшихся не только успехом, но и серьезными вызовами.

Первый этап. История Дейр Атии была связана с возрождением строительства города, которое берет свое начало в Великой Сирии после освобождения Иерусалима Саладином Аль-Аюби (1187). Важную роль для развития города сыграла его знаменитая жительница – Салеха Хатун, дочь одного из старших командиров Саладина. Салеха Хатун была инициатором первого возрождения Дейр Атии. Она восстановила речной канал и установила сложную, редко встречающуюся оросительную систему, а затем занялась строительством домов для людей, которых она привезла с собой из разных уголков региона.

Второй этап. Начало второго этапа градостроительного и социально-экономического возрождения Дейр Атии началось в последней четверти XIX века и продолжалось

до 1960-х годов; оно характеризовалось культурными, экономическими и социальными аспектами. В этот период были построены школы по образцу миссионерских школ, созданных в Ливане, с использованием арабского языка в качестве средства обучения и введением иностранных языков. Эти процессы совпали с активной эмиграцией жителей Дейр Атии в Новый Свет и особенно в Южную Америку. Интересным фактом является то, что активные процессы модернизации строительства и сельского хозяйства велись за счет вернувшихся эмигрантов.

Третий этап. Он начался в 1982 году и продолжается до сих пор. Этот период градостроительного и социально-экономического развития является наиболее значимым для Дейр Атии и всего региона, так как он связан с решением актуальных экологических и социальных проблем, возникающих в результате негативного влияния сухого климата и истощения гидрологических ресурсов на фоне мировых процессов изменения климата. В этот период активно ведутся мероприятия по посадке городских лесов, выращиванию фруктовых деревьев, расширяются пастбищные угодья на городских окраинах, ведется благоустройство межселенных территорий, улиц, скверов и площадей. Важным аспектом реконструкции гидрологической сети региона является строительство глубоких колодцев, поверхностных дамб для создания поверхностного дренажа с целью организации системы естественного орошения и полива созданных лесных массивов и садов. В этот период происходит значительное расширение строительства, отмеченное созданием новых, современных и освещенных улиц и жилых кварталов. Возможно, самым интересным и важным аспектом этого возрождения является создание объектов общественного обслуживания высокого международного стандарта, в том числе больницы Аль-Бассель, оснащенной самым современным медицинским оборудованием, музея, дворца культуры, спортивного городка, общественной бани, дома престарелых и дома для инвалидов, который в настоящее время строится в дополнение к другим учреждениям, и современной школы Калям у Нур. Реальные изменения произошли в социально-экономической сфере

> Рис. 5. Интерьер библиотеки университета Каламун на 1000 читателей

региона, в основном благодаря средствам, полученным от репатриантов в регионе Персидского залива.

Логическим завершением и главным событием процесса градостроительного и социально-экономического развития региона является создание университета Каламун в 2003 году. В 2002 году основателем университета (с целью его создания) стала специально созданная компания «Аль-Нибрас». Университет – первое в Сирии частное высшее учебное заведение. Это произошло 9 июля 2002 года. Год спустя, в соответствии с Указом Президента № 293, он был утвержден как частный университет Каламун, что стало значительным событием в истории высшего образования в Сирии. Благодаря самоотверженному вкладу в создание университета его основателей университет положил начало стратегии социально-экономического возрождения области Каламун, стал своеобразным «оазисом в пустыне», местом, где создается новое перспективное поколение будущего Дейр Атии и всей Сирии (рис. 3; 4).

Кампус университета Каламун – современный архитектурно-ландшафтный комплекс

Сегодня университет – современный образовательный центр, в котором обучаются 6000 студентов. В структуру университета интегрированы комфортабельные общежития гостиничного типа на 1800 номеров для студентов, а также более двухсот гостевых квартир для преподавателей и руководителей структурных подразделений университета. Студенческие общежития и квартиры для преподавателей отличаются высоким уровнем комфортности: доступом в интернет, телефоном, круглосуточным сервисом с постоянными клиринговыми услугами.

Функционально-планировочная структура кампуса включает:

- специализированную учебно-образовательную зону (учебно-лабораторные корпуса, университетская больница);
- общественно-деловую зону (библиотека на 1000 читателей (рис. 5), молл, ресторан, кафе, амфитеатр на три тысячи зрителей для проведения различных мероприятий и ежегодных выпускных церемоний, сервисные объекты);

- спортивную зону (спортивный городок с футбольным полем, баскетбольными, волейбольными и теннисными площадками и крытым спортивным залом и бассейном)

- жилую зону (общежития студентов, дома сотрудников);

- сакральную зону (мечеть);
- рекреационную зону (небольшой зоопарк и конноспортивный клуб для обучения верховой езде (рис. 12), скверы, бульвары, сады и парки университета) (рис. 7; 9; 11);

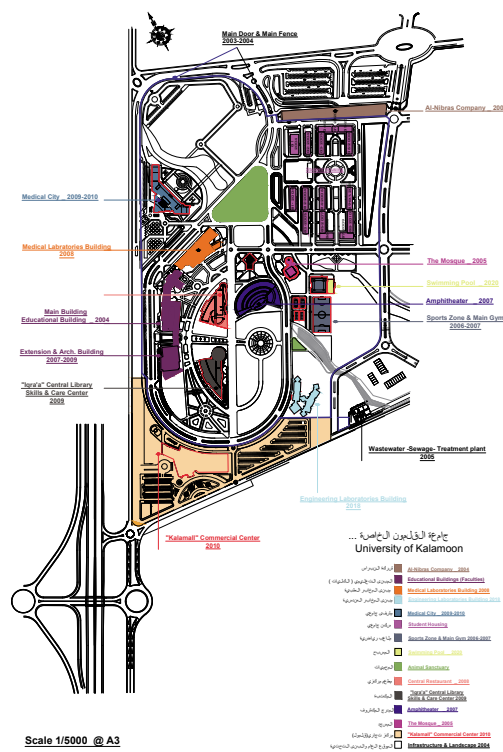
- производственную зону (объекты коммунальной и транспортной инфраструктуры).

Объекты, формирующие пространственно-планировочную структуру кампуса, интегрированы с зеленым каркасом территории и представлены различными по функциональному назначению объектами озеленения общего пользования, учитывающими наличие в структуре кампуса университетской больницы [6]. Геометрия плана кампуса университета ассоциируется с растительным рисунком традиционных восточных ковров (рис. 9; 10). Таким образом, формируется уникальная структура ландшафтной организации территории кампуса. Ассоциация с элементами живой природы, стволами растений, стеблями, листьями прочитывается в планировке и композиции ландшафтной структуры кампуса; ландшафт кампуса «связывает» все элементы пространственно-планировочной структуры в единый архитектурно-ландшафтный комплекс (рис. 8).

С позиции теории и практики ландшафтного урбанизма [7], процессы градостроительной гибридации коснулись и территорий университетских кампусов. Современные университетские кампусы приобретают функции гибридных пространств, которые интегрируют программные направления градостроительного развития прилегающих территорий, научные исследования, новейшие технологии в области сохранения общественного здоровья, медицины, экологии, архитектуры, строительства, дизайна и информационных сетей с природой, открытыми пространствами, объектами сакральной архитектуры и уникальными природными

^ Рис. 7. Архитектурный факультет университета Каламун. Рекреационное пространство

< Рис. 8. Схема функционально-планировочной структуры университета Каламун

условиями мест, на которых они расположены. Таким образом, происходит формирование архитектурно-ландшафтного комплекса кампуса на основе эффективной организации общественно-рекреационных пространств в единую систему путем формирования «зеленой инфраструктуры» [8], где задействованы все здания и сооружения кампуса, формирующие гибридные пространства независимо от их функционального назначения за счет применения одного из главных принципов теоретической концепции ландшафтного урбанизма – использования горизонтальных поверхностей [7, с. 101]. Формирование архитектурно-ландшафтного комплекса университета Каламун основано на принципе ландшафтно-экологической адаптации – «возвращение природного потенциала в городские пространства» [9], который наиболее эффективно «работает» в условиях жаркого климата региона Аль-Каламун. В настоящее время на территории кампуса высажено большое количество декоративных и плодовых деревьев, кустарников, цветов, многолетних травянистых растений, которые составляют основу зеленой инфраструктуры кампуса, проложен поливочный водопровод, обеспечивающий вегетацию растений.

В условиях изменения климата нехватка воды становится широко распространенной реальностью для глобальных городов с быстрым ростом населения, потому что вода обеспечивает эффективное функционирование устойчивой и динамичной городской системы. Потребность в воде для «зеленой инфраструктуры» вызывает серьезные вопросы, связанные с практическими механизмами управления водными ресурсами, особенно для городов, расположенных в полупустынной или засушливой среде (пустыни, полупустыни). В университете Каламун решение проблемы обеспечения территории кампуса водными ресурсами и их вторичного использования, являющиеся важным компонентом для создания комфортной и устойчивой среды, осуществляет компания «Аль-Нибрас», которая управляет его территорией (рис. 10).

Региональной и национальной особенностью формирования кампуса университета Каламун в Сирии является включение в структуру кампуса мечети, которая также интегрирована с его зеленой инфраструктурой:

^ Рис. 6. Рекреационное пространство

> Рис. 9. Озеленение пешеходных аллей растениями устойчивыми к местным климатическим условиям

это уникальная особенность формирования кампусов университетов арабских стран бассейна Большого Средиземноморья [10]. Можно сделать вывод, что уважение к традициям, сохранение исторического контекста территории, применение экологически эффективных инженерных систем, создание устойчивой к жаркому климату зеленой инфраструктуры кампуса, в структуру которой интегрированы общественные пространства, является основой архитектурно-ландшафтного комплекса университета Каламун – оазиса в сирийской пустыне (рис. 10; 14).

Интеграция кампуса в процесс регионального планирования и градостроительного развития региона

Процесс интеграции кампуса университета Каламун в стратегию развития региона Аль-Каламун имеет важное значение для стратегического планирования территорий Сирии. Опираясь на исторические предпосылки в контексте теории средиземноморского урбанизма, важно понимать значение исторического контекста в развитии региональной системы расселения для формирования новых концепций пространственного планирования и градостроительного развития территорий регионов страны [11; 12]. Кампус университета Каламун окружает незастроенная среда, охватывающая естественные

> Рис. 10. Система дренажа

^ Рис. 12. Планировочная структура Кампуса университета Каламун

^ Рис. 14. Вид на центральное общественное пространство кампуса

^ Рис. 13. Старинный персидский ковер (Garden Carpet). Курдистан, ок. 1800. Нью Йорк Метрополитен Музей. – URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/451940>. Ассоциация геометрии рисунка планировочной структуры кампуса университета Каламун с рисунками персидских ковров, которые отражали представление людей о райском саде – зеленом оазисе, поэтому и назывались «садовые ковры», или «весенние ковры» [4]

v Рис. 11. Газон из устойчивых к засухе суккулентов (*Carpobrotus acinaciformis*) на территории кампуса

и полуестественные экосистемы региона Аль-Каламун, представленные пустынными ландшафтами и горными массивами. Поэтому важным аспектом в проведении научно-исследовательских и проектных работ по проблемам формирования устойчивых градостроительных систем региона, выполняемых научными сотрудниками университета Каламун под руководством доктора Салима Дабуль, является интеграция экологического подхода в процесс стратегического пространственного планирования региона.

Регион Каламун обладает возможностями и социально-экономическими условиями, которые позволяют сформировать интегрированную градостроительную сетевую структуру – основу нового города. Развитие нового города Каламун зависит от исторических, культурных и экономических аспектов, которые определяют основные векторы социально-экономического совершенствования за счет пространственной конвергенции городских сообществ. В настоящее время происходят процессы урбанизации, связанные с городским слиянием между городами района Аль-Каламун в новую градостроительную систему – новый город Каламун (Кара – Дейр Атия – Ан-Набек – Ябруд). Поэтому до окончания процессов интеграции этих городов в новую градостроительную систему необходимо подготовить благоприятную почву для будущего градообразующего развития, направить и принять необходимые меры безболезненного и легкого перехода в новую региональную систему. На основе проведенного комплексного градостроительного анализа были выявлены основные «точки роста» в планировочной структуре городов, связанные с перспективными возможностями для социально-экономического развития каждого города, а также с требованиями и пожеланиями жителей этих городов. Такой подход обоснован достижением основной цели градостроительного слияния городов региона Каламун в новую градостроительную систему: максимальное обеспечение занятости населения, улучшение условий и качества жизни и повышение социально-экономических и экологических показателей для устойчивого развития. Одним из необходимых условий успешной реализации градостроительного слияния городов региона Каламун должен стать мони-

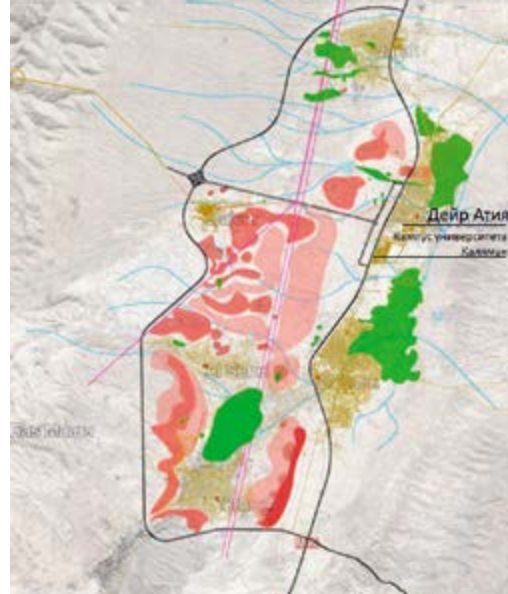

< Рис. 15. Конноспортивный комплекс

^ Рис. 17. Поиск оптимального варианта пространственно-планировочной развития региона Аль-Каламун для создания гипотетического города Каламун.

- а) Гипотеза первая: потребность в системе общественных пространств; общественные пространства – доминантные функционально-планировочные узлы
 б) Гипотеза вторая: пространственно-планировочная структура подчинена процессу градостроительного слияния – оси перспективного развития связаны с существующими транспортными связями между городами региона
 в) Гипотеза третья: пространственно-планировочная структура основана на ландшафтно-градостроительном подходе, позволяющим решать социально-экологические проблемы региона. Архитектор Dr. Saleem Daboul®

^ Рис. 16. Концепция стратегии территориального развития региона Аль-Каламун. Архитектор Dr. Saleem Daboul®

торинг процесса градостроительного развития этого региона и Сирии в целом, необходимый для регулирования территориального планирования. Пример создания нового города Каламун является аналогом для планирования устойчивых градостроительных систем остальных регионов Сирийской Арабской Республики и других стран этого региона, в которых города расположены близко друг к другу и стремятся к объединению с целью градостроительной интеграции.

Для понимания значения университетского кампуса в процессе градостроительного развития региона Аль-Каламун, причин возникновения гипотетического города Каламун и выбора оптимального варианта пространственно-планировочной концепции было создано три гипотетических сценария развития региона (рис. 17 а), б), в)). За основу дальнейшего градостроительного развития региона выбран третий сценарий развития, основанный на создании зеленого каркаса, интегрированного с транспортной инфраструктурой. Таким образом, микромодель локальной планировочной структуры университета Каламун была транслирована на региональный масштаб,

> Рис. 18. Схема «зеленой инфраструктуры» региона Аль-Каламун. Архитектор Dr. Saleem Daboul®

и маленький оазис в пустыне – университет Каламун – становится частью экологически-ориентированной градостроительной системы региона. Кампус университета Каламун за последние десять лет стал точкой роста, «якорным элементом» в структуре региона. Поэтому предлагаемая стратегия развития региона, с одной стороны, оставляет территорию кампуса обособленной, не включает ее в структуру проектируемых поселений, а с другой – интегрирует ее в транспортный каркас, зеленый каркас, систему общественных пространств региона (рис. 16; 17; 18; 19).

В настоящее время кампус университета Каламун – пилотная площадка для создания экологически ориентированной градостроительной структуры – автономного градостроительного образования, кампуса закрытого типа, который формируется в архитектурно-ландшафтный комплекс. Для университетских кампусов, расположенных в климатических зонах с жарким климатом, экологически ориентированный подход является наиболее эффективным для создания пространственно-планировочной структуры территорий с целью устойчивого развития [13; 14].

Заключение

Создание университетского кампуса в пустыне – сложная задача, требующая междисциплинарного подхода, который позволит максимально эффективно внедрять современные инновационные экологические, биологические, ландшафтные, инженерные технологии для создания конкурентоспособного пространства и комфортной среды. «Оазис в пустыне» – это не только кампус, утопающий в зелени: это современный архитектурно-ландшафтный комплекс, который стимулирует социальную, культурную и экономическую жизнь внутри и вокруг него.

Литература

1. 49 Cities / Second Edition with new contributions from M. Webb and S. Jacob – Storefront for Art and Architecture, New York, 2010. – 114–115 с.
2. Пучков, М. В. Опыт пространственной организации современных университетских комплексов // Университетское управление: практика и анализ. – 2011. – №. 2. – С. 30–39

^ Рис. 19. Схемы развития транспортного каркаса и системы общественных пространств региона Аль-Каламун. Архитектор Dr. Saleem Daboul©

3. Lee, K. University Architecture. Design Media Publishing Limited, Hong Kong, 2011, 256с.

4. Jellicoe, G., Jellicoe, S. The Landscape of Man. – Thames & Hudson, New York, 1995, – 30–31с.

5. Ван Зюилен, Г. Все сады мира / перевод с фран. М. Карелиной. – Москва : Издательство АСТ Астрель, 2003. – 176 с.

6. Krasilnikova, E. E. et al. Integration of Hospital Therapeutic Gardens into the Green Frame of Sevastopol // Proceedings of ECSF 2021. – Springer, Cham, 2023. – С. 133–141

7. Красильникова, Э. Э. Ландшафтный урбанизм. Теория – Практика: научная монография. – Волгоград : Областные вести, 2015. – С. 122–125

8. Rouse, D.C. and Bunster-Ossa, I. Green infrastructure: a landscape approach. Planning for Climate Change. Routledge, 2018. – 273–281

9. Krasilnikova, E., Klimov, D. Design principles of hybrid spaces in terms of urban planning regeneration. // WIT Transactions on the Built Environment, 193, 2020. – P. 89–100

10. Elghonaimy, I. Universities campus's urban design respects Islamic country's roles. Journal of the Gulf and Arabian Peninsula Studies. Vol. 30, No 113, 2005. – P. 30–31

11. Hakim, B. Hakim's Work on Traditional Islamic and Mediterranean Urbanism. -Archnet-IJAR:// International Journal of Architectural Research. Vol. 1, No 2, 2007. – P. 100–102

12. Hakim, B. Mediterranean Urbanism. Historic Urban / Building Rules and Processes. Springer, Dordrecht, 2014. – 237 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9140-3>

13. Orenstein, D. E., Troupin, D., Segal, E., Holzer, J. M. and Hakima-Koniak, G. Integrating ecological objectives in university campus strategic and spatial planning: a case study // International Journal of Sustainability in Higher Education, Vol. 20, No 2, 2019. – P. 190–213

14. Yang J., Wang Z.-H. Planning for a sustainable desert city: The potential water buffering capacity of urban green infrastructure. // Landscape and Urban Planning, 167, 2017 – С. 339-347.

References

Elghonaimy, I. (2005). Universities campus's urban design respects Islamic country's roles. Journal of the Gulf and Arabian Peninsula Studies, 30(113), 30-31.

Hakim, B. (2007). Hakim's Work on Traditional Islamic and Mediterranean Urbanism. Archnet-IJAR. International Journal of Architectural Research, 1(2), 100-102. Retrieved from <https://doi:10.26687/archnet-ijar.v1i2.20>.

Hakim, B. (2014). Mediterranean Urbanism. Historic Urban / Building Rules and Processes. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9140-3>

Jellicoe, G., & Jellicoe, S. (1995). The Landscape of Man. New York: Thames & Hudson.

Krasilnikova, E. E. (2015). Landscape urbanism. Theory-Practice: Scientific monograph. Volgograd: Oblastnye vesti.

Krasilnikova, E. E. et al. (2023). Integration of Hospital Therapeutic Gardens into the Green Frame of Sevastopol. Proceedings of ECSF 2021 (pp. 133-141). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-99877-6_15

Krasilnikova, E., & Klimov, D. (2020). Design principles of hybrid spaces in terms of urban planning regeneration. WIT Transactions on the Built Environment, 193, 89-100. DOI: 10.2495/GD170081

Lee, K. University Architecture. (2011). Hong Kong: Design Media Publishing Limited

Orenstein, D.E., Troupin, D., Segal, E., et al. (2019). Integrating ecological objectives in university campus strategic and spatial planning: a case study. International Journal of Sustainability in Higher Education, 20(2), 190-213. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-12-2017-0219>

Puchkov, M. V. (2011). Experience of the spatial organization of modern university complexes. University management: practice and analysis, 2, 30-39.

Rouse, D. C., & Bunster-Ossa, I. (2018). Green infrastructure: a landscape approach. Planning for Climate Change. Routledge, 273-281.

Van Zuilen, G. (2001). All the gardens of the world (M. Karelina, Trans.). Moscow: Astrel Publishing House.

Yang, J., & Wang, Z.-H. (2017). Planning for a sustainable desert city: The potential water buffering capacity of urban green infrastructure. Landscape and Urban Planning, 167, 339-347. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.07.014

49 Cities. (2010). In Second Edition with new contributions from M. Webb and S. Jacob (pp. 14-115). New York: Storefront for Art and Architecture.

АВТОРЫ ПБ74

Абайдулова Дарья Андреевна – магистр искусств, докторант Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Абилов Алексей Жаилханович – доктор архитектуры, профессор Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Буйнов Алексей Николаевич – архитектор, лауреат премии губернатора Иркутской области (Москва)

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор кафедры «Архитектура, градостроительство и графика» Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ, Курск)

Гаевская Злата Анатольевна – кандидат архитектуры, доцент Высшей школы промышленно-гражданского и дорожного строительства Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России

Грязнова Надежда Владимировна – кандидат архитектуры, советник РААСН, ведущий научный сотрудник отдела истории архитектуры и градостроительства Нового времени НИИ теории и истории архитектуры, профессор МАРХИ (Москва)

Даабуль Салим – кандидат архитектуры, доктор философии по специальности «урбанизм», декан факультета гражданского строительства и архитектуры Университета Каламуна (Каламун, Сирия)

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, профессор кафедры дизайна Института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета (ИАСиД ИРНТУ)

Звягинцева Марина Михайловна – кандидат культурологии, заведующая кафедрой «Архитектура, градостроительство и графика» ЮЗГУ (Курск)

Иванов Андрей Владимирович – профессор Международной академии архитектуры, магистр городского менеджмента и развития (Москва)

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Колесников Александр Альбертович – кандидат архитектуры, доцент департамента архитектуры Инженерной академии РУДН, главный архитектор Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» (Москва)

Коста Антон Андреевич – доцент кафедры архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Красильников Владилен Дмитриевич – кандидат архитектуры, член-корреспондент РААСН, академик РАХ, народный архитектор России

Красильникова Элина Эдуардовна – кандидат архитектуры, доктор философии по специальности «урбанизм», профессор, заведующая

кафедрой «Архитектура и дизайн» Института развития города Севастопольского государственного университета (СевГУ)

Кукина Ирина Валериевна – кандидат архитектуры, советник РААСН, старший научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, профессор кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университет (ИАиД СФУ, Красноярск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, член Союза художников России

Мельник Влада Валентиновна – кандидат архитектуры, доктор философии по специальности «архитектура и реставрация», ассистент кафедры архитектуры факультета гражданского строительства и архитектуры Университета Каламуна (Каламун, Сирия)

Носова Наталья Александровна – главный архитектор архитектурного бюро BADR 5, лауреат премии губернатора Иркутской области (Москва)

Посохин Михаил Михайлович – академик РААСН, президент Национального объединения изыскателей и проектировщиков, народный архитектор России (Москва)

Пуляевская Евгения Владимировна – кандидат архитектуры, доцент, заведующая кафедрой архитектуры и градостроительства ИАСиД ИРНТУ

Пуляевский Павел Евгеньевич – студент ИАСиД ИРНТУ

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета (УрГАХУ, Екатеринбург)

Стручков Владимир Олегович – директор Дирекции международного сотрудничества СевГУ (Севастополь)

Сюй Шичуан – аспирант НИУ МГСУ

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Федченко Ирина Геннадьевна – кандидат архитектуры, заведующая кафедрой градостроительства, доцент ИАиД СФУ, старший научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Красноярск)

Ходжиков Антон Валерьевич – магистр искусств, старший преподаватель Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Целуйко Дмитрий Сергеевич – доцент кафедры архитектуры и урбанистики, Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Шумаков Николай Иванович – академик РААСН, академик РАХ, президент СА России, народный архитектор РФ

Яскевич Владимир Владимирович – магистр искусств, старший преподаватель Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову (Иркутск)

authors

Daria Abaidulova – Master of Arts, Ph.D. student at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Alexey Abilov – Doctor of Architecture, Professor at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Alexei Buinov – architect, laureate of the Irkutsk Region Governor's Prize

Olga Volichenko – Doctor of Architecture, Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University (SWSU, Kursk)

Zlata Gaevsкая – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Graduate School of Industrial, Civil and Road Construction of Institute of Civil Engineering of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF

Nadezhda Gryaznova – Ph.D. in Architecture, adviser of the RAACS, leading researcher, Department of the Modern History of Architecture and Urban Planning, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, professor of Moscow Architectural Institute (State Academy) (MARCHI)

Salim Daaboul – Ph.D. in Architecture, Ph.D. in Urbanism, Dean of the Faculty of Civil Engineering and Architecture, University of Kalamoon (Kalamoon, Syria)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, professor of the Department of Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (IACD INRTU)

Marina Zvyagintseva – Ph.D. in Cultural Studies, Head of the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Andrey Ivanov – Professor of the MAAM, Master of Urban Management and Development (Moscow)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Alexander Kolesnikov – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Architecture, Engineering Academy, Peoples' Friendship University of Russia, chief architect of Russian Institute of Urban Planning and Investment Development "Giprogor" (Moscow)

Anton Kosta – Ass. Professor at the Department of Architecture, National Research Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)

Vladilen Krasilnikov – Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, academician of the Russian Academy of Arts, people's architect of Russia

Elina Krasilnikova – Ph.D. in Architecture, Ph.D. in Urbanism, professor, head of the Department of Architecture and Design, Institute of City Development, Sevastopol State University

Irina Kukina – Ph.D. in Architecture, adviser of the RAACS, senior researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the RF, Professor at the Urban Design and Planning Department, Institute of Architecture and Design, SibFU, (Krasnoyarsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor at Irkutsk State University, member of the Union of Artists of Russia

Vlada Melnik – Ph.D. in Architecture, Ph.D. in Architecture and Restoration, assistant of the Department of Architecture, Faculty of Civil Engineering and Architecture, University of Kalamoon (Kalamoon, Syria)

Natalia Nosova – chief architect, architectural bureau BADR 5, laureate of the Irkutsk Region Governor's Prize (Moscow)

Mikhail Posokhin – full member of the RAACS, president of the National Association of Surveyors and Designers (NOPRIZ), people's architect of Russia (Moscow)

Evgenia Pulyaevskaya – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, head of the Department of Architecture and Urban Planning, IACD INRTU

Pavel Pulyaevsky – student, IACD INRTU

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Vladimir Struchkov – director, Directorate for International Cooperation, Sevastopol State University

Xu Shichuang – postgraduate student, MGSU

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Irina Fedchenko – Ph.D. in Architecture, head of the Urban Design and Planning Department, Ass. Professor at the Institute of Architecture and Design, Siberian Federal University, senior researcher in the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the RF (Krasnoyarsk)

Anton Khodzhikov – Master of Arts, Senior Lecturer at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Dmitry Tceluiko – Ass. Professor of the Department of Architecture and Urbanism, Pacific National University (Khabarovsk)

Nikolay Shumakov – academician of the RAACS, academician of the Russian Academy of Arts, president of the UAR, people's architect of the RF

Vladimir Yaskevich – Master of Arts, Senior Lecturer at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to architect Evgeniya Surikova (Irkutsk) for her help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

